М. Лермонтов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

М · Ю · ЛЕРМОНТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Под общей редакцией
И. Л. АНДРОНИКОВА, Д. Д. БЛАГОГО,
Ю. Г. ОКСМАНА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

М·Ю·ЛЕРМОНТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

ДРАМЫ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Подготовка текста и примечания
Г. М. ФРИДЛЕНДЕРА и Н. А. ЛЮБОВИЧ

Переплет художника
И. ЖИХАРЕВА

МАСКАРАД

ДРАМА
В 4-х ДЕЙСТВИЯХ, В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Арбенин, Евгений Александрович.
Нина, жена его.
Князь Звездич.
Баронесса Штраль.
Казарин, Афанасий Павлович.
Шприх, Адам Петрович.
Маска.
Чиновник.
Игроки.
Гости.
Слуги и служанки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх.
За столом мечут банк и понтируют... Кругом стоят.

1-й понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

Понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2-й понтер

Ну, добрый путь.

3-й понтер

Вам надо счастие поправить,
А семпелями плохо...

4-й понтер

Надо гнуть.

3-й понтер

Пусти.

2-й понтер

На всё?.. нет, жжется!

4-й понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3-й понтер (*тихо первому*)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2-й понтер

Эй, князь,

Гнев только портит кровь, — играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить.

2-й понтер *(насмешливо)*

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал, — и вам их не купить.

2-й понтер *(сквозь зубы, уходя)*

Скромней бы надо быть
С таким несчастием и в ваши леты.

Князь, выпив стакан лимонаду, садится к стороне и задумывается.

Шприх *(подходит с участием)*

Не нужно ль денег, князь... я тотчас помогу,
Проценты вздорные... а ждать сто лет могу.

Князь холодно кланяется и отворачивается, Шприх с неудовольствием уходит

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и прочие.

Арбенин входит, кланяется, подходя к столу; потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, женат, богат, — стал барин.
И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.

Казарин

Делами занят все?

Арбенин

Любовью... не делами.

Казарин

С женой по балам.

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

Нет... утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

Казарин

Шприх!
Адам Петрович!.. Я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и кланяется.

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх

По рассказам.
И столько я о вас слыхал того-сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего.
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... Видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно;
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек, — а с чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой — что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Все помнит, знает все, в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожником — безбожник,
С святошей — езуит, меж нами — злой картежник,
А с честными людьми — пречестный человек.
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош, — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях?
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Боялся быть убийцей — да и мать
К тому ж строга, — потом, лет через пять,
Был вызван он опять
И тут дрался уж в самом деле.

Арбенин

А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..

Казарин

Трущов...

О, малый он неоцененный:
Семь лет он в Грузии служил,
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил.

Арбенин

Да вы разборчивы на новые знакомства!

Игроки *(кричат)*

Казарин, Афанасий Павлович, сюда!

Казарин

Иду. *(С притворным участием.)*
Пример ужасный вероломства!
Ха, ха, ха, ха!

1-й понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокоиваются, Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Арбенин

Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

Князь *(недовольно)*

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:

Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь.

Князь *(с чувством берет его за руку)*

Я проигрался.

Арбенин

Вижу. Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаянье

Арбенин

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть все: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах чуть знакомых вам
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Все презирать: закон людей, закон природы.
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие.

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин *(вдруг берет его за руку)*

Погодите.
Я сяду вместо вас. Вы молоды, — я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы, заносчив, опрометчив тоже,
И если б... *(останавливается)* кто-нибудь меня
остановил...
То... *(Смотрит на него пристально.)*
(Переменив тон.)
Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!
(Подходит к столу; ему дают место.)
Не откажите инвалиду;
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба!

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.
(Тихо.) Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки

Извольте, вам и книги в руки, — вы хозяин,
Мы гости.

1-й понтер *(на ухо второму)*

Берегись — имей теперь глаза!..
Не понутру мне этот Ванька-Каин,
И притузит он моего туза.

Игра начинается; все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола.
Шприх отводит на авансцену Казарина.

Шприх *(лукаво)*

Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,
Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был? А теперь...

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком, — а право, тот же зверь...
Мне скажут: можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то все в душе сидит.
И ты, мой друг, *(ударив по плечу)*
хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

Два игрока в живом разговоре подходят.

1-й игрок

Я говорил тебе.

2-й игрок

Что делать, брат,
Нашла коса на камень, видно.
Я ль не хитрил, — нет, всех как на подряд.
Подумать стыдно...

Казарин *(подходит)*

Что, господа, иль не под силу? а?

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3-й понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер *(в сторону)*

Обрежется...

5-й понтер

Посмотрим.

Арбенин *(встает)*

Баста!

Берет золото и отходит, другие остаются у стола; Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руку князя и отдает ему деньги; Арбенин бледен.

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже.
(Горько.)

А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. те дни блаженные прошли.
Я вижу все насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То все не потому, чтоб был к нему привязан;
А — просто — видел пользу в том.

Князь

Я вам не верю.

Арбенин

Кто велит вам верить!
Я к этому привык с давнишних пор.
И если бы не лень, то стал бы лицемерить...
Но кончим этот разговор...

(Помолчав.)

Рассеяться б и вам и мне нехудо.
Ведь нынче праздники и, верно, маскерад
У Энгельгардта...

Князь

Да.

Арбенин

Поедемте?

Князь

Я рад.

Арбенин (*в сторону*)

В толпе я отдохну.

Князь

Там женщины есть... чудо...
И даже там бывают, говорят...

Арбенин

Пусть говорят, а нам какое дело?
Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

Уходят.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Те же, кроме Арбенина и князя Звездича.

1-й игрок

Забастовал он кстати... с ним беда...

2-й игрок

Хотя б опомниться он дал по крайней мере.

Слуга (*входит*)

Готово ужинать...

Хозяин

Пойдемте, господа,
Шампанское утешит вас в потере.

Уходят.

Шприх (*один*)

С Арбениным сойтиться я хочу...
И даром ужинать желаю.
(*Приставив палец ко лбу.*)
Отужинаю здесь... кой-что еще узнаю
И в маскерад за ними полечу.
(*Уходит и рассуждает сам с собою.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Маскерад.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Маски, Арбенин, потом князь Звездич. Толпа проходит взад и вперед по сцене; налево канапе.

Арбенин (*входит*)

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!

Князь подходит, зевая.

Вот нынешнее поколенье.
И то ль я был в его лета, как погляжу?
Что, князь?.. не набрели еще на приключенье?

Князь

Как быть, а целый час хожу!

Арбенин

А! вы желаете, чтоб счастье вас ловило.
Затея новая... пустить бы надо в свет.

Князь

Всё маски глупые...

Арбенин

Да маски глупой нет:
Молчит... таинственна, заговорит... так мило.
Вы можете придать ее словам

Улыбку, взор, какие вам угодно...
Вот, например, взгляните там —
Как выступает благородно
Высокая турчанка... как полна,
Как дышит грудь ее и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть может, гордая графиня иль княжна,
Диана в обществе... Венера в маскераде,
И также может быть, что эта же краса
К вам завтра вечером придет на полчаса.
В обоих случаях вы, право, не внакладе.

(Уходит.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Князь и женская маска.

Одно домино подходит и останавливается.
Князь стоит в задумчивости.

Князь

Всё так, — рассказывать легко...
Однако же я все еще зеваю...
Но вот идет одна... дай господи!

Одна маска отделяется и ударив его по плечу.

Маска

Я знаю...
Тебя!

Князь

И, видно, очень коротко.

Маска

О чем ты размышлял, — и это мне известно.

Князь

А в этом случае ты счастливей меня.
(Заглядывает под маску.)
Но если не ошибся я,
То ротик у нее прелестный.

М а с к а

Я нравлюся тебе, тем хуже.

К н я з ь

Для кого?

М а с к а

Для одного из нас.

К н я з ь

Не вижу отчего?..
Ты предсказанием меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитер,
Но узнаю, кто ты...

М а с к а

Так, стало быть, ты знаешь,
Чем кончится наш разговор?..

К н я з ь

Поговорим и разойдемся.

М а с к а

Право?

К н я з ь

Налево ты, а я направо...

М а с к а

Но ежели я здесь, нарочно с целью той —
Чтоб видеться и говорить с тобой;
Но если я скажу, что через час ты будешь
Мне клясться, что вовек меня не позабудешь,
Что будешь рад отдать мне жизнь свою в тот миг,
Когда я улечу, как призрак, без названья,
Чтоб услыхать из уст моих
Одно лишь слово: до свиданья!..

К н я з ь

Ты маска умная, а тратишь много слов!
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таков?

Маска

Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век,
Век нынешний, блестящий, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бегаешь страстей.
Все хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь;
Людей без гордости и сердца презираешь,
А сам игрушка тех людей.
О! знаю я тебя...

Князь

Мне это очень лестно.

Маска

Ты сделал много зла.

Князь

Невольно, может быть.

Маска

Кто знает! Только мне известно,
Что женщине тебя не надобно любить.

Князь

Я не ищу любви.

Маска

Искать ты не умеешь.

Князь

Скорей устал искать.

Маска

Но если пред тобой
Она появится и скажет вдруг: ты мой!
Ужель бесчувственным остаться ты посмеешь?

Князь

Но кто ж она?.. конечно, идеал.

Маска

Нет, женщина... а дальше что за дело.

Князь

Но покажи ее, пусть явится мне смело.

Маска

Ты хочешь многого — обдумай, что сказал!

Некоторое молчание.

Она не требует ни вздохов, ни признанья,
Ни слез, ни просьб, ни пламенных речей...

Но клятву дай оставить все старанья
Разведать — кто она... и обо всем
Молчать...

Князь

Клянусь землей и небесами
И честию моей.

Маска

Смотри ж, теперь пойдем!
И помни, шуток нет меж нами...

(Уходят под руки.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и две маски.

Арбенин тащит за руку мужскую маску.

Арбенин

Вы мне вещей наговорили
Таких, сударь, которых честь
Не позволяет перенесть...
Вы знаете ль, кто я?..

Маска

Я знаю, кто вы были.

Арбенин

Снимите маску — и сейчас!
Вы поступаете бесчестно.

Маска

К чему! мое лицо вам так же неизвестно,
Как маска, — и я сам вас вижу в первый раз.

Арбенин

Не верю! Что-то слишком вы меня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус; подите прочь.

Маска

Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту ночь.

(Исчезает в толпе.)

Арбенин

Постой... пропал... кто ж он? Вот дал мне бог заботу.
Трусливый враг какой-нибудь,
А им ведь у меня нет счету,
Ха, ха, ха, ха! прощай, приятель, добрый путь...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Шприх и Арбенин.

Шприх является.

На канапе сидят две женские маски, кто-то подходит и интригует, берет за руку... одна вырывается и уходит, браслет спадает с руки.

Шприх

Кого вы так безжалостно тащили,
Евгений Александрыч?..

Арбенин

Так, шутил
С приятелем.

Шприх

Конечно, подшутили
Вы не на шутку с ним. Он шел и вас бранил.

Арбенин

Кому?

Шприх

Какой-то маске.

Арбенин

Слух завидный
У вас.

Шприх

Я слышу все и обо всем молчу
И не в свои дела не суюсь...

Арбенин

Это видно.
Так, стало быть, не знаете... ну как не стыдно!
Об том...

Шприх

Об чем это-с?

Арбенин

Да нет, я так, шучу...

Шприх

Скажите!..

Арбенин

Говорят, у вас жена красотка...

Шприх

Ну-с, что ж?

Арбенин *(переменив тон)*

А ездит к вам тот смуглый и в усах?
(Насвистывает песню и уходит.)

Шприх *(один)*

Чтоб у тебя засохла глотка...
Смеешься надо мной... так будешь сам в рогах.

(Теряется в толпе.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

1-я маска, одна.

1-я маска входит быстро в волнении и падает на канапе.

1-я маска

Ах!.. я едва дышу... он все бежал за мною,
Что, если бы он сорвал маску... нет,
Он не узнал меня... да и какой судьбою
Подозревать, что женщина, которой свет
Дивится с завистью, в пылу самозабвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви — но только сожаленья,
И дерзко скажет — я твоя!..
Он этой тайны вечно не узнает...
Пускай... я не хочу... но он желает
На память у меня какой-нибудь предмет,
Кольцо... что делать... риск ужасный!

(Видит на земле браслет и поднимает.)

Вот счастье. Боже мой — потерянный браслет
С эмалью, золотой... отдам ему, прекрасно...
Пусть ищет с ним меня.

ВЫХОД ШЕСТОЙ

1-я маска и князь Звездич.

Князь с лорнетом торопливо продирается.

Князь

Так точно... вот она.
Меж тысячи других теперь ее узнаю.

(Садится на канапе и берет ее за руку.)

О! ты не убежишь.

Маска

Я вас не убегаю,
Чего хотите вы?

Князь

Вас видеть.

Маска

Мысль смешна!
Я перед вами...

Князь

Это шутка злая!
Но цель твоя шутить, а цель моя другая...
И если мне небесные черты
Сейчас же не откроешь ты —
То я сорву коварную личину;
Я силою...

Маска

Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... мало вам того,
Что я люблю вас... нет! вам хочется всего;
Вам надо честь мою на поруганье,
Чтоб, встретившись со мной на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Примолвить: вот она... и пальцем указать.

Князь

Я вспомню голос твой.

Маска

Пожалуй, — вот уж чудо!
Сто женщин говорят все голосом таким;
Вас пристыдят — лишь адресуйтесь к ним,
И это было бы нехудо!

Князь

Но счастие мое неполно.

Маска

А как знать...
Вы, может быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть может, я стара, дурна... какую мину
Вы сделали бы мне.

Князь

Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоих лишь половину,
Как остальных не отгадать.

Маска *(хочет идти)*

Прощай навеки!..

Князь

О! еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нет
В тебе к безумцу сожаленья?

Маска *(отойдя два шага)*

Вы правы, жаль мне вас — возьмите мой браслет.

Бросает браслет на пол, пока он его поднимает, она скрывается в толпе.)

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь, потом Арбенин.

Князь *(Он ищет ее глазами напрасно.)*
Я в дураках... есть от чего рассудка
Лишиться...
(Увидев Арбенина.)
А!

Арбенин *(идет задумчив)*

Кто этот злой пророк...
Он должен знать меня... и вряд ли это шутка.

Князь *(подходя)*

Мне в пользу послужил ваш давишний урок.

Арбенин

Душевно радуюсь.

Князь

Но счастье налетело
Само собой.

Арбенин

Да, счастье — вечно так.

Князь

Лишь только я схватил и думал: кончил дело,
Как вдруг
(дует на ладонь)...
Теперь себя могу уверить смело,
Что если все не сон, так я большой дурак.

Арбенин

Не знаю ничего и потому не спорю.

Князь

Да вы всё шутите, помочь нельзя ли горю?
Я все вам расскажу
(несколько слов на ухо).
Как я был удивлен!
Плутовка вырвалась — и вот
(показывает браслет)
как будто сон.
Конец прежалобный.

Арбенин *(улыбаясь)*

А начали нехудо!..
Но покажите-ка... браслет довольно мил,
И где-то я видал такой же... погодите.
Да нет, не может быть... забыл.

Князь

Где отыскать ее...

Арбенин

Любую подцепите;
Здесь много их — искать недалеко!

Князь

Но если не она?

Арбенин

А может быть, легко,
Но что же за беда?.. Вообразите...

Князь

Нет, я ее сыщу на дне морском, браслет
Поможет мне.

Арбенин

Ну, сделаем два тура, —
Но ежели она не вовсе дура,
То здесь ее давно простыл и след.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Евгений Арбенин входит; слуга.

Арбенин

Ну, вот и вечер кончен — как я рад.
Пора хотя на миг забыться,
Весь этот пестрый сброд — весь этот маскерад
Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно ль!..
Давал любовнику советы,
Догадки поверял, сличал браслеты...
И за других мечтал, как делают поэты...
Ей-богу, мне такая роль
Уж не под леты!

(Слуге.)

Что, барыня приехала домой?

Слуга

Нет-с.

Арбенин

А когда же будет?

Слуга

Обещалась
В двенадцатом часу.

Арбенин

Теперь уж час второй, —
Не ночевать же там она осталась!

Слуга

Не знаю-с.

Арбенин

Будто бы? Иди — свечу
Поставь на стол, как будет нужно, я вскричу.

Слуга уходит; он садится в кресла.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин *(один)*

Бог справедлив! и я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил;
Любим был часто пламенно и страстно
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже развязку,
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И тяжко стало мне, и скучно жить!
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право

Уж ровно никого на свете не любить;
И я нашел жену, покорное созданье,
Она была прекрасна и нежна,
  Как агнец божий на закланье
  Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук проснулся:
  Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидал, что я ее люблю;
  И, стыдно молвить... ужаснулся!..
  Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на просторе;
Изломанный челнок, я снова брошен в море:
  Вернусь ли к пристани я вновь?
(Задумывается.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и Нина.

Нина входит на цыпочках и целует в лоб сзади.

Арбенин

Ах, здравствуй, Нина... наконец!
Давно пора.

Нина

Неужели так поздно?

Арбенин

Я жду тебя уж целый час.

Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!

Арбенин

А думаешь... глупец?..
Он ждет себе... а я...

Нина

Ах, мой творец!..
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.

Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя; зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мне, как другу... Но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!

Арбенин *(улыбаясь)*

Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно...

Нина

Конечно.

Арбенин

Ты сердишься?

Нина

Нет, я благодарю.

Арбенин

Ты опечалилась.

Нина

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенин

Нина?

Нина

Что вы?

Арбенин

Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.
(Привлекает к себе на колена и целует.)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя,
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе: я все видел,
Все перечувствовал, все понял, все узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел,
И более всего страдал!
Сначала все хотел, потом все презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья,
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный

Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм.
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит по волосам.

Нина

Ты странный человек... когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне.
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда;
Но часто...

Арбенин

Часто?

Нина

Нет, но иногда!

Арбенин

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно.
И помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.

Нина

Опять ты недоволен... Боже мой!

Арбенин

О нет... я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и злой,
Я счастлив... я с тобой!
Оставим прежнее! забвенье

Тяжелой, черной старине!
Я вижу, что творец тебя в вознагражденье
С своих небес послал ко мне.

(Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.)

Нина

Ты побледнел, дрожишь... о, боже!

Арбенин *(вскакивает)*

Я? ничего! где твой другой браслет?

Нина

Потерян.

Арбенин

А! потерян.

Нина

Что же?
Беды великой в этом нет.
Он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

Арбенин *(про себя)*

Потерян... Отчего я этим так смущен,
Какое странное мне шепчет подозренье!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..

Нина

Тебя понять я, право, не могу.

Арбенин *(пронзительно на нее смотрит, сложив руки)*

Браслет потерян?

Нина *(обидясь)*

Нет, я лгу!

Арбенин *(про себя)*

Но сходство, сходство!

Нина

Верно, уронила
В карете я его, — велите обыскать;
Конечно б, я его не смела взять,
Когда б вообразила...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и слуга.

Арбенин *(звонит, слуга входит)*

(Слуге.)

Карету обыщи ты вдоль и поперек —
Потерян там браслет... Избави бог
Тебе вернуться без него!

(Ей.)

О чести,
О счастии моем тут речь идет.

(Слуга уходит.) (После паузы, ей.)

Но если он и там браслета не найдет?

Нина

Так, стало быть, в другом он месте.

Арбенин

В другом? и где — ты знаешь?

Нина

В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу, такой же точно, новый

Слуга входит.

Арбенин

Ну что?.. скорее отвечай...

Слуга

Я перешарил всю карету-с.

Арбенин

И не нашел там!

Слуга

Нету-с.

Арбенин

Я это знал... ступай.

(Значительный взгляд на нее.)

Слуга

Конечно, в маскераде он потерян.

Арбенин

А!.. в маскераде!.. так вы были там?

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме слуги.

Арбенин *(слуге)*

Иди.

(Ей.)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей...
С кем были вы?

Нина

Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят:
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила.
И вы узнаете все лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскерад.

(Смеется.)

Смешно, смешно, ей-богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!

Нина

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, верно, не последний.

Арбенин

Кто знает, может быть...
Послушай, Нина!.. я смешон, конечно,
Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов — иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь...
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша был скукою томим.
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Все, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье...
Я человек: пока они мои,
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета, — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно!
Послушай, Нина... я рожден

С душой кипучею, как лава,
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам, без слез и сожаленья,
Две наши жизни разорву!
(Хочет взять ее за руку; она отскакивает в сторону.)

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!

Арбенин

Неужели?..
Я страшен? нет, ты шутишь, я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать? скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскерада;
Пускай потешится, придет.
Вы дали мне вкусить почти все муки ада —
И этой лишь недостает.

Нина

Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет;
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!

Арбенин

Да! смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я,
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. но ты мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю все.
(Ей.)
Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной

Она откроется... упавши на колена?
Да, я б смягчился, если б увидал
Одну слезу... одну... нет! смех был мне ответом.

Нина

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам; я не виновна в этом;
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И чтоб утешить вас, конечно не солгу.

Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... довольно...

Нина

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажет бог, — послушай...

Арбенин

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

Нина

Мне больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю;
О боже, но чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И право, мне вы надивитесь.

Нина

Не мне ль... что ж медлишь ты?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина *(с презреньем)*

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

Ужели много ждет меня таких минут?
О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умею
Просить, и ты неумолим... но я и тут
Тебе прощаю.

Арбенин

Лишний труд!

Нина

Однако есть и бог... он не простит.

Арбенин

Жалею!

Она в слезах уходит.

(Один.)

Вот женщина!.. о, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познанье мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..

И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и вид и голос грозный!..
(Подходит к двери жены и слушает.)

Что делает она: смеется, может быть!..
Нет, плачет. *(Уходя.)* Жаль, что поздно!

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Баронесса сидит на креслах в усталости. Бросает книгу.

Баронесса

Подумаешь: зачем живем мы? для того ли,
Чтоб вечно угождать на чуждый нрав
И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав!
Что ныне женщина? создание без воли,
Игрушка для страстей иль прихотей других!
Имея свет судьей и без защиты в свете,
Она должна таить весь пламень чувств своих
Иль удушить их в полном цвете:
Что женщина? Ее от юности самой
В продажу выгодам, как жертву, убирают,
Винят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свет тут... он тайны знать не хочет! он по виду,
По платью встретит честность и порок, —
Но не снесет приличиям обиду,
И в наказаниях жесток!..

(Хочет читать.)

Нет, не могу читать... меня смутило
Все это размышленье, я боюсь
Его как недруга... и, вспомнив то, что было,
Сама себе еще дивлюсь.

Входит Нина.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Нина

Катаюсь я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour [1].

Баронесса

C'est une idée charmante, vous en avez toujours [2].
(Садятся.)
Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза — конечно, не от слез?

Нина

Я дурно ночь спала и нынче нездорова.

Баронесса

Твой доктор нехорош — возьми другого.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Входит князь Звездич.

Баронесса *(холодно)*

Ах, князь!

Князь

Я был вчера у вас
С известием, что наш пикник расстроен.

Баронесса

Прошу садиться, князь.

---

[1] моя любовь *(франц.)*.
[2] Мысль превосходная, они у вас всегда такие *(франц.)*.

Князь

Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы, — но вид ваш так спокоен.

Баронесса

Мне, право, жаль.

Князь

А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскерад.

Нина

Вчера вы были в маскераде?

Князь

Был.

Баронесса

А в каком наряде?

Нина

Там было много...

Князь

Да; и там
Под маской я узнал иных из наших дам.
Конечно, вы охотницы рядиться.
(Смеется.)

Баронесса *(горячо)*

Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет;
Рискнуть быть узнанной, — вам надобно стыдиться,
Отречься от подобных слов.

Князь

Отречься не могу; стыдиться же — готов.

Входит чиновник.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и чиновник.

Баронесса

Откуда вы?

Чиновник

Сейчась лишь из правленья,
О деле вашем я пришел поговорить.

Баронесса

Его решили?

Чиновник

Нет, но скоро!.. Может быть,
Я помешал...

Баронесса

Ничуть.
(Отходит к окну и говорит.)

Князь *(в сторону)*

Вот время объясненья!
(Нине.)
Я в магазине нынче видел вас.

Нина

В каком же?

Князь

В английском.

Нина

Давно ль?

Князь

Сейчас.

Нина

Мне удивительно, что вас я не узнала.

Князь

Вы были заняты...

Нина *(скоро)*

Браслет я прибирала

(вынимает из редикюля)

Вот к этому.

Князь

Премиленький браслет.
Но где ж другой?

Нина

Потерян!

Князь

В самом деле?..

Нина

Что ж странного?

Князь

И не секрет,
Когда?

Нина

Третьего дни, вчера, на той неделе.
Зачем вам знать, когда.

Князь

Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.

(В сторону.)

Смущается она — вопрос ее тревожит!
Ох, эти скромницы!

(Ей.)

Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может отыскаться.

Нина

Пожалуйста... но где?

Князь

А где ж потерян он?

Нина

Не помню.

Князь

Как-нибудь на бале?

Нина

Может статься.

Князь

Или кому-нибудь на память подарен?

Нина

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

Князь

Будто в свете только муж —
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Ну пусть потерян он, — а тот,
Который вам его найдет, —
Получит ли от вас какое награжденье?

Нина *(улыбаясь)*

Смотря.

Князь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал — и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если сами,
Не узнаны, под маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О! но поймите же.

Нина

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.

Князь

О боже! я мечтал... ужель вы рассердились?
(Про себя.)
Ты отвертелася! добро... но будет час,
И я своей достигну цели.

Нина отходит к баронессе. Чиновник раскланивается и уходит.

Нина

Adieu, ma chére[1], — до завтра, мне пора.

Баронесса

Да подожди, mon ange[2], с тобой мы не успели
Сказать двух слов.

Целуются.

Нина *(уходя)*

Я завтра жду тебя с утра.
(Уходит.)

Баронесса

Мне день покажется длинней недели.

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Нины и чиновника.

Князь *(в сторону)*

Я отомщу тебе! вот скромница нашлась,
Пожалуй, я дурак — пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.

---

[1] Прощай, дорогая *(франц.)*.
[2] мой ангел *(франц.)*.

Баронесса

Задумалися, князь?

Князь

Да, многое раздумать мне придется.

Баронесса

Как кажется, ваш разговор
Был оживлен, — о чем был спор?

Князь

Я утверждал, что встретил в маскераде.

Баронесса

Кого?

Князь

Ее.

Баронесса

Как, Нину?

Князь

Да!..
Я доказал ей.

Баронесса

Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.

Князь

Из странности решаюсь иногда.

Баронесса

Так пощадите хоть заочно!
К тому же доказательств нет.

Князь

Нет... только мне вчера был дан браслет.
И у нее такой же точно.

Баронесса

Вот доказательство... логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!

Князь

Я ныне все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.

После молчания.

Баронесса

Я завтра ж дам совет, полезный Нине:
Не доверяться болтунам.

Князь

А мне совет какой?

Баронесса

А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.

Князь

За два совета вам я благодарен вдвое.
(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Баронесса

Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему, со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь, не мне вас выводить
Из заблуждения: о нет, избави боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет, — так! Нина там была —
И вот разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, но я его люблю,
Быть может, так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Мне будто слышится и смех толпы пустой

И шепот злобных сожалений!
Нет, я себя спасу... хотя б на счет другой,
От этого стыда, — хотя б ценой мучений
Пришлося выкупить проступок новый мой!..
(Задумывается.)
Какая цепь ужасных предприятий.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Баронесса и Шприх.

Шприх входит, раскланивается.

Баронесса

Ах, Шприх, ты вечно кстати.

Шприх

Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен —
Покойный ваш супруг...

Баронесса

Всегда ль ты так любезен!

Шприх

Блаженной памяти барон...

Баронесса

Тому назад
Лет пять, я помню.

Шприх

Занял тысяч...

Баронесса

Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.

Шприх

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.

Баронесса

Скажи, что нового?

Шприх

У графа одного
Наслушался — сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.

Баронесса

А *ничего*
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?

Шприх *(в недоумении)*

Нет... слышал... как же... нет —
Об этом говорил и замолчал уж свет...
(В сторону.)
А что, бишь, я не помню, вот ужасно!..

Баронесса

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.

Шприх

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.

Баронесса

Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом —
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,
Хотят, чтоб он сквозь тысячу преград
К своей стремился героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболе!
Прощайте, мосье Шприх, обедать ждет меня
Сестра — а то б осталась с вами доле.
(Уходя. В сторону.)
Теперь я спасена — полезный мне уро́к.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Ш п р и х *(один)*

Не беспокойтеся: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья!
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига... да, вмешаюсь в эту связь —
Мне благодарен будет князь.
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Кабинет Арбенина.

А р б е н и н один, потом с л у г а.

А р б е н и н

Все ясно ревности — а доказательств нет!
Боюсь ошибки — а терпеть нет силы —
Оставить так, забыть минутный бред?
Такая жизнь страшней могилы!
Есть люди, я видал, — с душой остылой,
Они блаженствуют и мирно спят в грозу —
То жизнь завидная!

С л у г а *(входит)*

Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.

А р б е н и н

Да от какой?

С л у г а

Не разобрал-с.

А р б е н и н

Записка? к Нине!..
(Идет; слуга остается.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Афанасий Павлович Казарин и слуга.

Слуга

Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.

Казарин

Хорошо.

Слуга

Я тотчас доложу-с.
(Уходит.)

Казарин

Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь.
Дела мои преплохи, так, что грустно!
Товарищ нужен мне искусный,
Недурно, если он к тому ж
Великодушен часто, кстати
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мне
В игру; он будет верен старине,
Приятеля он поддержать сумеет
И пред детьми не оробеет.
А эта молодежь
Мне просто — нож!
Толкуй им, как угодно,
Не знают ни завесть, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А все ведь отчего? — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!..
При них и честь и миллионы!..

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Казарин и Шприх

Входит Шприх

Шприх

Ах! Афанасий Павлович, — вот чудо.
Ах, как я рад, не думал встретить вас.

Казарин

Я также. Ты с визитом?

Шприх

Да-с,
А вы?

Казарин

Я также!

Шприх

Право? А не худо,
Что мы сошлись, — о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

Казарин

Бывало, ты все занят был делами,
А делом в первый раз.

Шприх

Bon mot [1] вам нипочем,
А, право, нужное.

Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

---

[1] Острота *(франц.)*.

Казарин

Не знаю... говори!

Шприх

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...
(Делает пальцами изображение рогов.)

Казарин

Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь...

Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал — тому лишь пять минут;
Кому же знать?

Казарин

Бес вечно тут как тут.

Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскераде встретилась с одним
Князьком — ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красотка перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь — и полетел везде
Рассказывать — того смотри, что быть беде!
Меня просили сладить это дело...
Я принялся — и разом все поспело;
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тот же час доставил.

Казарин

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.

Шприх

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...

Казарин

И даже не был бит?

Шприх

У вас все шутка, смех...
А я всегда скажу, что жизнию без цели
Не должно рисковать.

Казарин

И в самом деле!
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.

Шприх

Но это в сторону — ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.

Казарин

Что ж это?

Шприх

Анекдот!
А дело вот в чем.

Казарин

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.

Шприх

Нет никого — мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.

Казарин

Твой анекдот, ей-богу, презабавный.

Ш п р и х

Ваш брат охотник, вот купить бы славно!

К а з а р и н

Итак, Арбенин — как дурак...

Ш п р и х

Послушайте.

К а з а р и н

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно!
Женитесь после этого.

Ш п р и х

Ваш брат
Находке этой был бы рад.

К а з а р и н

В женитьбе верность, счастие, всё враки!
Эй, не женися, Шприх.

Ш п р и х

Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно вот клад.

К а з а р и н

Жена?

Ш п р и х

Собака.

К а з а р и н

Вот дались собаки!
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю как жену — что бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.

А р б е н и н входит с письмом, они стояли налево у бюро, и он их не видал.

Задумчив и с письмом; узнать бы интересно.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

Арбенин *(не замечая их)*

О благодарность!.. и давно ли я
Спас честь его и будущность, не зная
Почти, кто он таков, — и что же — о! змея!
Неслыханная низость!.. он, играя,
  Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я глазам не верил, забывая
  Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья.
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
  И тут — не мог остановиться...
Вот благодарность!.. много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.

(Перечитывает письмо.)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно.
  «Вы правы... что́ страшней молвы?
  Подслушать нас могли б случайно.
  Так не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите — и это будет тайной!
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».

Шприх

Письмо! так, так, оно — пропало все как раз.

Арбенин

Ого! искусный соблазнитель — право,
Мне хочется послать ему ответ кровавой.

(Казарину.)

А, ты был здесь?

Казарин

Я жду уж целый час.

Шприх *(в сторону)*

Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается, как хочет.

(Приближается к двери.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Шприха.
Шприх уходит незамечен.

Казарин

Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал.

(В сторону.)

Письмо! так вот что, понимаю!

(Ему.)

Ты в размышленье...

Арбенин

Да, я размышляю.

Казарин

О бренности надежд и благ земных.

Арбенин

Почти! о благодарности.

Казарин

Есть мненья
Различные на этот счет,
Но что б ни думал этот или тот,
А все предмет достоин размышленья.

Арбенин

Твое же мнение?

Казарин

Я думаю, мой друг,
Что благодарность — вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,

Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Все думаю об нем.

Арбенин

Ты шутишь все, Казарин.

Казарин

Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно;
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой грозный,
И я открою пред тобой
Все таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт —
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк; рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример,
Для поясненья этих правил,
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию, — я в картах суевер!
Положим, что случайно, без обману
Он выиграл — я очень рад;
Но все никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А там итоги свел
И карту смятую — под стол!
Теперь — но ты не слушаешь, мой милый?

Арбенин *(в размышлении)*

Повсюду зло — везде обман,
И я намедни, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как все это было!

Казарин *(в сторону)*

Задумался.

(Ему.)

Теперь мы перейдем
К другому казусу и дело разберем;
Но постепенно, чтоб не сбиться.
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат».
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, послушаешь его;
Ему поклон и многи леты;
И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

Арбенин

Ты славный моралист!

(В сторону.)

Так, это всем известно...
А, князь... За ваш урок я заплачу вам честно.

Казарин *(не обращая внимания)*

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть;
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал все из страсти
И самолюбия, отчасти, —
Чтоб ею обладать, пожертвовал ты все,
А не для счастия ее.
Да, — пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире все условно.

Арбенин (*расстроенно*)

Да, да, ты прав: что́ женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав — глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.

Казарин

Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

Арбенин

Право?

Казарин

А разве нет?

Арбенин

О! счастлив... да...

Казарин

Я очень рад,
Однако ж все мне жаль, что ты женат!

Арбенин

А что же?

Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой
Кутили мы, в чью голову, — не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... Утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино — Рауля честь...
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесть.

Потом в театр — душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе;
На картах золото насыпано горой:
Тот весь горит... другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма,
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим
с смиреньем —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.

Арбенин отворачивается.

Арбенин

О! кто мне возвратит... вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но пламенные дни!
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства,
И перед их лицом ни разу не дрожал?
Прочь, добродетель: я тебя не знаю,
Я был обманут и тобой,
И краткий наш союз отныне разрываю —
Прощай — прощай!..

(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната у князя.
Дверь в другую растворена. Он в другой спит на диване.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Иван, потом Арбенин.

Слуга смотрит на часы.

Иван

Седьмой уж час почти в исходе,
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее.
Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.

Арбенин входит.

Арбенин

Князь дома?

Слуга

Дома нет-с.

Арбенин

Неправда.

Слуга

Пять минут
Тому назад уехал.

Арбенин *(прислушивается)*

Лжешь! он тут
(показывает на кабинет)
И, верно, сладко спит, — прислушайся, как дышит.
(В сторону.)
Но скоро перестанет.

Слуга (*в сторону*)

Он все слышит...

(*Ему.*)

Себя будить мне князь не приказал.

Арбенин

Он любит спать... тем лучше: приведется
И вечно спать.

(*Слуге.*)

Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он проснется!..

Слуга уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин (*один*)

Удобный миг настал!.. теперь иль никогда.
Теперь я все свершу, без страха и труда.
Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленье,
Запав, приносит плод... О! я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, пред них я вызвал бы врага,
Они б смеялися... теперь не засмеются!
О нет, я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.

(*Растворяет дверь.*)

Он спит!.. что́ видит он во сне в последний раз?

(*Страшно улыбаясь.*)

Я думаю, что он умрет ударом —
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!

(*Входит в комнату.*)
(*Минуты две, и выходит бледен.*)

Не могу.

Молчание.

Да! это свыше сил и воли!..
Я изменил себе, я задрожал,

Впервые во всю жизнь... давно ли
Я трус?.. трус... кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно;
О! жалко... право жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещенья!
Любить... ты не умел... а мщенья
Хотел... пришел и — и не мог!

Молчание.

(Садится.)

Я слишком залетел высоко,
Верней избрать я должен путь...
И замысел иной глубоко
Запал в мою измученную грудь.
Так, так, он будет жить... убийство уж не в моде:
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился народе;
Язык и золото... вот наш кинжал и яд!
(Берет чернил и записку пишет — берет шляпу.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и баронесса.
Идет к двери, сталкивается с дамой в вуале.

Дама в вуале

Ах!.. все погибло...

Арбенин

Это что?

Дама *(вырываясь)*

Пустите.

Арбенин

Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.
(Ей строго.)

Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье!.. отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.

Дама

Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенин

Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.

Дама

Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.

Арбенин

Смущенье странно... вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!
Все знаю я... но убедиться
Хочу...

Дама

Все знаете!..

Он откидывает вуаль и отступает в удивлении, потом приходит в себя.

Арбенин

Благодарю, творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!

Баронесса

О! что я сделала? теперь всему конец.

Арбенин

Отчаянье теперь некстати —
Невесело, согласен, в час такой,
Наместо пламенных объятий,
С холодной встретиться рукой...

И то минутный страх... а нет беды большой:
Я скромен, рад молчать — благодарите бога,
  Что это я, а не другой...
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса

Ах! он проснулся, говорит.

Арбенин

                    В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какою властью
Вот этот купидон — вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
  С моленьем, клятвами, слезами?
А... вы... вы здесь одни... вы женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами...
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взгляд один за слово?
Зачем... о, я глупец!
(В бешенстве.)
            Зачем, зачем?

Баронесса *(решительно)*

Я поняла, об чем вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

Арбенин

            Как! — кто ж вам рассказал!..
(Опомнившись.)
А что вы знаете?..

Баронесса

            О, я вас умоляю,
Простите мне...

А р б е н и н

Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.

Б а р о н е с с а

Ослеплена была я страстью;
Во всем виновна я, но слушайте...

А р б е н и н

К чему?
Мне, право, все равно... я враг морали строгой.

Б а р о н е с с а

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...

А р б е н и н

А! уж это слишком много!..
Письмо!.. какое?.. а! так это вы тогда!
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Чтó вас понудило?.. сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?
Да, — признаюсь!.. вы клад в гостиных,
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..

Б а р о н е с с а

О! боже мой...

А р б е н и н

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?

Б а р о н е с с а *(упадает в кресла)*

Но вы бесчеловечны.

А р б е н и н

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!
(Хочет идти.)

Баронесса

О, я лишусь ума... постойте! он идет,
Не слушает... о, я умру...

Арбенин

Что ж! продолжайте.
Вас это к славе поведет...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но боже сохрани нам встретиться вперед...
Вы взяли у меня все, все на свете.
Я стану вас преследовать всегда,
Везде... на улице, в уединенье, в свете;
И если мы столкнемся... то беда!
Я б вас убил... но смерть была б награда,
Которую сберечь я должен для другой.
Вы видите, я добр... взамен терзаний ада,
Вам оставляю рай земной.

(Уходит.)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Баронесса, одна.

Баронесса *(вслед ему)*

Послушайте — клянусь... то был обман... она
Невинна... и браслет!.. все я... все я одна...
Ушел, не слышит, что мне делать! Всюду
Отчаянье... нет нужды... я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленье!
Он встал... идет... решуся, о мученье!..

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Баронесса и князь.

Князь *(в другой комнате)*

Иван! кто там... я слышал голоса!
Какой народ! нельзя уснуть и полчаса!

(Входит.)

Ба, это что за посещенье!
Красавица! я очень рад.

(Узнает и отскакивает.)

Ах, баронесса! нет... невероятно.

Баронесса

Что отскочили вы назад?

(Слабым голосом.)

Вы удивляетесь?

Князь *(смущенно)*

Конечно, мне приятно...
Но счастия такого я не ждал.

Баронесса

И было б странно, если б ожидали.

Князь

О чем я думал? О, когда б я знал...

Баронесса

Вы всё бы знать могли и ничего не знали.

Князь

Свою вину загладить я готов;
С покорностью приму какое наказанье
Хотите... я был слеп и нем; мое незнанье
Проступок... и теперь не нахожу я слов...

(Берет ее за руку.)

Но ваши руки... лед! в лице у вас страданье!
Ужель сомнительны для вас слова мои?

Баронесса

Вы ошибаетесь!.. не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам.
Забыть и стыд и страх, все свойственное нам.
Нет, то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная;

Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла!
Я перенесть свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого.

Князь

Что это значит?

Баронесса

Не мешайте мне!
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я вас должна спасти... зачем? за что?
Не знаю... вы не заслужили
Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. сегодня я узнала,
Как? это все равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит — это ложно, ложно!
Не верьте — ради неба... эта мысль одна...
Нас всех погубит — всех! *Она*
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он —
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К злодейству... вы так молоды.

Князь

Ваш страх напрасен!..
Арбенин в свете жил, — и слишком он умен.
Чтобы решиться на огласку;
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии — кровавую развязку.
А рассердился он, — и в этом нет беды:

Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага.

Баронесса

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнию другой,
Но если вас убьют — убьют!.. — о боже!
И я всему виной.

Князь

Вы?

Баронесса

Пощадите.

Князь *(подумав)*

Я обязан драться;
Я виноват пред ним — его я тронул честь,
Хотя не знал того; но оправдаться
Нет средства.

Баронесса

Средство есть.

Князь

Солгать? не это ли? другие мне найдите,
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.

Баронесса

Минуту!.. не ходите
И слушайте меня.
(Берет его за руку.)
Вы все обмануты!.. та маска
(облокачивается на стол, упадая)
это я!..

Князь

Как вы? о, провиденье!

Молчание.

Но Шприх!.. он говорил... он виноват во всем.

Баронесса *(опомнясь и отходя)*

Минутное то было заблужденье,
Безумство странное — теперь я каюсь в нем!
Оно прошло — забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет, — он был найден случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет бог судьей.
Вас он простит... меня простить не в вашей воле!
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.

(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)

Не следуйте за мной.

(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Князь, один.

Князь *(после долгого размышления)*

Я, право, думать что́ не знаю
И только мог понять из этого всего,
Что случай счастливый, как школьник, пропускаю,
Не сделав ничего.

(Подходит к столу.)

Ну вот еще: записка... от кого?
Арбенин... прочитаю!

«Любезный князь!.. приезжай сегодня к N. вечером; там будет много... и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы дремал целый вечер — прощай. Жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидать картель.
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната у N.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Казарин, хозяин и Арбенин, садятся играть.

Казарин

Так в самом деле, ты причуды все оставил,
Которыми гордится свет,
И в прежний путь шаги свои направил!..
Мысль превосходная... ты должен быть поэт,
И, сверх того, по всем приметам, гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.

Арбенин

Я ваш! былого нет и тени.

Казарин

Приятно видеть, ей-же-ей,
Как люди умные на вещи смотрят ныне;
Приличия для них ужаснее цепей...
Не правда ль, что со мной ты будешь в половине?

Хозяин

А князя надо пощипать слегка.

Казарин

Да... да.

(В сторону.)

Забавна будет стычка.

Хозяин

Посмотрим. Транспорт!..

(Слышен шум.)

Арбенин

Это он.

Казарин

Рука
Твоя дрожит?..

Арбенин

О ничего! — отвычка!

Князь входит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Прежние и князь.

Хозяин

Ах, князь! я очень рад — прошу-ка без чинов;
Снимите саблю и садитесь,
У нас ужасный бой.

Князь

О! я смотреть готов.

Арбенин

А всё играть с тех пор еще боитесь?

Князь

Нет, с вами, право, не боюсь.
(В сторону.)
По светским правилам, я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы там, — а здесь пусть проиграю!..
(Садится.)

Арбенин

Я нынче был у вас.

Князь

Записку я читал
И, видите, послушен.

Арбенин

На пороге
Мне кто-то встретился в смущенье и тревоге.

Князь

И вы узнали?

Арбенин *(смеясь)*

Кажется, узнал!
Князь, обольститель вы опасный,
Все понял я, все отгадал...

Князь *(в сторону)*

Он ничего не понял — это ясно.
(Отходит и кладет саблю.)

Арбенин

Я не хотел бы, чтоб жена моя
Вам приглянулась.

Князь *(рассеянно)*

Почему же?

Арбенин

Так, — добродетелью, которой ищут в муже
Любовники, — не обладаю я.

(В сторону.)

Он не смущается ничем... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью.
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей — поставил бы свою.

Играют. Арбенин мечет.

Казарин

Я ставлю пятьдесят рублей.

Князь

Я тоже.

Арбенин

Я расскажу вам анекдот,
Который слышал я, как был моложе;
Он нынче у меня из головы нейдет.
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек, — твоя взяла, Казарин.
Женатый человек, на верность положась
Своей жене, дремал в забвенье сладком, —
Внимательны вы что-то слишком, князь,
И проиграетесь порядком.
Муж добрый был любим, шел мирно день за днем
И, к довершенью благ, беспечному супругу
Был дан приятель... важную услугу
Ему он оказал когда-то — и притом
Нашел, казалось, честь и совесть в нем.
И что ж? мне неизвестно,
Какой судьбой, — но муж узнал,
Что благодарный друг, должник уж слишком честный,
Жене его свои услуги предлагал.

Князь

Что ж сделал муж?

Арбенин *(будто не слыхал вопроса)*

Князь, вы игру забыли.
Вы гнете не глядя.

(Взглянув на него пристально.)

А любопытно вам
Узнать, что сделал муж?.. придрался к пустякам
И дал пощечину... вы как бы поступили,
Князь?

Князь

Я бы сделал то же. Ну, а там
Стрелялись?

Арбенин

Нет.

Казарин

Рубились?

Арбенин

Нет, нет.

Казарин

Так помирились?

Арбенин *(горько улыбаясь)*

О нет.

Князь

Так что же сделал он?

Арбенин

Остался отомщен
И обольстителя с пощечиной оставил.

Князь *(смеется)*

Да это вовсе против правил.

Арбенин

В каком указе есть
Закон иль правило на ненависть и месть?

Играют. Молчание.

Взяла... взяла

(Вставая.)

Постойте, карту эту
Вы подменили.

Князь

Я! послушайте...

Арбенин

Конец
Игре... приличий тут уж нету.
Вы

(задыхаясь)

шулер и подлец.

Князь

Я? я?

Арбенин

Подлец, и я вас здесь отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

(Бросает ему карты в лицо. Князь так поражен, что не знает, что делать.)

(Понизив голос.)

Теперь мы квиты.

Казарин

Что с тобой

(Хозяину.)

Он помешался в самом лучшем месте.
Тот горячился уж, спустил бы тысяч двести.

Князь *(опомнясь, вскакивает)*

Сейчас, за мной, за мной —
Кровь! ваша кровь лишь смоет оскорбленье!

Арбенин

Стреляться? с вами? мне? вы в заблужденье.

Князь

Вы трус.

(Хочет броситься на него.)

Арбенин *(грозно)*

Пускай! но подступать
Вам не советую — ни даже здесь остаться!
Я трус — да вам не испугать
И труса.

Князь

О, я вас заставлю драться!
Я расскажу везде, поступок ваш каков,
Что вы, — не я подлец...

Арбенин

На это я готов.

Князь (*подходя ближе*)

Я расскажу, что с вашею женою —
О, берегитесь!.. вспомните браслет...

Арбенин

За это вы наказаны уж мною...

Князь

О, бешенство... да где я? целый свет
Против меня, — я вас убью!..

Арбенин

И в этом
Вы властны, — даже я вас подарю советом
Скорей меня убить... а то, пожалуй, в вас
Остынет храбрость через час.

Князь

О, где ты, честь моя!.. отдайте это слово,
Отдайте мне его — и я у ваших ног,
Да в вас нет ничего святого,
Вы человек иль демон?

Арбенин

Я? — игрок!

Князь (*упадая и закрывая лицо*)

Честь, честь моя!..

Арбенин

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добром и злом,
И от тебя весь свет с презреньем отвратится.
Отныне ты пойдешь отверженца путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
И счастье ближних будет в тягость
Твоей душе, и мыслить об одном
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства

Любви, прекрасного погаснут и умрут,
И счастья не отдаст тебе ничье искусство!
Все шумные друзья как листья отпадут
От сгнившей ветви; и, краснея,
Закрыв лицо, в толпе ты будешь проходить, —
И будет больше стыд тебя томить,
Чем преступление — злодея!
Теперь прощай...

(Уходя.)

желаю долго жить.

(Уходит.)

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Бал.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Хозяйка

Я баронессу жду, не знаю:
Приедет ли — мне, право, было б жаль
За вас.

1-й гость

Я вас не понимаю.

2-й гость

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уехала!..

Многие

Куда? зачем — давно ли?

2-й гость

В деревню, нынче утром.

Дама

Боже мой!..
Каким же случаем? ужель из доброй воли?

2-й гость

Фантазия! — романы!.. хоть рукой
Махни!

Расходятся, другая группа мужчин.

3-й гость

Вы знаете, князь Звездич проигрался.

4-й гость

Напротив, выиграл — да, видно, не путем,
И получил пощечину.

5-й гость

Стрелялся?

4-й гость

Нет, не хотел.

3-й гость

Каким же подлецом
Он показал себя!..

5-й гость

Отныне незнаком
Я больше с ним.

6-й гость

И я! — какой поступок скверный.

4-й гость

Он будет здесь?

3-й гость

Нет, не решится, верно.

4-й гость

Вот он.

Князь подходит, ему едва кланяются.
Все отходят, кроме 5-го и 6-го гостя. Потом и они отходят.
Нина садится на диване.

Князь

Теперь мы с ней от всех удалены,
Не будет случая другого.

(Ей.)

Я должен вам сказать два слова,
И выслушать вы их должны.

Нина

Должна?

Князь

Для вашего же счастья.

Нина

Какое странное участье.

Князь

Да, странно, потому, что вы виной
Моей погибели... но мне вас жаль: я вижу,
Что поражен я тою же рукой,
Которая убьет вас; не унижу
Себя ничтожной местью никогда, —
Но слушайте и будьте осторожны:
Ваш муж злодей, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вам грозит беда,
Прощайте же навек, злодей не обнаружен,
И наказать его теперь я не могу, —
Но день придет, — я подожду...
Возьмите ваш браслет, он больше мне не нужен.

Арбенин смотрит на них издали.

Нина

Князь, вы сошли с ума, — на вас
Теперь сердиться было б стыдно.

Князь

Прощайте навсегда — прошу в последний раз...

Нина

Куда ж вы едете, далеко очень, видно;
Конечно, не в луну?

Князь

Нет, ближе: на Кавказ *(уходя)*

Хозяйка *(иным)*

Почти все съехались, и здесь нам будет тесно,
Прошу вас в залу, господа!
Mesdames, пожалуйте туда.

Уходят.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин *(один, про себя)*

Я сомневался? я? а это всем известно;
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... я жалок им, смешон!
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?..
— Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обманут...
Нет, людям я ее не уступлю...
И нас судить они не станут...
Я сам свершу свой страшный суд...
Я казнь ей отыщу — моя ж пусть будет тут.

(Показывает на сердце.)

Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу... Жить розно?

(Как бы испугавшись себя.)

Решено:
Она умрет — я прежней твердой воле
Не изменю! Ей, видно, суждено

Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем, и любить
Другого... это ясно!.. как же можно жить
Ей после этого!.. ты, бог незримый,
Но бог всевидящий, — возьми ее, возьми;
Как свой залог тебе ее вручаю —
  Прости ее, благослови —
  Но я не бог и не прощаю!..

Слышны звуки музыки.

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)

Тому назад лет десять я вступал
  Еще на поприще разврата:
Раз, в ночь одну, я все до капли проиграл, —
  Тогда я знал уж цену злата,
  Но цену жизни я не знал;
Я был в отчаянье — ушел и яду
  Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик:
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик;
Но счастье вынесло — и в час я отыгрался!
  С тех пор хранил я этот порошок,
  Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.

(Уходит быстро.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Хозяйка, Нина, несколько дам и кавалеров. Во время последних строк входят.

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.

Дама *(другой)*

Так жарко здесь, что я растаю.

Петров

Настасья Павловна споет нам что-нибудь.

Нина

Романсов новых, право, я не знаю.
А старые наскучили самой.

Дама

Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.

Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.

Нина *(садясь за пиано)*

Но слушать со вниманьем мой приказ,
Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!

(Поет.)

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

*

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

*

Но если счастие случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И целый ад в груди моей.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

В конце 3-го куплета муж входит и облокачивается на фортепиано. Она, увидев, останавливается.

Арбенин

Что ж, продолжайте.

Нина

Я конец совсем
Забыла.

Арбенин

Если вам угодно,
То я напомню.

Нина *(в смущении)*

Нет, зачем?

(В сторону, хозяйке.)

Мне нездоровится.

(Встает.)

Гость *(другому)*

Во всякой песни модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнесть.

2-й гость

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык.

3-й гость

Вы правы; как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.

Подают мороженое. Гости уходят к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что, наконец, Арбенин и Нина остаются вдвоем. Неизвестный показывается в глубине театра.

Нина *(хозяйке)*

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне!

(Мужу.)

Мой ангел, принеси мороженого мне.

Арбенин вздрагивает и идет за мороженым; возвращается и всыпает яд.

Арбенин *(в сторону)*

Смерть, помоги.

Нина *(ему)*

Мне что-то грустно, скучно;
Конечно, ждет меня беда.

Арбенин *(в сторону)*

Предчувствиям я верю иногда.

(Подавая.)

Возьми, от скуки вот лекарство.

Нина

Да, это прохладит *(ест)*.

Арбенин

О, как не прохладить?

Нина

Здесь ныне скучно.

Арбенин

Как же быть?
Чтоб не скучать с людьми — то надо приучить
Себя смотреть на глупость и коварство!
Вот все, на чем вертится свет!

Нина

Ты прав! ужасно!..

Арбенин

Да, ужасно!

Нина

Душ непорочных нету...

Арбенин

Нет.
Я думал, что нашел одну, и то напрасно.

Нина

Что говоришь ты?

Арбенин

Я сказал,
Что в свете лишь одну такую отыскал я.
...Тебя.

Нина

Ты бледен.

Арбенин

Много танцевал.

Нина

Опомнись, mon ami! [1] ты с места не вставал.

Арбенин

Так, верно, потому, что мало танцевал я!

Нина *(отдает пустое блюдечко)*

Возьми, поставь на стол.

Арбенин *(берет)*

Всё, всё!
Ни капли не оставить мне! жестоко!

(В размышлении.)

Шаг сделан роковой, назад идти далеко,
Но пусть никто не гибнет за нее.

(Бросает блюдечко об землю и разбивает.)

Нина

Как ты неловок.

Арбенин

Ничего, я болен;
Поедем поскорей домой.

---

[1] мой друг! (франц.).

Нина

Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! ты мною недоволен?

Арбенин

Нет, нынче я доволен был тобой.

Уходят.

Неизвестный *(оставшись один)*

Я чуть не сжалился, — и было тут мгновенье,
Когда хотел я броситься вперед...
(Задумывается.)
Нет, пусть свершается судьбы определенье,
А действовать потом настанет мой черед.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Спальня Арбенина.
Входит Нина, за ней служанка.

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.

Нина *(снимая серьги)*

Я нездорова.

Служанка

Вы устали.

Нина *(в сторону)*

Мой муж меня пугает, отчего,
Не знаю! он молчит, и странен взгляд его.
(Служанке.)
Мне что-то душно: верно, от корсета —
Скажи, к лицу была сегодня я одета?
(Идет к зеркалу.)
Ты права, я бледна, как смерть бледна;
Но в Петербурге кто не бледен, право?

Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! свет лукавый!

(Снимает букли и завертывает косу.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.

(Садится в кресла.)

Как новый вальс хорош! в каком-то упоенье
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося; не то, чтобы печаль,
Не то, чтоб радость — Саша, дай мне книжку.
Как этот князь мне надоел опять —
А право, жаль безумного мальчишку!
Что говорил он тут... злодей и наказать...
Кавказ... беда... вог бред.

Служанка

Прикажете убрать?

(Показывая на наряды.)

Нина

Оставь.

(Погружается в задумчивость.)

Арбенин показывается в дверях.

Служанка

Прикажете идти?

Арбенин *(служанке тихо)*

Ступай.

Служанка не уходит.

Иди же.

Уходит. Он запирает дверь.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и Нина.

Арбенин

Она тебе уж больше не нужна.

Нина

Ты здесь?

Арбенин

Я здесь!

Нина

Я, кажется, больна,
И голова в огне — поди сюда поближе,
Дай руку — чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилася тогда —
Не правда ли?

Арбенин *(рассеянно)*

Мороженое? да...

Нина

Мой милый! я с тобой поговорить хотела!..
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор.
И все за маскерад — о, я их ненавижу;
Я заклялася в них не ездить никогда.

Арбенин *(в сторону)*

Не мудрено! теперь без них уж можно!

Нина

Что значит поступить хоть раз неосторожно.

Арбенин

Неосторожно! о!

Нина

И в этом вся беда.

Арбенин

Обдумать все заране надо было.

Нина

О, если бы я нрав заранe знала твой,
То, верно б, не была твоей женой;
  Терзать тебя, страдать самой —
  Как это весело и мило!

Арбенин

И то: к чему тебе моя любовь!

Нина

Какая тут любовь? на что мне жизнь такая?

Арбенин *(садится возле нее)*

Ты права! что такое жизнь? жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
  И все вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная шарада
  Для упражнения детей;
Где первое — рожденье! где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Нина *(показывая на грудь)*

  Здесь что-то жжет.

Арбенин *(продолжая)*

Пройдет! пустое!
  Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
  А долго ль!.. жизнь как бал —
Кружишься — весело, кругом все светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —
И все забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
  С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,

Покуда ум былым еще не тяготится;
Покуда с смертию легка еще борьба —
Но это счастие не всем дает судьба.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбенин

К чему?

Нина

Евгений
Я мучусь, я больна.

Арбенин

А мало ли мучений,
Которые сильней, ужаснее твоих.

Нина

Пошли за доктором.

Арбенин

Жизнь — вечность, смерть —
лишь миг!

Нина

Но я — я жить хочу!

Арбенин

И сколько утешений
Там мучеников ждет.

Нина *(в испуге)*

Но я молю:
Пошли за доктором скорее.

Арбенин *(встает, холодно)*

Не пошлю.

Нина *(после молчания)*

Конечно, шутишь ты — но так шутить безбожно:
Я умереть могу — пошли скорей.

Арбенин

Что ж? разве умереть вам невозможно
Без доктора?

Нина

Но ты злодей,
Евгений — я жена твоя.

Арбенин

Да! знаю — знаю!

Нина

О, сжалься! пламень разлился
В моей груди, я умираю.

Арбенин

Так скоро? Нет еще.

(Смотрит на часы.)

Осталось полчаса.

Нина

О, ты меня не любишь.

Арбенин

А за что же
Тебя любить — за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила? о нет, я рад, я рад
Твоим страданьям; боже, боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей —
И что ж нашел: коварство и измену.
Возможно ли! меня продать!
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
Мне изменить? мне? и так скоро!..

Нина

О, если бы вину свою сама
Я знала, — то...

Арбенин

Молчи иль я сойду с ума!
Когда же эти муки перестанут!

Нина

Браслет мой — князь нашел, — потом
Каким-нибудь клеветником
Ты был обманут.

Арбенин

Так, я был обманут!
Довольно, я ошибся!.. возмечтал,
Что я могу быть счастлив... думал снова
Любить и веровать... но час судьбы настал,
И все прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшися надежде,
И в сердце б оживил все, что цвело в нем прежде, —
Ты не хотела, ты!
Плачь! плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал? я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Нина *(в слезах упадает на колени и поднимает руки к небу)*

Творец небесный, пощади!
Не слышит он, но ты все слышишь — ты все знаешь,
И ты меня, всесильный, оправдаешь!

Арбенин

Остановись — хоть перед ним не лги!

Нина

Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он, твой судья, защитник будет мой.

Арбенин (*который в это время ходит по комнате, сложив руки*)

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрез несколько минут —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.

Нина

Как? умереть! теперь, сейчас — нет, быть не
может.

Арбенин (*смеясь*)

Я знал заранее, что это вас встревожит.

Нина

Смерть, смерть! он прав — в груди огонь — весь
ад...

Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.

Молчание.

Нина

Не верю, невозможно — нет, ты надо мною

(*бросается к нему*)

Смеешься... ты не изверг... нет! в душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такою,
Меня ты не погубишь в цвете дней —
Не отворачивайся так, Евгений,

Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассей мой страх...
Взгляни сюда...

(Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.)

О! смерть в твоих глазах.

(Упадает на стул и закрывает глаза.)

Он подходит и целует ее.

Арбенин

Да, ты умрешь — и я останусь тут
Один, один... года пройдут,
Умру — и буду все один! Ужасно!
Но ты! не бойся: мир прекрасный
Тебе откроется и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.

(Плачет.)

Да, я тебя люблю, люблю... я все забвенью,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она: смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой...

Молчание.

Нина *(вырывается и вскакивает)*

Сюда, сюда... на помощь!... умираю —
Яд, яд — не слышат... понимаю,
Ты осторожен... никого... нейдут...
Но помни! есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаю.

(Не добежав до двери, упадает без чувств.)

Арбенин *(горько смеясь)*

Проклятие! что пользы проклинать?
Я проклят богом.

(Подходит.)

Бедное созданье,
Ей не по силам наказанье...

(Стоит сложа руки.)

Бледна!

(Содрогается.)

Но все черты спокойны, не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений...
Ужель?

Н и н а *(слабо)*

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...

А р б е н и н

Нет, нет — не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость... говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовию моей!
Молчишь? а месть тебя достойна...
Но это не поможет, ты умрешь...
И будет для людей все тайно — будь спокойна!..

Н и н а

Теперь мне все равно... я все ж
Невинна перед богом.

(Умирает.)

А р б е н и н *(подходит к ней и быстро отворачивается)*

Ложь!
(Упадает в кресла.)

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

А р б е н и н *(сидит у стола на диване)*

Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных усилий...
И чувства, наконец, вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой!..
Лишь иногда невольною заботой

Душа тревожится в холодном этом сне,
И сердце ноет, будто ждет чего-то.
Не все ли кончено — ужели на земле
Страданье новое вкусить осталось мне!..
Вздор!.. дни пройдут — придет забвенье,
Под тягостью годов умрет воображенье;
И должен же покой когда-нибудь
Вновь поселиться в эту грудь!..

(Задумывается, вдруг поднимает голову.)

Я ошибался!.. нет, неумолимо
Воспоминание!.. как живо вижу я
Ее мольбы, тоску. О! мимо, мимо
Ты, пробужденная змея.

(Упадает головою на руки.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Казарин *(тихо)*

Арбенин здесь? печален и вздыхает.
Посмотрим, как-то он комедию сыграет.

(Ему.)

Я, милый друг, спешил к тебе,
Узнавши о твоем несчастье.
Как быть — угодно так судьбе.
У всякого свои напасти.

Молчание.

Да полно, брат, личину ты сними,
Не опускай так важно взоры.
Ведь это хорошо с людьми,
Для публики. — а мы с тобой актеры.
Скажи-ка, брат... Да как ты бледен стал,
Подумаешь, что ночь всю в карты проиграл.
О, старый плут — да мы разговориться
Успеем после... Вот твоя родня:
Покойнице идут, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.

(Уходит.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Родственники приходят.

Дама *(племяннице)*

Уж видно, есть над ним господнее проклятье;
Дурной был муж, дурной был сын.
Напомни мне заехать в магазин
Купить материи на траурное платье.
Хоть нынче нет доходов никаких,
А разоряюсь для родных.

Племянница

Ma tante! [1] какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Дама

А та, сударыня, что глуп ваш модный свет.
Уж доживете вы до бед.

Уходят.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Выходят из комнаты покойницы доктор и старик.

Старик

При вас она скончалась?

Доктор

Не успели
Меня найти... я говорил всегда:
С мороженым и балами беда.

Старик

Покров богат — парчу вы рассмотрели?
У брата моего прошедшею весной
На гробе был точь-в-точь такой.

(Уходит.)

[1] Тетушка! *(франц.)*

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Доктор *(подходит к Арбенину и берет его за руку)*

Вам надо отдохнуть.

Арбенин *(вздрагивает)*

А!..

(В сторону.)

Сердце сжалось!

Доктор

Вы слишком предались печали эту ночь.
Усните.

Арбенин

Постараюсь.

Доктор

Уж помочь
Нельзя ничем; но вам осталось
Беречь себя.

Арбенин

Ого! я невредим.
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась,
А я все жив... я счастия желал,
И в виде ангела мне бог его послал;
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество,
И вот оно, прекрасное созданье, —
Смотрите — холодно, мертво.
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честию, от гибели я спас,
А он, смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня все, все — и через час.

(Уходит.)

Доктор

Он болен не шутя — и я не сомневаюсь,
Что в этой голове мучений было тьма —
Но если он сойдет с ума,
То я за жизнь его ручаюсь.

(Уходя сталкивается с двумя.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Входят: неизвестный и князь.

Неизвестный

Позвольте вас спросить — Арбенина нельзя
Нам видеть.

Доктор

Право, утверждать не смею,
Жена его вчера скончалась.

Неизвестный

Очень жаль.

Доктор

И он так огорчен.

Неизвестный

Я и об нем жалею.
Однако ж дома он?

Доктор

Он? дома!— да.

Неизвестный

Я дело до него преважное имею.

Доктор

Вы из друзей его, конечно, господа?

Неизвестный

Покамест нет — но мы пришли сюда,
Чтоб подружиться понемногу.

Доктор

Он болен не шутя.

Князь (*испугавшись*)

Лежит
Без памяти?

Доктор

Нет, ходит, говорит.
И есть еще надежда.

Князь

Слава богу!

Доктор уходит.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь

О, наконец!

Неизвестный

Лицо у вас в огне.
Вы тверды ли в своем решенье?

Князь

А вы ручаетесь ли мне,
Что справедливо ваше подозренье?

Неизвестный

Послушайте — у нас обоих цель одна.
Его мы ненавидим оба;
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, как двери гроба;
Чему хоть раз отворится она,
То в ней погребено навеки. Подозренья
Ей стоят доказательств — ни прощенья,
Ни жалости не знает он, —
Когда обижен — мщенье! мщенье!

Вот цель его тогда и вот его закон.
Да, эта смерть скора не без причины.
Я знал: вы с ним враги — и услужить вам рад.
Вы драться станете — я два шага назад,
И буду зрителем картины.

Князь

Но как узнали вы, что день тому назад
Я был обижен им?

Неизвестный

Я рассказать бы рад,
Да это вам наскучит,
К тому ж — весь город говорит.

Князь

Мысль нестерпимая!

Неизвестный

Она вас слишком мучит.

Князь

О, вы не знали, что такое стыд.

Неизвестный

Стыд? — нет — и опыт вас забыть о нем научит.

Князь

Но кто вы?

Неизвестный

Имя нужно вам?
Я ваш сообщник, ревностно и дружно
За вашу честь вступился сам.
А знать вам более не нужно.
Но, чу! идут... походка тяжела
И медленна. Он! точно — удалитесь
На миг — есть с ним у нас дела.
И вы в свидетели теперь нам не годитесь.

Князь отходит в сторону.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

А р б е н и н со свечой.

А р б е н и н

Смерть! смерть! о, это слово здесь
Везде, — я им проникнут весь,
Оно меня преследует; безмолвно
Смотрел я целый час на труп ее немой.
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
В чертах спокойствие и детская беспечность.
Улыбка вечная тихонько расцвела,
Когда пред ней открылась вечность,
И там свою судьбу душа ее прочла.
Ужель я ошибался? — невозможно
Мне ошибиться — кто докажет мне
Ее невинность — ложно! ложно!
Где доказательства — есть у меня оне!
Я не поверил ей — кому же стану верить.
Да, я был страстный муж — но был судья
Холодный — кто же разуверить
Меня осмелится?

Н е и з в е с т н ы й

Осмелюсь — я!

А р б е н и н (*сначала пугается и, отойдя, подносит к лицу свечу*)

А кто же вы?

Н е и з в е с т н ы й

Немудрено, Евгений,
Ты не узнал меня — а были мы друзья.

А р б е н и н

Но кто вы?

Н е и з в е с т н ы й

Я твой добрый гений.
Да, непримеченный везде, я был с тобой;

Всегда с другим лицом, всегда в другом наряде —
Знал все твои дела и мысль твою порой —
Остерегал тебя недавно в маскераде.

Арбенин *(вздрогнув)*

Пророков не люблю — и выйти вас
Прошу немедленно. Я говорю серьезно.

Неизвестный

Всё так — но, несмотря на голос грозный
И на решительный приказ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узнал меня. Я не из тех людей,
Которых может миг опасный
Отвлечь от цели многих дней.
Я цель свою достиг — и здесь на месте лягу,
Умру — но уж назад не сделаю ни шагу.

Арбенин

Я сам таков — и этим сверх того
Не хвастаюсь.

(Садится.)

Я слушаю.

Неизвестный *(в сторону)*

Доселе
Мои слова не тронули его!
Иль я ошибся в самом деле!..
Посмотрим далее.

(Ему.)

Семь лет тому назад
Ты узнавал меня, Арбенин. Я был молод,
Неопытен, и пылок, и богат.
Но ты — в твоей груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым ты гордился всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам — я разбирать не буду
Твоей души — ее поймет лишь бог,
Который сотворить один такую мог.

Арбенин

Дебют хорош.

Неизвестный

Конец не будет хуже.
Раз ты меня уговорил, — увлек
К себе... Мой кошелек
Был полон — и к тому же
Я верил счастью. Сел играть с тобой
И проиграл, — отец мой был скупой
И строгий человек. И чтоб не подвергаться
Упрекам — я решился отыграться.
Но ты, хоть молод, ты меня держал
В когтях, — и я все снова проиграл.
Я предался отчаянью — тут были,
Ты помнишь, может быть,
И слезы и мольбы... В тебе же возбудили
Они лишь смех. О! лучше бы пронзить
Меня кинжалом. Но в то время
Ты не смотрел еще пророчески вперед.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.

Арбенин хочет вскочить, но задумывается.

И я покинул все, с того мгновенья,
Все, женщин и любовь, блаженство юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,
Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,
Самолюбивых дум, и ледяных страстей,
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навеки предо мной закрылась счастья дверь!
Я заключил с судьбой последнее условье —
И вот стал тем, что я теперь.
А! ты дрожишь, — ты понимаешь
И цель мою — и то, что я сказал.
Ну, — повтори еще, что ты меня не знаешь.

Арбенин

Прочь — я узнал тебя — узнал!..

Неизвестный

Прочь! разве это все — ты надо мной смеялся,
И я повеселиться рад.
Недавно до меня случайно слух домчался,
Что счастлив ты, женился и богат,
И горько стало мне — и сердце зароптало,
И долго думал я: за что ж
Он счастлив — и шептало
Мне чувство внятное: иди, иди, встревожь!
И стал я следовать, мешаяся с толпой
Без устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавал — и наконец
Пришел трудам моим конец.
Послушай — я узнал — и — и открою
Тебе я истину одну...

(Протяжно.)

Послушай: ты... убил свою жену!..

Арбенин отскакивает. Князь подходит.

Арбенин

Убил? — я? — Князь! — О! что такое...

Неизвестный *(отступая)*

Я все сказал, он скажет остальное.

Арбенин *(приходя в бешенство)*

А! заговор... прекрасно... я у вас
В руках... вам помешать кто смеет?
Никто... вы здесь цари... я смирен: я сейчас
У ваших ног... душа моя робеет
От взглядов ваших... я глупец, дитя
И против ваших слов ответа не имею.
Я мигом побежден, обманут я шутя
И под топор нагну спокойно шею;
А вы не разочли, что есть еще во мне
Присутствие ума, и опытность, и сила?

Вы думали, что все взяла ее могила?
Что я не заплачу вам всем по старине?
Так вот как я унижен в вашем мненье
Коварным лепетом молвы!
Да, сцена хорошо придумана — но вы
Не отгадали заключенье.
А этот мальчик — так и он со мной
Бороться вздумал. Мало было
Одной пощечины — нет, хочется другой,
Вы всё получите, мой милый.
Вам жизнь наскучила! не странно — жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете — с именем и смертью подлеца.

Князь

Увидим — но скорей.

Арбенин

Идем, идем.

Князь

Теперь я счастлив.

Неизвестный *(останавливая)*

Да — а главное забыли.

Князь *(останавливая Арбенина)*

Постойте — вы должны узнать — что обвинили
Меня напрасно... что ни в чем
Не виновата ваша жертва — оскорбили
Меня вы вовремя... я только обо всем
Хотел сказать вам — но пойдем.

Арбенин

Что? что?

Неизвестный

Твоя жена невинна — слишком строго
Ты обошелся.

Арбенин *(хохочет)*

Да у вас в запасе шуток много!

Князь

Нет, нет — я не шучу, клянусь творцом.
Браслет случайною судьбою
Попался баронессе и потом
Был отдан мне ее рукою.
Я ошибался сам — но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда б я знал, что от одной ошибки
Произойдет так много зла,
То, верно б, не искал ни взора, ни улыбки,
И баронесса — этим вот письмом
Вам открывается во всем.
Читайте же скорей — мне дороги мгновенья...

Арбенин взглядывает на письмо и читает.

Неизвестный *(подняв глаза к небу лицемерно)*

Казнит злодея провиденье!
Невинная погибла — жаль!
Но здесь ждала ее печаль,
А в небесах спасенье!
Ах, я ее видал — ее глаза
Всю чистоту души изображали ясно,
Кто б думать мог, что этот цвет прекрасный
Сомнет минутная гроза.
Что ты замолк, несчастный?
Рви волосы — терзайся — и кричи —
Ужасно! — о, ужасно!

Арбенин *(бросается на них)*

Я задушу вас, палачи!

(Вдруг слабеет и падает на кресла.)

Князь *(толкая грубо)*

Раскаянье вам не поможет.
Ждут пистолеты — спор наш не решен.
Молчит, не слушает, ужели он
Рассудок потерял...

Неизвестный

Быть может...

Князь

Вы помешали мне.

Неизвестный

Мы целим розно.
Я отомстил, для вас, я думаю, уж поздно!

Арбенин *(встает с диким взглядом)*

О, что сказали вы?.. Нет сил, нет сил,
Я так был оскорблен, я так уверен был...
Прости, прости меня, о боже — мне прощенье.

(Хохочет.)

А слезы, жалобы, моленья?
А ты простил?

Становится на колена.

Ну, вот и я упал пред вами на колена:
Скажите же — не правда ли — измена,
Коварство очевидны... я хочу, велю,
Чтоб вы ее сейчас же обвинили.
Она невинна? разве вы тут были?
Смотрели в душу вы мою?
Как я теперь прошу, так и она молила.
Ошибка — я ошибся — что ж!
Она мне то же говорила,
Но я сказал, что это *ложь*.

(Встает.)

Я это ей сказал.

Молчанье.

Вот что я вам открою:
Не я ее убийца.

(Взглядывает пристально на неизвестного.)

Ты, скорей
Признайся, говори смелей,
Будь откровенен хоть со мною.
О милый друг, зачем ты был жесток?
Ведь я ее любил, я б небесам и раю
Одной слезы ее, — когда бы мог,
Не уступил — но я тебе прощаю!

(Упадает на грудь ему и плачет.)

Неизвестный *(отталкивая его грубо)*

Приди в себя — опомнись...

(Князю.)

Уведем
Его отсюда... он опомнится, конечно,
На воздухе...

(Берет его за руку.)

Арбенин!

Арбенин

Вечно
Мы не увидимся... прощай... Идем... идем...
Сюда... сюда...

(Вырываясь, бросается в дверь, где гроб ее.)

Князь

Остановите!..

Неизвестный

И этот гордый ум сегодня изнемог!

Арбенин *(возвращаясь с диким стоном)*

Здесь посмотрите! посмотрите!..

(Прибегая на середину сцены.)

Я говорил тебе, что ты жесток!

Падает на землю и сидит полулежа с неподвижными глазами. Князь и неизвестный стоят над ним.

Неизвестный

Давно хотел я полной мести,
И вот вполне я отомщен!

Князь

Он без ума... счастлив... а я? навек лишен
Спокойствия и чести!

Конец.

ДРАМЫ

1830—1836 гг.

ИСПАНЦЫ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Посвящение

Не отвергай мой слабый дар,
Хоть здесь я выразил небрежно
Души непобедимый жар
И дикой страсти пыл мятежной.

Нет! не для света я писал —
Он чужд восторгам вдохновенья;
Нет! не ему я обещал
Свои любимые творенья.

Я знаю: все равно ему,
Душе ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живые струны отвечали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмеяла,
Ты с беспокойного чела
Морщины ранние сгоняла:

Так над гробницею стоит
Береза юная, склоняя
С участьем ветки на гранит,
Когда ревет гроза ночная!..

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дон Алварец, дворянин испанский.
Эмилия, дочь его.
Донна Мария, мачеха ее.
Фернандо, молодой испанец, воспитанный Алварецом.
Патер Соррини, итальянец-иезуит, служащий при инквизиции.
Доминиканец, приятель Соррини.
Моисей, еврей.
Ноэми, дочь его.
Сара, старая еврейка.
Испанцы, бродяги, подкупленные Сорринием.
Жиды и жидовки.
Служители инквизиции.
Слуги Алвареца, слуги Соррини́я, народ, гробовщики.

Действие происходит в Кастилии

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Комната у Алвареца. Стол. Портреты на стенах и зеркало на стене.

Донна Мария сидит на креслах. Эмилия стоит и перебирает четки.

Донна Мария

Да, с этих пор тебе я запрещаю
С Фернандо говорить, во-первых, он
Неблагородный. Оттого мой муж
Тебе с ним не позволит съединиться
Супружеством; и я в том настою!

Эмилия

Поверьте, благородство не в бумагах,
А в сердце.

Донна Мария

Так, уж верно от него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!..

Эмилия

Немудрено, что мне Фернандо много
Прекрасных чувств помог узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, он,
Безвестный сирота, был взят моим отцом;
И с этих пор я под одной с ним кровлей
Жила как с братом — и бывало,
Вдвоем гуляли мы в горах кастильских,
Он был подпора и вожатый мне;
И не было на тех вершинах розы,
Которой для меня не мог бы он достать.

Донна Мария в рассеянье как бы поправляет что-нибудь в своем одеянье — и не слушает.

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый ветерок свежее становился,
И месяц по небу катился.
Пред нами быстрый был поток; Фернандо,
Чтоб перенесть, взял на руки меня;
Мы перешли, но я все оставалась
В его объятьях. Вдруг, я помню,
Он странным голосом спросил меня:
«Эмилия меня не любит?» — Нет! люблю! —
Сказала я, и уж с того мгновенья
Люблю его нежней всего на свете!..

Донна Мария

Вот это именно меня и заставляет
Тебе советовать не говорить с ним.
Тебе я заменяю мать, могу,
И мне дано от Алвареца право,
Смотреть как можно строго за тобою.
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилия

А может быть, гаданья ваши ложны.

Донна Мария

Поверь, тебя я не глупее, потому,
Что уж за третьим мужем, опытность
Рассудок заменяет, знаю, как

Несчастливы супружества, когда
Муж и жена не равны состояньем.

Эмилия

Неужели умершие мужья
Рассудку придают?..

Донна Мария *(будто не слыхав)*

Звонят к обедне!

Эмилия

Звонят! *(В сторону.)* а он все не приходит.

Донна Мария

Взяла ли ты молитвенную книжку?..

Эмилия

Ах! позабыла,

(берет со стола)

о! как долго!..

Фернандо входит. Донна Мария не видит его, выходит в дверь. Эмилия из-под мантельи, следуя за мачехой, роняет записку. Фернандо, глядевший вслед за нею, подымает.

Фернандо *(открывает)*

«Я знаю, что батюшка слышал об нашей любви и о твоем намерении жениться на мне. Он тебе, верно, станет говорить об этом. Ради бога, не горячись с ним: иначе мы никогда не будем счастливы».

Ты много требуешь, Эмилия!

Молчание.

Кто б мог подумать, что такой глупец,
Такой бесчувственный... чудна природа!..
И это милое, небесное созданье.
Эмилия!.. нет, нет! она не дочь его.
Мне скажут: благодарность! — благодарность!..
За что? — за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден

Я в низком состоянье, что обязан
Всем, всем тому, кого душою выше,
За то ли, что ломоть вседневний хлеба,
Меня питавший, должен был упреком
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность от меня?
О, лучше бы от голода погибнуть,
Чем выносить такие укоризны!..

И как он мог узнать мои желанья! странно!..
Но что ни будь, а даже для нее
Малейшей не стерплю опять обиды! полно!
Любовь возьмет свое... но не теперь...

Алварец входит тихими шагами и садится в кресла.

Фернандо

Какой же гордый вид, как будто в нем
Соединилися все души предков;

(обращаясь к портретам)

О вы! вы, образы людей великих
Своею мудростью и силой,
Скажите мне, ужель гниющие,
Немых гробов бесчувственные жертвы
Отнимут у меня мою Эмилию?..
Смешно! — я не могу себе представить,
Чтоб мертвые имели предрассудки!..

Алварец

Фернандо! до меня доходят слухи,
Что ищешь ты войти в мое семейство!..
Безумец ты! — клянусь святою девой! —
И мысль одна, мой милый, быть мне зятем
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо

Желательно, чтобы моя обида
Могла вам заплатить за ваши...

Алварец

Мои обиды!.. слушай же, глупец,
Что я скажу тебе, да со вниманьем.

Фернандо *(насмешливо)*

Как счастлив тот, кто может, оказав
Добро один раз в жизни человеку,
Бранить его глупцом сто раз — и каждый день!

Алварец

Узнать ты должен, наконец,
Кто ты! — доселе содержал я
Тебя почти совсем как бы родного.
Но с этих пор переменилось все!
Я повторю тебе, как ты попал сюда:
С слугой однажды шел я из Бургоса
(Тогда еще я только что женился).
Уж смерклось, и сырой туман покрыл
Вершины гор. Иду через кладбище,
Среди которого стояла церковь
Забытая, с худыми окнами.
Мы слышим детский плач — и на крыльце
Находим бедного ребенка — то был ты;
Я взял тебя, принес домой — и воспитал.

(Насмешливо.)

Но для чего тебя там положили,
И кто родители твои — бог знает!
А я так не хочу и знать: да, да!

Фернандо *(пораженный) (про себя)*

Так, так, совсем, совсем забытый сирота!..
В великом божьем мире ни одной
Ты не найдешь души себе родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спал на ее коленях. Чуждый голос
Учил меня родному языку
И пел над колыбелию моей.

Молчание.
Ходит взад и вперед. Потом опять приходит в спокойное положение.

Алварец

О чем печален! — точно вот как было.
Возможно ли тебе теперь жениться
На дочери моей? что после скажут
Другие благородные испанцы?

Фернандо

Поговорят — и замолчат.

Алварец

Не замолчат, не слыхано у нас,
Чтобы на улице найденный человек
С семейством очень древним, благородным
Мог сблизиться.

Фернандо

Сказать вам отчего?
Боятся эти люди, чтоб тогда
Их равенство скорей не увидали...

Алварец подходит к портретам.

Алварец

Вот этот, здесь, мой первый предок, жил
При Карле первом, при дворе, в благоволенье
У короля — второй при инквизиции
Священной был не в малых людях;
Вот тут написано, что сделал он:
Три тысячи неверных сжег и триста
В различных наказаниях замучил.

Фернандо (*насмешливо*)

О, этот был без спору муж святой;
Конечно, он причислен к лику?

Алварец (*равнодушно*)

Нет еще!..
Вот третий здесь в военном одеянье,
С пером на шляпе красным и с усами:
Вторым служил на флоте он — и утонул
В сраженье против англичан проклятых.

Еще ж пятнадцать прадедов моих ты видишь
(Дай бог, чтоб и меня сюда вписали
И род наш до трубы последней продолжился);
И — ты — ты захотел вступить в число их?
Где, где твои родители, бродящие
По свету негодяи — подлые... или...
Несчастные любовники, или какие
Нибудь еще похуже... дерзкий! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь все, тогда я замолчу.

Фернандо

О, если б только я хотел молчать
Заставить вас (*трогая шпагу*), то без пергаментов
Я б это мог.

Алварец

Уж слишком ты забылся,
Бродяга! покажи ж сейчас,
Как ты меня молчать заставишь: а не то
Велю тебя прибить, и это верно,
Как то, что папа есть апостолов наместник!
Как ты меня молчать заставишь?
Бедняга, плут, найденыш!.. ты не помнишь,
Что я, испанский дворянин, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду (*топнув*), видишь ты перед собою
Изображения отцов моих?
Кто ж твой отец? кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви? — Верно уж, жидовка;
А с христианкой быть сего не может:
Итак, смирись, жидовское отродье,
Чтоб я тебя из жалости простил!..

Фернандо (*в беспокойстве*)

Послушай, Алварец! теперь — теперь я
Ничем тебе не должен! — Алварец,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй от меня, — кровь благородная
Текла поныне в жилах этих;

Минута молчания.

Вот эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставит.

Алварец

Вон! вон скорей из дома моего,
Чтоб никогда ни сам, ни дочь моя
Тебя близ этих мест не увидали.
Но если ж ты замыслишь потихоньку
Видаться с нею, то клянусь Мадритом,
Клянусь портретами отцов моих,
Заплотишь кровью мне.

Фернандо

Ты можешь кровь мою
Испить до капли, всю; но честь... но честь
Отнять не в силах, Алварец!

Алварец

Вон! вон, глупец! Когда ты хлеба
Иметь не будешь — к моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.

(В сторону.)

Каков же негодяй Фернандо стал!..

Фернандо

О! ад и небо!.. ну прощай!..
Но бойся, если я решусь на что-нибудь!..

Убегает в бешенстве и сталкивается в дверях с патером Сорринием, которого не замечает. Соррини на минуту поражен, но, наконец, сгибает спину и с поклоном входит. Алварец идет радостно иезуиту навстречу.

Алварец

А! добрый день отцу Сорринию!

(Он его сначала в беспокойстве не заметил.)

Как поживаете, святой служитель божий?

Соррини *(кланяясь, с притворством глаза к небу)*

Помилуйте, я лишь смиренный раб его
И ваш слуга покорнейший.
Да что у вас за шум в дому случился?
Как бешеный тут кто-то пробежал
И даже мне не поклонился.

Алварец

Да, я теперь лишь из дому прогнал
Питомца своего: давно пора уж было.

Соррини

И я давно уже заметил это;
Но не хотел лишь беспокоить вас...
Повеса он большой и пылкий малый,
С мечтательной и буйной головой.
Такие люди не служить родились,
Но всем другим приказывать.
Не то, что мы: которые должны
Склоняться ежедневно в прахе,
Чтоб чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми делами
Купить себе прощенье за грехи.
А что он сделал, должно ли мне знать?
Быть может, против церкви или короля —
Так мне не худо знать...

Алварец

Бедняга этот...

Соррини

Бедняга?

Алварец

Как же! я его нашел
Ребенком, брошенным на улице.

Соррини

Таким бы людям надобно прощать,
Они наказаны уж богом.

Алварец

Как прощать?
Да я вам расскажу, что сделал он.

Соррини (*в сторону*)

Как жалко, что его карманы пусты;
А то набил бы я свои потуже.
Так в мире все из рук в другие переходит.

Алварец (*с таинственным видом*)

Когда он был еще ребенком, позволял
Ему я с дочерью моей играть;
Они играли — да играли — я не думал,
Что выдет что-нибудь из этого худое.
Бывало, спросишь: «Что вы, дети?» — «Мы играем». —
«Во что?» — «В любовь!» — и нежно целовались,
Как горлицы. Фернандо, став постарше,
Уж понял, что нейдет так вольно обращаться,
И начал думать, как бы продолжать
Игру когда-нибудь, — из слов его я видел
Нередко, что желал бы он жениться
На дочери моей. Как я взбесился,
Вы можете понять, отец Соррини!..
С тех пор я стал с ним груб, суров, хоть против воли;
Как вы ни говорите, взял его
Еще ребенком я под эту крышу;
Он жил со мною двадцать лет;
Был будто первенцом моим... недавно
Я вновь хотел с ним показаться нежным —
Как вдруг узнал я от жены моей,
Что хочет у меня просить Фернандо
Эмилию в замужство... ну ж, меня
Вы знаете, — хоть сед — но как взбешусь...
Ну!.. я и уговаривал его;
И представлял все важные причины, —
Он много мне грубил — и я решился
Прогнать его из дома наконец.
И не увидит христианская душа
Его ноги в дверях моих. В том я уверен!..

Соррини

Хм! хм! что ж ваша дочь?

Алварец

Не знаю. У обедни
Она теперь сидит с моей женою
И, верно, молится о нем. Да как вы
Мальчишке этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже он?..
Как вы его не удержали тотчас,
Чтоб должного потребовать почтенья?

Соррини

Слепым дорогу должно очищать!

Алварец

Слепым? да он глядел ведь в оба глаза.

Соррини *(с презрительной улыбкой)*

Конечно, вы не поняли меня:
Покуда ни одной сединки не видать
На голове, пока огнем живым,
Как розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнели,
Пока трепещет сердце от всего,
От радости, печали, ревности, любви,
Надежды, — и пока все это
Не пронеслось — и навсегда, — есть страсти, страсти
Ужасные; как тучею, они
Взор человека покрывают, их гроза
Свирепствует в душе несчастной — и она
Достойна сожаления бесспорно.
Такие люди слепы; ваш Фернандо
Из их числа. Так что ж мне было делать?
Я должен был дорогу уступить,
Совсем не оттого, чтоб я боялся...
А... без причин с опасностию спорить
Нейдет ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь,

(показывая на крест)

Этот крест смиренью учит
Меня. Тот, кто на нем был распят,
Моим примером должен быть — и я
Как мог свою обязанность исполнил!..

Слуга Сорриния входит с письмом и отдает его своему господину.

Слуга

Отец Соррини! вот письмо от бедной.
Лишь только вы ушли, она явилась в дом наш.

Соррини

Да от кого письмо, — какая крайность?

Слуга

От бедной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини *(прерывает его)*

И нынче приходить велел.

Слуга

О господин мой, как она жалка;
Я, слыша речь ее, расплакался.
Шесть, семь ребят в лохмотьях,
Лежащих на соломе без кусочка хлеба
Насущного. Как я вообразил их крик:
«Мать! дай нам хлеба, — хлеба... мать! — дай хлеба!»
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини

Молчи, молчи — не то и я заплачу!..
О боже мой, пошли благословенье
На бедную, забытую семью.
Услыши недостойного молитву.

(Слуге громко.)

Дай пять серебряных монет — да от меня —

Слуга смотрит на него. Соррини подходит и говорит тихо.

Ступай; дай ей одну!..

Слуга

Да сжальтеся!..

Соррини (*топнув, громко*)

Как? много?
Добра не делаем мы никогда довольно...

Слуга в смущении уходит.

Алварец

Я удивляюсь вам, святой отец.

Соррини

Ах, замолчите — я молю вас — слышать страшно...
Я самый-самый бедный грешник.

Алварец (*глядит в окно*)

Вот и жена моя идет из церкви,
А с ней Эмилия с своими четками.

Соррини (*в сторону*)

Идет прелестная! пусть бережется; если
Заронит искру пламя в эту грудь,
Оледеневшую от лет... то нелегко
Она избегнет рук моих — мне трудно
Носить поныне маску — и что ж делать?
Того уж требует мой сан. Ха! ха! ха! ха!..

Эмилия и донна Мария входят.

Как счастлив я, что вижу, наконец,
Прелестную Марию — и тебя,
Невинную Эмилию. О! Алварец!
Не должен тот роптать на провиденье.
Кто обладает этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было от солнца
Их защитить.

Алварец

Эмилия, поди сюда.
Я объявил отцу Сорринию,
Что влюблена ты.

Эмилия (*покраснев*)

Батюшка!

Алварец

Молчи.
Отец святой тебя наставить хочет
В том, как вредна любовь, — а ты,
Ты слушай со вниманьем — чтоб ни слова
Не кинул он на воздух — сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь — он тебе откроет
Опасность страшную любви.

Соррини

Да, если мне позволил ваш родитель,
То я готов неопытность ввести
На лучший путь. Там нет цветов,
Там терния, но цель, к которой мы
Приходим, веселит нас — а былое
Печально или весело, смотря по тем
Мгновениям, когда о нем воспоминаешь.
Итак, всего важней последствие;
Коль к доброму концу деянья наши,
То способы всегда уж хороши,
Какие б ни были — страшись Фернанда!
Он льстит тебе, обманет — или,
Положим, на тебе он женится, —
Но это для того, чтоб быть богаче.

Алварец

Да этого не будет никогда;
Скорей все мертвые воскреснут.

Соррини

Не говорите этого — бывают
Такие случаи. Но вас, Эмилия,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть может, притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вам случай,
Которому свидетель был в Мадрите,
При инквизиции святой.

У девушки одной любовник был,
Красивый, молодой и умный малый,
И, так сказать, на все удалый.
И он красавицу мою любил,
И очень долго это продолжалось;
Как, наконец, заметила она,
Что, от нее без грусти удаляясь
Под разными предлогами, не стал
Он находить веселья в разговоре нежном,
Что к ней он вовсе охладел,
Что не дивился уж красе ее наряда
И призывающего взгляда
Он понимать уж не умел.
Как женщине все это не заметить,
Когда вся жизнь ее в том только состоит?..
Вот ревность в грудь ее, как червь, закралась
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто без обиняков скажу,
Она любимца отравила,
И он скончался в двое суток,
Но так как бедный сей испанец
Служил при инквизиции писцом,
То в дело все вошли по праву мщенья:
Преступницу наказывали долго,
Именье в пользу церкви обратив, —
И наконец замучили до смерти!

Все содрогаются.

Вот следствия любви!.. страшись, Эмилия.
На мячик сердце в нас походит, положи
Ты на крутой горе его тихонько,
И он не тронется — но раз толкнув,
За ним хоть бросишься, но не догонишь.
Не так ли говорю я?

Алварец

Точно так.
Вы совершенно справедливо поступили
С несчастною преступницей! — как? отравить
Служителя священной инквизиции?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини

Нет! я совсем не говорю сего.

(Кидая взор на Эмилию.)

Я слишком жалостлив, — насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Все члены у меня, хладея, трепетали,
И осуждал мой ум, что пальцы написали!..
Но такова судьба судей земных!
Все люди мы; и ослепленье страсти,
Безумное волнение души должны мы
Прощать, когда мы излечить не в силах.

Донна Мария

Ах! я и прежде так судила.

Алварец

И в самом деле правда это!

Соррини *(радостно в сторону)*

Они меня боятся!

Эмилия

Позволь тебя спросить мне, батюшка,
К чему все это клонится.

Алварец

К тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Об том, что более Фернандо не увидишь —
Он нагрубил мне нынче. И навеки
Его из дому я прогнал.
Не смей с ним видеться тихонько; и́наче
Страшися оскорбленного отца...
Прощаю я твою любовь, как бы порок,
В котором ты исправилась. Надеюсь,
Что это будет так по крайней мере.

Соррини

Утешьтесь, нежная Эмилия!
Любовь пройдет, самим вам будет легче.

Эмилия *(сквозь слезы)*

Довольно и того, что сделали;
Но для чего смеяться надо мной?..

(Плачет.)

Эмилия уходит, закрыв глаза платком. Все в изумлении.

Соррини

Как резко вы сказали, Алварец!
Нечаянный удар вослед себе
Ведет раскаянье нередко.

Алварец

Э, нужды нет, отец Соррини, —
Ведь надо было бы открыть;
А чем скорей, тем лучше...

Соррини

Не всегда.
Вы знаете ли: женщина цветок,
Который, если вы его согнете вдруг, —
Изломится.

Донна Мария

Да не угодно ль вам
Позавтракать, отец Соррини.

Соррини

Благодарю, прекрасная Мария!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владеет. До свиданья! Донна, до свиданья!
И вы, почтенный друг мой, Алварец!
Желаю, чтоб небес благословенье
Сошло на дом ваш... и... чтоб ваша дочь
Утешилась скорей; я думаю,
Она и не замедлит. Ха! ха! ха! прощайте!

(Уходит, низко кланяясь.)

Алварец

Когда еще нам сделать честь придет
Вам в голову, то, верьте мне,
Открыты будут ежедневно двери
Мои для вас... как сердце... *(кланяясь)* одолжите!

Соррини, провожаемый до двери, уходит, наконец.

Ну, слава богу!.. он такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему.
Боюсь таких людей, которые всегда
На языке своем имеют: да! и да!
Хоть сердятся они — не знаешь извиниться,
Затем, что с виду всем довольны.
Но с кем бранился я — с тем можно помириться!..

Уходят все.

СЦЕНА II

Ночь. Театр являет сад и балкон с левой стороны. На него выходит Эмилия. Балкон соединен ступенями с садом. Эмилия сидит. Месяц над деревьями.

Эмилия

Все тихо! — только это сердце беспокойно;
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня он удержался.
Ужели для меня не мог он? — вот мужчины!
Ужели мненье моего отца
Ему дороже, чем любовь моя?
Теперь уж некому меня утешить;

(молчание)

Уж эти мачехи! — презлобные творенья;
И этот иезуит! — ведь надобно ж
Мне окруженной быть таким народом!..
О! если б мог прекрасный месяц озарить
Хотя последнее свиданье наше.
Фернандо разлюбил меня, конечно,
А то бы он пришел проститься; я прощаю
Его горячность; но зачем нейдет

Он извиниться в этом предо мною...
Ему грозил отец мой; это правда!
Попробую сойти!

(Сходит с балкона.)

Там кто-то шевелится!
Как бьется сердце!.. но чего бояться:
Ведь я одна... а если кто-нибудь!..
Кто там?.. тень шевелится на земле...
Ах! боже мой!.. куда уйду...

Слышен голос

Эмилия!..

Эмилия

Ах! ах! святой Доминго, помоги!
Злой дух ко мне идет.

(В страхе не знает, что делать.)

Фернандо *(выходит в черном плаще)*

Эмилия!..
Мой голос страшен для тебя... ты испугалась!..

Эмилия

Нет! нет!.. ах, сядем! я дрожу!..

Фернандо *(берет ее за руку)*

Ты права!
Но отчего я испугал тебя так сильно?..

Они садятся на скамью.

Эмилия

Ну что ж ты скажешь?

Фернандо

Я пришел проститься!..
Проститься! — в первый раз такое слово
Должно меня печалить... знаешь ли,
Я думаю, что был бы счастливей,
Когда бы не с кем было мне проститься...
Ты будешь плакать — мне двойная мука...

Эмилия

Сам виноват! ведь я тебя просила...
Ты не хотел. Кто ж виноват? кто ж виноват?

Фернандо

Нет, я не мог, клянуся небом!
Ты знала нрав мой — для чего писала?..
Но все уж кончилось — не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватым
Мне было б тяжело — ты это знаешь!..
Что сделано — то сделано...

Эмилия

Где будешь
Ты жить теперь, Фернандо?..

Фернандо

Где! где жить?..
Ты мне напомнила ужасное!..
Зачем такой вопрос?.. ты знала,
Что не имею я ни друга, ни родни,
Ни места в целом королевстве, где б
Я мог найти приют. Последний нищий
Имеет то, чего я не имею:
Он равнодушно и спокойно просит хлеба.
Вообрази: лишь ты одна на свете
Сказала мне: люблю — тебе одной
Я поверял все мысли, все желанья;
Ты для меня: родня, друзья — ты все мне!..
Гордися этим!.. так, Эмилия:
Мы созданы небесным друг для друга;
Ты — все для сердца этого — и бог
Не так жесток, чтоб все отнять
У человека!

Молчание.

Эмилия

Знаешь, говорят, не должно
С мужчиной девушке сидеть в полночь...

Фернандо

Со мной сидеть не бойся никогда.

Эмилия (*кидается ему на шею*)

О! милый! — как мне грустно! будто
Свинец в груди наместо сердца...
Как вспомню, что в последний раз тебя
Здесь вижу — слезы остановятся, дыханье
Редеет... то боюсь, чтоб не пришел отец мой,
То — чтобы час прощанья не пришел...
Ко мне ужасные теснятся мысли;
Вчерась я видела во сне, что ты
Меня хотел зарезать.

Фернандо (*мрачно и быстро*)

Перестань.
Взгляни на тихую луну! о, как прекрасна!
И облачка вокруг нее! — луна,
Луна! — как много в этом звуке чувств —
Что будет, что теперь и что прошло, все в нем
Соединяется — и что прошло!
И кто б подумать мог, что та ж луна,
Которая была немой свидетель
Минуты первой... у ручья... в горах — ты
помнишь —
Что та ж луна свидетель будет
Разлуки, нежная Эмилия!..
Взгляни опять: подобная Армиде
Под дымкою сребристой мглы ночной,
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас — посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах — помнишь — помнишь —
В тот вечер все так было — кроме

Судьбы Фернандо — небо и земля
Все те же — только люди! — если б ты
Не причислялась к ним, то я б их проклял...

Эмилия

Да разве ты не человек же?

Фернандо

О! я себя бы вместе с ними проклял!..

Эмилия

За что это?

Фернандо

За то, что не могу
Я видеть хладнокровно, как они
Стараются друг другу делать зло,
С притворной добротой, когда совсем
Не просят их; за то, что не могу
Я видеть общего стремленья к ничему,
Или для золота разбитые сердца!..
За то... Эмилия... о! я злодей —
Я мог бы сделать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но как взгляну на будущность... на жизнь,
Бесцветную, с прошедшим ядовитым...
Тогда... Эмилия... тогда я жертвовать
Готов твоим блаженством, чтоб иметь
Близ этой груди существо такое,
Которое понять меня б могло!
Желаю, чтобы вечно час такой
Не приходил... но! — не люби меня...
Ты видишь нрав мой — позабудь меня...
Забудешь ли?

Эмилия

Что, если б я сказала: *да?*
Не говори в другой раз то, чего не мыслишь...

Фернандо

Мой ангел, ангел... ты понять не можешь, как
Любовь твоя меня терзает.

Фернандо обнимает ее и она его.

О, если счастье неба будет
Иметь так много горечи, как этот
Единый поцелуй, то я бы отказался
От рая добровольно. Ах! Эмилия!
Ступай ты лучше в монастырь,
Ступай в обитель — скрой себя от света,
Умри!.. предвижу много страшного!..
О, если б никогда ее не знал я!

Звон.

Полночь!.. прости!.. но что за шорох...

Молчанье.

Мы пропали!
Я позабыл калитку затворить...
Беги!.. беги!..

Эмилия

Спаси нас царь небесный!

(Уходит на балкон и скрывается.)

Фернандо *(вынимает шпагу)*

Кто там! заплатишь дорого
За это любопытство мне!

Ударяет по кусту; вскрикнув, выползает жид седой и бросается на колени.

Моисей

Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо

Вздор, вздор... ты слышал — и умрешь.
Признайся, ты подослан.

(Шпагу подставляет к горлу.)

Моисей *(на коленях)*

Нет.

Фернандо

Ты лжешь...

Моисей

Страшись убить напрасно старика;

(кидается в ноги, обнимает колени)

Спаси меня... у нас ведь бог один...
Меня преследуют... быть может, твой
Отец в живых... я сам отец... о, для него
Спаси меня от инквизиции...
Возьми именья половину... но зачем
Ругаться попусту над сединами —
Тебе заплотит бог твой... у меня
Есть дочь, что будет с нею, если ты
Меня не пощадишь... что будет с нею...
О! сжалься, сжалься!

Фернандо

У тебя есть дочь!..
А я хотел?.. о... нет! довольно в свете
Сирот и без нее... возьми

(кидает ему не глядя плащ и шляпу)

надень!..
Иди за мной — ни слова... или смерть!..
Ни слова — я хочу тебя спасти!..

Моисей

Как!.. как!..

Молчание. Жид в изумлении. Испанец с презреньем глядит на него.

Клянусь Иерусалимом,
Что он не христианин... это верно.

(Надевает плащ и шляпу.)

Фернандо

Собака! что сказал ты... что сказал ты?..
Не смей закон мой поносить при мне...
Пойдем.

Являются издали факелы и люди с другой стороны.

Моисей *(тихо про себя)*

Но если он меня предаст,
Но если он...

Фернандо

Ты видишь факелы! пойдем.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

В доме Соррини; комната, где он угощает бродяг, чтоб они ему служили. Несколько испанцев сидят за двумя столами, кричат, смеются и пьют. Слуги разносят вины.

1-й испанец *(бродяга)*

Да, если инквизиция святая
На тот конец учреждена была,
Чтоб нас кормить, то дай бог ей здоровья...
Соррини, впрочем, очень добрый малый,
Хотя ханжит немного — но с летами,
Когда придет пора рассудка, можно
Надеяться на исправленье.

2-й испанец

Ты, конечно,
Ослеп и белое за черное берешь,
Как все слепые... ха! ха! ха!.. не так ли?

(Пьет.)

1-й испанец

Могу заверить вас, друзья мои,
Что молод патер наш. Не телом, так душой.
Как любят женщины его поныне,
И как он сам их любит, вопреки закону!

3-й испанец

Он женщинами столько же любим,
Как нами!..

1-й испанец

Разве ты его не любишь?

3-й испанец

Ну да! когда накормит хорошо.
Но, ergo[1], эта нежная любовь
Проходит с голодом и с жаждой!..

4-й испанец

А я готов побиться об заклад,
Что наш Соррини плутни затевает
Опять. Уж эти угощенья не к добру.
Так, — помнишь ли: ему хотелось,
Чтоб мы зарезали дон Педро
И дом его сожгли?.. Уж то-то пиршество
Он задал нам — или в другой раз,
Пред тем, чтоб нам велеть похитить для него
Красавицу бургосскую, от тетки.
Вот дьявольское было дело! — positum:[2]
Теперь он также затевает плутни!..

1-й испанец

Эх! что нам в том! ведь надо ж есть и пить,
притом же
Он наш заступник в инквизиции.

3-й испанец

Однако же не худо бы ему
Своим гаремом поделиться с нами;
Не то все гурии завянут — или
Им будет слишком тесно, наконец.

5-й испанец *(за другим столом)*

Вина! *(Кричит.)*

---

[1] следовательно *(лат.)*.
[2] нужно полагать *(лат.)*.

Слуга

Сейчас... в минуту...

5-й испанец

К черту ждать! вина!
Будь проклят ты с своим Сорринием!..

Слуга *(подает стакан)*

Вот вам вино.

5-й испанец

Прегадкое, с водой.
Поди ты к черту с ним — ракалия!..

(Бросает стакан на пол и обливает 2-го испанца.)

2-й испанец *(горячо)*

Послушай! — будь вперед поосторожней!
За это бьют у нас.

5-й испанец *(вскочив)*

Чего ты хочешь, ты?

2-й испанец

Я говорю, чтоб ты вперед остерегался!..
Не то...

(схватывает стул)

я стулом рассчитаюсь!..

5-й испанец

Клянуся честью, ты в живых не будешь.
Я вырву твой язык.. и псам
Голодным на обед отдам!..

(Вынимает кинжал.)

Уж я тебя достану...

(Бросается на него.)

3-й испанец

Погодите.

Другие удерживают их.

Оставь кинжал, а ты свой стул и станьте,
Как должно в поединке — шпаги выньте,
А секундантов будет уж довольно.

Они вынимают шпаги и становятся.

Вот так... начните,

(начинают)

хладнокровней только...
А ты уж слишком близко наступаешь...
Зачем так горячишься ты?..

2-й испанец *(перестав)*

Я тронул.

5-й испанец

Нет!..

1-й испанец

Смотрите, чтоб при первой крови кончить.

5-й испанец *(нападая)*

Он жизнью мне своей заплотит.

1-й испанец *(четвертому)*

Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый!..

2-й испанец отступает, тот на него нападает, и вдруг ранен в плечо, их разнимают.

3-й испанец

Товарищи, довольно — помиритесь!.

4-й испанец

Конечно; мир за бранью следует всегда.

5-й испанец

Пожалуй, я готов... твоя победа.

2-й испанец

Итак, мы вновь друзья.

5-й испанец

Но знаешь ли,
Когда б они меня не удержали,
То я сдержал бы обещанье,
И, верно б, твой язык собаки съели!

Входит Соррини, они все низко ему кланяются.

Соррини

Какой я слышал шум!

5-й испанец

Да! мы немножко
Повздорили, почтенный патер, но
Все кончилося примиреньем... *(К другим.)* так ли?

Соррини

А я пришел вам дать препорученье:
Столь важного давно не исполняли вы!..
Вопрос: вы знаете ли Алвареца?

Все

Знаем!

Соррини

Есть у него жена.

Все

Жену?

Соррини

Нет! нет!.. не то!..
Я к ней подделаться хочу, чтобы она
Не помешала вам похитить дочку,
Она на это, верно, согласится,
Затем, что если дочери не будет,
То ей именье все достанется
По смерти мужа... а его кончины час
Она приблизит уж по-своему.
Но дело не о том теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,

И я... но вы уж знаете! зачем
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мне ужасно... я горю
Любовью к ней!.. готов я всю казну
Мою отдать вам... только б вы
Эмилию мне привезли! — что только можно,
Яд, страх, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мне испанку привезите...
И всё, всё тайно доведите
До этого счастливого конца.
Тогда — друзья мои... вы не видали
Такого пиршества... какое будет.
Но слушайте! — я вверил тайну вам —
Страшитесь изменить — о! если
Хоть искра заговора выскочит...
То всех под инквизицию отдам.

3-й испанец

Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху... но есть еще Фернандо,
Который в доме их воспитан...
Он молодец... я видел, как в арене
Пред ним ужасный буйвол упадал.
Его ты не подкупишь... и не так-то
Легко с ним будет справиться.

4-й испанец

Конечно!
Да он же и влюблен в Эмилию...

Соррини *(вспоминая)*

Фернандо! — кто такое! да!.. Фернандо!..
Знакомо это имя что-то мне!
А!.. вот судьба!.. он выгнан из дому
Два дня тому назад безмозглым Алварецом,
За вздор какой-то!.. нечего бояться!..
Но... правда... может он узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортит дело все... нет!.. прежде
Убейте мне его... найдите... справьтесь...

Как вам тогда придет на ум...
Потом Эмилию похитить можно...
Клянусь... я выдумал прекрасно!..

Все *(кричат)*

Пожалуй!.. как ты хочешь, патер.

Соррини

Прощайте! Я надеюсь на вашу скромность.

Половина уходят.

(Про себя.)

Когда ты хочешь непременно,
Чтоб что-нибудь не сделали иль сделали,
То говори, что ты уверен в людях;
И самолюбие заставит их
Исполнить трудное твое желанье.

Остальная половина уходит. Соррини садится в кресла.

Что значит золото? — оно важней людей,
Через него мы можем оправдать
И обвинить, — через него мы можем,
Купивши индульгенцию,
Грешить без всяких дальних опасений
И, несмотря на то, попасть и в рай.
И вот последний год мой уж настал.
Однако ж не уйдет Эмилия
Из рук моих. Я отомщу ей
За смех вчерашний — о, поверь мне,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на коленях
И плакать и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмеешься ты, когда скажу
Что и старик любить умеет сильно;
И в том признаешься невольно ты...
Любить! — смешно, как это слово
Употребляю я с самим собою.
Но я ей отомщу за гордый смех.
Хотя б она была моей последней жертвой —
Последней?.. будто нету денег у меня,
Чтобы купить еще на десять лет

И больше отпущение грехов!
Грехов! ха! ха! ха! ха! — на что оно годится
Для тех, которые ему душой не верят?
А я и без него умею обойтиться.

Входят с радостью толпой испанцы и ведут певца с гитарой.

Испанцы

Вот мы певца пымали на дороге,
Не хочешь ли послушать, он споет
Про старину, про гордых наших предков;
Не хочешь ли, почтенный патер?

Соррини *(поглядывая на певца)*

Благодарю я вас, друзья мои. Нейдет
Мне быть свидетелем мирских веселий
И юности пиров гремящих.
Сединам этим преклоняться должно в прахе
Перед распятым, а не украшаться
Венками радости. Не петь я должен, но
Рыдать, моляся за грехи свои
И ваши — ибо стадо с пастырем: едино!..

(Уходит нагнувшись.)

5-й испанец *(в сторону)*

Что ж! без тебя так нам еще вольнее.

3-й испанец

Признаться, я не верю, чтоб у нас
У каждого одни грехи с ним были.
Мы делаем злодейства, чтобы жить,
А он живет — чтобы злодейства делать!..

Певец

Что ж мне вам спеть, ей-богу я не знаю!..

2-й испанец

Ну полно, брат. Садись и начинай играть,
А песни выльются невольно.
Люблю я песни, в них так живо

Являются душе младенческие дни.
О прошлом говорят красноречиво
И слезы на глаза влекут они;
Как будто в них мы можем слезы возвратить,
Которые должны мы были проглотить;
Пусть слезы те в груди окаменели,
Но их один разводит звук,
Напомнив дни, когда мы пели
Без горькой памяти, без ожиданья мук.

3-й испанец

Ха! ха! ха! ха! разнежился опять...
Опять понес ты вздор давнишний,
Опять воспоминанья, черт бы с ними...

5-й испанец

Баба!..

4-й испанец (*показывает на певца*)

Тс, тс.

1-й испанец

Он начинает!.. слушать!..

БАЛЛАДА

Гвадьяна бежит по цветущим полям,
  В ней блещут вершины церквей;
Но в прежние годы неверные там
  Купали своих лошадей.
На том берегу, поклянусь, что не лгу,
  Хранимый рукой христиан
С чалмой и крестом, над чугунным столбом
  Стоит превысокий курган.

Недалеко отсюда обитель была.
  Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
  За пир садились ночной.
Вот чаши гремят, и поют, и кричат,
  И дверь отворяется вдруг:
Взошел сарацин, безоружен, один —
  И смутился пирующий круг.

Неверный, склоняся челом, говорит:
«Я желаю проститься с чалмой,
Крестите меня, как закон ваш велит!
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обман, из далеких стран
Привели меня к вашим стенам.
Я узнал ваш закон, мне понравился он:
Я жизнь свою богу отдам!»

Но монахи его окружили толпой
И в сердце вонзили кинжал.
И с золотом сняли алмаз дорогой,
Который на шее сиял.
И ругались над ним, со смехом пустым,
Пока день не взошел молодой.
И кровавый труп на прибрежный уступ
Был брошен злодейской рукой.

Не прошло трех ночей, как высокий курган
Воздвигся с крестом и чалмой,
И под ним тот пришлец из восточных стран
Зарыт — но не силой земной!
И с тех пор, каждый год, только месяц взойдет,
В обитель приходит мертвец
И монахам кричит (так молва говорит),
Чтоб крестили его, наконец!..

Многие хлопают в ладоши.

1-й испанец

Прекрасно! очень хорошо.

Все испанцы

Благодарим.
Не хочешь ли вина, искусный трубадур?

Ему подают, и он пьет.

Певец

За здравье папы!.. а потом за ваше!

3-й испанец

Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу...
Пойдемте, с помощью святого Доминика!
Нам бог простит!.. ведь надо людям жить!..

Уходят все с громким хохотом.

СЦЕНА II

Комната у жида, богатые ковры везде и сундуки. Тут стоит на столбике лампа горящая. В глубине сцены две жидовки нижут жемчуг. Все богато. Ноэми входит и садится у стола, облокотившись.

Ноэми

Нет! — не могу работой заниматься!
Шитво в глазах сливается, и пальцы
Дрожат, как будто бы иголка тяготит их!
Молиться я хотела — то же все!
Начну лишь... а слова мешаются;
То холод пробежит по телу вдруг,
То жар в лицо ударится порой,
И сердцу так неловко, так неловко!..
И занимает все воображенье
Прекрасный образ незнакомца,
Который моего отца избавил
От гибели вчера. Дай бог ему все счастье,
Отнятое у нас несправедливо.
Как будто бы евреи уж не люди!
Наш род древней испанского — и их
Пророк рожден в Ерусалиме!
Смешно! они хотят, чтоб мы
Их приняли закон — но для чего?
Чтоб в гибель повергать друг друга, как они?
Они так превозносят кротость,
Любовь к себе подобным, милость, —
И говорят, что в этом их закон!
Но этого пока мы не видали.

Молчание.

Однако ж есть и между ними люди!
Вот, например, вчерашний незнакомец.

Кто б ожидал? — как жалко, что его
Я не увижу — но отец мой
Его так живо описал, так живо!..
Высокий стан, и благородный вид,
И кудри черные как смоль, и быстрый взор,
И голос... но зачем об нем я мыслю?..
Что пользы!.. ах! какой же я ребенок!

Молчание.

Мне скучно! — вся душа расстроена,
И для меня суббота поневоле
Сегодня!.. сердце бьется, бьется,
Как птичка, пойманная в сетке!
Зачем нейдет отец мой? он опять
Злодеям в руки попадется...
Как скучно быть одной весь день;
Все песнь одна; низать и распускать свой жемчуг,
Читать и перечитывать, одеться
В парчу и вновь раздеться, есть, и пить,
И спать... однако ж эту ночь
Мой сон был занимателен и страшен!

Молчание.

Что пользы?

(Кличет.)

Няня! Сара! Сара!
Поди ко мне! — поди сюда! ну что же!..

Сара *(старуха идет)*

Что, милая Ноэми, что тебе!
Иль жемчуг распустила — но ведь я
Стара — мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебе вредит неосторожность,
А мне так невозможность! так ли?

Ноэми

Нет, Сара! жемчуг я оставила низать.

Сара

Что! аль не нравится! вот я
В свои года не тем была довольна!

А этой молодежи нынешней
Все дурно! — что ж меня звала ты?

Ноэми

Так!
Мне скучно!.. я больна!..

Сара

Больна! ах, боже мой.
Так я пошлю скорее за врачом...
Есть у меня знакомый, преискусный!..

Ноэми

Не надо... я не то что бы больна!
А... так! не в духе!.. все нейдет на лад,
Что ни начну!.. мне хочется того, чего
Сама определить не в силах я!..
Мне грустно! — расскажи мне сказку
Про старину! — садись и расскажи!..

Сара

Дай мне припомнить, милое дитя,
Вот видишь!.. память-то слаба,
Я столько слышала, видала, испытала,
Что из толпы моих воспоминаний
Навряд одно вполне перескажу!..

Ноэми

Я видела сегодняшнюю ночь
Ужасный сон! ужасный!.. растолкуй мне:
Мне снилось, что приходит человек,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что он мой брат... но я не испугалась,
И стала омывать потоки крови,
И увидала рану против сердца
Глубокую... и он сказал мне:
«Смотри! я брат твой»... но клянуся,
В тот миг он был мне больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я бога, чтобы жизнь его продлил;
Но этот человек захохотал

И вдруг воскликнул: «Перестань молиться!
Я брат твой! ныне братьев ненавидят!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христианин — и не брат твой;
Я над тобой хотел лишь посмеяться!»
И он спешил уйти... и я схватила
Его широкий плащ... но что ж? — в руках
Остался погребальный саван! — я проснулась...

Сара

Он братом называл себя твоим?

Ноэми

Но это вздор! — я не имела брата!
И никогда иметь не буду!..

Сара

О! Ноэми!
Не говори!.. случиться это может!..

Ноэми

Как может!.. как? нет, это невозможно!

Сара

Послушай — у тебя *был* брат.
Он старше был тебя... судьбою чудной,
Бежа от инквизиции, отец твой
С покойной матерью его оставили
На месте том, где ночевали;
Страх помешал им вспомнить это...
Быть может, думали они, что я
Его держала на руках... с тех пор
Его мы почитали все умершим
И для того тебе об нем не говорили!
А может быть, он жив — как знать!
Ведь божья воля неисповедима!

Ноэми

Ах, Сара! Сара! нет, он умер!..
Увял он как трава пустыни и как цвет
Полей засохнул!.. так, он был рожден для жизни,

Он был рожден, чтоб быть мне другом, —
О Сара! если умер он — как счастлив,
И как должна я плакать об себе!
Гонимый всеми, всеми презираем,
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше — все не наше.
Но час придет, когда и мы восстанем!..
Так говорит писанье, так я верю —
Зачем и нет? — что сделал мой отец
Сим кровожадным христианам? деньги
Имеет он и дочь — вот все его богатство;
И если б он уверен был найти
Отчизну и спокойствие, то, верно б,
Свои все деньги отдал людям,
Которые его поныне притесняли,
Однако ж и меж них есть добрые.

Сара

Да, да, вот тот испанец молодой,
Который спас намедни Моисея!
Родитель твой хотел вознаградить
Его звенящим кошельком — но он
Его ногами истоптал, сказав:
«Собака! жизнь твоя сего не стоит!
Я не наемник твой». Прости ему всевышний
Подобные хулы за то,
Что спас он одного из гибнущих сынов
Израиля!..

Ноэми

Прости ему всевышний!..

Сара *(подходит к окну)*

Какая ночь! — В такую точно ночь
Я стала жертвою любви! — Иосиф мой!
О, если б ты меня теперь увидел,
Ты испугался бы; в то время я цвела,
Мои глаза блистали, как алмазы,
И щеки были нежны, точно пух!..
Увы! Ноэми, кто б тогда подумал,
Что этот лоб морщины исчертят,
Что эти косы поседеют! — то-то время!..

Ноэми

Что мой отец нейдет!..

Сара

Чу! вот сова кричит — ужасный крик!
Я не люблю его! — во мне все жилы
Кровь оставляет при подобном крике!..

Стучат в дверь.

Ах! верно, твой отец пришел!.. ну ж поздно!..

Голос

Скорее отоприте! отоприте!

Служанки, сидевшие за шитьем, бросаются и отпирают, входит Моисей, ведет Фернандо с перевязанной рукой, сей едва идет.

Моисей

Ноэми! Сара! помогите, помогите!..
Измучен я усталостью... и страхом.
Он истекает кровью... о! проклятье
Злодеям!.. дайте кресло и подушки;
Он истекает кровью!..

Дают длинную подушку и кладут на пол, его сажают и поддерживают голову ослабевшую.

Будь Авраам свидетель, эта ночь
Ужасней той, когда я сына потерял;
Тому *я* дал существованье,
А *этот* возвратил мне жизнь!..
О бог, бог иудеев, сохрани
Его, хоть он не из твоих сынов!..

Фернандо

Кто здесь моих убийц так проклинал?
Зачем? Они хотели сделать мне добро,
Освободить от мук! так земляки мои
Всегда добро друг другу делают!

О, перестаньте —

(как от сна)

где я? кто со мной?

(Поднимает голову.)

Благодарю того, кто спас меня — но кто он?..

Моисей

Ты спас его недавно сам:
Он здесь перед тобой, еврей, гонимый
Твоим народом, — но ты спас меня,
И я тебе обязан заплатить,
Хоть я в твоей отчизне презираем.
Так, дочь моя, вот мой спаситель!..

Ноэми *(становится на колени и целует руку)*

Еврейка у тебя целует руку,
Испанец!..

(Она остается на коленях и держит руку.)

Фернандо *(Моисею)*

Что сказал ты, иноверный!
Отчизна! родина! — слова пустые для меня,
Затем, что я не ведаю цены их;
Отечеством зовется край, где наши
Родные, дом наш и друзья;
Но у меня под небесами
Нет ни родных, ни дома, ни друзей!..

Ноэми

Когда ты не нашел себе друзей
Меж христиан, то между нас найдешь;
Ты добр, испанец, — небо справедливо!..

Фернандо

Я *был* добр!..

Моисей *(стоя над ним)*

Кровь течет из раны;
Перевяжите — как он побледнел.

Фернандо

У волка есть берлога, и гнездо у птицы —
Есть у жида пристанище;
И я имел одно — могилу!..
Чудовище! зачем ты отнял у меня
Могилу!.. все старанья ваши — зло!
Спасти от смерти человека для того,
Чтоб сделать зло! — безумцы;
Прочь!.. пусть течет свободно кровь моя,
Пусть веселит... о! жалко! нет монаха здесь!..
Одни евреи бедные — что нужды?
Они всё люди же — а кровь
Приятна людям! — прочь!

(Срывает перевязи.)

Ноэми

Отец мой!

(В отчаянье.)

Он сорвал перевязку! — он умрет.

Все бросаются опять навязать.

Сара

О! как он ослабел, несчастный...
Какая бледность покрывает щеки:
Как жалко!..

Фернандо

Дайте пить мне, я горю;
Язык засох... скорее, ради бога!

Сара уходит за питьем.

Ноэми

Испанец, успокойся! успокойся!
Ты был несчастлив, это видно,
Хоть молод. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говорим,
Что он несчастлив, то снимаем тягость
С его души!.. Ах! как бы я желала,
Чтобы ты стал здоров и весел!..

Фернандо

И весел!.. *(Стонет.)*

Ноэми

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тот еврей — отец твой,
И воображение тебя утешит:
Оно дано нам, людям, для того,
Испанец!

Фернандо

Девушка! ты дочь его!

Ноэми

Ты отгадал, ты спас отца мне!
И он тебя спасет. Я заклинаю
Тебя твоим законом, перестань
Тревожиться печальной думой:
Она вредит здоровью твоему,
Разгорячает кровь.

Сара приносит стакан.

На, выпей!

Фернандо

Благодарю! твои слова напитка лучше!..
Когда о мне жалеет женщина,
Я чувствую двойное облегченье!
Послушай: что я сделал этим людям,
Которые меня убить хотели?
Что не разбойники они, то это верно.
Они с меня не сняли ничего
И бросили в крови вблизи дороги...
...О, это все коварство!.. я предвижу,
Что это лишь начало... а конец!..
Конец... *(вздрогивает)*, что вздрогнул я? —
что б ни было,
Я уступлю скорей судьбе, чем людям...
Оставь меня покуда!

Она встает и отходит; но издали все на него смотрит.

Сара *(подходит к Моисею)*

Скажи, молю тебя, как ты его нашел?
Я это все за сон принять готова!..

Моисей

Пошел к раввину я: он был мне должен;
Он задержал меня часа с четыре,
Хоть против воли: ночь уже была
Темна, и я, в сапог засунув
Свой кошелек, боясь воров, пошел
Домой. Луна вставала, над болотом
И между гор густой туман дымился;
Иду я, недалеко уж отсюда,
Густым леском — и слышу звук шагов!..
Все жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за куст:
Сижу — дрожу — передо мной была поляна,
И месяц ударял в нее лучами;
Шесть человек стояли на поляне,
И слышу: «Этой самою дорогой
Идти он должен ныне... ну ж не знаю,
Как он кинжалы наши выдержит.
Мне жалко бы его убить до смерти,
Он малый славный и к тому ж бедняк!
Да делать нечего, когда велел нам патер
Его отправить в дальную дорогу!..»
Едва окончена была такая речь,
Как вдруг я слышу крик и звук кинжалов;
Он долго защищался, наконец
Упал, и все они в минуту разбежались,
Как будто мертвый был страшней живого!..
Когда утихло все, я вышел посмотреть,
Кто был несчастной жертвою злодейства,
И что ж? мой благодетель, мой спаситель! —
Я различил черты его при свете
Луны... он ранен был легко,
Но, странно, не узнал меня
И, будто по природному влеченью,
Встал... я понес его... он все шептал,
Но я не понял слов... потоки крови

Бежали на меня... так я принес
Несчастного сюда!.. Бог сделал это чудо!..

Сара

И точно, это чудо, Моисей!..

Ноэми *(которая в то время опять села у ног Фернандо)*

Что? утихает боль твоя иль нет?..

Фернандо

Дай руку мне! о нежное созданье,
Как обо мне она печется...

Моисей *(Саре)*

Поди постель ему ты приготовь,
Я тотчас сам приду туда...

Сара

Да как
Его зовут, кто он такой, нельзя ль узнать?

(Уходит.)

Моисей *(подходит)*

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты и как тебя зовут?

Фернандо

Когда я жизнь свою подвергнул для твоей,
То спрашивал ли: как тебя зовут?..

Молчание.

Меня зовут Фернандо!
Вот все, что я могу сказать, другое
Пусть спит в груди моей, как прах твоих отцов
В земле сырой!.. я не скажу моих отцов.
Я ни отца, ни матери не знаю!..
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично об таких вещах!..
Ты этим ни отца, ни матери не дашь мне!

Ноэми

Я буду для тебя сестрой.

Фернандо

Ты для меня сестрой не будешь!

Ноэми

Зачем же отвергать так своенравно
Того, кому ты можешь вверить горесть
Души твоей — ужель различье веры?
Ужели хочешь ты, чтоб я
Раскаялася в том, что иудейка!..

Фернандо

Бог сохрани меня от этой мысли:
Ты цвет пустыни, ты дитя свободы:
Без правил любишь ты, — испанцы только
Без правил ненавидят ближних!..
У них и рай и ад, все на весах,
И деньги сей земли владеют счастьем неба,
И люди заставляют демонов краснеть
Коварством и любовью к злу!..
У них отец торгует дочерьми,
Жена торгует мужем и собою,
Король народом, а народ свободой;
У них, чтоб угодить вельможе или
Монаху, можно человека
Невинного предать кровавой пытке!..
И сжечь за слово на костре, и под окном
Оставить с голоду погибнуть, для того
Что нет креста на шее бедняка,
Есть дело добродетели великой!
О боже, сохрани меня от мысли,
Что ты должна принять их предрассудки;
Но между них одно есть существо,
Но между демонов один есть ангел
Души моей... но замолчу об этом...

Ноэми

Ты горячишься, это увеличит
Твое страданье с болью ран твоих;

Не хочешь ли чего-нибудь?.. усни...
Вот мой отец придет: он приготовил
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы все достанем, только будь спокоен;
Иль кровь опять начнет течи из ран.

Фернандо *(в сторону)*

Эмилия далеко от меня;
О, если б эта милая еврейка
Была Эмилия!.. как скоро бы все раны
Закрылися, кроме одной;
Но рана эта так приятна сердцу!..
Эмилия! Эмилия!.. быть может,
Умру я здесь, далеко от тебя;
И ты моей могилы не найдешь;
И от последней, от тебя я буду
Забыт!.. забыт!..

Моисей

Усни! постель уже готова...
Эй! Сара! помоги поднять его.

Две еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей подымают слабого Фернандо и уводят. Ноэми одна остается.

Ноэми

Проникло сожаленье в грудь мою;
Так вот кого я так желала видеть,
Не ведая желанию причины!..
Нет, нет, я не спасителя отца
Хотела видеть в нем;
Испанец молодой, с осанкой гордой,
Как тополь стройный, с черными глазами,
С такими ж черными кудрями
Являлся воображенью моему,
И мною овладел непостижимой силой,
И завладел моим девичьим сном;
Отец мой так его подробно описал.

Молчание.

О, как судьба людьми играет!..
Кто б отгадал, что этот человек,
Недавно спасший моего отца,
Сегодня будет здесь, у нас, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мне кажется, я чувствую любовь
К нему — не сожаленье, а любовь!
Как это слово звучно в первый раз!..
Когда он говорит, то сердце у меня
Трепещет; точно как боится,
Чтоб сердце юноши не перестало биться;
Когда ж произношу его названье,
Хотя бы в мыслях только я сказала:
Фернандо!.. то краснею, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь!..
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви! — все любят — что же тут худого;
Так точно — ничего худого нет в любви;
К чему же совесть тут мешается
И будто сердце предостерегает?..
Но как же слушаться ее?..
Как не любить! — ах! без любви так скучно;
И даже думать не о чем! — о боже!
Храни его! храни обоих нас:
Прости любовь мою!.. я не могу иначе!..

(Она стоит в задумчивости.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

СЦЕНА I

В доме Алвареца. Спальня донны Марии. Большое зеркало, стол и стулья. Алварец в креслах. Мария перед зеркалом надевает что-то на голову.

Алварец

Желал бы я узнать, зачем сюда
Эмилия здороваться нейдет;
Уж верно, плачет о своем любезном
Иль с цитрою мечтает на балконе.

Вот дочери! — От них забот гора,
А нет ни утешенья, ни добра.

Донна Мария *(оборачиваясь)*

Как думаешь, любезный мой супруг,
Идет ли мне вот это ожерелье;
И можно ли так показаться в люди?
Оно не дурно!..

Алварец

Все к тебе идет.
И если б ты явилась мне теперь
В измаранном и самом гадком платье,
То, я клянусь мечом отцовским,
Любил бы я тебя как прежде,
И столько же прекрасна ты б казалась
Моим глазам.

Донна Мария

Неужли? ах, мой милый!..
(В сторону.)

Он думает, что только для него
Я одеваюсь, как прилично мне.
Возможно ль быть самолюбиву так,
Возможно ль быть так глупу — как мужья?..
Да странно, что так много требуют от нас;
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь в свете?

Алварец

Говорил я
Тебе уж о намеренье своем
Иль нет?..

Донна Мария

А что такое?

Алварец

Слушай:
Хочу я замуж выдать дочь свою;

Боюсь, чтоб не ушла она с Фернандо;
Жених готов: богат он и умен...

Донна Мария

Ах, милый друг, не рано ли?
Нет, погоди — она так молода.

Алварец

Да слушай: ведь жених-то редкий;
Он храбр, в честях, любезен и богат...

Донна Мария

Да хочет ли он сам жениться?

Алварец

Я покажу тебе письмо его,
Оно вот в этом ящике лежало.

Хочет отпереть ящик у стола. Мария смущенная подходит. Он дергает.

Да что ж? — он заперт у тебя — дай ключ...

Донна Мария

Что хочешь ты?

Алварец

Дай ключ!

Донна Мария

Что?

Алварец

Ключ мне!

Донна Мария

Ключ?
Ах боже мой, я, верно, затеряла!
Да после мы найдем...

А л в а р е ц

Как после! для чего
Не то́тчас?

Д о н н а М а р и я *(в сторону)*

Если он увидит, я пропала!

(Ему.)

Да после я найду письмо твое!..
Зачем сердиться из пустого — как смешно!..

А л в а р е ц

И ключ потерян? черт возьми! — досадно!

С л у г а *(входит)*

Ждет лошадь у крыльца. И все готово...

А л в а р е ц

Да я совсем забыл, что надо ехать;
Прощай, моя Мария, — до свиданья.

(Целует ее и уходит.)

Д о н н а М а р и я *(одна)*

Ах! — наконец, от сердца отлегло!..
Переложу в другое место я
Подарок патера Сорриния с письмом
Его.

(Вынимает ключ. Из стола вынимает ящик.)

Прекрасный жемчуг, нечего сказать!..
Алмазы в кольцах точно звезды блещут!
За это мне не должно помешать
Увесть Эмилию!.. о старый сластолюбец,
Богат ты... оттого твои подарки малы;
Но так и быть, согласна я
На предложение твое, Соррини!..
Эмилия самой мне надоела.
Но, впрочем, этим ей не много зла
Я сделаю... невинной девушке

Приятно быть любимой стариком,
Как старой молодым; затем
Что пылкость одного бесчувствие другого
Обыкновенно заменяет!..
Наскучила уж мне Эмилия давно.
Покуда здесь она, боюсь
Я пригласить к себе кого-нибудь.
И хорошо, что патер захотел
Избавить от нее; и жалко только,
Что мужа моего увесть никто не хочет!..

(Смотрит на ящик Сорриния.)

Какое множество природных недостатков
Покроют эти малые алмазы,
Как много теней в блеске их потонет!..
И за подобное благодеянье,
Мне не пожертвовать бессмысленной девчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? — ха! ха! ха! ха!

(Смотрит письмо Сорриния, которое было в ящике.)

Мой муж, я думаю, уехал на́долго,
И нынче наш монах пришлет людей,
Которым и вручу подарок свой!
А для меня же лучше, чтоб Соррини
Ее имел, чем муж законный.
Алмазы, жемчуг градом на меня
Посыплются, и я поеду в город,
И удивленье поразит моих соперниц,
Когда явлюсь в арену; я сто глаз
У них украду силой красоты...
Никто не отгадает, что сей жемчуг
Ценою слез невинных куплен!..
Но! — я придумала. В Мадрит отправлюсь,
Там получу прощение грехов,
И совесть успокоится моя...

Ставит ящик с жемчугом на кровать и оборачивается. Эмилия входит бледная, в черном платье, в черном покрывале и с крестиком на груди своей.

Донна Мария

Здорова ли, моя Эмилия?
Как ты спала?..

Эмилия

Благодарю вас;
Спросите лучше, как я не спала.
Уж сон давно бежит моих ресниц...
С тех пор...

Донна Мария

О! знаю, знаю, милый друг;
Я чувствую вполне твое несчастье
И все бы отдала, чтобы помочь тебе;
Клянусь душой!..

Эмилия *(с нежным упреком)*

Итак, одно лишь слово
Всего дороже было вам.

Донна Мария

Ты мне простишь.
Не знала я, что любишь ты так сильно,
И только остеречь тебя желала.
Но ныне я ошибку ту заглажу...

Эмилия

Один спаситель мертвых воскрешал.

Донна Мария

Зачем ты так бледна и в черном платье
И в черном покрывале?

Эмилия

Я слыхала,
Что черный цвет печали цвет.

Донна Мария *(берет ее за руку)*

О, не грусти, я все поправлю.

Эмилия

Что отнял бог, того не отдадут
Нам люди. А что люди взяли,
То может возвратить одна могила!..

Донна Мария

Ты от Фернандо это слышала наверно!
О, памятлива ты!

Эмилия отворачивается.

Но успокойся!
Тот, кто достоин был воспоминанья,
Тот и тебя достоин. Испытанья
Пройдут. И я тебе клянуся,
Что упрошу жестокого отца.
Позволит он соединиться вам;
И счастие опять украсит
Твои ланиты пламенным румянцем;
Не плачь, не плачь — не все гроза бушует,
Проглянет солнце, и цветок, измятый
Порывом ветра, встанет обогреться...

Эмилия

Не смейтесь над несчастьем, чтобы вам
Не заплатило небо тем же.

Донна Мария

Боже,
Храни меня смеяться над тобой;
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будет муж твой;
Поверь: мои старанья совершат
Блаженство то, к которому так сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилия *(с рыданьем бросается к ногам Марии и обнимает колени)*

Я не ищу блаженства — нет его,
Нет в свете ничего — Фернандо умер —
Он умер — умер — он погиб навеки.

О! плачьте обо мне все люди, все созданья,
Все плачьте — если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь с моими;
Мой стон могилу потрясет, — о плачьте! —
Он — умер — умер — он погиб навеки.

Донна Мария

О, поднимись! ты бредишь, ангел мой,
Встань, встань.

Эмилия *(всё на коленях, но подняв голову)*

Исполни просьбу сироты.

Донна Мария

Исполню, все исполню, только встань;
И отдохни — встревожилась ты слишком.

Эмилия *(встает)*

Так выслушай, о чем прошу тебя.

(Целует руку ей.)

Когда прощались мы в последний раз,
В ту ночь — он мне сказал: «Иди
Скорее в монастырь, иди в обитель,
Сокрой от света добродетель сердца».
Молю тебя, молю тебя, как нищий, —
Не помешай уйти мне в монастырь
Сегодня... помоги мне — заклинаю —
Тебе заплотит тот, кто всем заплотит.

(Кинув умоляющий взгляд на донну Марию.)

Фернандо умер — я хочу исполнить
Его желанье!.. он меня любил!..

Молчание.

Донна Мария

Но если он не умер, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станет он искать тебя,
Чтоб к алтарю вести невестою своей,

И вдруг увидит в черном покрывале
В ряду монахинь — что с ним будет?
Ужели ты об нем не пожалеешь?
Не пожалеешь ты о счастии,
Которого б могла дождаться?..
Какая слабость! — где твое терпенье?..

Эмилия

Мое терпенье?

(Поднимает глаза к небу. Тихо в сторону.)

Он был жив, — и я
Терпела!

Донна Мария

Выкинь из ума
Твой глупый замысел. Поверь мне,
Пустые слухи обманули
Тебя... поверь мне... я уж знаю,
Что говорю.

Эмилия *(с укоризной)*

Его не воскресить вам.
Вы не имеете подобного искусства!
Я вас просила об одном — вы не хотели
Исполнить просьбы самой униженной!..

Хочет уйти. Донна Мария удерживает ее.

Донна Мария

Так слушай же: вчера бродила я
В саду; и под вечер зашла я в рощу;
Вдруг, вижу, человек ко мне подходит:
Он издали все следовал за мною.
То был Фернандо... он упал к моим ногам;
Он плакал, обнимал мои колена
И сделал то, что обещалась я
Составить ваше счастье. Твой отец
Уехал на два дни — меж тем
Вы можете видаться — а потом
К ногам родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Эмилия

О, это слишком!.. я не верю...

Донна Мария

Клянусь тебе, что жив он... и увидишь
Его ты скоро... что с тобой?..

Эмилия

...Мне дурно!
О боже!.. голова кружится. Кто б подумал?

(Упадает в слабости на стул.)

Донна Мария

Какое детство! — что с тобой?.. скрепися!..

(В сторону.)

Я заманю голубку в сети;
Я поведу на тайное свиданье;
Там будет шайка дожидаться, верно;
И тут же схватят и умчат ее.
Благодари мой ум, Соррини! — Он искусен!

Эмилия *(встает)*

Нет! ничего. Простительная слабость!
Так тяжело я мучилась, что счастье
Мне тяжело... он жив! о боже!
Прости мой ропот!.. как я легковерна;
Служанка мне сказала, и я то́тчас
Поверила обманчивым рассказам!
О! видно, что печаль родня нам, людям,
Когда мы ей скорей веселья верим.

(Марии.)

Благодарю вас... мой укор напрасный
Вас огорчил... простите вы меня?
Я слишком мучилась! Скажите:
Где я с ним встречусь?

Донна Мария

Сегодня мы пойдем в густую рощу;
Там на поляне есть высокий дуб,
С дерновою скамьей. И там увидишь ты
Фернандо. Не счастлива ль ты
Одной надеждой? для чего
Смущала так предчувствием себя?
Поверь: невинную любовь
Хранят святые ангелы, как стражи!
Дитя! дитя! — и вот вся горесть
Рассеялась — и в монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячеством своим:
Оно есть добродетель, потому
Что, как все доброе, не долговечно!..

Эмилия

И я его увижу?.. он не умер?!

Донна Мария

Увидишь — и поверишь мне совсем.

Эмилия устремляет на Марию взор, хочет что-то сказать, но волнение мешает ей. Она целует крепко мачехе руку и, закрыв лицо, убегает.

(Глядит вслед.)

Ступай! ступай!.. и жди спокойно
Свиданья, вместо гибели своей.
Ступай! — тебя старик излечит скоро
От бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься — но наслажденье
Прогонит ужас — после все пройдет!
Создатель мой! ужели точно
Мое так дурно предприятье, что сама
Я это чувствую? — что ж тут худого?
Она счастливей будет у Соррини,
Чем здесь; когда она ему наскучит,

С приданым выдаст замуж он ее;
Быть может, так случится, что Фернандо
Получит руку бедной девы...
Но — что бы ни было, я все избавлюсь
От любопытных глаз, и мой любимец
Бесстрашней будет навещать меня...
Так все взаимно в этом свете:
Соррини благодарен мне, а я ему!..

(Уходит.)

СЦЕНА II

В горах перед жилищем Моисея. Дикое местоположение. Скамья направо под большим дубом, возле коего сделано вроде белой палатки, где сидят служанки и слуги жида и работают и поют свою печальную песню.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

I

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солим опустел!..
Начуже в раздолье печально житье;
Но сыны твои взяты не в пышный предел:
В пустынях рассеяно племя твое.

II

Об родине можно ль не помнить своей?
Но когда уж нельзя воротиться назад,
Не пойте! — досадные звуки цепей
Свободы веселую песнь заглушат!..

III

Изгнанное пеплом посыпьте чело
И молитесь вы ночью при хладной луне,
Чтоб стенанье израильтян тронуть могло
Того, кто явился к пророку в огне!..

IV

Тому только можно Сион вам отдать,
Привесть вас на землю Ливанских холмов,
Кто может утешить скорбящую мать,
Когда сын ее пал под мечами врагов.

Фернандо (*медленно входит*)

Что золото? какая это вещь,
Когда оно могло б составить счастье
Мое?.. металл как и другой!
Или дал бог ему такое право,
Каким лишь редко люди обладают?..

Опять начинают петь.

Какой печальный голос! Эти люди
Поют об родине далеко от нее,
А я в моем отечестве не знаю,
Что значит это сладкое названье...
Я в мире не имею ничего почти,
А все желал бы больше, но зачем?..
Чтоб новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нет! пусть останусь я, каков теперь;
Пусть никогда не буду счастлив, чтоб
Не сделаться похожим на других...
В страданьях жизнь; я в них живу, я к ним
привык,
Никто их не разделит... и тем лучше,
Для тех людей, которые б хотели
Их разделить.

Ноэми входит.

Где твой отец?

Ноэми

Ушел
По делу он... на что тебе отец мой?

Фернандо

Хотел бы я благодарить его!..
Он спас мне жизнь... и я его стараньем
Теперь здоров как прежде...

Ноэми *(быстро)*

Ты здоров?..

Фернандо

Да, я здоров как человек, который
Так часто болен был, что старую болезнь
Болезнью не считает!..

(Садится на скамью. Она возле него.)

Ноэми

Ты должен долее у нас остаться!
Поверь, не вовсе залечились раны
Твои... и чем тебе здесь худо?..
Останься здесь еще. Ты сам ведь говорил,
Что у тебя пристанища нет в свете...
Ты, верно, здесь останешься, испанец?..

Фернандо

Нет...
Я не хочу обременять вас больше
Моим присутствием — мне надо...

Ноэми

Ужели благодарность тяготит
Тебя?.. я этому не верю.
Не говорил отец мой так,
Когда от гибели его ты сам избавил...

Фернандо

Я раз уж был неблагодарным! и боюсь
Вторично быть таким; но, впрочем,
Я не могу остаться здесь никак.
Я не могу... не должен... не хочу!..

Ноэми *(в сторону; встав)*

Итак, нам разлучиться должно;
Итак, моя любовь... о, сжалься, небо!

(Ему.)

Послушай: я твои лечила раны,
Моя рука была в крови твоей,
Я над тобой сидела ночи, я старалась
Всем, чем могла, смягчить ту злую боль·
Старалась, как раба, чтоб даже
Малейший стук тебя не потревожил...
Послушай, я за все мои старанья
Прошу одной, одной награды...
Она тебе не стоит ничего;
Исполни ж эту малую награду!
Останься здесь еще неделю...

Фернандо

Не искушай меня лукавой речью:
Я уж сказал, что не могу; мне должно прочь,

(сильно)

Ты хочешь знать, зачем?

(Показывая ей портрет Эмилии.)

О! — на, взгляни сюда!..

Она отворачивается, взглянув, и закрывает лицо.

Вот женщина! она не может видеть
Лица, которое не уступает
Ей в красоте.

Молчание.

Так! так! я должен к ней.
С опасностию жизни я увижу
Эмилию!

(Ей.)

Где твой отец?

(Подходит и видит, что она плачет.)

О чем ты плачешь?..

Ноэми

Не думала я плакать!

Фернандо

Стало быть,
Ты плакала не думавши. Скажи,
О чем?.. скажи, не я ль виновен в том?
Остатком горьких слез, в груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
В лета надежд не прячут слез!.. О чем ты
плачешь?..

Ноэми

О том, чего ты дать не можешь мне;
О внутреннем спокойствии...

Фернандо

Как рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь!..

Ноэми *(в сторону)*

Скажу ему, что он
В том виноват, скажу, что я его
Люблю, и упаду в его объятья;
Он не погубит, он великодушен...
Но что хотела я? — другая уж владеет
Душой Фернандо... что хотела я?
Но нет, нет — нет, она любить не может,
Как я; она не обтирала крови
С его глубоких ран, она не просидела
У ног его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сон не превратился
В сон беспробудный!.. нет! нет! нет!..
Она любить его, как я, не может!..

Входит Моисей. Ноэми примечает его, идет медленно навстречу. Он ее обнимает.

Моисей *(печально)*

Ну, дочь моя. Скажу тебе я новость!..
Сегодня...

Фернандо (*подходит*)

Моисей! благодарю тебя
За попечения твои...

(*Протягивает руку. Моисей медлит.*)

Дай руку;
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца;
Ты человек... и ты мой благодетель.
Благодарю... я ухожу отсюда!..

Моисей

Так скоро? как?..

Фернандо

Не возражай, еврей!
Я до тебя имею просьбу... лишь одну,
Одну: дай мне червонцев пять взаймы.
Я знаю, что жиды все деньги любят
И христианам не вверяют их;
И в этом правы. Но меня ты знаешь!
Я преступление свершу, но всё отдам
Твои червонцы... вот вся просьба.

Моисей

Куда ж ты хочешь? для чего идешь!..

Фернандо

Недалеко живет отсюда
Дон Алварец; в его саду когда-то
Мы встретились с тобою. Я к нему
Хочу идти просить гостеприимства:
Я был воспитан там, от юных лет.
Но здесь мне оставаться невозможно,
На это есть причины... я клянусь,
Что возвращу тебе червонцы...
Ты знаешь, в свете деньги нужны,
Чтобы исполнить предприятье...
И в случае, что он меня не примет
В свой дом...

Моисей *(с удивлением)*

Дон Алварец! Дон Алварец!..
Ах! боже мой! тот беден, кто постигнут
Твоим палящим гневом... у меня
Есть дочь... я понимаю это горе.
Невероятно... страшно!

Фернандо

Что случилось?

Моисей

Несчастие большое... Ах! злодеи!
Злодеи... ад не так искусен...
Мне нынче самовидец рассказал...

Фернандо

Зловещий ворон!

(В сильном движении.)

Моисей

Ада мало им...
Такого ангела... вот вы услышите!
Горою встанет волос ваш; не слезы — камни
Уроните из глаз вы... вот испанцы!

(К Фернандо.)

Вот ваша инквизиция святая!
Теперь не смейте презирать евреев...

Фернандо

Зловещий ворон!.. что такое?..
Сейчас скажи! гранитным этим небом
Клянусь, клянусь твоим законом, я, как тигр,
Тебя на части раздеру...

Еврей в изумлении, Фернандо хватает его за руку; тише, дрожащим голосом.

Ты видишь, я ума лишаюсь!.. человек!..
Молю тебя, скажи мне, что случилось?..

Ноэми

Как он дрожит?.. отец мой, говори
Скорей... взгляни, какая бледность!..

Моисей

У дона Алвареца дочь была!

Фернандо *(вскрикнув)*

Была!..

Молчание.

Я тверд! не бойся продолжать;
Какая мне нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свете...

(Принужденно.)

Ха! ха! ха!..
Я тверд!..

Моисей

Еврей знакомый рассказал мне
Печальный случай... (он подслушать где-то
Умел злодеев). Есть доминиканец,
Иль езуит, по-вашему не знаю, —
По имени Соррини... и хоть стар,
Он любит женщин. Подкупив злодеев,
Он им велел похитить непременно
Дочь Алвареца... ныне жертву
Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, как могли
Они успеть в своем ужасном деле!..
Отца-то дома не было, я слышал.
Погибнет девушка а жалко! жалко!
Я четверть бы именья тотчас дал,
Чтобы ее спасти... но вряд ли можно!

Фернандо хочет что-то сказать, поднимает руки... вдруг с невольным стоном опускает и быстрыми шагами с отчаяньем уходит в горы.

(Пораженный.)

Куда?.. куда... остановите! удержите
Его!.. он в бешенстве!..

Ноэми (*смотрит вслед*)

Взгляни: вот он взбежал
Уж на гору... бежит, остановился...
Над самой пропастью... он упадет... но нет!..
...Идет сюда...

(*Бросается отцу на шею.*)

Зачем, зачем, отец мой,
Сказал ему ты эту новость?..

Моисей

Дочь моя!
Все воля божия! — никто из нас не может
Противустать ей! тот, кто сотворил нас,
Имеет право с нами поступать
Как хочет...

Ноэми

Для чего ж он дал нам душу?
Зачем способность дал любить, страдать,
Когда он верно знал, что муки есть
Неизлечимые, что можно обмануть
Любовь?.. Зачем нас бог оставил?..

Она уходит. Фернандо возвращается.

Фернандо (*подходит*)

Ты думал, я заплачу, старый!
Ты этого хотел, но женская печаль
Не устыдит моих ланит! — бесчеловечный!
Я отомщу... чтоб целый мир... а то свершу,
Что... я не знаю сам еще, но землю
Мой подвиг испугает... ты подумал,
Что я заплачу? — нет! клянусь:
Скорее разорвется это сердце,
Чем я заплачу...

Моисей (*берет его за руки*)

Успокойся! объясни мне...
Твое отчаянье... не сожаленье
Одно...

Фернандо

Старик!.. старик!.. ты жил покойно,
Не знал страстей... во мне они кипели
Сильней, чем все земные бури. О! проклятье
Тому, кто дал мне жизнь. Несправедливый бог,
Зачем казнить меня через других
И ангела губить, чтоб наказать безумца
Ничтожного? — иль также в небесах
Есть пытки?.. я терпел — и полно мне терпеть!
Повиновался я судьбе — довольно;
Я мог быть счастливым... довольно,
Довольно... никогда не буду счастлив...
Отныне отдаюся мести,
Союз с землей и небом разрываю...
Старик, дай денег!.. с этим я прорвусь
В его жилище.

Моисей *(дает денег)*

Вот! возьми!..

Фернандо

Эмилия, — моя!
В бесчестье иль невинная, — моя;
Живая или мертвая, — моя!..
О! как я отомщу... прощай, отец...
Я своего не знаю.

(Обнимает его крепко.)

Мстить прекрасно!
Благослови меня!.. иду на смерть... прощай.

(Уходит.)

Моисей *(поднимает руки)*

Услыши, бог, молитву иудея,
Храни его от преступленья!
Ты можешь удержать порыв страстей,
Вселить покорность, веру так легко,
Как усмиряешь вихри гор... Ты бог
Израиля, ты бог Ерусалима!..

(Уходит.)

СЦЕНА III

Комната в доме у жида, как во 2-м действии.

Ноэми *(за нею Сара)*

Не утешай меня! не утешай меня!
Злой дух меня сгубил! он предвещал
Мне радость и любовь — любовь он дал,
А радость он похоронил навеки!
Теперь мы больше не увидимся с Фернандо;
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. О! я люблю
Его как бога... он один мой бог.
И небо запретить любить его не может.
Меня не понял он, другую любит,
Другую, слышишь ли, другую!.. я умру!
Не утешай меня! не утешай меня!

(Ломает руки.)

Сара

С тобою плакать вместе я хочу,
Когда тебя нельзя утешить...

Ноэми

Плакать!
Тебе ль со мною плакать?.. любила ль ты,
Как я?.. любила ль чужеземца,
Любила ль христианина, была ли
Им презрена, как я?.. Ах! Сара! Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вот плоды моих надежд, мечтаний,
Плоды недоспанных ночей и беспокойств!..
О, сжалься надо мною, небо!
Скорей в сырую землю, поскорей,
Покуда я себя роптаньем не лишила
Спокойствия, и там...

Сара

Старайся
Рассеяться!.. в твои лета позабывают
И самую жестокую печаль.

Вот твой отец придет! Теперь
С раввином он беседует
О чем-то занимательном и важном.
Он новостью тебя займет.

Ноэми

Я проклинаю
Все эти новости, одна уж
Меня лишила счастья... а другая
Мне не отдаст его. Ах, Сара!
Все кончено! все кончено!

Моисей вбегает как бешеный.

Моисей

Дочь! дочь! дочь!.. он нашелся!
Зачем теперь? зачем так поздно... он нашелся!..
Твой брат... мой сын!.. сын!.. я не знал...
Жестокий случай так... я не прижал
Его к груди и не прижму... найден,
И в тот же миг потерян. О судьба!
Земля и небо, ветры! бури! гром!
Куда вы сына унесли? зачем отдать,
Чтобы отнять... и христианин!
Возможно ли? — мой сын... я чувствовал,
Что кровь его — моя... я чувствовал,
Что он родной мой... о Израиль!
Израиль!.. ты скитаться должен в мире,
Тебя преследуют стихии даже...
И бог твой от тебя отворотился.
Мой сын! мой сын!..

Сара

Где ж он? зачем не здесь?
Кто ж он?.. и кто сказал... что сын твой!

Моисей

О горе! горе! горе нам! он здесь был —
Раввин принес мне доказательства... я верю,
Что он — мой сын! — я спас... он спас меня...
И он погибнуть должен... не спастись

Ему вторично от руки злодеев...
Ноэми! горе! горе для тебя!
Фернандо — брат твой!
Испанец — брат твой!
Он гибнет: он родился, чтоб погибнуть
Для нас! — он христианин!.. он твой брат!

Ноэми упадает без чувств на пол. Сара спешит к ней.

Пускай умрет и дочь... и я!.. у бога
Моих отцов нет жалости... мой сын! мой сын!

(Ломает руки и стоит недвижен.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

В доме Соррини. На столе бумаги и книги и песочные часы.

Соррини *(входит)*

Сегодня, может быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! — зачем же нет?
Она моя, так верно, как я плут.
Когда я сам с собою, то никак
Себя я не щажу. Зачем? — Я плут.
Я это знаю сам, зачем скрываться
Перед собой? — Я плут, но умный плут.
Да, впрочем, я не вижу тут худого;
Я сотворен, чтоб жить и наслаждаться.
И всеми средствами я должен достигать
Предположенной цели. Я достиг —
И умный человек. Не удалось — глупец!
Так судят люди, большей частью.
Великий инквизитор обещал
У нашего отца святого выпросить
Мне шапку кардинала, если я
Явлюсь ее достойным — то есть
Обманывать и лицемерить научусь!
О! это важная наука в мире!
Наука женщин! с нею прямо в папы;
И этому есть доказательства у нас.

Молчание.

В кровавый путь отправлен уж Фернандо...
Один лишь Алварец... да этот плох!
О! бедная Эмилия; давно ли
Сказала ты, что старику смешно
Любить и невозможно?.. но сегодня
Ты мысли переменишь...

(Садится.)

Говорят,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья; что закон велит...
Ужель закон в сей толстой книге
Сильней закона вечного природы?
Безумец тот, кто думал удержать
Ничтожным правилом, постановленьем
Движение природы человека;
Он этим увеличил грех — и только,
Дал лишний совести укор и между тем
Желание усилил запрещеньем!
Пострижен был насильно я в монахи;
Почти насильно (в пылкой юности
Не можем понимать мы важной пользы);
Пускай, пускай они за все ответят,
Что сделал я; пускай в аду горят
Они... но что такое ад и рай,
Когда металл, в земле отрытый, может
Спасти от первого, купить другой?
Не для толпы ль доверчивой, слепой,
Сочинена такая сказка? — я уверен,
Что проповедники об рае и об аде
Не верят ни в награды рая,
Ни в тяжкие мученья преисподней.
Да, впрочем, добрый смысл велит не верить,
Что души будет вечный жечь огонь;
Что черти за ноги повесят тех,
Которые ни рук, ни ног иметь не будут.

(Берет книгу, перо и бумагу.)

Займусь!

(Кладет.)

Нет, что-то я не в духе!
Кто бы поверил, что в мои лета
Хорошенькой девчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, беспокоить?
Я все не понимаю, для чего
Мне не годится женщину любить;
Как будто бы монах не человек?

(Смотрит на часы.)

Часы бегут — и с ними время; вечность,
Коль есть она, все ближе к нам, и жизнь,
Как дерево, от путника уходит.
Я жил! Зачем я жил? — ужели нужен
Я богу, чтоб пренебрегать его закон?
Ужели без меня другой бы не нашелся?..
Я жил, чтоб наслаждаться, наслаждался,
Чтоб умереть... умру.. а после смерти?
Исчезну! — как же?.. да, совсем исчезну...
Но если есть другая жизнь?.. нет! нет!
О наслажденье! я твой раб, твой господин!..

(Звонит.) (Слуга входит.)

Не позабудь, что я тебе сказал.
Когда подъедут близко удальцы
Мои, то киньтесь вы с оружием толпой
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорее приведите...
Да чур не забывать, что вы без языков,
А то... меня ты знаешь коротко!
Возьми ж себе заранее награду

(дает кошелек)

И раздели другим... ступай же.

Слуга берет кошелек и целует руку.

С л у г а

Все исполню.

Соррини подходит к окну.

Соррини

Да, кажется, я вижу пыль, ужели
Они спроворили все дело? Донна
Мария лакома на жемчуг,
Как видно; впрочем, ей мешала
Моя красавица, как лишнее бревно
В строенье дома: сам его не дашь,
А как попросят, так легко расстаться!

(Глядит в окно.)

Они! так точно!.. ближе подъезжают;
Вот и мои спасители бегут... сраженье!
Железо о железо бьется и стучит
Безвредно... искры сыплются кругом.
Так в споре двух глупцов хоть много шуму,
Да толку нет... как кровь моя кипит
В полузасохшем сердце!.. ну,

(смотрит)

схватили
Эмилию и тащат... торжество!
Victoria!...[1] теперь я говорю
Отважно: veni, vici[2] — потому
Что я еще девицу не видал!..

(Отходит от окна.) (Слуга входит.)

В лице твоем победу я читаю:
Веди сюда...

Слуга ушел.

Victoria, Соррини!..

(Потирает руками.)

Поплачет Алварец, поплачет, покричит,
Порвет седые волосы... и не узнает,
Где дочь его... ха! ха! ха! ха! победа!..

Вводят Эмилию; Соррини дает знак; люди уходят.

---

[1] Победа!.. (*лат.*)
[2] пришел, победил (*лат.*).

Эмилия

Где мой спаситель!.. ах! отец Соррини,
Не вам ли я обязана спасеньем?
Вознагради вас боже так, как я
Желала бы!... о мой спаситель!

Соррини

Я христианский долг исполнил только.

(Идет и запирает дверь.)

Эмилия

О, возвратите поскорей меня
Родительскому дому... мой отец
В отчаянии будет, если он
Узнает про ужасный этот случай!
Со мной гуляла мачеха моя
В саду, и вдруг злодеи ухватили
Меня, связали, повлекли с собою.
Окончите благодеянье ваше!..
Велите отвести меня домой
Как можно поскорей... что мой отец
Подумает, что скажет он?..

(Плачет.)

Соррини

Эмилия! ты вся дрожишь. Как можно
Теперь тебе домой отправиться. Теперь?..
Ты так слаба... нет, отдохни подоле здесь,
Побудь подоле у меня... зачем лишать
Меня такого счастья...

Эмилия

Ради бога!
Я не могу остаться здесь у вас!
Я не должна.

Соррини

Зачем же ты не можешь,
Мой ангел! Кто тебе мешает
День, два и три здесь отдохнуть?

Эмилия

День, два и три!..

Соррини

Чему дивиться тут?

Эмилия

Я вас не понимаю?

Соррини

День, два, три
И более останешься ты здесь,
И ежели понравится тебе,
То можешь ты остаться вечно... то есть

(в сторону)

Пока ланиты не поблекнут и глаза
Не потеряют пламень свой волшебный.

Эмилия

Отец Соррини!

Соррини

Да, я не шучу;
Ты там была рабой — здесь будешь ты царицей;
Мой дом и все, что в нем, твое,
А ты моя.

Эмилия

Какое право?

Соррини

Силы...
Я спас тебя — вот право — и довольно!

Эмилия

Вы позабыли, кто вы! как могу
Я с вами жить! что это значит?..

Соррини

Не горячись,

(держа ей руку)

красавица! любовь
Не смотрит на лета своих печальных жертв;
Ты видишь, я был прав, когда сказал,
Что может и старик любить.

Эмилия

Соррини!

(Вырывает руку.)

Оставь меня... бесчестный человек!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостеприимство... что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, святая дева!..

Соррини

Скажу тебе: святых здесь нет... итак...

Эмилия

Конечно, только демоны одни
Живут с подобным извергом... но бог
Услышит вопль невинной девушки!

Соррини

Нас опыт научает в свете
Не упускать благоприятный случай.
Ну, поцелуй меня на первый раз.

Эмилия *(отворачивается дрожа)*

Так вот моя судьба.

(Ему.)

Прочь, прочь, злодей!..

Соррини

Ты думаешь, что ты теперь царица
В моем дому? Нет, это будет после,

Когда все сделаешь, что я скажу,
Когда в мои объятья упадешь.

Эмилия

В твои объятья — никогда!

Соррини

Послушай;
Тебе слова пустые не помогут;
Да или *нет*... два слова могут только
Подействовать на сердце это. Если
Ты скажешь *да*... то для тебя ж приятней!
А если *нет*... то берегись упрямства!
Оно к добру не доведет. Покорность
Одна лишь облегчит твою судьбу!..
Но, впрочем, я не вижу твоего несчастья!..
Любовь мою нельзя назвать несчастьем...
Умею я любить и награждать,
И ни одна прекрасная девица
Не вырывалась из моих объятий,
Когда почувствовала пламень груди
Моей. Поверь, старик, такой как я,
Любить умеет лучше юноши:
Все опытность, мой друг!..

Эмилия *(после минуты молчания)*

Знавал ли ты
Спокойствие души, знавал ли ты
Надежду, радость... счастие...
Всем тем, что ты знавал и не знавал,
Чему ты верил, от чего страдал,
Всем тем, что страшно для души твоей,
Коль есть в тебе душа, бессовестный злодей,
Я заклинаю на коленях... пощади,

(становится на колени)

О, пощади... оставь меня! я буду
Молчать о всем, что слышала, о всем,
Что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности; за это
Грехи твои и самые злодейства
Простит тебе всевышний. Так, Соррини!

Но если ты... тогда умру я! и к тебе
Придет моя страдальческая тень
И бледною рукой отгонит сон...
О, пощади... клянусь молчать до гроба!..

Соррини

Глупец, кто верит женским обещаньям,
А пуще женской скромности — да, да!
Не все ль равно на нитку привязать
Медведя и надеяться, что он
Не перервет ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается язык твой...
Нет, я теперь в таком уж положенье,
Что предо мною смерть или победа
На волосе висят... а так как, верно,
Я изберу победу, а не смерть,
То все твои мольбы напрасны,
Эмилия...

Эмилия

Итак, спастися нечем.

(Плачет.)

Соррини

Мне кажется...

Эмилия

Пошли мне смерть, о боже,
А не бесчестье.

(Падает в кресла и закрывает лицо.)

Соррини

Все притворство это!
Не верю я, чтоб девушка могла
С упрямостью такою защищаться.

(Хочет у нее поцеловать руку, она ему дает пощечину. Он, грозя пальцем, с тихою злостью говорит.)

Ты такова, сердитая девчонка!..
О! о!.. я справлюсь. Нет! я не стерплю

Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себе спасенья.
Скорее эти стены все заплачут,
Чем я, твой стон услышав; так, скорей,
Скорей земля расступится, чтоб вмиг
Испанию со мною поглотить, чем сердце
Мое расступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожаленья... ты увидишь,
Каков Соррини!.. он просить умеет,
Умеет и приказывать как надо.

Она открывает лицо и смотрит с ужасом.

Умею и кинжал употребить
При случае, чтобы заставить вас,
Сударыня, повиноваться мне.

(Злобно.)

Ха! ха! ха! ха!.. о! ты меня узнаешь!

(Подходит к ней. Вдруг слышен шум.)

Эй! — кто там?

Соррини отпирает дверь, и входят испанцы толпою.

...вы зачем? — какая дерзость.

Один испанец

Мы
Пришли за награжденьем.

Соррини

За каким?

Другой испанец

А как же, разве ты нам, патер, не велел
Дочь Алвареца увезти... иль позабыл?
Что? видно, только пред услугой
Твой кошелек открыт издалека.

Третий испанец

А как достали мы твою красотку,
Так тотчас обеднял?

Соррини

Бездельники.

(Бросает большой кошель золота.)

Терпенья не было?..

Все *(берут золото и уходят)*

Прощай, отец Соррини!..

Он уже не запирает дверь.

Соррини

Эмилия! решись же, наконец...

Эмилия *(встает с кресел)*

Так ты их посылал меня похитить!
О! верх злодейства в человеке! Я погибла,
Погибла... нет надежды.

Соррини *(насмешливо)*

Нет надежды!

(Берет ее за руку.)

Пойдем со мной,

(целует)

мой друг бесценный!
Так долго защищаться, плакать,
Просить... чтоб, наконец, признаться побежденной!

Эмилия

Ты думаешь, я вынесу позор свой?
Нет, я умру, старик!..

Соррини *(с гордой улыбкой)*

Старик! шути...
Старик тебе покажет, что довольно
Он пылок.

Эмилия *(сложив руки)*

Матерь божия! ужель
Ты не спасешь меня!..

Соррини

Пойдем... пойдем...
Не скажут, что Соррини уступил
Кому-нибудь. О, я наедине
Не тот, каким кажуся в людях.

(Берет ее руку.)

Эмилия

Оставь меня, твое прикосновенье,
Как зараженного чумою, ядовито...

Соррини *(злобно)*

Пойдем же; я велю...

Вдруг стучится кто-то в дверь. Оба останавливаются. Иезуит отходит прочь, отворяет дверь: человек, окутанный плащом пилигрима, сняв шляпу, входит.

Неизвестный

Впустите ради

(он входит быстро, потом нагибается)

Христа!.. я так устал! прошу
Кусочка хлеба только. Здравствуйте,
Пошли вам бог свое благословенье,
Честны́й отец!.. я бедный, бедный странник...

Соррини *(в сторону)*

Некстати он пришел; зачем его пустили?

(Скрыпит зубами.) (Глядит.)

Он подозрителен.

(Ему.)

Садись... садись!
Тебе велю тотчас подать вина и хлеба.
Откуда ты идешь? кто ты?

Неизвестный

Я бедный странник!
Ходил в Ерусалим... иду назад...
Устал... и голоден, иду домой.

Пока язык мой смерть не охладит,
Везде тебя я буду прославлять,
Кто б ни был ты, гостеприимный.

Соррини

Я исполняю только долг свой.

Неизвестный

Долг!
Немногие тебе подобно мыслят.
Благодарю! — и бог тебя благодарит!.

Соррини *(к Эмилии)*

Сестра! вели принесть вина и хлеба...

(Страннику.)

Живем с сестрой мы вместе.

(Видя, что Эмилия нейдет — дрожит и подходит к ней.)

Ступай! когда я говорю: иди.

Неизвестный *(про себя)*

Меня ты не обманешь, крокодил!

Соррини *(громко)*

Ступай же...

Неизвестный

Стой!

Соррини *(испугавшись)*

Как! кто ты?

Неизвестный

Я...

(Сбрасывает плащ с себя и вынимает кинжал.)

Эмилия

Фернандо!..

Фернандо *(берет быстро за руку Эмилию и уводит на другую сторону сцены. Становится пред ней, держа ее одной рукой)*

Теперь я требую с тебя ответа...

Соррини

Кто ты? Фернандо не воскреснет!
Ты дух иль человек?

Фернандо

Я тот,
Кто не боится адских умыслов,
Кто может наказать тебя кинжалом
И чья рука не дрогнет пред убийством,
Когда оно ее спасет... отдай ее.

(Схватывает Соррини за горло.)

Я ничего не жду на небесах,
Я ничего не жду под небесами;
Я мести душу подарил; не жди,
Чтоб я помедлил отослать
Тебя туда — где ждет суд божий
Тебе подобных! Видишь этот нож —
Он над тобой. Оставь же добровольно
Свой умысел.

Соррини

Но если ты убьешь меня,
То все-таки Эмилию нельзя
Спасти. Тебя не выпустят
Отсюда слуги — так пусти ж меня!
Я закричу...

Фернандо *(пускает его)*

Ты прав: я не палач!..

(В сторону.)

Ужели я боюсь увидеть кровь?

(Ему.)

Отдашь ли мне Эмилию?

Соррини

Нет, не отдам...

(Подбегает к двери все ближе.)

Фернандо

Отдашь!.. ты верно содрогнешься
Пред тем, что я предпринял. А! Соррини!
Она моя... и честь ее моя.
Когда б ты дал мне тысячу миров
За эту девушку... я б их отвергнул все!
Не принуждай меня, не принуждай
К убийству.

Соррини

Не отдам ее.

Фернандо

Ты камень, но перед моим отчаяньем
Ты содрогнешься.

Соррини

Нет!..

Фернандо

Соррини,
Соррини! редко лишь прошу кого-нибудь
Я на коленах... но узнай сперва,
Что тот, пред кем стоял я на коленах,
Не долго проживет.

Соррини *(со смехом)*

Опять за то же!

Фернандо

Ты мне отдашь Эмилию, не то
Я отниму... не доведи меня
До этой крайности. Я уж готов
На все. Я с нею потерять готов
И небо, чтоб избавить от твоих когтей.
Я не шутить пришел... о! слушай! слушай
В последний раз... отдай ее.

Соррини

Посмотрим!

(Бросается в дверь и зовет на помощь.)

Сюда! сюда! сюда! разбой! Эй! слуги!

Шум и крик за сценой.

Эмилия *(бросив томный взор)*

Фернандо!..

Фернандо

Ну! все кончено! напрасно
Желал я крови не пролить. Прощай,
Мой друг,

(обнимает ее)

прощай! мы долго
С тобою не увидимся.

(Отворачиваясь.)

О боже!
Итак, ты хочешь, чтоб я был убийца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ее —
Моя! она другого не обрызжет.
Безумец! как искать в том сожаленья,
О ком сам бог уж не жалеет!
Час бил! час бил! — последний способ
Удастся, — или кровь! — нет, я судьбе
Не уступлю... хотя бы демон удивился
Тому, чего я не могу не сделать.

Эмилия устремляет молящий взор на него. Во время этого разговора входят слуги Сорриния и он. Все с оружием.

Соррини

Посмотрим, кто сильней из нас!.. эй, слуги!..

Фернандо

Узнай же клятву: мы стоим пред богом...
Живая или мертвая — она
Моя — ты видишь.

(Показывает кинжал.)

Эмилия

Ах!..

(Склоняет голову на грудь Фернандо.)

Соррини

Меня не настращаешь!
Мне мертвую не нужно... слуги! эй,
Схватите, бейте, режьте наглеца!..

Он сам защищен слугами.

Фернандо

Ни с места!

Все останавливаются.

Соррини

Что же вы?

Они опять хотят броситься.

Фернандо

Ни с места, вы, рабы!..

(Сорринию.)

В последний раз, в виду небес и ада,
Отдашь ли мне ее?

Эмилия *(едва слышным голосом)*

Хранитель ангел мой!
Спаси меня!

Соррини

Живую не отдам!..
Что б ни было.

Фернандо

О!.. так смотри сюда!

Прокалывает ей грудь. В эту минуту все поражены. Он подымает ее труп с полу и уносит сквозь толпу удивленную. Слуги хотят броситься вслед.

С о р р и н и *(после молчанья, остановив слуг)*

Оставьте! иначе хочу я сделать!..

(Он дрожит.)
(Дает знак, чтоб все ушли.) (Уходят.)

Какая дерзость!.. да! он мне заплотит.
Я сам в опасности. Он может...
Что может он?.. я зол теперь,
Как дьявол... отомщу ж ему,
Сожгу его, сдеру с живого кожу,
Сорву железом ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздях
Его ходить заставлю, медь кипящую
Волью безумцу в горло и упьюсь,
Упьюсь, как сладким нектаром,
Его терзаньем, вздохами и визгом!..
Спади с меня личина скромности,
Пускай узнают все, что итальянец
Соррини, по его веселию и плескам,
Когда Фернандо будет издыхать
В огне иль под ударом палача;
Чем медленней конец его придет,
Тем будет счастие мое полней.
Оклевещу его, хоть сам не вывернусь,
Но все же я упьюсь его мученьем.
О клевета! приди на помощь! — никогда
Так не нуждался я в тебе, как ныне;
Дай тысячу мне жал змеиных, чтоб
Я мог облить врага холодным ядом
Твоим...

(Ударяет себя двумя пальцами в лоб.)

Мой план почти готов...
Да, да... вот так... а там! Богиня
Души моей, тебе с сих пор я отдаю
Себя!.. возьми! я твой — и за могилой!

Входит **д о м и н и к а н е ц**, приятель Соррини.

Д о м и н и к а н е ц

Соррини, здравствуй!

Соррини

Здравствуй! кстати ты пришел.

Доминиканец

А что такое?

Соррини

Я тебе скажу
Сейчас.

Доминиканец

Должно быть, ты узнал
Пристанище богатого жида
Или, что все равно, еретика.
Веселье на лице твоем блистает!
Так точно, ревностный служитель веры,
Я отгадал, что хочешь ты сказать.

Соррини

Ты отгадал. Знавал ли прежде
Ты дона Алвареца, у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Он еретик! он верит Лютеру
И чтит его!.. сегодня он убил
Дочь Алвареца в доме у меня.
Я спас ее от хищников, но, боже!
Не мог спасти от острого кинжала!
Его сыскать нам надо и вести
На казнь преступника двойного!
Он труп несчастной девушки
Понес с собой!.. да! я его найду,
Я по следам его пойду кровавым,
И жизнию заплотит он...

Доминиканец

Конечно!
Да, кажется, я на дороге встретил
Убийцу... но случайно не заметил,
Что нес он мертвую, так быстро
Он шел!.. так страшен он казался!

Рисунок Лермонтова

Акварель

Рисунок Лермонтова

Акварель

Сорринн (*после минуты задумчивости*)
Дай руку мне! клянись быть заодно...

Доминиканец (*протягивает руку*)
Возьми с моей рукою обещанье...

Соррини
Быть заодно во всяком случае!

Доминиканец
(*кинув боязливый и подозрительный взгляд*)
А разве ты виновен в чем-нибудь?

Соррини
Нет! нет! ведь знаешь ты: мы вечно правы.

Доминиканец
Брось шутки! ты тут не виновен?

Соррини
Нет! нет! но если б даже был...

Доминиканец
Без *если*, просто:
Как с другом говори...

Соррини
Да нет!

Доминиканец
Простее!
Скажи: невинен ты?

Соррини
Как голубь!

Доминиканец (*с коварной улыбкой*)
Вот так! ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всем готов душой и телом
Пожертвовать. А еретик Фернандо

Погреется у нас, пока
Охолодеет прах его проклятый;

(садится и берет перо с бумагой)

Я напишу, как ты мне говорил,
А там и в суд с убийственной бумагой!
Умен был тот, кто изобрел письмо.
Перо терзает иногда сильнее,
Чем пытка! — чтобы уничтожить царство,
Движения пера довольно, даже рай
Дает перо отца святого папы;
Ты веришь в эту власть?

Соррини

Как в добродетель!

Доминиканец

Итак, начну писать я свой донос.

(Начинает писать.)

Соррини *(пока он пишет, подходит к месту, где убита Эмилия.)*
(Глядя вниз)

На этом месте кровь ее текла!
Вот пятна! вот одно, другое!..
Впервые мне на кровь глядеть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещет,
И волосы невольно дыбом
Встают при мысли о убийстве!..
Жалеть ли мне Эмилию? — да что ж?
Всем должно умереть!.. но если тень
Ее предстанет мне во мгле ночной,
Как говорила дева, если я
Преследуем, терзаем буду
Ее рукой холодною повсюду,
Как совестью мятежной, если
Кровавое пятно и день и ночь
Глазам бессонным станет представляться!..
Как? я боюсь? — Соррини стал бояться!
Кого? — себя!.. стыдись... нет теней!
Нет призраков; могила слишком крепко

Свою добычу держит, чтоб она
Могла исторгнуться из рук ее сырых.
Но совесть! — совесть вздор! однако ж...
как, Соррини?
Ты совести боишься, и давно ль?

(Ударяет ногой в землю.)

Я презираю эту кровь как совесть.

Доминиканец

Донос готов!

Соррини *(подписывает)*

Я подписал!

Доминиканец

И я!..

Соррини

Идем!

Доминиканец

Ужель донос подать боишься,
Товарищ; ты дрожишь!..

Соррини

От радости!

(Берет шляпу и палку.)

Вот все мое оружие, пойдем.

Доминиканец

И горе!
Врагам закона нашего и нашим!
Пощады нет; клянемся!

Соррини

Нет пощады!
Какое же мучение избрать,
Чтобы мой еретик почувствовал
Всю тягость наших рук, всю тягость

Закона для отступника? — не сжечь ли?
Он оскорбил закон, он осквернил мой дом.

Доминиканец

Нет, четверить.

Соррини

Свинца кипящего
Ему влить в горло.

Доминиканец

Или на гвоздях
Его заставить спать.

Соррини

О, если б он имел
Сто жизней, я бы каждую иным,
Ужаснейшим терзаньем истощил!..
Однако цель моя достигнута!..

(Потирает руками.)

Доминиканец

Пойдем!
И с помощью святого Доминика
Еретика без жизни в прах повергнем!

(Уходит в радости.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

Дом Алвареца — стол. Свеча на столе.

Алварец *(сидит у стола)*

Итак, она бежала от меня
С Фернандо — убежала с негодяем!

Донна Мария

Как я тебе сегодня объяснила;
Зачем ты не хотел позволить ей
За этого бродягу выйти замуж?

Алварец

Так не хочу же плакать об негодной,
Неблагодарной!..

Донна Мария (*насмешливо*)

Плачь, нет, плачь!
Об дочери такой нельзя не плакать!

Алварец

И как она была привязана ко мне!

Донна Мария

Да! это видно!..

Алварец

Где тут стыд?
Покрыть седые волосы отца
Бесчестьем, посмеяться над отцом,
Любовницею быть бездомного бродяги,
В таких летах... А! это слишком много!..
Нет! звери благородней! звери лучше!..

Донна Мария

Побереги себя!..

Алварец

Пускай она с Фернандо,
Как нищая, под окнами блуждает:
Я отвергаю от себя ее!
Эмилия не дочь мне; пусть она
Найдет отца себе другого; я отвергнул
Бесстыдную от сердца своего.
Когда б она пришла к моим дверям,
Усталая, голодная, худая,
Как смерть, когда б она просила
Кусочка хлеба у меня, и этого
Я б не дал ей; пускай она умрет
На обесчещенном моем пороге!..

Донна Мария

Ты болен, друг! — не хочешь ли прилечь?

Алварец

Так, мне покой необходим теперь,
Я чувствую, что я совсем расстроен.

Донна Мария *(в сторону)*

Бедняк ведь точно весь измучен.

Алварец

Боже!
Зачем ты дал мне дочь, зачем послал
Ты с ней бесчестье на главу мою?
О! накажи ее! прошу тебя,
Молю тебя! Из древнего семейства —
И так бежать с Фернандо! — ныне вижу:
Я воскормил змею в дому своем...

(Уходит.)

Донна Мария

Что делает теперь любезный патер
Соррини? — верно, он уж сорвал
Цветок невинности и наслажденья!..
Пришлет ли он еще подарок мне,
Его сотруднице!.. конечно, он пришлет;
Мне кажется, что начинаю я
Жалеть о бедной жертве сластолюбья!
А я была ведь главною причиной?
О! совесть! для чего терзать меня
Некстати? — прежде бы терзала;
Теперь помочь едва ли могут люди!

(Открывает ящик стола и вынимает подарки Сорриния, смотрит на них и кладет на место опять.)

Нет, не могу я видеть этот жемчуг
И камни дорогие! — руки, пальцы
Мои дрожат, когда я их держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этот жемчуг превращает в слезы;
Прочь! прочь!..

(Кладет в ящик.)

Как мог меня прельстить
Подобный гадкий жемчуг?.. совесть! ты
Не хочешь покидать моей души?..
Зачем теперь? что пользы для тебя?..
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постом, богатым подаяньем
Загладить я хочу проступок свой,
Лишь дайте сон мне, дайте мне покой!

Входит Алварец встревоженный.

Алварец

Жена! послушай! здесь блуждают тени,
Мне кажется... сейчас я видел что-то,
Я слышал голос... голос мне знакомый!
Мне дурно...

(Садится.)

Донна Мария

Успокойся, друг мой.
Где тени? — теней не бывало здесь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть может, эти призраки рождает!

Алварец

Мне дурно.

(Звонит.)

Эй, слуга! воды,

Слуга входит.

Воды!.. как можно поскорее.

Уходит слуга.

Жена! я говорю, здесь бродят тени;
Ужель ты не слыхала голос томный?
Ужель ты не могла приметить их?

Донна Мария

Твои глаза от слез устали!

А л в а р е ц

Как?
Нет! я не плакал, и не стану плакать!..
Я проклинаю дочь свою.

Слуга приносит стакан; он пьет; слуга уходит.

Донна Мария *(в сторону)*

Мне страшно!..
Есть мертвецы, есть тени, говорят
Ученые монахи... мы должны
Им верить... это, право, страшно!

А л в а р е ц

Ну, если умерла Эмилия...
Ну, если в эту самую минуту
Ее душа рассталась с нею... если...

Донна Мария

Что говорит он! Небо!

А л в а р е ц

Нет! за гробом
Проклятие отцовское не тронет!
За гробом есть другой отец!.. прощаю
Тебя, когда тебя не будет
Между живых... пусть тень твоя не бродит
Вокруг меня, не отгоняет сон
От глаз моих, пусть ужас не подымет
Седые волосы, покрытые тобою
Стыдом и поношеньем — нет! в могиле
Проклятие отцовское не тронет!
Там есть другой судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... о небо! небо!

Открывается дверь настежь с шумом, является Фернандо, держа труп Эмилии, старик вскакивает. Ужас на всех лицах.

Донна Мария

Ах!.. все пропало!

(Бросается в другую комнату.)

Алварец

Что такое значит?..

Фернандо кладет тело на стул.

Чья кровь? чье это тело?

Фернандо стоит над нею, мрачен.

Кто она? кто ты?

Фернандо

Я дочь тебе принес.

Алварец

Эмилия!.. — мертва!

Фернандо

Мертва!

Алварец

Так ты ее убийца!

Фернандо

Я!..

Алварец

Так ты!.. О, если б я имел довольно силы,
Чтоб растерзать тебя! ты, похититель,
Убийца... и с такой холодностью!
Принес сюда... о, милое созданье!
Дочь! дочь моя! и кровь ее течет...
И я!..

Фернандо

Не правда ли, она прекрасна?..

Алварец

Чего ты ждешь? ступай хоть в ад,
Но прочь от глаз моих, убийца! Кровь ее,
Пока ты здесь, течи не перестанет...
О, если бы не слаб я был... прочь, демон,
Прочь, прочь от дочери моей!

Фернандо

Я здесь остаться
Решился...

Алварец

Ты решился?

Фернандо

Да! в живых
Она была твоя... — теперь моя!
Геройским преступленьем я купил
Кровавый этот труп... он мой!.. смотри
На эти бледные черты и отрекись
От дочери...

Алварец

Так подожди! ты скоро
Меня увидишь!.. тигр, змея коварства!
Я средство отыщу тебе отмстить,
Я инквизицию на помощь призову!

Фернандо

Кто не боялся уничтожить это,

(показывая на труп)

Того ничто не испугает в мире!..

Алварец убегает и запирает двери за собой.

Он запер двери! ха! ха! ха! прекрасно,
Старик, исполнил ты мое желанье!
Я с нею быть хочу наедине...
Как с другом... духи тишины!
Вы будете свидетелями свадьбы
Моей... здесь я клянусь любить
Ее одну, что б ни было... вы, стены,
Смотрите на Эмилию мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Бледна! бледна! — мертва!..

(Бросается к ногам ее и плачет.)

Молчание.

Ты мне простишь? не правда ли, мой ангел?
Я спас тебя!.. смотрите: улыбнулась!
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой!

(Берет за руку.)

Рука ее как лед!

(Целует руку.)

Позволь поцеловать!
О, как приятно мертвых целовать!..

(Встает.)

Что, ежели отрежу я косму
Волос и с ней умру, не легче ль будет мне
Терпеть последние мученья тела?

(Отрезывает косму волос кинжалом.)

Залог ее любви! как я велик!
Пожертвовал собой, своей душой,
Пожертвовал таким созданьем, чтоб
Освободить Эмилию, хоть вечно
Я не увижусь с ней!.. один! один!
Как жил, так и умрешь, Фернандо.
Зачем же небо довело меня
До этого? Бог знал заране все:
Зачем же он не удержал судьбы?..
Он не хотел!

Молчание.

Эмилия!
Теперь, как прежде, всеми ты забыта.
Но я с тобой!..

(Подходит ближе.)

Кровь на груди засохла!..
И предадут ее сырой земле;
Глаза, волшебные уста, к которым
Мой дерзкий взор прикован был так часто,
И грудь, и эти длинные ресницы
Песок засыплет, червь переползет без страха
Недвижное, бесцветное, сырое,
Холодное чело... никто и не помыслит

Об этом... и, может быть, над той
Могилой проклянут мое praванье,
Где будет гнить все, что любил я в жизни!..
О! я тебя навеки потерял!
Рай не отдаст божественный твой образ
Душе моей; я навсегда простился
С тобой, когда удар судьбы свершился!
Я сам разрушил... сам отвергнул, сам
Свою надежду уничтожил... о! прощай!
Прощай! прощай! ты спящий ангел!..
Бледна! бледна!.. мертва...

Шум за дверями и голоса, но Фернандо стоит с поникшей головой и ничего не слышит. Входят служители инквизиции с начальником и веревками и прочими приготовлениями.

Начальник

Он здесь! Фернандо наш возлюбленный!
Здесь еретик! схватите поскорей!

Подходят, берут. Он недвижим, ничего не чувствует.

Свяжите руки!

Фернандо *(как от сна)*

Что вам надобно?

Начальник

Ты на костре пылающем увидишь,
Что хочет инквизиция святая!

Фернандо

За что?

Начальник

Мы не привыкли отвечать, за что!
Свяжите.

Фернандо

Я не дамся.

(Вырывается.)

Начальник

Мы увидим!..

Фернандо

Кто хочет жить?

Начальник

Я знаю: ты не хочешь!
Вот для чего пришли мы за тобой!

Фернандо

Не думайте, что я боюся вас.
Я не хочу оставить этот труп!..
Прочь от меня. Своим присутствием
Вы осквернитe это место. Посмотрите:
Она святей, чем все святые ваши!
Своею кровию она купила рай,
А ваши кровию других мечтают
Его купить... прочь! прочь отсюда!

Начальник

Я не люблю пустое толковать,
Схватите же его!

Фернандо *(вынимает кинжал)*

Приди на помощь
Вторично, мой кинжал... кто будет первый?

Они отступают.

Никто!.. да сколько вас?.. ужель один
Так страшен!

Начальник *(своим)*

Что нам торопиться, други?..
Он не уйдет от наших рук наверно.
Пускай придет отец Соррини сам:
Он нас прислал... пусть он с ним справится;
А из чего нам жертвовать собой!

Становятся у двери.

Фернандо

Что, если брошусь я на них, как тигр,
И всех в крови к ногам своим повергну?
Но нет! — зачем лишить их бренной жизни,
Зачем лишить того, что им бесценно?
Я здесь один... весь мир против меня!
Весь мир против меня: как я велик!..

Входит доминиканец с бумагой в руках.

Доминиканец

Фернандо!

Фернандо

Что?

Доминиканец

Против тебя донос есть.

Фернандо

Немудрено!

Доминиканец

И суд уж подтвердил,
Чтоб взять тебя.

Фернандо

Где суд в Испании?
Есть сборище разбойников!..

Доминиканец

А ты,
Ты не разбойник?

Фернандо

Нет.

Доминиканец (*показав труп*)

А это что?

Фернандо

Я спас ее!.. она меня любила,
Любила!.. о! знавал ли ты любовь?
Нет, не знавал!.. как воск бы ты растаял,
Взглянув на эти бледные черты!
Она меня любила!.. как еще любила!..

Доминиканец

Не о любви пришел я говорить:
Ты обвинен, что веришь Лютеру
И всем еретикам; вот для чего
Пришли мы взять тебя, мой друг;
Ты веришь в Лютера?

Фернандо

Как странно:
Без пытки спрашивает он меня!
Я верю, что есть бог!..

Доминиканец

Что папа
Наместник бога?

Фернандо

Кто его поставил?

Доминиканец

Так ты не веришь?

Фернандо

Разве бог велел
Вам жечь людей?

Все *(кричат)*

Он еретик! он еретик!

Доминиканец *(к другим)*

Зачем его вы тотчас не связали?

Начальник

Не сладили.

Доминиканец

Так смел он защищаться?

(К Фернандо.)

Ты должен умереть, мой друг.

Фернандо

Я это знаю!
Я это знал давно... и ты умрешь!..
О! не хвались своей минутной властью!
Вот образ смерти.

(Показывает на Эмилию.)

Если рок Эмилию
Не пощадил, то пощадит ли вас?..

Доминиканец

Ты слышал приговор, итак, сдавайся!..

Соррини входит и крадется дальше от Фернандо.

Фернандо

Соррини, здравствуй! верно, ты пришел
Последний миг страдальца усладить!
Не бойся! Я тебе не сделаю
Вреда! я прежнее забыл.
Я совершил свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совести.
Не вечно спят они. Граница есть
Всему... но полно уж об этом!

Соррини

Глупец, ты смеешь угрожать?

Фернандо

Соррини!
Ты победил... но просьба есть одна:
Исполни... если ты ее исполнишь,
То на костре я буду за тебя
Молиться, в лютой пытке буду имя
Твое благословлять.

Соррини *(с улыбкой)*

Скажи мне, что такое!

(Насмешливо.)

Скажи мне... если только можно!..

Фернандо *(вынимает косу Эмилии)*

Ты видишь этот черный пук волос!
Пускай они сгорят со мной. Сегодня
Я их отрезал с головы ее!

(Указывая на тело Эмилии.)

Пред смертью не снимайте их с меня;
Они вам не мешают.

Соррини

Нет, нельзя!
Никак нельзя.

Фернандо

Последняя мольба!

(Скрежещет зубами.)

Поверь мне, эти волосы никак
Тебе не помешают слышать крики
Мои, которые железо пытки
Исторгнет!..

Соррини

Нет! никак нельзя!..
Их вид твои страданья облегчит,
Но этого не хочет суд.

Фернандо

Соррини!
Ты хочешь...

Соррини

Я хочу, чтоб ты повиновался!
Служители! еретика схватите
Сейчас и волосы из рук его

Нечистых вырвите. Канатами свяжите
Преступника! Он слышал приговор,
И глупо мешкать...

(в сторону)

Ты заплотишь мне;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умеет: впрочем, мы виновны оба, —
А кто взял верх, тому и слава!

В это время все приблизились к Фернандо. Но он отталкивает одного ближайшего, бросается на Соррини и ранит его в руку.

Фернандо

Издохни!

Соррини *(который упал от удара, встает)*

Помогите!

Фернандо *(тихо и мрачно)*

Жив!

Соррини

Я жив,
Чтоб насладиться муками твоими!

Доминиканец

Перевяжите руку!

(Перевязывает.)

Фернандо

Ныне вижу,
Что не исполнил ты свое предназначенье
И меру всех твоих злодейств. Творец
Свидетель мне: хотел очистить землю я
От зверя этого... железо обмануло...
И он живет... презренный человек!
Он отвратительнее для меня,
Чем все орудья пытки.

(Бросает кинжал на землю.)

Прочь, неверный
Металл! ты мне служил, как люди:
Помог убить невинность, притупился
О грудь злодея,

(топчет)

прочь, изменник!

Видя, что кинжал не в руках его, бросаются все на него, схватывают и связывают руки.

Доминиканец

Теперь он безопасен нам! схватите,
Свяжите!

Соррини

Как мы мешкаем! — о! сердце
Мое трепещет, хочет увидать
Огонь, где этот еретик погибнет!
Во имя бога! дети! ну, ступайте!

Начальник

Чтоб он не вырвался! держите крепче!..

Фернандо

Не бойтесь! я не стану вырываться.

(Насмешливо.)

Кто отослать хотел на небеса
Такого ангела,

(показывая на Соррииия)

заслуживает тот
Ужаснейшую казнь!..

Моисей *(за дверью)*

Впустите! поскорее!

(Вбегает в отчаянье.)

Мой сын! Фернандо! где он? где он? где он?
Фернандо, ты мой сын! недавно я
Узнал. Раввин мне объявил. Что сделал ты?
Нашел! — и вновь теряю навсегда!
Мой сын! мой сын! о небо!

Фернандо *(вздрогивает)*

Я твой сын!

Молчание.

Старик... неправда! говори: неправда!
Что пользы мне найти отца в подобный час?
Старик... ты обманулся! я не сын твой,
Никто не требуй больше от меня любви.

Моисей

Нет! я тебя спасу!

(Бросается к ногам Соррини.)

О! Господин!..
Я сожаленья не прошу — у христиан,
Я знаю, господин, оно проступок!
Но вся моя казна твоя!

(Обнимает колена.)

Вот здесь червонцы!..

(Вынимает мешок.)

Спаси его! позволь ему бежать!
Он сын мой!.. за него я все отдам.

Фернандо

Встань! встань! не унижай себя пред ним,
Будь горд, как я, — иль ты не мой отец!
Встань! — и учися ненавидеть презирая.

Моисей *(на коленях)*

Возьми мое богатство, все! — оно
Перед тобой... я дочь еще имею!..

Фернандо

Старик, молчи! — когда б я не был связан,
Я б рот тебе зажал...

Моисей

Помилуй!..

(Обнимает колена.)

Соррини

Нет!

Моисей

На казнь?..

Соррини

Ну что ж?

Начальник *(одному из служителей)*

Иди вперед.

Фернандо *(к Моисею и Эмилии)*

Прощайте!

Его уводят.

Соррини *(Моисею)*

Ну, что ты?

Моисей

Увели! — нельзя ль помочь!

Соррини *(берет мешок с деньгами)*

Попробую! все средства не исчезли!
В суде имею я довольно власти.
Да ты еврей — ага!.. зачем ты здесь?
О погоди! — я и с тобою справлюсь.

(Уходит, смеясь.)

Моисей

Ушел! и деньги взял, и сына взял,
Оставил с мрачною угрозой!.. о творец!
О бог Ерусалима! — я терпел —
Но я отец! — Дочь лишена рассудка,
Сын на краю позорныя могилы,
Имение потеряно... о боже! боже!
Нет! Аврааму было легче самому
На Исаака нож поднять... чем мне!..
Рвись сердце! рвись! прошу тебя — и вы

Долой, густые волосы, чтоб гром
Небес разил открытое чело!

(Рвет волосы.)

Сын! дочь! имение! червонцы!
Всё, всё!..

(ломая руки)

потеряно навек!

Входят два человека с носилками.

О горе! горе мне! о горе! горе!

Жид убегает.
Два человека с удивлением глядят.

1-й гробовщик

Везде одно отчаянье да казни;
Конечно, этот человек немало
Имел несчастья.

(Показывает на дверь, куда ушел Моисей.)

2-й гробовщик

Да! как волосы он рвал!

1-й гробовщик

Он жид, однако ж я его жалею!..

2-й гробовщик

Приметил ли, когда нас посылал
Дон Алварец за телом дочери,
Как он едва держался на ногах
И крупная слеза катилась по щеке?

1-й гробовщик

Да, это приключенье занимает
Весь город!

2-й гробовщик *(с помощью другого кладет на носилки тело Эмилии)*

Мир душе твоей, девица!..

1-й гробовщик

Ей пышные готовят похороны,
Я слышал.

2-й гробовщик

Вот чего не понимаю!
Не все ль равно усопшему, в парче
Или в холсте он будет съеден червем?

1-й гробовщик

Так принято.

2-й гробовщик *(обвивая покрывалом тело на носилках, чтобы оно не упало)*

Вот брачная постель твоя,
Красавица!

Молчание.

Куда была она прекрасна!..
Хоть я привык к таким работам, а теперь
Мне как-то жалко, как-то тяжело
На сердце.

Подымают носилки с Эмилиею.

1-й гробовщик

Полно тут болтать! за дело!
Пойдем... вот так! смотри, держать ровнее!

Уносят тело.

Сцена II

Улица в городе близко жилища Алвареца. Народ.

1-й испанец

А! здравствуй! добрый день! ты слышал ли
Печальную историю Фернандо.

2-й испанец

Он в город приведен сегодня, взят
В тюрьму; уж суд над ним окончен;
Костер стоит готов — я видел сам;

У нас не любят очень долго мешкать,
Когда какой-нибудь монах обижен;
Сейчас сожгут, хотя не виноват.

3-й испанец

Однако же Фернандо виноват, зачем
Он бедную Эмилию зарезал;
Жестокосердый!.. Нет! пускай горит он.

4-й испанец

Он смерть предпочитал позорной жизни
И думал сделать ей добро, не зло!..

2-й испанец

Народ валит толпой, чтоб посмотреть,
Как умирает человек.

(Показывая на толпу.)

Кто скажет,
Что эти люди сами смертные?

Сара *(за сценой)*

О, помогите удержать ее!..

Ноэми входит с растрепанными волосами, а за нею Сара.

До самого до города она
Все так бежала... я измучилась!
Ноэми! ах! — она сошла с ума.

Ноэми

Пусти меня! — мой брат! мой брат! мой брат!
Куда ты?.. я тебя люблю, люблю так нежно.
Закон — тиран! — какой уродливый
И гадкий вид! — дай руку мне! — о нет:
Как? — эти пальцы пахнут смертью!
Отдайте ожерелье мне назад...
Мой брат! мой брат! мой брат!
Я знала, он погибнет, Сара,
Пойдем домой.

Сара берет ее за руку.

Нет! так я не хочу!

(Бросается на колена.)

О люди добрые! скажите мне,
Где брат мой?

2-й испанец

Кто она?

Сара

Ах! сжальтесь!
Вы видите, она сошла с ума,
Никто ее не может удержать...

2-й испанец

Когда бы все жиды с ума сошли,
Как эта девушка, нам было б лучше.

Ноэми

Где брат мой?

4-й испанец

Бедная еврейка!

Ноэми *(встав)*

Вы думали, что я бедна, — но мой отец
Стократ богаче вас — и в столько ж лучше,
Вы думали, что долго буду я
Стоять пред вами на коленах — так ошиблись!
Я буду петь, плясать и веселиться!

(Обтирает глаза.)

Прочь! прочь, вы, слезы! — вы лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться.
Прочь слезы — мой отец богат!..

(Стонет.)

Сара

Что говорит она? — все бредит!
Мы *бедные* евреи!..

2-й испанец *(глядя на Ноэми)*

Как жалка!

Ноэми

Где он?

Пылает небо, люди гибнут,
Земля трепещет... там, в огне, в огне,
Мой брат! мой брат! — я не пойду к нему?
Пустите!..

Сара

Что ты делаешь,
Великий боже! образумь ее!

5-й испанец *(вбегает)*

Все кончилось! я был в суде, Фернандо
Ведут на казнь, его пытали долго,
Вопросы делали — он все молчал, ни слова
Они не вырвали у гордого Фернандо —
И скоро мы увидим дым и пламя.

2-й испанец

Пойдемте посмотреть на казнь Фернандо!..

Некоторые идут. Народ толпится через улицу.

Ноэми

Чья казнь!

(Упадает на землю.)

Я... слышала, Фернандо.

(Тихо.)

Мой брат! что ж? смейтесь! — казнь и смерть!..
Как это больно!

Группа составляется вокруг нее.

Сара

Помогите ей!
Воды! — я заклинаю богом, помогите.

(Становится на колени возле.)

Она еще тепла... о демоны, не люди!
Что я могу, бессильная старуха?
О, помогите, помогите ей!

6-й испанец *(сухо)*

Жидовка умереть одна не может?
Пускай она издохнет!.. И Фернандо,
Как говорят, был сын жида.

Сара

Он сын
По крайней мере человека — ты же камень!
Проклятье на тебя, кто б ни был ты!

(Склоняясь к Ноэми.)

Ноэми! ты оставить хочешь нас!
Ужасная судьба отца, и дочь и сына
В одну минуту потерять!

Ноэми *(тихо)*

Фернандо!..

Молодой человек из толпы подходит ближе

7-й испанец

Прелестные черты! когда б печаль
И смерть не истощили их
Красы до половины — что за бледность!

Сара берет ее за руку и вздрогивает.

Свинцу подобны сделалися губы, [1]

---

[1] На этом месте рукопись обрывается.

MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN

(EIN TRAUERSPIEL)[1]

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустные писал,
Не знав ни славы, ни похвал,
Не мысля о толпе презренной.
Одной тобою жил поэт,
Скрываючи в груди мятежной
Страданья многих, многих лет,
Свои мечты, твой образ нежный;
Назло враждующей судьбе
Имел он лишь одно в предмете:
Всю душу посвятить тебе,
И больше никому на свете!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданье.
Пусть пред тобой сии листы
Листами будут оправданья.
Прочти — он здесь своим пером
Напомнил о мечтах былого.
И если не полюбишь снова,
Ты, может быть, вздохнешь об нем.

---

[1] Люди и страсти. (Трагедия.) *(Нем.)*.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Марфа Ивановна Громова — 80 лет.
Николай Михалыч Волин — 45 лет.
Юрий Николаич, сын его — 22 лет.
Василий Михалыч Волин, брат Н. М. — 48 лет.
Любовь } дочери: 1) — 17 лет, 2) — 19 лет.
Элиза }
Заруцкой, молодой офицер — 24 лет.
Дарья, горничная Громовой — 38 лет.
Иван, слуга Юрия.
Василиса, служанка 2-х барышень.
Слуга Волиных.

Действие происходит в деревне Громовой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Утро.

Стоит на столе чайник, самовар и чашки.

Дарья. Что, Иван, сходил ли ты на погреб, там, говорят, все замокло от вчерашнего дождя... Да видел ли ты, где Юрий Николаич?

Иван. Ходил, матушка Дарья Григорьевна, — и перетер все, что надобно, а барина-то я не видал — вишь ты — он, верно, пошел к батюшке наверх. Дело обыкновенное. Кто не хочет с родным отцом быть — едет же он в чужие края, так что мудреного... А не знаете ли, матушка, скоро мы с барином-то молодым отправимся или нет? Скоро ли вы с ним проститесь?

Дарья. Я слышала, барыня говорила, что через неделю. Для того-то и Николай Михалыч со всей семьей привалил сюда — да знаешь ли — вот тебе Христос — с тех пор, как они приехали сюда, с тех самых пор (я это так твердо знаю, как то, что у меня пять пальцев на руке) я двух серебряных ложек недосчиталась. Ты не веришь?

Иван. Как не верить, матушка, коли ты говоришь, однако ж это мудрено — ведь у тебя все приперто — надо быть большому искуснику, чтоб подтибрить две серебряные ложки. Да! тут как хочешь экономию наблюдай и давай нам меньше жалованья и одежи и все что хочешь — а как всякой день да всякой день пропажи, так ничего не поможет...

Дарья. Это же вина все на мне да на мне, а я — видит бог — так верно служу Марфе Ивановне, что нельзя больше. Пускают этих — прости господи мое согрешение — в доме угощают, а сделалась пропажа — я отвечаю. Уж ругают, ругают! *(Притворяется плачущею.)*

Иван. А можно спросить, отчсго барыня в ссоре с Николаем Михалычем? Кажись бы неотчего — близкие родня...

Дарья. Неотчего? Как неотчего? Погоди — я тебе все это дело-то расскажу. *(Садится.)* Вишь ты: я еще была девчонкой, как Марья Дмитревна, дочь нашей боярыни, скончалась — оставя сынка. Все плакали как сумасшедшие — наша барыня больше всех. Потом она просила, чтоб оставить ей внука Юрья Николаича — отец-то сначала не соглашался, но, наконец, его улакомили, и он, оставя сынка, да и отправился к себе в отчину. Наконец, ему и вздумалось к нам приехать — а слухи-то и дошли от добрых людей, что он отнимет у нас Юрья Николаича. Вот от этого с тех пор они и в ссоре — еще...

Иван. Да как-ста же за это можно сердиться? По-моему, так отец всегда волен взять сына — ведь это его собственность. Хорошо, что Николай Михалыч такой добрый, что он сжалился над горем тещи своей, а другой бы не сделал того — и не оставил бы своего детища.

Дарья. Да посмотрела бы я, как он стал бы его воспитывать — у него у самого жить почти нечем — хоть он и нарахтится в важные люди. Как бы он стал за него платить по четыре тысячи в год за обученье разным языкам?

Иван. Э-эх! матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не в помощь богатство. Что в этих

учителях. Коли умен, так все умен, а как глуп, так все — напрасно.

Дарья (*с улыбкой*). А я вижу, и ты заступаешься за Николая Михалыча — он, видно, тебя прикормил, сердешный; таков-то ты, добро, добро.

Иван (*в сторону*). По себе судит. (*С гордым видом.*) Я всегда за правую сторону заступаюсь и положусь на всю дворню, которая знает, что меня еще никто никогда не прикармливал.

Дарья. Так и ты оставляешь нашу барыню. Хорошо, хорошо, Иван (*топнув ногой*), — так я одна остаюсь у нее, к ней привязанная всем сердцем, — несчастная барыня (*притворяется плачущею*).

Иван (*в сторону*). Аспид!

ЯВЛЕНИЕ 2

Входит Василиса с молошником.

Василиса. Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышням сливок — вы прислали молока, а они привыкли дома пить чай со сливками, так не прогневайтесь.

Дарья. Они у вас всё сливочки попивали — (*в сторону*) видишь, богачки! (*Ей.*) У меня нет сливок, теперь пост — так я не кипятила.

Василиса. Я так и скажу?

Дарья. Так и скажи! ну, чего ждешь! я тебе сказала, что у меня нет. (*Василиса уходит.*) (*Она продолжает.*) Экие какие спесивые — ведь голь, настоящая голь, а туда же, сливок, да сливок — ради, что к тем попали, где есть сливки. Пускай же знают, что я не их слуга! Экие какие...

ЯВЛЕНИЕ 3

Николай Михалыч, Василий Михалыч входят.

Николай Михалыч (*Дарье*). Здравствуй Дарья!..

Дарья. Здравствуйте, батюшка. Хорошо ли почивали?..

Николай Михалыч. Хорошо — да у вас что-то жарко наверху. Послушай! пошли мне моего человека.

Дарья *(Ивану)*. Пошли! Что ты стоишь? *(Он уходит.)*

Николай Михалыч *(брату)*. Посмотри-ка, брат, как утро прекрасно, как все свежо. Ах, я люблю ужасно это время, пойдем прогуляться в саду, пойдем.

Василий Михалыч. Изволь — я готов. *(Уходят. Дарья отворяет им дверь.) (Дарье.)* Подай нам чаю в сад! слышишь?

Дарья. Каковы! принеси им туда чаю — как будто я их раба. Как бы не так. Так не понесу же им чаю, пускай ждут или сами приходят. О-ох, время пришло, времечко — всякой командует!

ЯВЛЕНИЕ 4

Квартира Заруцкого в избе.
Ребятишки на полатях. Люлька и баба за пряжей в углу.

Заруцкой *(сидит за столом, на котором стоит бутылка и два стакана. Он в гусарском мундире)*. Вот, кажется, я нашел еще товарища моей молодости. Как полезно это общественное воспитание! — на каждом шагу жизни мы встречаем собратий, разделявших наши занятья, шалости, которые милы бывают только пока мы молоды. Как старое воспоминание, нам любезен старый друг. *(Молчание.)*

А Волин был удалой малый, ни в чем никому не уступал, ни в буянстве, ни в умных делах и мыслях, во всем был первый; и я завидовал ему! Но он скоро будет — я послал сказать ему, что старый его приятель здесь. Посмотрим, вспомнит ли он меня? *(Пьет.)* Славное вино. То-то попотчеваю. *(Берет гитару и играет и поет.) (Гитара лежала на столе.)*

Или 1

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись,
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет.

Рисунки Лермонтова

Карандаш

Рисунок Лермонтова

Итальянский карандаш

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдет:
Что пройдет, то будет мило...

Или 2

Смертный, мне ты подражай!
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай. *(Пьет.)*

В эту минуту дверь отворяется, и Юрий быстро входит в избу и бросается на шею Заруцкому.
Молчание.

ЯВЛЕНИЕ 5

Юрий. Заруцкой... как неожиданно...

Заруцкой. Давно, брат Волин, не видались мы с тобой. Я ожидал тебя и знал наверно, что ты меня не забыл — каков же я пророк.

Юрий. Как ты переменился со время разлуки нашей — однако не постарел и такой же веселый, удалой.

Заруцкой. Мое дело гусарское — а ведь и ты переменился ужасно...

Юрий. Да, я переменился — посмотри, как я постарел. О, если б ты знал все причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнул бы.

Заруцкой. В самом деле. Чем больше всматриваюсь — ты мрачен, угрюм, печален — ты не тот Юрий, с которым мы пировали, бывало, так беззаботно, как гусары накануне кровопролитного сраженья...

Юрий. Ты правду говоришь, товарищ, — я не тот Юрий, которого ты знал прежде, не тот, который с детским простосердечием и доверчивостью кидался в объятья всякого, не тот, которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства, у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым ру-

мянцем — о! друг мой! — того юношу давным-давно похоронили. Тот, который перед тобою, есть одна тень; человек полуживой, почти без настоящего и без будущего, с одним прошедшим, которого никакая власть не может воротить.

Заруцкой. Полно! полно! — я не верю ушам своим — ты что ли, это ты говоришь? Скажи мне, что с тобою сделалось? Объясни мне — я, черт возьми, ничего тут не могу понять. Из удальца сделался таким мрачным, как доктор Фауст! Полно, братец, оставь свои глупые бредни.

Юрий. Немудрено, что ты меня не понимаешь — ты вышел двумя годами прежде меня из пансиона и не мог знать, что со мной случалось... Много-много было без тебя со мною, ах! слишком много! *(Начинает рассказ. Заруцкой закуривает трубку...)*

Заруцкой. Да что же могло с тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? А ты этого в шесть лет не мог забыть? полно, полно — что-нибудь другое томит и волнует твою душу. Глаза чернобровой красавицы, par exemple[1].

Юрий. Нет — совсем нет! что за смешная мысль! ха! ха! ха!.. *(Молчание.)*

Заруцкой. Да что же! Мне любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стакан! *(Взяв за руки.)* Не знаю, чем тебя мне угостить, дорогого гостя...

Юрий *(выпив)*. Помнишь ли ты Юрия, когда он был счастлив; когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшим разговором для меня было размышленье о людях. Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнавать сердце человеческое, как пламенно я любил природу, как творение человечества было прекрасно в ослепленных глазах моих. Сон этот миновался, потому что я слишком хорошо узнал людей...

Заруцкой. Вот мы гусары, так этими пустяками не занимаемся, нам жизнь — копейка, зато и проводим ее хорошо!

---

[1] например *(франц.)*.

Юрий. Без тебя у меня не было друга, которому мог бы я на грудь пролить все мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомненья... Я не знаю — от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня. Часто я во мраке ночи плакал над хладными подушками, когда воспоминал, что у меня нет совершенно никого, никого, никого на целом свете — кроме тебя, но ты был далеко. Несправедливости, злоба — все посыпалось на голову мою, — как будто туча, разлетевшись, упала на меня и разразилась, а я стоял как камень — без чувства. По какому-то машинальному побуждению я протянул руку —и услышал насмешливый хохот — и никто не принял руки моей — и она обратно упала на сердце... Любовь мою к свободе человечества почитали вольнодумством — меня никто после тебя не понимал. Однако ж ты мне возвращен снова! не правда ли?..

Заруцкой. О государь! наш мудрый государь! если бы ты знал, каким гидрам, каким чудовищам, каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества — но где тебе знать? один бог всеведущ!.. Черт меня дери, если я не изрублю этого... злодея, когда он мне попадется — он многих сделал несчастливыми. Продолжай! друг мой!..

Юрий. Потом — ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы — жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадает. Наконец, я тебе скажу — не проходит дня, чтобы новые неприятности не смущали нас, я окружен такими подлыми тварями— все так мне противуречит...

Заруцкой. Эх, любезный, черт с ними!.. всех не исправишь!

Юрий. Еще — *(берет его за руку)* знаешь ли? — Я люблю...

Заруцкой. Ну так, без этого не обойтиться? В кого, скажи мне, в кого ты влюблен? Я помогу тебе — на то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику — и попировать на его свадьбе.

Юрий. На свадьбе? — кровавая будет свадьба! Она никогда не будет мне принадлежать, зачем же

называть ее — я хочу погасить последнюю надежду — я не хочу любить — а все люблю!..

Заруцкой. Послушай, брат, знаешь ли, я сам люблю и не знаю, любим ли я; мне стало жалко тебя, ты очень несчастлив. Послушай! зачем ты не пошел в гусары? Знаешь, какое у нас важное житье — как братья, а поверь, куда бабы вмешаются — там хорошего не много будет!

Юрий *(в сторону)*. О, если б ты знал, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивал бы себя со мною. *(Вслух.)* Я еду в чужие края — оставляю всех — родину — может быть, это поможет моему рассеянью.

Заруцкой. Твой отец здесь и дядя и кузины... Их две?..

Юрий *(с приметным смущением)*. Да... да — они все приехали со мной проститься!.. И мы с тобою снова расстанемся!

Заруцкой. Твое воображение расстроено, мой милый, ты болен. Зачем тебе ехать от нас?

Поверь мне, той страны нет краше и милее,
Где наша милая иль где живет наш друг.

Юрий. Зачем разуверять меня, зачем останавливать несчастного. Неужели и ты против меня, неужели и ты хочешь моей гибели и ты изменил мне. Скажи мне просто, что ты думаешь — быть может, ты хочешь посмеяться надо мной, над безнадежной моей любовью так — как некогда — у меня был друг, который хохотал. Долго этот хохот останется в моем слухе. Ах! имей немного сострадания, столько, сколько человек может иметь — оставь меня лучше!

Заруцкой. Бедный, в каком он безумии. Зачем я коснулся его живой струны? *(К Юрию.)* Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..

Юрий. Я еду — я должен ехать — я хочу ехать... *(Кидается на стул и вдруг закрывает лицо руками.)*

Заруцкой *(стоит в безмолвии над ним, покачав головою)*. Бедный!.. Кто виноват?.. Неужели человек может быть так чувствителен, что всякая малость раздражает его до такой степени. *(Ударив себя по*

сердцу.) Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, брат. Вставай-ка — ты болен... Опомнись. *(Трогает его.)*

Юрий. Да! я болен! Смертный яд течет по моим жилам. *(Заруцкой поднимает его.) (Как ото сна встает.)* Где я, у кого я?

Заруцкой. В объятиях твоего друга.

Юрий *(обнимает его с восторгом)*. У меня есть друг.

Заруцкой. Утешься, брат, — не век горе.

Юрий *(не слыша его)*. Ты на меня не сердит? а? прости мне, если я что-нибудь тебе обидное сказал — не я говорил — мои страсти, мое безумство — прости меня...

Заруцкой. Тебе нужен свежий воздух!.. Итак, пойдем отсюда... в поле... *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Комната барышень. Любенька сидит и читает. Горничная шьет платье, а Элиза перед трюмо. Все тихо.

Элиза *(примеривая шляпу)*. Посмотрите, ma soeur [1], как эта шляпка на мне сидит. Не правда ли, что прекрасно...

Любовь. Да, это правда. *(Положив книгу.)* Ах! если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза. А что такое, позвольте спросить?

Любовь. Вудсток, или Всадник, Вальтера Скота! Я остановилась на том месте, когда Алина удерживает короля и полковника... Ах, как я ей завидую...

Элиза. По мне ничего тут нет прекрасного. Пускай бы их сражались... да шею себе ломали... ха! ха! ха! Какая дура твоя Алина!..

Любовь. У всякого свой вкус...

Элиза. Кстати: помнишь ли, как мы были в Москве. Я танцевала с одним прехорошеньким, молодым мальчиком. Он мне писал письмо, познакомился с кузинами для меня...

---

[1] сестра *(франц.)*.

Любовь *(с презрением)*. И ты приняла письмо?

Элиза. Экая важность! я очень рада... Когда мы приедем опять в столицу — он на мне женится... А ты не хочешь замуж, душенька моя? — будь спокойна, не возьмет тебя никто!

Любовь. Где ж нам с вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза *(как будто не слышит ее)*. Какое прекрасное время — пойду в сад... *(Уходит.)*

Любовь. За что меня батюшка меньше ее любит, боже мой? Что я сделала?.. Неужели должна любовь отца разделяться не ровно!.. Кажется, я привязана к нему с такой же нежностью, как сестра моя, никогда не огорчала его непослушанием—никогда—никогда... Ах, если бы маменька была жива, если б было кому с участием, нежностью меня прижать к груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.

Василиса-служанка встает и уходит.

Как я помню ее последние слова: «не плачь, дочь моя, — что делать, если отец тебя не любит — молись, дочь моя — божеская любовь равна любви родительской!» И бледное, болезненное лицо ее сделалось совершенно спокойно — как смерть!..

Молчание.

Видно, мне вечно быть сиротой. Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой лавры — и мне схимник предсказал много горестей. О, святой старик, зачем твое предсказание исполнилось?

Она садится за книгу. Вдруг входит Заруцкой. Она в испуге вскакивает.

ЯВЛЕНИЕ 7

Заруцкой подходит к ней.

Любовь. Чего вам надобно, милостивый государь, — здесь — когда я одна — вы, верно, ошиблись комнатой, вы не сюда хотели взойти...

Заруцкой. Нет, сударыня. Я точно там, где хотел быть... Это ваша комната...

Любовь. Кажется...

Заруцкой. Не пугайтесь — прошу вас — не пугайтесь...

Любовь. Мне нечего вас пугаться — только этот поступок очень удивителен...

Заруцкой. Если вы узнаете причины его — то, клянусь вам, не будете удивляться... если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которой покорствует все в природе... то исполните мою просьбу...

Любовь. Мне кажется, у вас никакой просьбы до меня, семнадцатилетней девушки, не может быть, что я могу вам сделать...

Заруцкой. Я гусар, а гусары говорят то, что думают: позволяете ли мне говорить откровенно?

Она в смущении молчит.

...Знавали ли вы страданья любви, вы носите ее имя, отвечайте, протекал ли огонь ее по вашим жилам?..

Любовь. Какой странный вопрос...

Заруцкой. Знавали ли вы любовь?..

Любовь. Это слишком много, слишком дерзко — я не привыкла к таким разговорам — оставьте меня — вы не хотите — я вам приказываю, не то я позову людей... ибо — я не хочу вам сделать эту неприятность. Оставьте меня.

Заруцкой. ...В последний раз заклинаю вас, скажите мне, любили ли вы какого-нибудь юношу — одного на целом свете.

Любовь *(с досадою)*. Это слишком вольно, милостивый государь, — повторяю вам, если вы меня не оставите...

Заруцкой *(вскакивает как громом поражен)*. *(В сторону.)* Итак, все надежды мои провалились сквозь землю... попробую еще... быть может, она мыслит, что Заруцкой ее любит — ах! счастливая мысль — еще есть спасенье. *(Подходит к ней с спокойным видом.)* Я обожаю — сестру вашу...

Любовь. Что же вам до меня. Зачем тревожить мое спокойствие таким неожиданным приходом, зачем же вы пришли ко мне? Ваш поступок невозможно понять!..

Заруцкой. Я для того пришел к вам, чтобы вымолить, выплакать помощь — будьте уверены в чистоте моих желаний — я хочу, клянусь вам, хочу на ней жениться, но — прежде — доставьте мне случай с ней говорить наедине, скажите ей, что она любима — страстно — столько, сколько гусар может любить. Я хочу узнать ее ближе, — вы будете свидетелем — умоляю вас, но что это значит? вы отворачиваетесь? — как можно отказываться сделать доброе дело, когда мы в состоянии.

Любовь. Я не в состоянии этого сделать!..

Заруцкой. Как! имея доверенность сестры вашей, ее дружбу — и вы...

Любовь. Вы ошибаетесь!.. я не имею ничьей доверенности, ничьей дружбы!..

Заруцкой. Итак, мне идти без надежды — а?..

Любовь Нет — останьтесь... слушайте... поклянитесь мне, что вы во зло не употребите ее снисхождения... но чем вам клясться... нет... лучше... скажите мне, положив руку на сердце: правда ли, что мужчины так злы и коварны, как их обвиняют, — правда ли, что их душе ничего не стоит погубить девушку навеки...

Заруцкой *(подумав, решительно)*. Неправда...

Слышен шум.

Любовь. ...Я постараюсь убедить Элизу... но помните, что грешно будет употребить во зло мою и сестрину доверенность... слышите — она идет — бегите скорей, бегите...

Заруцкой. Я буду надеяться. *(Уходит.)*

Чрез минуту входит Элиза.

ЯВЛЕНИЕ 8

Элиза. ...Ах, какой смех! Grand dieu! Grand dieu![1] кабы ты знала, Любанька, что там за шум внизу. Марфа Ивановна так раскапризничалась, что хоть из дому беги!.. ужасть! девок по щекам так и лупит — ха! ха! ха! ха! — стоит посмотреть — и за что? Ах,

[1] Боже мой! Боже мой! *(франц.)*

дай отдохнуть — самая глупейшая глупость — ах! как я устала!.. после тебе расскажу!..

Любовь. ...А у меня есть дело очень важное до тебя... и на твой счет...

Элиза. Что такое? скажи, пожалуйста! скажи!..

Любовь. Пойдем со мной!

Уходят.

Конец 1-го действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Комната Марфы Ивановны. Она сидит на креслах, перед ней стоит Дарья.

Марфа Ивановна. Как ты смела, Дашка, выдать на кухню нынешний день две курицы — и без моего спросу? — а? — отвечай!

Дарья. Виновата... я знала, матушка, что две-то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марфа Ивановна. Как, дура, скотина — две много... да нам есть нечего будет — ты меня эдак, пожалуй, с голоду уморишь — да знаешь ли, что я тебе сейчас вот при себе велю надавать пощечин...

Дарья (*кланяясь*). Ваша власть, сударыня, что угодно —мы ваши рабы...

Марфа Ивановна. Что, не было ли у вас какого-нибудь крику с Николай Михаловичем?..

Дарья. Нету-с — как-с можно-с нам ссориться — а вот что-с — нынче ко мне барышни присылали просить сливок, и у меня хоть они были, да...

Марфа Ивановна. Что ж ты, верно отпустила им?..

Дарья. Никак нет-с...

Марфа Ивановна. Как же ты смела...

Дарья. Добро бы с вашего позволения, а то вы почивали — так этак, если всяким давать сливок, коров, сударыня, недостанет... у нас же нынче одна

корова захворала, и я, матушка, виновата, не дала, не дала густых сливочек... слыхано ли во свете без барского позволения?..

Марфа Ивановна. Ну, так хорошо сделала... Не знаешь ли ты, где мой внук, молодой барин?..

Дарья. Кажется, сударыня, он у своего батюшки.

Марфа Ивановна. Все там сидит. Сюда не заглянет. Экой какой он сделался — бывало, прежде ко мне он был очень привязан, не отходил от меня, пока мал был — и напрасно я его удаляла от отца — таки умели Юрьюшку уверить, что я отняла у отца материнское именье, как будто не ему же это именье достанется... Ох! злые люди!

Дарья. Ваша правда, матушка, — злые люди.

Марфа Ивановна. Кто станет покоить мою старость! и я ли жалела что-нибудь для его воспитания — носила сама бог знает что — готова была от чаю отказаться — а по четыре тысячи платила в год учителю... и все пошло не впрок... Уж, кажется, всяким ли манером старалась сберечься от нынешней беды: ставила фунтовую свечу каждое воскресенье, всем святым поклонялась. Ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всех родных — все не помогло. Ах, кабы дочь моя была жива, не то бы на миру делалось, не то бы...

Дарья. Что это вы, сударыня, так сокрушаетесь— все еще дело поправное — можно Юрья Николаича разжалобить чем-нибудь, а он уж известен, как если разжалобится — куда хочешь, для всякого на нож готов... Есть, Марфа Ивановна, поговорка: железо тогда и куется, пока горячо...

Марфа Ивановна. Вот как врет — можно ли это—как его разжалобишь—он уж ничему не поверит...

Дарья. Как, вашей милости у нас, рабов, об таких вещах спрашивать... вам ли не знать...

Марфа Ивановна *(смотря кверху)*. Видит богоматерь, я не теряла молитв... постараюсь, попробую поступить по твоему совету. Дашка... да слушай, что они там ни будут говорить с отцом, все узнавай и приходи сказывать мне...

Дарья. Слушаюсь — уж на меня, Марфа Ивановна, извольте надеяться...

Марфа Ивановна. Ну я надеюсь: ты всегда мне верно служила...

Дарья. Видит бог-с, не обманывала никогда и вечно в точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольны. *(Кланяется.)*

Марфа Ивановна. Но вот уж через неделю Юрьюшка поедет — и я избавлюсь от этих несносных Волиных — то-то кабы дочь моя была в живых.

Молчание.

Эй, Дашка, возьми-ка евангелие и читай мне вслух.

Дарья. Что прикажете читать?

Марфа Ивановна. Что попадется!..

Дарья открывает книгу и начинает читать.

Дарья *(читает вслух довольно внятно)*. «Ведяху со Иисусом два злодея. И егда приидоша на место, нарицаемое лобное, ту распяшу его и злодеев, оваго одесную, а другова ошуюю.

Иисус же глаголаше: Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят. Разделяюще ризы его и метаху жребия...»

Марфа Ивановна. Ах! злодеи-жиды, нехристы проклятые... как они поступали с Христом... всех бы их переказнила, без жалости... нет, правду сказать, если б я жила тогда, положила бы мою душу за господа, не дала бы его на растерзание...

Перверни-ка назад и читай что-нибудь другое...

Дарья *(читает)*. «Горе вам, лицемеры, яко подобитесь гробам украшенным, иже снаружи являются красны, внутри же полны суть костей мертвых и всякой нечистоты!.. Так и вы извне являетесь человеком праведни, внутри же есте полны лицемерия и беззакония...»

Марфа Ивановна. Правда, правда говорится здесь... ох! эти лицемеры! вот у меня соседка Зарубова... такая богомольная кажется, всякой праздник у обедни, а намеднясь велела загнать своих коров и табун на мои озими, — всё потоптали — злодейка...

Дарья. Да еще, сударыня, бранит вас повсюду по домам — такая змея... и людям-то своим велит на

вас клепать нивесь что, мы хоть рабы, а как услышишь что-нибудь такое, так кровь закипит — так бы и вцепилась ей в волоса...

Марфа Ивановна. Продолжай...

Дарья (*читает*). «Дополняйте же вы меру злодеяния отцов ваших. Змеи, порождение ехиднины, как убежите от огня и суда геенны?»

Марфа Ивановна. Не убежит она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое!..

Дарья. Из чьего евангелия прикажете?

Марфа Ивановна. От Марка.

Дарья. «Сего ради глаголю вам: вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете; и будет вам.

И егда стоите на молитве, прощайте, аще что имате на кого, да и отец ваш, иже на небесех, отпустит вам согрешения ваша...»

Слышен громкий стук разбитой посуды, обе вздрогивают.

Марфа Ивановна. Что это?.. верно, мерзавцы что-нибудь разбили... Сбегай-ка да посмотри!..

Дарья уходит. Чрез минуту приходит.

Дарья. Ваша хрустальная кружка, с позолоченной ручкой и с вензелем...

Марфа Ивановна. Она!

Дарья. ...в дребезгах лежит на полу...

Марфа Ивановна. Ах, злодеи! кто разбил — кто этот окаянный?..

Дарья. ...Васька — поваренок!..

Марфа Ивановна. Пошли его сюда... скорей... уж я ему дам, разбойнику, березовой каши.

Дарья призывает его.

Как ты это сделал, мерзавец... знаешь ли, что она пятнадцать рублей стоит? эти деньги я у тебя из жалованья вычитаю. Как ты ее уронил, — отвечай же, болван?.. Ну — что ж ты? Говори.

Мальчишка хочет говорить.

Как? ты еще оправдываться хочешь... эх! брат, — в плети его, в плети на конюшню...

Мальчик кланяется в ноги.

Вздор! я этим поклонам не верю... убирайся с чертом, прости боже мое согрешение...

Мальчик идет.

Убирайся... *(Топнув ногой.)* Моя лучшая кружка, с золотой ручкой и с моим вензелем!.. Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть как-нибудь...

Дарья. Ни под каким видом нельзя-с.

Марфа Ивановна. Экая беда какая.

Входят Николай Михалыч и Василий Михалыч Волины. Дарья уходит с книгой.

ЯВЛЕНИЕ 2

Николай Михалыч. Здоровы ли вы, матушка, нынче и хорошо ли почивали... я слышал, что вы долго не засыпали...

Марфа Ивановна. Да, батюшка, — мне что-то не спалось — я все думала об моем Юрьюшке... как это он поедет путешествовать, я боюсь за него — вот вы, отцы, не так беспокоитесь об детях!.. а мне так грустно с ним расставаться...

Николай Михалыч. Неужели вы думаете, что мне легче. Вы ошибаетесь, позвольте мне сказать. Я сына моего не меньше вас люблю; и этому доказательство то, что я его уступил вам, лишился удовольствия быть с моим сыном, ибо я знал, что не имею довольно состояния, чтоб воспитать его так, как вы могли.

Марфа Ивановна *(к Василию Михалычу)*. Что, батюшка! как ваше дело, что говорит сенат?..

Василий Михалыч. Сенат-с — до него еще дело не доходило. А все еще кутят да мутят в уездном суде да в губернском правлении... такие жадные, канальи, эти крючки подьячие, со всей сволочью, что когда туда приедешь, так и обступят — чутье собачье! знают, что у тебя в карманах есть деньги... И вот уж пять лет тянется вся эта комедия... впрочем, для меня совсем несмешная, потому что я действующее лицо!..

Марфа Ивановна *(к Николаю Михалычу)*. Знаете ли, Николай Михалыч, я хочу, чтоб Юрьюшка

ехал во Францию, а в Германию не заглядывал, — я терпеть не могу немцев! чему у них научишься!.. Все колбасники, шмерцы!..

Николай Михалыч. Позвольте перервать речь вашу, матушка, немцы хотя в просвещении общественном и отстали от французов, то есть имеют некоторые странности, им приличные в обхождении, не так ловки и развязны, но зато глубокомысленнее французов, и многие науки у них более усовершенствованы, и Юрий, в его лета, очень даже может сам располагать собою, ему двадцать два года, он уже имеет чин — и проч...

Василий Михалыч. Позвольте спросить, Юрий Николаич поедет морем?

Марфа Ивановна. Сохрани бог!.. Нет, ни за что.

Василий Михалыч. Так ему надо ехать чрез Германию, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марфа Ивановна. Как же быть? А я не хочу, чтоб он жил с немцами, они дураки...

Николай Михалыч. Помилуйте! у них философия преподается лучше, нежели где-нибудь! Неужто Кант был дурак?..

Марфа Ивановна. Сохрани бог от философии! Чтоб Юрьюшка сделался безбожником?..

Николай Михалыч *(с неудовольствием)*. Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чем вы? Поверьте, что я знаю, что говорю. Философия не есть наука безбожия, а это самое спасительное средство от него и вместе от фанатизма. Философ истинный — счастливейший человек в мире, и есть тот, который знает, что он ничего не знает. Это говорю не я, но люди умнейшие...

Василий Михалыч в тайном удовольствии.

И всякий тот, кто хотя мало имеет доброго смысла, со мною согласится.

Марфа Ивановна. Стало быть, я его совсем не имею... это слишком самолюбиво с вашей стороны... уверяю вас!..

Николай Михалыч. Лучше сами поверьте, что отец имеет более права над сыном, нежели бабушка...

Я, сжалясь над вами, уступил единственное свое утешение, зная, что вы можете Юрия хорошо воспитать... Но я ожидал благодарности, а не всяких неприятностей, когда приезжаю повидаться к сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрий велик уж, он сделался почти мужем, и может понимать, что тот, кто несправедлив противу отца, недостоин уважения от сына... Я говорю правду, вы ее не любите — прошу вашего извинения, впрочем, знайте, что я не похож на низких ваших соседей и не могу не говорить о том, что чувствую: я очень огорчен вашим против меня нерасположением... Но что ж делать, вы задели меня за живое: я отец и имею полное право над сыном...

Он вам обязан воспитанием и попечением, но я ничем не обязан. Вы платили за него в год по пяти тысяч, содержали в пансионе, но я сделал еще для вас жертву, которую не всякий отец сделает для тещи, уж не говорю об имении... прошу извинить.

Марфа Ивановна *(привстав)*. Как, и вы можете меня упрекать, ругать, как последнюю рабу, — в моем доме... Ах! *(Упадает в изнеможении злобы на кресло и звенит в колокольчик.)* Дашка, Дашка, — палку.

Дарья. Сию минуту. *(Приносит палку и выводит ее из комнаты под руку.)*

Николай Михалыч. О боже мой! может ли сумасшествие женщины дойти до такой степени!.. *(Ходит взад и вперед.)*

Василий Михалыч *(подходит к нему)*. Вот что значит, братец, спорить с бабами! А отчего это все, отчего не мог ты взять просто сына своего от нее: не хотел заплатить три тысячи за бумагу крепостную. Ведь она тебе отдавала имение — что за глупое великодушие не брать! — или брать на честное слово, что все равно. Вот она и сделала условие, что если ты возьмешь к себе сына, так она его лишит наследства, а тебя не сделала опекуном. Что, брат! видно, поздно!..

Николай Михалыч. Но ее слово, уверения брата ее — я почему мог отгадать, что они меня обманут...

Василий Михалыч. Что, скажи мне, ты шутишь? — честное слово! ха! ха! ха!.. Нынче это нуль по левую сторону единицы.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3

Сад. Сумерки, и луна на небе, налево беседка. Любовь в длинной черной шали в волосах и белом платье. С письмом в руке.

Любовь *(читая)*. Он желает говорить со мною здесь наедине, в это время — что такое значит? Юрий хочет со мною говорить — об чем? Между нами не может быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидетелях. Однако ж я не должна опасаться, хотя говорят, что девушки должны бояться мужчин. Зачем мне бояться Юрия?.. Ах! часто, когда на меня устремлял он свои взоры неподвижные, светлые, — что-то чудное происходило в груди моей; сердце билось. Быть может, он в меня влюблен? Нет! нет! сему не случиться никогда! я не верю этой любви. Он не может на мне жениться, так на что ему безнадежною страстью себя мучить. Зеркало мне говорит, что я хороша собой, что могу нравиться, но он, он столько знал красавиц лучше меня. И если бы это было в самом деле, если я любима, то он должен столько уважать меня, он должен думать, что добродетель не позволит мне явно отвечать ему, — к тому ж я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти; неужели он приметил биение моего сердца. Ах! нет!.. он сам, Юрий, был со мною всегда мрачен, холоден, он вряд ли способен любить нежно... Но зачем ему было свидание?.. это письмо!.. Не понимаю, чего хотел он... *(Молчание.)* Но вот луна взошла, все тихо и прохладно — а он нейдет. *(Молчание.)* Как я глупо сделала, что пришла сюда, непонятное влечение управляло моими шагами. *(Садится возле беседки.)* Что, если нас увидят вместе... моя честь погибла — о безумная!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Юрий (*в плаще, без шляпы, тихими шагами подходит к ней и берет ее за руку*). Любовь!.. вы здесь уже!..

Любовь (*испугавшись*). Ах!..

Юрий. Вы испугались?

Любовь. Нет... Вы мне что-то хотели сказать — я готова слушать — со вниманием.

Юрий. Да — я много хотел сказать вам... вы помните: с тех пор, как мы с вами знакомы, вы никогда не отказывались от маловажной и легкой для вас просьбы моей... теперь... я вас прошу дать мне честное слово, сказать мне правду, правду чистую — как ваше сердце...

Любовь. Мое слово?.. Хорошо. (*Смотрит ему в глаза.*)

Юрий (*в сильном движении берет ее за руку*). Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснул спокойно, удивительный сон начал тревожить мою душу: я видел отца, бабушку, которая хотела, чтоб я успокоил ее старость насчет благополучия отца моего, — с презреньем отвернулся я от корыстолюбивой старухи... и вдруг ангел-утешитель встретился со мной, он взял мою руку, утешил меня одним взглядом, одним неизъяснимым взглядом обновил к жизни... и... упал в мои объятья. Мысли, в которых крутилась адская ненависть к людям и к самому себе, — мысли мои вдруг прояснились, вознеслись к нему, к тебе, создатель, я снова стал любить людей, стал добр по-прежнему. Не правда ли, это величайшее под луною благодеяние? И знаешь ли еще, Любовь, в этом утешителе в этом небесном существе я узнал тебя!.. Ты блистала в чертах его, это была ты, прекрасная, как теперь... никто на свете, ни самый ад меня не разуверит!..

Ах! это была минута, но минута блаженная, — это был сон, но сон божественный!.. Послушай, Любовь, теперь исполни свое обещание, отвечай как на исповеди, может ли этот сон осуществиться... умоляю тебя всем, чем ты дорожишь теперь, или когда-нибудь будешь дорожить — говори как на исповеди... знай, что

одно твое слово, одно слово, может много сделать добра и зла...

Любовь в сильном нерешении.

И ты молчишь!.. Любовь...

Любовь. Нет!..

Юрий. Как! Что нет, говори, что нет!..

Любовь. Сон твой никогда не сбудется!..

Юрий. Небо! — что она хочет делать? Скажи: да!.. *(Молчание.)* Отчего не хочешь сказать: да... это слово, этот звук мог бы восстановить мою жизнь, возродить меня к счастью! Ты не хочешь? — что я тебе сделал, за что так коварно мстишь мне, неужели женщина не может любить, неужели она не радуется, когда видит человека, ей обязанного своим блаженством, когда знает, что это стоит одного слова, хотя бы оно выходило и не от сердца... Скажи: да!

Любовь. Нет.

Юрий. И в тебе есть совесть?..

Любовь. Я не могу сказать: да. На что искушать тебя: *моим* ты никогда, никогда не будешь — узы родства, которые связывают нас вместе, разрывают сердца наши... забудь свои мечты!.. Ты не хочешь погубить бедную девушку, не правда ли? — так забудь свои безумные желанья, забудь их!.. *(Молчание.)* Ты поедешь в чужие края, разные, новые предметы развлекут твои мысли, тебе понравится другая...

Юрий. Я не поеду... у ног твоих, я говорю тебе, у ног твоих счастье целой жизни человека — не раздави безжалостно!.. А если ты меня отвергнешь, — ах! — то, верно, никакая дева не будет больше мне нравиться — я окаменею, быть может, навеки.

Любовь *(садится на скамью возле беседки и сажает его)*. Посмотри, брат мой, как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе, а в груди твоей бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам. Посмотри на эти рассеянные облака, светлые, как минуты удовольствий, и мимолетные, как они; посмотри, как проходят эти путники воздушные... *(Она закрывает лицо платком.)* Перестань страдать, друг мой, — полно!.. *(В сле-*

зах упадает на грудь Юрия, который в сильном оцепенении сидит недвижно, глаза к небу.)

Юрий *(после долгого молчания)*. Ах!.. *(Берет ее руку, между тем слышна вдали песня русская со свирелью, и то удаляется, то приближается, в конце которой Юрий вскакивает как громом пораженный и отбегает от Любови.)* Какие звуки, они поразили мою душу... кто их произвел... не с неба ли, не из ада ли... нет... но вот опять... опять... Всесильный бог!.. *(Кидается к ногам Любови, которая встала со скамьи.)* ...Пускай весь мир на нас обрушится: я люблю тебя. Скажи и ты: люблю!..

Любовь *(через силу)*. Нет. *(Хочет бежать.)*

Юрий *(у ног ее)*. Не верю... не обманешь — я прочел в глазах твоих... только... я недоволен... скажи: люблю!

Любовь *(хочет что-то сказать... но вдруг останавливается)*. Зачем тебе признанье, если ты прочел все в глазах моих!..

Юрий *(вскакивает с восторгом)*. Я любим — любим — любим — теперь все бедствия земли осаждайте меня — я презираю вас: она меня любит... *она,* такое существо, которым бы гордилось небо... и оно мне принадлежит! Как я богат!.. *(К ней.)* Ты не знаешь, девушка, как много добра сделала ты в сию минуту... *(Обнимает ее.)* О, если бы мой отец видел это, как восхитился бы он взаимным пламенем двух сердец.

Любовь. Твой отец!.. Что ты говоришь?..

Юрий *(дрожащим голосом, ударив в грудь)*. Да, да... ты говоришь правду, я не должен никому об этом сказывать, все восхищение, вся сладость сих незабвенных минут должны остаться здесь, здесь, в груди моей — всякий день я буду упиваться воспоминанием, ни одно горькое чувство ненависти и раскаяния не проникнет туда, где я схороню мое сокровище... *(К Любови.)* Теперь один поцелуй на прощанье. *(Целует ее.)* О!!! я слишком счастлив для человека!.. *(Завернувшись в черный плащ, быстро уходит.)*

Любовь. Как он любит... добрый юноша!.. *(Молчание.)* Кажется, я ничего дурного не сделала, ни одно преступление не тяготеет на мне, мне не в чем упрекнуть

себя... а сердце бьется и трепещет как птичка, попавшаяся в сеть нечаянно!.. *(Молчание.)* Однако ночь сгущается, и месяц дошел до половины небес. Меня будут искать везде,—а здесь так пусто, страшно... *(Становится на колени и подняв руки наверх.)* Ангел-хранитель! не допусти случиться чему-нибудь с бедной девушкой, она предается тебе, прости ей слабости... и охрани от нечистого духа. *(Встает и уходит.)*

Конец 2-го действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Галерея, откуда виден сад. Элиза идет с зонтиком одна.

Элиза. Как жарко нынче, так и жжет лицо и шею. Если б не этот благодетельный зонтик, я бы сделалась черней арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais[1] для предложенного свиданья... ха! ха! ха! как Любенька смешна была вчерась, начинает мне говорить про этого Заруцкого и про его желание с такой важностью, comme si c'était une affaire d'état![2] ха! ха! ха!.. бедненькая, начиталась романов и скоро с ума сойдет. Она судит целый свет по себе... например, нынче — всю ночь проплакала, верно ей кто-нибудь комплимент сказал, и она воображает, что в нее влюблены... и плачет с сожаления! нет, moi je me moque de tout cela![3] Вот уж, верно, нынче будет страстное объяснение, он упадет на колени... я ему скажу маленький équivoque[4], — и он должен быть доволен.. чего же ему больше?..

Впрочем, этот Заруцкой, верно, посещал большой свет; он нимало не похож на этих армейских, его со-

---

[1] я должна быть сегодня красивее, чем когда-либо (*франц.*).
[2] как будто это — государственное дело! (*франц.*)
[3] я-то над всем этим смеюсь! *(франц.)*
[4] двусмысленность (*франц.*).

братий... ха! ха! ха! — армейский!.. одно это слово чего стоит?..

Но кто-то идет!.. а мне нужно нынче быть одной. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Юрий и Василий Михалыч идут по галерее, и Василий Михалыч что-то ему говорит, ведя за руку.

Василий Михалыч. Экой ты упрямый человек! — да выслушай только, что я тебе говорю...

Твой отец нынче со мной приходит к Марфе Ивановне, она нас хорошо приняла, а у нее стояла эта змея Дарья, причина всех наших неприятностей, — вот, слушай, брат, и начинает говорить...

Юрий *(отходя прочь)*. И мне нет спокойствия — ни одной минуты... эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжит каждый день вокруг ушей моих... *(К дяде.)* Дядюшка, в другое время... теперь я...

Василий Михалыч. Да, теперь, а не в другое время... слушай, ты должен это все знать, чтоб уметь ценить людей, окружающих тебя...

Юрий. Я только ценю тех, которые не мучат меня вечно своими клеветами...

Василий Михалыч. Я понимаю, что ты это на мой счет говоришь, но я не сержусь... не для себя я говорю... но хочу тебе показать, кто твой отец и бабка!..

Юрий *(твердо)*. Ну так и быть, я слушаю!..

Василий Михалыч. Во-первых, твой отец начал говорить ей о тебе, о твоем отъезде... она расханжилась по обыкновению, уверяла, что она тебя больше любит, нежели он, вообрази, потом он ей стал представлять доказательства противные очень учтиво, она вздумала показывать, что ему и дела нет до тебя, — тут Николай Михалыч не выдержал, признаться, объяснил ей коротко, что она перед ним виновата и что он не обязан был тебя оставлять у нее, но что были у него причины посторонние и что она изменила своему слову... Она взбесилась до невозможности, ушла. Теперь она нас выгонит из дому... прощай,

мой племянничек... надолго, потому что, верно, ни я, ни брат больше сюда не заглянут.

Юрий (*всплеснув руками*). Всемогущий боже! — ты видел, что я старался всегда прекратить эти распри... зачем же все это рушится на голову мою. Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу вас, я измучен...

Василий Михалыч. Нет... ты должен решиться в чью-нибудь пользу.

Юрий. На что?.. К чему я должен? Кто приказал?

Василий Михалыч. Честь.

Юрий. Честь? — кто вам внушил это слово?.. О! адская хитрость... как ничтожно это слово, а как много власти имеет оно надо мной... мой долг, долг природы и благодарность: в какой вы ужасной борьбе между собой... дядюшка! зачем вы произнесли это слово: я решился...

Василий Михалыч. Для кого, друг мой?

Юрий. Отец обладает моею жизнью... но знайте, что если бабушка будет укорять в неблагодарности, если она станет показывать глазам моим все свои попечения о моей юности, все свои благодеяния, всё, чем я ей обязан, если она будет проклинать меня за то, что я отравил ее старость, сжег огнем терзаний седые ее волосы, за то, что я оставил ее без причины, если, наконец, я сам иссохну от раскаяния, если я буду отвергнут за это преступление небом и землею, если тогда я прокляну вас отчаянным языком моим... если... о, берегитесь, берегитесь... вся свинцовая тягость греха сего погрязнет на вас... Откажитесь от вашего свидетельства, оно ложно, спасите свою душу, оно ложно, говорю вам... признайтесь, что вы солгали...

Василий Михалыч. Нет, я не откажусь. Когда я сам видел и слышал, что нас с братом выгоняют из дому.

Юрий. Итак, все кончено. Вот мое слово.

Василий Михалыч. Ну слава богу, наконец ты решился... я пойду к отцу твоему и объявлю, что ты решился не оставлять его; как он будет рад, и я уверен, что тебя больше прежнего полюбит.

Юрий. Радоваться? кто радоваться?.. мой отец!.. не дай бог, чтоб это была большая радость в его жизни... что он будет думать, обнимая неблагодарного *(ударяя себя в лоб и ломая руки)*, но мое честное слово!..

Василий Михалыч. Неблагодарного? Как это, ты сделаешься неблагодарным? против кого? да, ты бы сделался неблагодарным и преступником, если бы оставил Николая Михалыча, который дышит одним тобою... а эта бабушка, она, поверь пожалуйста, больше сделала тебе зла, нежели добра. Я мои слова готов повторить при самом императоре...

Юрий. По крайней мере она желала делать добро.

Василий Михалыч *(с коварной улыбкой)*. Мы знаем желания этой злодейки.

Юрий. Еще пытка... Скоро ль вы насытитесь... Но говорите, пускай удар будет ужасен, но вдруг, пускай вся мера зла, яда подземного прольется в мою грудь... но только вдруг. Это все легче, нежели с нестерпимой едкой болью, день за днем отщипывать кусок моего сердца... говорите! я тверд! не бойтесь, видите... *(дико)* видите... ха! ха! ха!.. видите, как я весел, равнодушен, холоден, точно как вы... *(С сильным движением хватая его за руку.)* Только чур говорить правду...

Василий Михалыч. Вот тебе Христос *(крестится)*, я начну рассказывать с начала всего дела, чтоб совершенно изобличить хитрую старуху и ее помощников, этих сестриц и братцев и служанок...

За месяц перед смертью твоей матери (еще тебе было три года), когда она сделалась очень больна, то начала подозревать Марфу Ивановну в коварстве и умоляла ее перед богом дать ей обещание любить Николая Михалыча как родного сына, она говорила ей: «Маменька! он меня любил, как только муж может любить свою супругу, замените ему меня... я чувствую, что умираю». Тут слова ее пересекались, она смотрела на тебя, молчаливый, живой взгляд показывал, что она хочет сказать что-то насчет тебя... но речь снова прерывалась на устах покойницы. Наконец, она вытребовала обещание старухи... и скоро уснула вечным сном... Твоя бабушка была огорчена ужасно, так же

как и отец твой, весь дом был в смущении и слезах. Приехал брат старухи, Павел Иваныч, и многие другие родственники усопшей.

Вот Павел Иваныч и повел твоего *отца* для рассеяния погулять и говорит ему, что Марфа Ивановна желает воспитать *тебя* до тех пор, пока тебе нужна матушка, что она умоляет его всем священным в свете сделать эту жертву. Отец твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи в расстроенных обстоятельствах, уехал со мною. Вот как это все началось...

Через три месяца Николай Михалыч приезжает сюда, чтоб тебя видеть, — приезжает — и слышит ответы робкие, двусмысленные от слуг, спрашивает тебя — говорят нет... он вообразил, что ты умер, ибо как вообразить, что тебя увезли на то время в другую деревню. Брат сделался болен, душа его терзалась худым предчувствием. Ты с бабушкой приезжаешь, наконец... и что же? — она охладела совсем к нему. Имение, которое Марфа Ивановна ему подарила при жизни дочери и для которого он не хотел сделать акта, полагаясь на честное слово, казано совсем уже не в его распоряжении! Он уезжает и через полгода снова здесь является.

Юрий. Я предчувствую ужасную историю, стыд всему человечеству...

Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только... помните уговор...

Василий Михалыч. Помилуй!.. да будь я анафема проклят, если хоть слово солгу! Слушай дальше: когда должно твоему отцу приехать — здешние подлые соседки, которые получили посредством ханжества доверенность Марфы Ивановны, сказали ей, что он приехал отнять тебя у нее... и она поверила... доходят же люди до такого сумасшествия!

Юрий. Отец... хотел отнять сына... отнять... разве он не имеет полного права надо мной, разве я не его собственность... Но нет, я вам снова говорю, вы смеетесь надо мною...

Василий Михалыч. Доказательство в истине моего рассказа есть то, что бабушка твоя тотчас

послала курьера к Павлу Иванычу, и он на другой день приезда брата прискакал... Николай Михалыч стал ему говорить, что слово не сдержано, что его отчуждают от имения, что он здесь насчет сына как посторонний, что это ни на что не похоже... но это езуит, снова уговорил его *легко*, потому что отец твой благородный человек и судит всех по доброте души своей.

И перед отъездом брат согласился оставить тебя у бабушки до шестнадцати лет, с тем чтобы насчет твоего воспитания относились к нему во всем. Но второе обещание так же дурно сдержано было, как первое.

Юрий. И это все! не правда ли!..

Василий Михалыч. Нет, это еще половина.

Юрий. Ах! зачем не все? Пощади меня, пощади, царь... небесный...

Василий Михалыч. Марфа Ивановна то же лето поехала в губернский город и сделала акт, какой акт?.. сам ад вдохнул в нее эту мысль, она уничтожила честное слово, почла отца — отца твоего за ничто, и вот короткое содержанье: «Если я умру, то брат Павел Иваныч опекуном именью, если сей умрет, то другой брат, а если сей умрет то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалыч возьмет сына своего к себе, то я лишаю его наследства навсегда»... Вот почему ты здесь живешь; благородный отец твой не хотел делать историй, писать государю и лишить тебя состояния... но он надеялся, что ты ему заплотишь за эту жертву...

Юрий (*после минуты молчания, когда он стоял как убитый громом*). ...Чтобы ей подавиться ненавистным именьем!.. о!.. теперь все ясно... Люди, люди... люди... Зачем я не могу любить вас, как бывало... я узнал тебя, ненависть, жажда мщенья... мщенья... Ха! ха! ха!.. как это сладко, какой нектар земной!..

Василий Михалыч. А неприятности последовавшие очень натуральны... к тому ж старуха любит, чтобы ей никто не противуречил, и эти

окружающие... эта поверенная Дарья преопасная змея...

Юрий. Довольно, прошу вас, не продолжайте,— остальное мне все известно...

Василий Михалыч. Нет, мой друг, еще... еще...

Юрий. Я больше не желаю знать... вы рассказали так прекрасно, как приятна ваша повесть... *(Впадает в задумчивость.)*

Василий Михалыч *(в сторону, с улыбкой)*. Мое дело кончено, и все пришло в порядок... я не буду сказывать обо всем брату... он такой... он не любит подобных штук... *(Смеется.)* Как он горячился, бедненький...

Юрий *(между тем взглянув на Василия Михалыча)*. Вам смешно мое страданье... не правда ли!..

Василий Михалыч. Нет... помилуй... что ты.

Юрий *(в сторону)*. Нет... нет... какое ледяное слово... он, это видно, он из любви мне открыл злодейство... так всегда со мною делали... из привязанности я был обманут когда-то дружбой... О, тщетные уверенья... нынче... *(К дяде.)* Оставьте меня, прошу вас: мне надо побыть одному... я весь в огне, мне надо отдохнуть...

Василий Михалыч. Хорошо, друг мой... до свиданья. *(Уходит, потирая руки.)* А мое дело сделано, слава богу... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Юрий. Как я расстроен, как я болен... желчь поднялась в голову... грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... от избытка чувствований я лишился чувств... Но отдохнем... я увижу ее, утешителя ангела, она мне возвратит на минуту потерянное спокойствие... Пойду, пойду... *(Закрыв лицо руками, уходит в галерею медленными шагами.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Входит Марфа Ивановна, за ней Дарья и подает ей стул. Она садится.

Марфа Ивановна. Каковы, неучи!.. в моем доме мне грубить, ну можно ли после этого им хоть день здесь остаться... Вон их, вон их!..

Дарья. Ваша правда, сударыня... такие беспокойства... полно, смотрите на себя, ведь лица нет... Не угодно ли капель гофманских?

Марфа Ивановна. На что, на что... лучше позови ко мне Юрьюшку...

Дарья. Сейчас. *(Уходит.)*

Марфа Ивановна. Ну может ли какая-нибудь холопка более быть привязана к своей госпоже, как моя верная Дашка... *(Молчание.)* Ну вот, однако ж, я скоро отделаюсь от этих Волиных-братцев. Однако и Юрьюшка уедет и оставит меня одну... видно, так на небесах написано... Я буду без него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свечу перед богоматерью, поеду в Киев... а он ко мне будет писать... *(Кашляет.)* Какой же у меня кашель, от нынешнего крику... То-то и есть, что надо слушаться евангелия и святых книг, недаром в них говорят, что не надо сердиться... а нельзя: вот как начнут спорить младшие себя, сердце и схватит. То-то нынешний век, зятья зазнаются, внуки умничают, молодежь никого не слушается... не так было в наше время... бывало, как меня свекровь тузила... а все молчу; и вымолчалось... Как умерла моя свекровушка и оставила мне денег, рублей тридцать тысяч, да серебра, да золота... А нынче все наше русское богатство, все золото прадедов идет не на образа, а к бусурманам, французам. *(Молчание.)* Как посмотришь, посмотришь на нынешний свет... так и вздрогнешь: девушки с мужчинами в одних комнатах сидят, говорят — индо мне, старухе, за них стыдно... ох! а прежде, как съедутся, бывало, так и разойдутся по сторонам чинно и скромно... Эх! век-то век!.. переменились русские... *(Смотрит назад в галерею.)* Да вот и Юрьюшка идет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Юрий мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за ним Дарья.

Юрий *(бледный, расстроенный, с неудовольствием, не смотря на Марфу Ивановну)*. Вы меня изволили спрашивать?

Марфа Ивановна. Да, мой друг! я давно желала говорить с тобой... да как-то это редко мне удавалось.

Юрий *(холодно)*. Мне самому очень жалко...

Марфа Ивановна. Ты все с отцом да с дядей, ко мне и не заглянешь... видно, я уж стара стала и глупа, что ли? брежу, не так ли?..

Юрий. Я от самой колыбели так мало был с отцом, что вы мне перед отъездом позволите с ним поговорить... по крайней мере я так думаю...

Марфа Ивановна. Кто ж тебе запрещает... Однако ж я бы хотела тебе сказать и спросить у тебя что-нибудь важное...

Юрий. Я буду слушать... *(Дарье.)* Ступай вон...

Марфа Ивановна. Зачем?.. Она может слышать...

Юрий. Мне совсем не нравятся такие свидетели... Прошу вас выслать ее...

Марфа Ивановна дает знак, и она уходит.

Марфа Ивановна. Знаешь ли, что твой отец наговорил мне тьму грубостей, и мы поссорились, и он едет завтра отсюда?

Юрий. Знаю-с... Но что ж тут до меня касается... я сам еду с ним, если так...

Марфа Ивановна. Ты... с ним... едешь... ты с ума... сошел. Я тебя... не пущу.

Юрий. Вы меня не пустите? вы — да что вы между отцом и сыном?.. разве я тот же ребенок, который равнодушно глядел на ваши поступки?.. или не знаете: между отцом и сыном один бог!.. И вы осмелились взять это место...

Марфа Ивановна. Так вот плоды моего воспитания! вот нынешняя благодарность?.. О, на что

я дожила до сего времени... Юрий хочет меня оставить: в заплату всем моим благодеяниям... И никто не закроет мне глаза нежною рукой!..

Юрий. А ваша Дарья?

Марфа Ивановна. И ты смеешь! неблагодарный!.. почему ты знаешь?

Юрий *(в сторону)*. Вот совесть?.. я только назвал, а она все отгадала.

Марфа Ивановна. Говори, злодей, не я ли тебя воскормила и образовала...

Юрий. Много мук, много бессонниц стоило мне ваше образование... вы хотели поселить во мне ненависть к отцу, вы отравили его жизнь... вы... Но довольно: вы сами знаете свои поступки... и вините себя!..

Марфа Ивановна. Так ты точно меня оставляешь для отца, злодея, негодяя, которого я ненавижу и который за меня поплотится... для него, неблагодарный?..

Юрий. Теперь я вам ничем больше не обязан... О!.. эти слова... заплатили за все, за все... простите. *(Уходит.)*

Марфа Ивановна *(пораженная сидит безмолвно на креслах и в ужасном смущении)*. Он все знает!..

Занавес опускается.

Конец 3-го действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Марфа Ивановна и Дарья. Первая на больших креслах в своей комнате.

Марфа Ивановна. Дай капель гофманских, Дашка.

Дарья. Сейчас, матушка. Что это с вами делается?..

Марфа Ивановна. Меня Юрий покидает... меня, которая его воспитала.

Дарья *(притворно)*. Во всем, матушка, воля божия видна. Стало, вам так на роду было написано, горе мыкать в старости, — уж я, сударня, над вами нынче плакала, инда глаза красны.

Марфа Ивановна. Он меня покидает, оставляет, как подлую нищенку на большой дороге, — верно, это злодеи, отец да дядя его научили...

Дарья. Вестимо, сударыня, они, да и кому ж, кроме их.

Марфа Ивановна. Как будто не знают, что я его за это лишу имения. Уж не достанется Юрью ни гроша... хоть провались деньги мои.

Дарья. Ах! Марфа Ивановна, есть у нас поговорка: как волка ни корми, он все в лес глядит.

Марфа Ивановна. Юрий меня для них покидает. Кто ж утешит мою старость. *(Закрывает лицо платком и рыдает.)*

Дарья. Что это вы, сударыня, себя убиваете... успокойтесь матушка. *(В сторону.)* Теперь я могу сделать славную штуку — заставя ее поссориться с зятем и внуком, сама их меж собой перессорю, да после, если это откроется, свалю на нее. А отняв именье у Юрья Николаича, верно барыня мне даст много денег. Куда ж ей их девать? сама не издержит. *(К ней.)* Не угодно ли лечь?

Марфа Ивановна. О!.. я никогда на тебя не роптала, боже мой, а теперь не могу...

Дарья. И то сказать правду, — как вы ни старались переманить его к себе, а все понапрасну, уж не вы ли его ссорили с отцом, не вы ли наговаривали, не вы ли имением прельщали Николая Михалыча, если он оставит сына у вас, — нет-таки — не удержали молодого барина.

Марфа Ивановна. А не ты ли мне все это советовала, не по твоим ли словам я поступала? право, если мы не хитрили, гораздо бы лучше шли все дела мои...

Ты, дьявол, мне жужжала поминутно про эти адские средства, ты... ты хотела моей печали и раздора семейственного...

Д а р ь я *(кланяясь)*. Власть ваша... а мое дело холопское, могу ли вам советовать? если вы послушаетесь моих глупых речей, так это вашей же милости?.. Да и какая же мне прибыль ваше горе... вот хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу, — разве мне легко по ночам-то не спать, сударыня... нет-с — мы, вся дворня, только и молим господа об вашем спокойствии, только и блюдем что ваше здоровье... *(Молчанье.)*

М а р ф а И в а н о в н а. Не знаешь ли, какое в моем положении средство осталось? как помочь?..

Д а р ь я *(подумав)*. Средств много... да вряд ли одно из них вашей милости понравится...

М а р ф а И в а н о в н а. Нужды нет, говори все, смело.

Д а р ь я. ...Просить прощенья у Николая Михалыча и уговорить, чтобы он остался, так же как и Юрия Николаича, а после — второго можно как-нибудь и совсем оставить, притворясь больной... Тогда он уж не поедет в Неметчину.

М а р ф а И в а н о в н а. Ох, нет, это не удастся... они нам уж не поверят... да к тому ж мне просить прощенье у зятя, мне? я разве девчонка перед ним? Ни за что, ни за что в свете. *(Молчание.)* Нет ли другого способа?..

Д а р ь я. Насильно удержать.

М а р ф а И в а н о в н а. Нельзя. За это ответишь.

Д а р ь я *(кинув пронзительный взгляд)*. Клевета!

М а р ф а И в а н о в н а. Клевета? Что это... клевета? как, объясни...

Д а р ь я. Это, сударыня, последнее средство...

М а р ф а И в а н о в н а. Говори же скорей...

Д а р ь я. Надобно, думаю так, поссорить Юрья Николаича с батюшкой его, тогда он поневоле к вам оборотится, вы же приласкайте его... говорится, что если человек тонет, так готов за плывущую траву ухватиться. Тут же, как молодой барин будет в отчаянье,

можно у него выманить честное слово — а на его слово и подозрительный жид рад будет положиться. Нечего сказать!..

Марфа Ивановна *(в смущении)*. Полно, полно — да как нам поссорить их?.. где средство?

Дарья. Я сказала уж, сударыня: клевета!

Марфа Ивановна. Да как это...

Дарья. Надо довести до ушей Николай Михалыча, будто бы Юрий Николаич вам говорит одно, а ему другое — вот и дело с концом-с. Другого средства навряд кто найдет...

Марфа Ивановна. Я тебе это дело препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!

Дарья *(подумав)*. Вот что мне кажется, Марфа Ивановна, — мы эдак их перессорить-то перессорим, а Юрий Николаич все вас покинет.

Марфа Ивановна. Как... отчего? Стало быть, этот способ не годится.

Дарья *(в сторону)*. Решительная минута. *(Ей.)* Другого средства нет.

Марфа Ивановна. Мне надо непременно Юрьюшку в руки... я без него жить не могу.

Дарья. Право, это вам так только кажется-с...

Марфа Ивановна. И ты против меня.

Дарья. Как можно, сударыня. А я говорю, что вам не удастся перехитрить Волиных... а если удастся, так что пользы; молодой барин вас не успокоит больше... уж кончено... только вас же станет укорять, вам же беспокойства...

Марфа Ивановна. Я хочу...

Дарья. Как угодно, матушка, я готова на все ваши приказания.

Марфа Ивановна *(в сторону)*. Однако ж она правду говорит — внук все знает, так мне только на совесть свинец, если он будет жить в моем доме да укорять меня — бог с ним. *(Дарье.)* Ну я с тобой соглашаюсь, видно мне суждено промыкать старость сиротой — весело зато прежде живала. Однако ж мне хочется им отомстить!

Дарья *(в сторону)*. Подействовало. *(Ей.)* Да мое для мщенья лучшее средство.

Уж наказанья Юрью Николаичу лучше не будет — у него негде будет головы прсклонить, как разве на улице... да и Николай Михалычу будет жутко... много крови у них обоих попортится...

Марфа Ивановна. Я хочу видеть их мученья... Месть... месть!.. злодеи, прости боже мое согрешенье... не в силах, мать богородица и святые угодники — простите мне... поеду в Киев, половину именья отдам в церковь, всякое воскресенье десятифунтовую свечу перед каждым образом поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мне!.. *(В расслабленье.)* Капель... Дашка! — дурно!..

Дарья *(подает)*. Так я нынче же начну дело... только, сударыня, не беспокойтесь, не огорчайтесь... весь дом на вас не наплачется...

Марфа Ивановна. Как не огорчаться...

Дарья. Ваша воля будет исполнена, матушка...

Марфа Ивановна. Моя воля!.. ах!.. послушай, — ты так поступай, чтобы никто не знал...

Дарья. Слушаю-с... уж я...

Марфа Ивановна. То-то же!.. Отведи меня на постель. *(Дарья ее доводит до двери.)* Да послушай — поди возьми шкатулку... а я уж сама дойду с палкой. *(Уходит.)*

Дарья *(берет шкатулку, вернувшись)*. Ха! ха! ха! теперь рыбки попляшут на сковроде... Эта старуха вертится по моему хотенью как солдат по барабану... Я теперь вижу золотые, серебряные... ха! ха! ха! — в руке моей звенят кошельки... без них ведь я буду хозяйкой здесь... барыня-то слаба: то-то любо!.. Не дай бог, однако ж, чтоб умерла... при ней-то мне тепло... а тогда... придет дело плохое за все мои козни, особливо если они откроются... мне скажут, грех тяжкой эти сплетни, бог накажет... как бы не так... я слыхала от господ старых, что если на исповеди все скажешь попу да положишь десять поклонов земляных — и дело кончено, за целый год поправа. Да и что за грех — штука теперешняя, я не понимаю, — поссорить отца с сыном — не убить, не обокрасть... помирятся... ведь... экая важность поссорить отца с сыном... хи! хи! хи! *(Хочет идти в комнату госпожи с ларчиком, но*

на пути останавливается.) Да! я позабыла подумать, как распустить мои ложные вести... *(Подумав.)* Всего лучше через людей Василья Михалыча, как не нарошно. А он, узнав, не помешкает объявить приятную весточку братцу своему. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Сад, день. Декорация последней сцены 2-го действия. Юрий входит... расстроенный вид.

Юрий. Дурно кончаются мои дни в этой деревне... последние дни... какие сцены ужасные... мое положение ужасно, как воспоминание без надежд... чрез день... мы едем... но куда. Отец мой имеет едва довольно состояния, чтоб содержать себя... и я ему буду в тягость... в тягость... О! какую я сделал глупость... но тут нет поправки... нет дороги, которая бы вывела из сего лабиринта. *(Молчание.)* Что я говорю?.. нет, моему отцу я не буду в тягость... лучше есть сухой хлеб и пить простую воду в кругу людей любезных сердцу... нежели здесь веселиться среди змей и, пируя за столом, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счет кровавой слезы отца моего... Это ужасно... это адское дело... *(Слышен разговор.)* Но кто идет в аллее — две тени... Заруцкой... его мундир... а это... Элиза... нет, нет... это *Любовь*... Отчего сердце мое так молотком и бьется, будто бы хочет выскочить, что все это значит? Опять искушенье — опять. *(Прячется.)*

Меж тем Любовь и Заруцкой входят в полном разговоре и останавливаются, так что ему нельзя слышать слов, но можно видеть, не будучи примечену.

ЯВЛЕНИЕ 3

Заруцкой. Умоляю вас. Сделайте меня счастливым. Вы не знаете, как горячо мое сердце пылает, если вы никогда не любили, — но если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце... то судите по себе. Во имя того юноши, который мил вам, заклинаю вас, приведите ее сюда...

Любовь. Вы слишком дерзки, сударь... почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь... поймали меня в саду, нечаянно... и не даете мне покою. Думаете: я не могу острамить вас, велеть прогнать или пожаловаться папеньке... другая бы этого не сделала... и то для того, что вы приятель Юрья Николаича.

Заруцкой *(в сторону)*. Хорошо! *(Ей.)* Именем его заклинаю вас. *(Становится на колени.)* Заклинаю вас, выведите Элизу... вы будете тут...

Юрий *(за деревом)*. И она может терпеть это... злой дух испортил ее сердце... о! *(Стонает.)*

Заруцкой берет ее руку.

Довольно!.. пистолеты будут готовы в минуту... и *(с дикой радостью)* он мне поплотится своим мозгом. *(Уходит.)*

Любовь *(в сторону)*. Если бы он не был таков, как Юрий, мог ли бы он быть его другом; а он меня сделал такой счастливой; зачем же завидовать сестре. *(Ему.)* Дайте мне вторично слово во зло не употребить снисхождения Элизы.

Заруцкой. Клянусь.

Любовь. Я не нуждаюсь в ваших клятвах, дайте мне только честное слово. Но я не хочу насильно его у вас вырвать; пускай это будет добровольно.

Заруцкой *(вставая)*. Мое гусарское слово.

Любовь. Точно? Ну я согласна! — только чур помнить уговор. *(Убегает.)*

Заруцкой. Ну вот и мои дела приходят к окончанью — это славно, — что за важность, если я изменю своему слову: женщины так часто нас обманывают, что и не грешно иногда им отплатить той же монетою. *(Закручивая усы.)* Элиза эта преинтересная штука, хотя немного кокетится — да это ничего. Первое свиданье при свидетелях, а второе tête á tête[1]. Можно отважиться — а если нет, ну так можно жениться — впрочем, мне этого не очень хочется. Гусарское житье, говорят, повеселее.

Юрий быстро входит с пистолетами.

[1] с глазу на глаз *(франц.)*.

Юрий. Господин офицер...

Заруцкой. Мой друг!..

Юрий. Так вы меня называли прежде.

Заруцкой. И теперь, надеюсь.

Юрий *(подает ему пистолет)*. Вот наша дружба.

Заруцкой. Как? что это значит?

Юрий *(отвернувшись)*. Берите.

Заруцкой. Я не хочу! — растолкуй мне, за что и на что?.. я не возьму... Может быть, ошибка... и за это, черт возьми... я не стану с другом стреляться.

Юрий *(с горьким тоном)*. Трус...

Заруцкой. Ты, брат, с ума сошел или шутишь. *(Отталкивает подаваемые пистолеты.)*

Юрий *(в сторону)*. Если он меня убьет, она ему не достанется, если я его убью... О! мщенье!.. она ему никогда не достанется, ни ему, ни мне... пусть так... теперь я понимаю, отчего он не хочет стреляться — он не хочет ее лишиться... Как желал бы я быть на его месте. Смерть ему, похитителю последнего моего сокровища, последнего счастья души моей... смерть и проклятье!.. *(Ему.)* Трус, слабодушный ребенок... не тебе быть гусаром, ты способен стоять на коленках пред женщинами... ха! ха! ха!.. Стыдись, мямля, бери-ка пистолет.

Заруцкой *(подходя)*. Так Юрий в самом деле не шутит?

Юрий *(показывая на оружие)*. Моя последняя шутка здесь... *(Кидает один пистолет на землю.)*

Заруцкой. О! это много для шутки. *(Подымает пистолет.)* Мы стреляемся здесь!..

Юрий. В самом деле?.. Небо или ад мне послало это блаженство? благодарю тебя, мой помощник...

Заруцкой. Только ты мне должен объяснить...

Юрий. Дай честное слово, что будешь стреляться.

Заруцкой. Вот оно!..

Юрий. Ты похитил у меня ее сердце, сердце той... что была сейчас здесь... да!.. этого... кажется, довольно... слишком для меня довольно.

Заруцкой. Я очень рад, что это так, ибо ты ошибаешься... выслушай только.

Юрий. Я не слушаю... я не верю ничему больше на свете, этот миг переменил мое существованье.

Заруцкой. Да я не стану без того стреляться...

Юрий *(с дикой радостью)*. А твое честное слово.

Заруцкой *(в сторону)*. Проклятое честное слово...

Юрий. Стреляй!

Заруцкой. Я готов. *(Про себя.)* Выстрелю на воздух!

Юрий *(в сторону)*. Может быть, он еще не виновен, может быть, она меня обманула... разве он не имел права ее любить, если был любим... однако ж это требует крови, крови... Пускай моя кровь прольется. *(Берет его за руку.)* Будем стреляться друзьями...

Заруцкой. Что это? откуда эта перемена?

Юрий. Позволь мне умереть твоим другом.

Заруцкой. К чему ж стреляться?

Юрий. Ах!.. я хочу умерть или тебя убить, тайна тяготит мое сердце... короче: я должен с тобою стреляться...

Заруцкой. Но какая тайна?

Юрий. О нет! не испытывай меня, не принимай участия, его не должно для меня существовать... не срывай покрова с души, где весь ад, все бешенство страстей... позволь, лучше позволь мне тебя обнять в последний раз. *(Обнимает.)* *(Поднявшись.)* Так все кончено... я сделал должное... последняя слеза всех моих слез, свинцовая слеза моих страданий упала ему на грудь... ее, может быть, пробьет мой свинец; что ж?.. он будет тогда счастливей меня. *(К нему.)* Добрая ночь, друг... а попы нам отпоют вечную память. *(Становятся.)*

Заруцкой *(наводит пистолет)*. Раз... два...

Юрий. Постой!..

Заруцкой. На что!..

Юрий. Ты должен мне клясться, что если я буду убит... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты

кинешь ее навсегда... Заруцкой!.. Заруцкой! не забудь, что мы еще друзьями... ты должен отомстить меня... Я для тебя все сделал, что нужно. У меня в кармане бумага, где написано, что я сам застрелился... а ты беги! беги!.. совесть не должна тебя мучить: она всему виною...

З а р у ц к о й. Твой ум расстроен: ты не знаешь, про кого говоришь...

Ю р и й. Не говори, не оправдывай ее: она черна, как сажа... Не эта ли девушка клялась в любви на груди моей, не здесь ли хранится ее клятва?.. Я преклонял мои колена, как перед ангелом, ангелом невинности — боже всемогущий, прости, что я оклеветал твое чистейшее творенье!..

З а р у ц к о й. Коли дело делать, так скорей, нам могут помешать...

Ю р и й *(в задумчивости)*. Какой адский дух толкнул меня за это дерево... зачем я должен был увидеть обман, мне приготовленный, зачем, выпивая чашу яда, мне должно было узнать о том — в ту минуту, когда напиток уже на языке моем...

Может быть, без этого я бы скоро ее разлюбил или провел месяцы наслажденья спокойного, на груди изменницы, но теперь, теперь, когда я сам видел... теперь... змея ревности клубится в груди моей... ненависть пожирает мою душу... Я должен отмстить за оскорбленное мое сердце...

З а р у ц к о й. Волин! готовься!..

Ю р и й *(не слышит)*. Ужели это была необходимость, ужели судьбе нет другого дела, кроме терзать меня... она знает, что человек слабее ее: ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенник одних высоких чувств... окаменей, подобно ее сердцу... пускай на тебе дымится мщенье... О! для чего в первые минуты любви закрыты от нас муки ревности?.. Но он, он... мой друг, ах! зачем! я б раздробил его череп... теперь я должен умереть... и что для меня жизнь, что снова блеснет разочарованной душе двадцатилетнего старика *(подумав)*, так я стар... довольно жить!..

З а р у ц к о й *(бьет его по плечу)*. Теперь не время размышлять... или ты боишься?..

Юрий *(как от сна)*. Я готов! *(Оборачивается и открывает лоб.)* Дай я буду считать... когда скажу: три... спускай... раз — два — *(останавливается)*... не могу... чудо! сердце охладело... слова не льются... но я возьму верх.

Слышен крик. Вбегает Любовь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Любовь *(подбежав к Юрию, видит пистолет)*. Ах!.. что это такое...

Юрий *(отходя прочь)*. Ничего!..

Любовь *(к Заруцкому)*. Ради неба!.. что это значит! *(Молчание.)* Даже вы не хотите мне сказать... *(К Юрию.)* Зачем эти пистолеты!.. и ствол к тебе...

Юрий *(язвительно)*. Спроси у него... у этого гусара в золотом ментике и с длинными усами, он и теперь лучше удовлетворит твоему желанью, чем я.

Любовь *(с нежным укором)*. Юрий! зачем такой холодный тон.. как ты скоро переменился...

Юрий *(в сторону)*. О непостижимое, женское притворство! *(Ей.)* Оставь меня... я сказал вам, спросите у Заруцкого!..

Заруцкой *(подходит к Юрию)*. Нам помешали — итак, до завтрашнего... *(Уходит.)*

Юрий. Как знать, что будет завтра... может быть, я буду счастлив, может быть, я буду лежать на столе... *(Любови.)* Что вы не пошли за ним, он вас любит больше меня...

Любовь. Какая холодность — но мы теперь одни, растолкуй мне эту тайну, умоляю тебя самим богом...

Юрий. Не им ли ты клялась любить меня...

Любовь. Я сдержала мою клятву.

Юрий. Я и позабыл, что она не клялась любить меня одного... быть может, она права; кто знает женское сердце, — говорят, оно способно любить многих вдруг...

Любовь *(с грустью)*. О! как ты несправедлив...

Юрий. Против тебя? я несправедлив?.. и ты

можешь так равнодушно говорить... как будто... о, трепещи, если я докажу тебе.

Любовь. Чего мне бояться? Совесть моя чиста...

Юрий. Ее совесть? Ад и проклятье... Я тебя любил без всякой цели, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я был готов отдать душу; за один твой веселый час я заплатил бы целыми годами блаженства, и ты... мне изменила!..

Любовь. Как?.. такая клевета, ужасное подозренье вышло из твоего сердца?.. Не верю! ты хотел испугать меня. *(Берет его за руку.)* Ты шутишь... о скажи: ты шутишь!.. Юрий! перестань, я не... вынесу... этого...

Юрий *(в бешенстве)*. И ты не стыдишься перед этими деревами, перед цветами, растущими вокруг, пред этим голубым сводом, которые были свидетелями наших взаимных обещаний... посмотрите, дерева, с какой адской улыбкой, притворной невинностью она стоит между вами недвижна, как жена Лотова... взгляни и ты, девушка, на них... они качают головами, укоряют тебя, смеются над тобой... нет... надо мной они хохочут... слышишь, говорят: безумец, как мог ты поверить женщине, клятвы ее на песке, верность... на воздухе... беги, беги, уже зараза смертельная в крови твоей... беги далеко из родины, где для тебя ничего больше нет... беги туда, где нет женщин... где ж этот край благословенный, пущусь искать его... стану бродить по свету, пока найду, и погибну... где?.. лишь бы дальше от нее... а то мне все равно! — простите места моего детства, прости любовь, надежда, мечты детские... все свершилось для меня... *(Хочет бежать, Любовь, как пробудившись, вдруг останавливает его.)*

Любовь. Остановись, на минуту!.. не погуби невинную девушку. *(Жалобно.)* Слушай, жестокий друг: клянусь, в первый раз клянусь всем страшным для меня, что я тебя одного любила и люблю!.. чего тебе еще больше! Неужели и эти слова тебя не уверяют? Юрий!.. отвечай мне ласково, иначе ты убьешь меня. *(Сильнее прижимает к себе его руку.)*

Юрий *(почти не слыхав ее слов)*. Какой сильный

дух остановил меня? отчего я еще здесь?.. Моя голова пылает, мысли мешаются *(старается вырваться)*, пусти... пусти.

Любовь. Юрий! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тех пор смерть не оторвет меня от ног твоих; я обниму колени, если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мне тебе все объяснить!..

Юрий *(холодно)*. Вы справедливы...

Любовь. Ты говоришь не от сердца.

Юрий. Ты невинна, непорочна... пусти меня...

Любовь *(пускает слабже его руку, но Юрий не выдергивает свою, и она остается)*. Помнишь ли ты прошедшее? — ты сам признавался, что моя нежность сделала тебя счастливейшим человеком, я верю, ибо люблю тебя со всем пламенем первой страсти... вспомни, что ты мне рассказывал давно уже; ты говорил, что предмет первой любви твоей своею холодностью сделал твой характер мрачным и подозрительным, что с тех пор твое сердце страдает от нанесенной язвы... *(Юрий глядит в сторону, дабы скрыть смущение.)* А ты губишь первую любовь бедной девушки... суди по себе... ты сделался мрачен, а я не перенесу этого.

Неужели ты такой эгоист, что почитаешь себя одного с чувством и душою... О Юрий, ты так обманул меня, ты говорил о привязанности своей ко всему миру, ко всем людям, а ныне не имеешь сожаления к бедной девушке...

Юрий в сильном смущении

Но ты плачешь... о, не верю, что ты совсем меня отвергнул, нет, я еще любима, — не верю твоей холодности, она пройдет, ревнивый мужчина!.. видишь: я у ног твоих прошу пощады: люби меня... выслушай оправданье...

С рыданьем упадает перед ним и обнимает его колена. Юрий в сильном движенье; рыданья останавливают вырывающиеся слова; он плачет.

Юрий *(дрожащим голосом)*. Прочь, прочь... сирена... прочь от меня...

Любовь (*встает и поднимает глаза к небу. Тихо*). О боже! боже мой!..

Юрий (*отошед, в сторону*). Слабость! слабость! Она мне напомнила про первую любовь, про первые муки душевные — и я заплакал; но она не тверже меня духом; я заставлю ее, бледнея и дрожа, признаться в измене... (*Молчание.*) Я не знаю, она еще так много власти имеет надо мною, что надо призвать всю твердость, чтоб совершенно окаменеть... так, я не должен иметь ни малейшей жалости к прекрасному личику этому... я желал бы ее сделать безобразною, чтобы совершенно истребить из груди любовь. (*Берет пистолет и подходит к ней.*) Видишь ли это оружие... я могу через одно пожатие пальца превратить тебя в окровавленный труп... видишь. (*Прицеливается.*)

Любовь. Стреляй, если можешь...

Юрий (*бросает пистолет. С досадой*). Женщина!

Любовь. Неужели думаешь, что я дорожу теперь жизнью... нет, я никогда не наслаждалась ею и умею не бояться убийцы. (*Опускает снова в задумчивости голову и руки.*)

Юрий (*мрачный, приближается к ней*). Наши сердечные связи расторгнуты, виновна ты или нет. Я не буду любить тебя, я не могу, если б даже и хотел... (*Глядит ей пристально в глаза и берет руку.*) Вот перстень, который ты мне дала недавно: возвращаю его тебе, как ненужного свидетеля любви моей. Возьми его назад. Я еду из родины в чужие края, ничто больше здесь меня не задержит... (*Тронутый.*) Благодарю тебя за лучшие часы моей жизни и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливу у сердца нежной женщины и что это блаженство короче всех блаженств. (*Жмет руку ей.*) Благодарю тебя, Любовь!.. (*Молчание. После чего Юрий с жаром продолжает.*) О друг мой! оставь свое бесполезное упрямство. Ты меня не разуверишь, ибо я сам все видел... но... признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть может, я снова полюблю тебя...

Любовь (*гордо*). Нет! я на свою честь не буду клеветать... Впрочем, мое признанье было б бесполезно, если б я была в самом деле виновна пред тобою...

Ю р и й. Итак, ты не хочешь...

Л ю б о в ь *(твердо)*. Не могу и не должна!..

Ю р и й. Прощай. *(Идет, но ворочается.)* Дай мне последний поцелуй. *(Берет ее руки.)* Прощай, Любовь, прощай надолго!.. *(Целует ее в губы.)* *(В восторге.)* Нет! нет! эти уста никогда не могли быть преступными, я б никому не поверил, если б... проклятое зренье!.. Бог всеведущий! зачем ты не отнял у меня прежде этого зренья... зачем попустил видеть, что я тебе сделал, бог!.. О! *(с диким стоном)* во мне отныне нет к тебе ни веры, ничего нет в душе моей!.. но не наказывай меня за мятежное роптанье, ты... ты... ты сам нестерпимою пыткой вымучил эти хулы... зачем ты мне дал огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности... ты виновен!.. Пусть гром упадет на меня, я не думаю, чтоб последний вопль давно погибшего червя мог тебя порадовать... *(В отчаянье убегает.)* *(Молчанье.)*

Л ю б о в ь *(оглядывается; жалобно)*. Он ушел! О, я несчастная девушка!.. *(Упадает в слабости на скамью дерновую.)*

Занавес опускается.

Конец 4-го действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Комната Николая Михайловича, сундуки и чемоданы готовы к отъезду.

В а с и л и й М и х а л ы ч *(входя, слуге, который идет за ним)*. Что? что? не может быть. Неужели это правда?

С л у г а. Точно так-с...

В а с и л и й М и х а л ы ч. Так, так, мне самому это все казалось... экой шельма... поди позови брата сюда моего... экое несчастное дело! *(Уходит слуга.)* Ну как объявить ему теперь — просто, да просто — надобно за один раз кончить эти сплетни. *(Садится.)* Надобно

порядком распечь племянника моего, — экую он заварил кашу, — однако я пощажу его немного.

Молодость! все молодость! хотя это такой порок, от которого всякий день мы исправляемся, — может быть, он и не совсем так говорил, или что-нибудь да не так тут есть... впрочем, я не думал бы никак, чтоб Юрий дошел до такой низости, если б... *(В задумчивости опускает голову.)* Ба! — что это за записка: Ma chère...[1] это любопытно. *(Подымает записку — вдруг вскакивает в изумлении и долго молчит, смотря на записку, потом с досадой говорит.)* Как... к Любови — к моей дочери любовное письмо — свидание... Юрий... нет, этого я не стерплю! *(Молчание.)* Видно, это давно написано, потому что на полу валяется как все старое. *(Молчание.)* Ну, говори, что я несправедливо делал, любя дочерей моих неодинаково... Я наперед как предчувствовал это... вот Лизушка такой штуки не сделает... с братом двоюродным любовное свиданье — где это на свете видано...

О! я ему отомщу; будет теперь меня помнить. После этого чего нельзя от него ожидать, от обольстителя двоюродной сестры!.. *(Ходит взад и вперед.)* Однако припрячу записку до случая. *(Кладет в карман.)* Но вот и брат идет, кажется...

ЯВЛЕНИЕ 2

Николай Михайлович входит.

Николай Михалыч. Что это, брат, такое, что опять за важное дело. У меня, право, их теперь так много, что не знаю, куда с ними деваться.

Василий Михалыч. Да дело не маловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Николай Михалыч. Марфа Ивановна что-нибудь еще хочет сочинить, не правда ли?

Василий Михалыч. Нет, до нее тут ничего не касается.

Николай Михалыч. Эх, братец! так что же тут может быть важного. Ты меня только ото-

---

[1] Дорогая *(франц.)*.

рвал от занятья... об этом после можно поговорить.

Василий Михалыч. То-то нельзя...

Николай Михалыч. Что же это?..

Василий Михалыч. Твой сын...

Николай Михалыч. Мой сын — лучший из сынов. Благороден, справедлив, хотя мечтателен, и меня любит, несмотря на все происки старух...

Василий Михалыч. Хм! хм! хм!

Николай Михалыч. Что ты так смотришь? Неужели кто-нибудь может сказать нет?

Василий Михалыч. Нет! — не то, чтобы не любил *совсем*; а это еще подлежит сомнению.

Николай Михалыч. Как сомнению? что это! Неужели ты так об нем думаешь? — братец!

Василий Михалыч. Да думаю... и, может быть, ты сам скоро начнешь думать.

Николай Михалыч. По крайней мере он до сих пор не подал мне повода почитать его бесчестным человеком.

Василий Михалыч. Вот видишь: есть люди, которые умеют так скрыть цель свою и свои поступки, что...

Николай Михалыч. Братец! Юрий не из таких людей...

Василий Михалыч. Человек неблагодарный не может быть хорошим человеком.

Николай Михалыч. В нем этого нет...

Василий Михалыч. А как есть? Разве Марфа Ивановна не воспитала его, разве не старалась об его детстве, разве не ему же хотела отдать все свое имение, а он — оставит — ну, да это для отца, — да как поступает с ней; со стороны жалко смотреть, — груб с нею как с последней кухаркою...

Николай Михалыч. Что же из этого всего ты хочешь вывесть!.. Ради бога объяснись!..

Василий Михалыч. А то хочу вывесть, что он, обманув ее, может обмануть и тебя. Видишь: тебе кажется, что он с ней так дурно поступает, ее оставляет, про нее дурно говорит... а кто знает, может быть, и ей он на тебя бог знает как клевещет.

Николай Михалыч. Стыдись! — это все одни несправедливые подозрения! — помилуй! что ты делаешь?

Василий Михалыч. Я хочу тебе открыть глаза из одной дружбы к тебе, и у меня, поверь, не одни подозрения — без доказательств не смел бы я говорить.

Николай Михалыч. Да тут нет доброго смысла, братец!..

Василий Михалыч. Отчего же?

Николай Михалыч. Ну ты, верно, согласишься, что Юрий умен!

Василий Михалыч. Глупый человек не может быть так лукав!..

Николай Михалыч. Итак, согласен! Какая же тут цель? Он должен бы был понять, что эти сплетни, как ты говоришь, ни к чему не послужат!

Василий Михалыч. То-то и дело: он умен, потому-то я еще и не совсем дошел до цели. А в том, что я теперь тебе расскажу, — я уверен.

Слушай же: вчерась, в ее комнате, он говорит своей бабке: довольны ли вы теперь моей привязанностью! — вам тяжко присутствие моего отца! — я ему про вас наговорил, он с вами побранился — и теперь вы имеете полное право ему указать порог...

Николай Михалыч. Ужасное бесстыдство...

Василий Михалыч. Да — но это не все...

Николай Михалыч. Что еще может быть хуже этого!.. Но нет, не верю... не верю... кто слышал это? *(Берет его сильным движением за руки.)* Отвечай, кто слышал?.. кто?

Василий Михалыч *(в сторону)*. Беда! надобно солгать. *(Ему.)* Я — я слышал... право, я...

Николай Михалыч. Непостижимый случай. Сын... не могу подумать этого — изверг!..

Василий Михалыч. Успокойтесь!.. успокойтесь...

Николай Михалыч. Мне успокоиться? Ха-ха!.. *(Звенит, человек входит.)* Сына моего пошли. Сию минуту отыщи его, хотя б он был у самого черта... слышишь. *(Ходит взад и вперед по комнате.)*

Василий Михалыч. Но я тебя прошу, братец, поменажируй, поменажируй[1] его... пожалуста — ведь я так только тебе сказал, а не для того, чтобы сделать из этого целую историю... пощади его, ведь он еще молод, видишь ли... братец...

Николай Михалыч *(в бешенстве)*. Никогда, никогда — мне его пощадить — нет — я ему дам нагонку — кто б подумал — такое злодейство... хотя бы капля совести — ничего! До тех пор меня обмануть... О! он дорого мне это заплотит... *(Ходит взад и вперед.)*

Василий Михалыч *(в сторону)*. Вот, кажется, и Юрий идет сюда — сяду на это кресло и, как ни в чем не бывало, стану слушать. Да я б желал, чтоб ему хорошенько досталось — ведь видно, что родства не знает. Любовное свидание с моей дочерью! Боже, боже мой! экая нынче молодежь! Ну ж, я ему отплатил! В таких случаях солгать простительно. *(Садится возле стола.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Прежние — и Юрий (входит тихо).

Юрий. Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Николай Михалыч *(в сторону)*. Любезный! я ему задам такой любезности, что он будет помнить.

Юрий *(ближе)*. Батюшка! что вам угодно?..

Николай Михалыч *(оборачиваясь. Сердито и строго)*. Кажется, вам бы можно со мной поучтивее обращаться...

Юрий в удивлении отступает назад.

Василий Михалыч *(в сторону)*. Идет хорошо покуда.

Николай Михалыч. Кто тебе велел сюда прийти?

Юрий все еще смотрит на него.

Повторяю, зачем ты сюда пришел?

---

[1] пощади, побереги (*от франц. menager*).

Василий Михалыч. Да ведь ты, братец, за ним, кажется, посылал!..

Николай Михалыч. Знаю сам. Да я хочу, чтобы он отвечал... *(С презреньем.)* Видишь, как смотрит, точно бык. *(Юрию.)* Что ты молчишь, негодяй?..

Юрий. Что такое?.. но вы, верно, шутите, батюшка, перестаньте, прошу вас; нынче такие шутки мне слишком тяжело легли на сердце... кончите...

Николай Михалыч *(сердито)*. Смотри пожалуйста — я с ним шучу!.. нет серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человек.

Юрий *(горячо)*. Батюшка, я не заслужил этого!

Николай Михалыч. Ты заслужил больше... ты стоишь, чтоб я тебя прибил... и еще больше.

Юрий *(гордо и с увеличивающимся жаром)*. Вспомните, что я уже не ребенок... не доведите меня до крайности, моя голова довольно нынче разгоряченна... Я невинен: ручаюсь честью!.. но за себя не всегда могу отвечать!.. не...

Николай Михалыч *(прерывает)*. Отец всегда имеет право над сыном,... а ты хочешь идти против меня, неблагодарный?..

Юрий. Так, я не благодарен, только не к вам. Я обязан вам одною жизнью... возьмите ее назад, если можете... О! это горький дар...

Николай Михалыч. Что ты хочешь сказать этим?..

Юрий. Для вас я покидаю несчастную старуху, хотя мог бы быть опорой последних дней ее... Она мне дала воспитание, ухаживала за моим детством, ей обязан я пропитаньем, богатством, всем, что я имею, кроме жизни... и в несколько дней я ее приблизил к могиле... К ней я неблагодарен... я не должен был смотреть на ваши распри: обязанность человечества должна была занять мое сердце... но для вас я сделал великое преступление... и вы меня обвиняете, вы, мой отец... нет, это свыше границ возможного!..

Николай Михалыч. Ты можешь так бесстыдно лгать, лицемер... ты, который своими низкими

сплетнями увеличил нашу ссору, который, надев маску привязанности, являлся к каждому и вооружал одного против другого, через которого я как последний нищий выгоняем из этого дома... несчастный; если б я это знал, я б тебя удушил при твоем рожденье, чтоб никогда глаза мои не видали такого чудовища!..

Юрий *(бросается к ногам его)*. Ради всего страшного, не продолжайте, отец мой!.. я почти понимаю, что вы хотите сказать... клевета... клевета... все клевета... не верьте никому... кроме мне... я вас люблю, я это доказал...

Николай Михалыч. Змея...

Юрий. Рассмотрите, узнайте... но берегитесь меня доводить до отчаяния: я невинен!..

Николай Михалыч. Я все знаю... Теперь поздно твое коварство. Тебе не удалось нынче. Сквозь этот огорченный вид невинности, сквозь эти бледные черты я вижу адскую душу... отрекаюсь от нее: ты больше мне не сын... прочь, прочь отсюда с твоим наследством. Ты мне золотом не заклеишь язык... я все тебя отвергну, хотя б с тобой были миллионы... такое коварство... почти отцеубийство, если не хуже, потому что я тебя любил... и в таких молодых летах... прочь, прочь... я не могу слышать тебя близко!.. Мое состояние самое опасное, может быть, и скоро совсем разорюсь... буду просить милостыну... но верь мне, даже не подойду к твоему окошку... я не захочу встретить на нем печать моего проклятья... сердце мое тогда бы облилось сожаленьем... я этого не хочу — прочь!..

Юрий вздрагивает при слове проклятье и, быв прежде в ужасном движении, вдруг становится как окаменелый

Молчание.

Василий Михалыч *(подходит к брату)*. Не довольно ли? Посмотри, как он бледен... как мертвец.

Николай Михалыч. Так его и надо... нужды нет!.. он еще может раскаяться...

Юрий *(вдруг с диким смехом)*. Ха! ха! ха!.. отец проклял сына... как это легко... Посмотрите, посмотрите,

посмотрите на это самодовольное лицо... посмотрите на эти спокойные черты: этот отец проклял сына!.. *(Уходит в сильном, но молчаливом отчаянии.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Прежние без Юрия.

Николай Михалыч. Он ушел?..

Василий Михалыч. Кажется, братец, кажется.

Николай Михалыч. Я так утомился, мне надобно отдохнуть... о, не дай бог иметь такие дни в жизни никакому отцу.

Василий Михалыч. Ты прав, братец... не дай бог...

Николай Михалыч уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Василий Михалыч *(один)*. Уж досталось тебе, негодяй... если б я еще последнее сказал да представил это письмо, так не то бы еще было — да так уж пожалела моя душа...

Теперь пойду, — однако ж дочку свою не стану еще бранить... будет время... И без нас здесь шуму и горя довольно... ох! ох! ох!.. *(Уходит за братом своим.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Дарья *(которая подслушивала за противоположной дверью, выходит на цыпочках)*. Все кончено — слава богу, мне удалась эта, как многие другие, однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить. Так прекрасно через людей передала я свою выдумку Василию Михалычу, а тот сдуру и поверил... Ну ж мне будет благодарность от госпожи моей... денег-то, денег-то... а уж этот Волин, зажгла я его хоромы, и морем не потушит... теперь все наше... хоть заране молебен святым угодникам служи... Однако ж потороплюсь объявить свою новость барыне... Добро вам, незваные гости!

ЯВЛЕНИЕ 7

Дарья хочет уйти, но встречается в дверях с Марфой Ивановной.

Марфа Ивановна *(входит с палкой)*. Дашка! Дашка! что тут случилось! скажи скорей! я слышала шум... вижу радость на твоем лице... Что такое? Дашка! подай стул...

Дарья *(подвинув стул)*. Что случилось, сударыня?..

Марфа Ивановна. Ну, да! говори же.

Дарья. Что случилось?!.

Марфа Ивановна. Какое дурацкое эхо!.. отвечай же скорей.

Дарья. Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынком... не извольте бояться — это ничего: Юрья Николаича батюшка побранил, да в шутку и проклял, а тот огорчился. Вот вам все, сударыня.

Марфа Ивановна. Проклял... ты этому виною, негодяйка... ты *(поднимает руку на нее)* своими сплетнями это сделала...

Дарья. Да ведь вы сами, матушка, приказывали. *(Кланяясь.)* Чем же я могла вас прогневить...

Марфа Ивановна. В ссылку сошлю, засеку... я тебе сказала, чтоб поссорить их... но разве не ты мне это присоветовала... теперь что с ним будет, с Юрьюшкой... погубит он свою душу... прочь, адский дух, прочь... с глаз моих долой... в Сибирь... в ад... ах, я несчастная... окаянная... что это мы наделали...

Дарья *(повалившись ей в ноги)*. Помилуйте... мать родная... золотая... серебряная... государыня... спасите меня...

Марфа Ивановна. Как могло это до того дойти... кто б подумал... о, эта змея проклятая... о! если б я знала, я бы скорей помирилась тысячу раз с Волиным... лишь бы не дошло до этого... на старости лет такой грех на мне... Он погиб теперь... и я погибла... и все... все... Уф! как темно... как холодно... будто... будто железная рука выдавила последнюю каплю крови из моего сердца... там светло... вот чаша... в ней вода... в воде... яд. *(Молчание.)* *(Тихо.)*

Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди, чего ты от меня хочешь?.. ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нет... откуда тебе взяться?.. Ох! ох!.. не трогай руки моей!.. я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. *(Уходит с признаками сумасшествия.)*

Дарья *(встав)*. Она сошла с ума — теперь опять все наше, опять дело выиграно. *(Уходит с веселым лицом.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Комната Юрия: темно. Он стоит возле стола, опершись на него рукою; возле него стакан воды. Иван, слуга его, стоит недалеко.

Иван. Здоровы ли вы, барин...

Юрий. На что тебе?

Иван. Вы так бледны...

Юрий. Я бледен?.. Может быть, скоро буду еще бледнее.

Иван. Ваш батюшка только погорячился, он скоро вас простит...

Юрий. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

Иван. Мне не велено от вас отходить...

Юрий. Ты лжешь!.. Здесь нет никого, кто б занимался мною... Я здоров: поди же прочь.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня в том уверить, ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное...

Юрий *(вынимает из шкатулки, на столе стоящей, кошелек. В сторону)*. Я слыхал, что в людях это *(показывая на кошелек)* многое может произвести. *(Ивану.)* Возьми это — и ступай отсюда, здесь тридцать червонцев...

Иван. За тридцать сребреников продал Июда Иисуса Христа... а это еще золото... нет, барин, я не такой человек... хотя раб, а не решусь взять от вас денег за такую услугу.

Юрий *(бросает в окно)*. Так пусть кто-нибудь подымет.

Иван. Что это с вами, сударь, делается. Утешьтесь... не все горе; не все печаль на свете. Успокойся, батюшко.

Юрий (*тяжело*). Однако ж.

Иван. Бог пошлет вам счастье... хотя б за то только, что меня облагодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слыхал...

Юрий. Точно?..

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас бога молить.

Юрий. Так у тебя есть жена и дети?..

Иван. Да еще какие... как с неба, прекрасная добрая жена... и малютки, сердце радуется, глядя на них...

Юрий. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу...

Иван. И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Юрий. У тебя есть дети... не проклинай их никогда. (*Отходит в сторону.*)

Иван смотрит на него с сожаленьем. Его кто-то из-за кулис вызывает к Марфе Ивановне. Он уходит медленно. Юрий остается один.

ЯВЛЕНИЕ 9

Юрий один.

Юрий. А он, мой отец, меня проклял! и так ужасно... в ту минуту, когда я для него жертвовал всем: этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... в эту самую минуту... ха! ха! ха!.. О люди, люди... два, три слова, глупейшая клевета сделала то, что я стою здесь на краю гроба... Прекрасная вечность! прекрасные воспоминания!.. Но... это все должно было так кончиться... Где золото есть главный предмет, дело там не кончится лучше.

И в этот день он меня проклял! в тот самый день, когда я столько страдал, обманутый любовью, дружбой... Мое терпенье кончилось... кончилось... я терпел сколько мог... но теперь... это выше сил человеческих!..

Что мне жизнь теперь, когда в ней все отравлено... что смерть! переход из одной комнаты в другую, подобную ей. *(Указывая на стакан.)* Как подумать, что эта ничтожная вещь победит во мне силу творческой жизни? что белый порошок превратит в пыль мое тело, уничтожит создание бога?.. Но если он точно всеведущ, зачем не препятствует ужасному преступлению, самоубийству; зачем не удержал удары людей от моего сердца?.. зачем хотел он моего рожденья, зная про мою гибель?.. где его воля, когда по моему хотенью я могу умереть или жить?.. о! человек, несчастное, брошенное создание... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности... и сама его наказывает; животные бессловесные счастливей нас: они не различают ни добра, ни зла; они не имеют вечности, они могут... о! если б я мог уничтожить себя! но нет! да! нет! душа моя погибла. Я стою перед творцом моим. Сердце мое не трепещет... я молился... не было спасенья... я страдал... ничто не могло его тронуть!.. *(Сыпет порошок в стакан.)* О! я умру, об смерти моей, верно, больше будут радоваться, нежели о рожденье моем. Отец меня отвергнул, проклял мою душу — и должен этого дожидаться. *(Молчание небольшое.)* Природа подобна печи, откуда вылетают искры. Когда дерево сожжено, печь гаснет. Так природа сокрушится, когда мера различных мук человеческих исполнится. Все исчезнет. Печь производит искры; природа — людей, одних глупее, других умнее. Одни много делают шуму в мире, другие неизвестны; так искры не равны между собой. Но все они равно погаснут без следа, им последуют другие без больших последствий, как подобные им. Когда огонь истощится, то соберут весь пепел и выбросят вон... так с нами, бедными людьми; все равно, страдал ли я, веселился ли — все умру. Не останется у меня никакого воспоминания о прошедшем. Безумцы! безумцы мы!.. желаем жить... как будто два, три года что-нибудь значат в бездне, поглотившей века; как будто отечество или мир стоит наших забот, тщетных как жизнь. Счастлив умерший в такое время, когда ему нечего забывать: он не знает этих свинцовых минут безвестности... счастлив, кто, чувствуя тягость бы-

тия, имеет довольно силы, чтоб прервать его. Прощай, мой отец, мы никогда не увидимся... не от тебя я умру... ты только помог мне образумиться... Ах! и она... эти прекрасные, обманчивые черты потеряют свою привлекательность, кто б поверил? Мне их жалко. О! Скоро... скоро... вы все пройдете как тени... *(Берет стакан и пьет, тут вздрагивает.)* За здоровье ваше... Меня утешает мысль: все люди погибнут... глупо было бы желать быть исключену из этого числа. Но... зачем холод бежит по моим жилам, зачем я дрожу... еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще четверть часа, смерть, — и я твой!.. *(Садится в кресла — небольшое молчание.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Любовь и Элиза входят в разговоре. Юрий, видя их, вскакивает и отходит в сторону. В комнате темно.

Элиза. Что тебе сказал Заруцкой, отчего его не было в саду?.. что это все значит?.. Твое беспокойствие не к добру, ma chère [1]. Ты от меня бегаешь — и, верно, чего-нибудь ищешь.

Любовь. Не видала ли ты, где Юрий?..

Элиза. На что тебе его?..

Любовь. Ах, сестрица! ты всему виною. Они хотели стреляться... Заруцкой меня на коленах просил, чтоб я тебя привела для свиданья. Юрий видел и принял совсем иначе... О! я несчастная девушка!.. он меня оставил, он думает, что я изменила ему... он не хочет даже выслушать меня. О! если б он знал... если б он видел мои слезы...

Юрий *(в сторону)*. И я только теперь это слышу!.. безумец я!

Элиза. Чего же ты теперь хочешь, ma soeur? [2]

Любовь. Дядюшка его проклял... он в отчаянье... верно, понапрасну; бог его за меня наказал. Я хочу его сыскать... хочу утешить Юрия... Ах! сестрица,

---

[1] дорогая *(франц.)*.
[2] сестра *(франц.)*.

сестрица! если б он видел мои слезы... но... он меня любит, в нем еще есть жалость... о, если б он знал, что происходит в моем сердце.

Юрий в это время подходит и отходит в нерешимости.

Я его утешу, пойду к его отцу. На коленах выпрошу прощенье... или умру... я боюсь... о! где б мне его найти... одна моя любовь может его утешить... он всеми так жестоко покинут!..

Юрий (*в отчаянье*). Злодей! самоубийца!..

Элиза. Что это?

Любовь (*бросается*). Юрий! Юрий, он здесь!.. (*Юрий встает.*) Как бледен... какой страдальческий взгляд!

Юрий. Ты меня любишь... а я всегда любил тебя...

Любовь (*рыдает у него на шее*). Люблю ли я тебя?.. благодарю небо!.. наконец, я счастлива... друг мой... друг мой... я тебе всегда была верна...

Юрий. Да! да! — это мое последнее утешение.

Любовь (*все еще на груди его*). Тебя все покинули.

Юрий. Ты ошибаешься! я всех покидаю... ты этого не знала?

Любовь подымается и смотрит с удивлением.

Я еду в далекий, бесконечный путь...

Любовь. Что это? — ты едешь...

Юрий. Мы никогда, никогда не увидимся...

Любовь. Если не здесь, то на том свете...

Юрий. Друг мой! нет другого света... есть хаос... он поглощает племена... и мы в нем исчезнем... мы никогда не увидимся... разные дороги... все к ничтожеству... прощай, мы никогда не увидимся... нет рая — нет ада... люди брошенные бесприютные созданья.

Любовь. О всемогучий! что сделалось с ним... он не знает, что говорит...

Юрий (*смотрит на нее пристально*). Как ты прекрасна в эту минуту... вот последнее удовольствие мое... оно велико... я согласен... Нет, не потревожу... это нежное выражение глаз, эти полуоткрытые уста... не стану говорить ей... не хочу видеть ее в ужасе...

ах!.. но нет, пусть она узнает. Что мне? я умру!.. пусть все откроется... если б был здесь мой отец... как насладился б он видом моих предсмертных судорог...

Любовь. Что он говорит... Юрий! Юрий!.. я предчувствую ужасное...

Юрий (*берет ее за руку*). Знай, что может сделать обманутое сердце, что может проклятие вечное отца... узнай... и... да... разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась в твоих жилах... а! подумай! отгадай. Ха! ха! ха! ха! — нет, смейся лучше, пой, веселись, пляши... я — не бойся... я — только... принял — *яд*!..

Элиза. Ай, на помощь скорей!.. (*Убегает.*)

Любовь дрожит, бледнеет и упадает в обморок на кресло... он стоит над ней.

Юрий. Так! я это знал! — женщины! женщины! вы не сотворены для подобных ощущений!.. как она бледна... образ смерти... О, если б она не просыпалась, если б могла не видать моего трупа... (*Становится на колени.*) Не приходи в себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы с тобой не были созданы для людей. Мое сердце слишком пылко, твое слишком нежно, слишком слабо. (*Целует ее руку.*) Рука тепла.

Любовь (*приходит в себя. Подымается на стуле и кидается к нему на шею*). Молись!

Юрий. Поздно! поздно!..

Любовь. Никогда не поздно... молись! молись!

Юрий (*вскакивает*). Нет, не могу молиться.

Любовь (*встает*). О ангелы, внушите ему! Юрий!

Юрий. Мне дурно!..

Любовь. Дурно...

Юрий. Пора!.. Скажи моему отцу, что я желал бы простить ему... (*Упадает на землю.*)

Любовь. Он падает... (*Смотрит на небо.*) Помоги! помоги (*становится на колени возле Юрия*), останови его душу... Бог! сделай первое чудо... он вернется к тебе...

Юрий (*умирающим голосом*). Плачь... плачь... плачь... Бог мне... никогда... не простит!.. (*Умирает. Любовь, рыдая, падает на него. Молчание*).

ЯВЛЕНИЕ 11

Николай Михалыч, Василий Михалыч, Элиза, Иван, Дарья.

Дарья (*с ужасом*). Умер.

Николай Михалыч. Мой сын... от моего проклятья!.. не может быть! он еще жив...

Дарья (*указывая на труп холодно*). Отчего же?— посмотрите сюда... вы хотели: он умер...

Василий Михалыч (*поднимая Любовь*). Дочь моя!.. спирту!.. ах! и она едва дышит... Спасите, спасите хоть ее...

Любовь уносят. Василий Михалыч и Элиза уходят.

Иван. Боже! прости душу моего господина!..

Все стоят в безмолвном поражении.

Занавес опускается.

Конец.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Романтическая драма

Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтоб они были узнаны, — тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей... Но пускай они не обвиняют меня: я хотел, я должен был оправдать тень несчастного!..

Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..

И этому обществу я отдаю себя на суд.

The Lady of his love was wed with one.
Who did not love better . . . .
. . . .
. . . .
...And this the world calls phrensy, but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancoly is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!..

«*The Dream*». Lord Byron[1]

СЦЕНА I

Утром. 26 августа.

Комната в доме Павла Григорьевича Арбенина. Шкаф с книгами и бюро.

Действие происходит в Москве.

Павел Григорич запечатывает письмо.

Павел Григорич. Говорят, что дети в тягость нам, пока они молоды; но я думаю совсем противное. За ребенком надобно ухаживать, учить и нянчить его, а двадцатилетнего определяй в службу да каждую минуту трепещи, чтобы он какою-нибудь шалостью не погубил навеки себя и честное имя. Признаться: мое положение теперь самое критическое. Владимир

---

[1] Женщина, которую он любил, была обвенчана с другим,
Но тот любил ее не больше . . . .
. . . .
. . . .
...И это мир называет безумием, но безумие мудрецов глубже,
И меланхолический взгляд — страшный дар;
Не телескоп ли он, в который рассматривают истину,
Телескоп, который сокращает расстояние и тем самым уничтожает фантазию,
Приближает жизнь в ее истинной наготе
И делает холодную действительность слишком действительной.

«*Сон*». Лорд Байрон. (*англ.*)

нейдет в военную службу, во-первых, потому что его характер, как он сам говорит, слишком своеволен, а во-вторых, потому что он не силен в математике: куда же определиться? в штатскую? Все лучшие места заняты, к тому же... нехорошо!.. Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, все теперь кончилось! Не тут-то было: только начинается!..

Я боюсь, чтобы Владимир не потерял добрую славу в большом свете, где я столькими трудами достиг до некоторой значительности. Тогда я же буду виноват; про меня же скажут, как намедни, что я не воспитывал его сообразно характеру. Какой же в его лета характер? Самый его характер есть бесхарактерность. Так: я вижу, что не довольно строго держал сына моего. Какая польза, что так рано развились его чувства и мысли?.. Однако же я не отстану от своих планов. Велю ему выйти в отставку года через четыре, а там женю на богатой невесте и поправлю тем его состояние. Оно по милости моей любезной супруги совсем расстроено; не могу вспомнить без бешенства, как она меня обманывала. О! коварная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщения; в бедности, с раскаяньем в душе и без надежды на будущее, ты умрешь далёко от глаз моих. Я никогда не решусь увидать тебя снова. Не делал ли я все, чего ей хотелось? И обесчестить такого мужа! Я очень рад, что у нее нет близких родных, которые бы помогали. *(Молчание.)* Кажется, кто-то сюда идет... Так точно...

Входит Владимир Арбенин.

Владимир. Батюшка! здравствуйте...

Павел Григорич. Я очень рад, что ты пришел теперь. Мы кой об чем поговорим: это касается до будущей твоей участи...

Но ты что-то невесел, друг мой! где был ты?

Владимир *(бросает на отца быстрый и мрачный взор)*. Где я был, батюшка?

Павел Григорич. Что значит этот пасмурный вид? Так ли встречают ласки отца?

Владимир. Отгадайте, где я был?..

Павел Григорич. У какого-нибудь тебе подобного шалуна, где ты проиграл свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своим отказом. Какие другие приключения могут беспокоить тебя? Кажется, я отгадал...

Владимир. Я был там, откуда веселье очень далеко; я видел одну женщину, слабую, больную, которая за давнишний проступок оставлена своим мужем и родными; она — почти нищая; весь мир смеется над ней, и никто об ней не жалеет... О! батюшка! эта душа заслуживала прощение и другую участь! Батюшка! я видел горькие слезы раскаяния, я молился вместе с нею, я обнимал ее колена, я... я был у моей матери... чего вам больше?

Павел Григорич. Ты?..

Владимир. О, если б вы знали, если б видели... отец мой! вы не поняли эту нежную, божественную душу; или вы несправедливы, несправедливы... я повторю это перед целым миром, и так громко, что ангелы услышат и ужаснутся человеческой жестокости...

Павел Григорич (*его лицо пылает*). Ты смеешь... меня обвинять, неблагодар...

Владимир. Нет! вы мне простите!.. я себя не помню. Но посудите сами: как мог я остаться хладнокровным? Я согласен, она вас оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мне сделала? На ее коленах протекли первые годы моего младенчества, ее имя вместе с вашим было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни... и теперь, когда она в нищете приехала сюда, мог ли я не упасть к ее ногам... Батюшка! она хочет вас видеть... я умоляю... если мое счастье для вас что-нибудь значит... одна ее чистая слеза смоет черное подозрение с вашего сердца и удалит предрассудки!..

Павел Григорич. Слушай, дерзкий! я на нее не сердит; но не хочу, не должен более с нею видеться! Что скажут в свете?..

Владимир (*кусая губы*). Что скажут в свете!..

Павел Григорич. И ты очень дурно сделал, сын мой, что не сказал мне, когда поехал к Марье Дмитревне; я бы дал тебе препорученье...

В л а д и м и р. Которое бы убило последнюю ее надежду? Не так ли?..

П а в е л Г р и г о р и ч. Да, да! Она еще недовольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

В л а д и м и р. Она моя мать.

П а в е л Г р и г о р и ч. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мне и не стараться выпросить прощенья, чтобы мне и ей не было еще стыднее встретиться, чем было расставаться.

В л а д и м и р. Отец мой! я не сотворен для таких препоручений.

П а в е л Г р и г о р и ч *(с холодной улыбкой)*. Довольно об этом. Кто из нас прав или виноват, не тебе судить. Через час приходи ко мне в кабинет: там я тебе покажу недавно присланные бумаги, которые касаются до тебя... Также тебе дам я прочитать письмо от графа, насчет определения в службу. И еще прошу тебя не говорить мне больше ничего о своей матери — я прошу, когда могу приказывать! *(Уходит.)*

Владимир долго смотрит ему вслед.

В л а д и м и р. Как рад он, что имеет право мне приказывать! Боже! Никогда тебе не докучал я лишними мольбами; теперь прошу: прекрати эту распрю! Смешны для меня люди! ссорятся из пустяков и отлагают час примиренья, как будто это вещь, которую всегда успеют сделать! Нет, вижу, дòлжно быть жестоким, чтобы жить с людьми; они думают, что я создан для удовлетворенья их прихотей, что я средство для достижения их глупых целей! Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно!..

Входит Б е л и н с к о й, разряженный.

Б е л и н с к о й. А! здравствуй, Арбенин... здравствуй, любезный друг! Что так задумчив? Для чего тому считать звезды, кто может считать звонкую монету! Погляди на меня; бьюсь об заклад, я отгадал, об чем ты думал.

В л а д и м и р. Руку! *(Жмет ему руку.)*

Б е л и н с к о й. Ты думал о том, как заставить женщину любить или заставить ее признаться в том, что она притворялась. То и другое очень мудрено, однако я скорей возьмусь сделать первое, нежели последнее, потому что...

В л а д и м и р. О чем ты болтаешь тут?

Б е л и н с к о й. О чем? он поглупел или оглох! Я говорил о царе Соломоне, который воспевал умеренность и советовал поститься, а сам был не из последних скоромников... ха! ха! ха!.. Ты, верно, ждал, чтоб твоя любезная прилетела к тебе на крылиях зефира... нет, потрудись-ка сам слетать. Друг мой! кто разберет женщин? В минуту, когда ты думаешь...

В л а д и м и р *(прерывает его)*. Где был ты вчера?

Б е л и н с к о й. На музыкальном вечере, так сказать. Дети делали отцу сюрприз по случаю его именин; они играли на разных инструментах, и для них и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостям, которых было очень много, было очень скучно.

В л а д и м и р. Смешной народ! таким образом глупое чванство всегда отравляет семейственные удовольствия.

Б е л и н с к о й. Отец был в восхищении и к каждому обращал глаза с разными телодвижениями; каждый отвечал ему наклонением головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бедный отец обращался в противную сторону, каждый зевал беспощадно... Мне показались жалкими этот отец и его дети.

В л а д и м и р. А мне жалки бесстыдные гости; не могу видеть равнодушно этого презрения к счастию ближнего, какого бы роду оно ни было. Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей — и таким образом уязвляют сердце, не имея средств излечить. Я бы желал совершенно удалиться от людей, но привычка не позволяет мне... Когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не заботится обо мне... и это так тяжело, так тяжело!..

Картина Лермонтова

Перо

Рисунок Лермонтова

Перо

Белинской. Эх! полно, братец, говорить пустяки. Товарищи тебя все любят... а если есть какие-нибудь другие неприятности, то надо уметь переносить их с твердостью... все проходит, зло, как добро...

Владимир. Переносить! переносить! Как давно твердят это роду человеческому, хотя знают, что таким увещаниям почти никто не следует.

Некогда и я был счастлив, невинен, но те дни слишком давно соединились с прошедшим, чтобы воспоминание о них могло меня утешить. Вся истинная жизнь моя состоит из нескольких мгновений, и все прочее время было только приготовление или следствие сих мгновений... Тебе трудно понять мои мечты, я это вижу... друг мой! Где найду я то, что принужден искать?

Белинской. В своем сердце. У тебя есть великий источник блаженства, умей только почерпать из него. Ты имеешь скверную привычку рассматривать со всех сторон, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебе посылает; учись презирать неприятности, наслаждаться настоящим, не заботиться о будущем и не жалеть о минувшем. Всё привычка в людях, а в тебе больше, чем в других; зачем не отстать, если видишь, что цель не может быть достигнута. Нет! вынь да положь. А кто после терпит?

Владимир. Не суди так легкомысленно. Войди лучше в мое положение. Знаешь ли, я иногда завидую сиротам; иногда мне кажется, что родители мои спорят о любви моей, а иногда, что они совсем не дорожат ею. Они знают, что я их люблю, сколько может любить сын. Нет! зачем, когда они друг на друга косятся, зачем есть существо, которое хотело бы их соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей в их предубежденные сердца! Друг мой! Дмитрий! я не должен так говорить, но ты ведь знаешь все, все; и тебе я могу поверять то, что составляет несчастье моей жизни, что скоро доведет меня до гроба или сумасшествия.

Белинской. Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время четырнадцатью

годами состарился; так и ты в короткое время ужасно переменился. Расскажи-ка мне, как идут твои любовные похождения? Ты нахмурился! скажи: давно ли ты ее видел?..

Владимир. Давно.

Белинской. А где живут Загорскины? их две сестры, отца нет? так ли?

Владимир. Так.

Белинской. Познакомь меня с ними. У них бывают вечера, балы?

Владимир. Нет.

Белинской. А я думал... однако все не мешает... Познакомь меня...

Владимир. Изволь.

Белинской. Расскажи мне историю твоей любви.

Владимир. Она очень обыкновенна и тебя не займет!..

Белинской. Знаешь ли ты кузину Загорскиных, *княжну*? Вот прехорошенькая и прелюбезная девушка.

Владимир. Быть может. В первый раз, как я увидал ее, то почувствовал какую-то антипатию; я дурно об ней подумал, не слыхав еще ни одного слова от нее. А ты знаешь, что я верю предчувствиям.

Белинской. Суевер!..

Владимир. Намедни я поехал верхом; лошадь не хотела идти в ворота; я ее пришпорил, она бросилась, и чуть-чуть я не ударился головой об столб. Точно так и с душой: иногда чувствуешь отвращение к кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человека... а смотришь, он тебе плотит коварством и неблагодарностью!..

Белинской *(смотрит на часы)*. Ах боже мой! а мне давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь на секунду...

Владимир. Я это вижу. Куда ты спешишь?

Белинской. К графу Пронскому — скука смертельная! а надо ехать...

Владимир. Зачем же надобно?

Белинской. Да так...

Владимир. Важная причина. Ну, прощай.

Белинской. До свиданья. *(Уходит.)*

Владимир. Люблю Белинского за его веселый характер! *(Ходит взад и вперед.)*

Как моя голова расстроена; все в беспорядке в ней, как в доме, где пьян хозяин.

Поеду... Увижу Наташу, этого ангела! Взор женщины, как луч месяца, невольно приводит в грудь мою спокойствие. *(Садится и вынимает из кармана бумагу.)* Странно! вчерась я отыскал это в своих бумагах и был поражен. Каждый раз, как посмотрю на этот листок, я чувствую присутствие сверхъестественной силы и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! так должно быть!» Год тому назад, увидав ее в первый раз, я писал об ней в одном замечании. Она тогда имела на меня влияние благотворительное, а теперь — теперь, когда вспомню, то вся кровь приходит в волнение. И сожалею, зачем я не так добр, зачем душа моя не так чиста, как бы я хотел. Может быть, она меня любит; ее глаза, румянец, слова... Какой я ребенок! — все это мне так памятно, так дорого, как будто одними ее взглядами и словами я живу на свете. Что пользы? Так вот конец, которого я ожидал прошлого года!.. Боже! боже! чего желает мое сердце? Когда я далеко от нее, то воображаю, что́ скажу ей, как горячо сожму ее руку, как напомню о минувшем, о всех мелочах... А только с нею — все забыто; я истукан! душа утонет в глазах; все пропадет: надежды, опасенья, воспоминания... О! какой я ничтожный человек! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мне дороже жизни; не могу ничего путного сказать, когда сижу против этого чудного созданья! *(С горькой улыбкой.)* Чем-то кончится жизнь моя, а началась она недурно. Впрочем, не все ли равно, с какими воспоминаниями я сойду в могилу. О! как бы я желал предаться удовольствиям и потопить в их потоке тяжелую ношу самопознания, которая с младенчества была моим уделом! *(Уходит тихо.)*

СЦЕНА II

К вечеру 28 августа.

Диванная в доме Загорскиных; дверь одна отворена в гостиную, другая в залу. Хозяйка Анна Николаевна; ее дочь Наталья Федоровна. Софья, княжна, вскоре. Иные сидят, другие разговаривают стоя. Бьет восемь часов.

Анна Николавна *(одному из гостей)*. Были вы вчера у графа? там, говорят, был благородный театр... и еще говорят: как отделаны комнаты были... это чудо... по-царски!..

Гость 1. Как же-с — я был там. До пяти часов утра танцевали; и всего было довольно, всякого рода людей...

Наталья Федоровна. Какие вы насмешники!.. а кто там был из кавалеров?..

Гость 1. Два князя Шумовых, Белинской, Арбенин, Слёпов, Чацкий... и другие; одних не помню, других позабыл... Знаете вы Белинского? — премилый малый, прелюбезный. Не правда ли?

Анна Николавна. Да, я слыхала.

Одна из барышень. Скажите, пожалуйста, кто такое этот Арбенин! — мне об нем много рассказывали.

Гость 1. Во-первых, он ужасный повеса, насмешник и злой насмешник; дерзок и все, что вы хотите; впрочем, очень умный человек. Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности; нет — все об нем этого мнения.

Наталья Федоровна. Я вам ручаюсь, что не все: я первая не так думаю об нем. Я его знаю давно, он к нам ездит, и я не заметила его злости; по крайней мере он ни о ком при мне так не говорил, как вы теперь про него...

Гость 1. О! это совсем другое; с вами он может быть, очень любезен, но...

Другая барышня. Я сама слышала, что Арбенина до̀лжно опасаться...

Гость 2 *(подойдя)*. А мне кажется, наоборот...

Наталья Федоровна (*одной из барышень*). Ma chère[1]. Знаешь ли ты что-нибудь глупее комплиментов?

Гость 3 (*недавно подошедший*). А знаете ли вы историю Арбенина?..

Одна из дам. Я не думаю, чтоб он был такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его историей, и до кого она касается? Он очень счастлив: это доказывает его веселый характер, а история счастливых людей не бывает никогда занимательна...

Гость 3. Поверьте, веселость в обществе очень часто одна личина; но бывают минуты, когда эта самая веселость, в борснье с внутреннею грустью, принимает вид чего-то дикого; если внезапный смех прерывает мрачную задумчивость, то не радость возбуждает его; этот перелом доказывает только, что человек не может совершенно скрыть чувств своих. Лица, которые всегда улыбаются, вот лица счастливцев!

Наталья Федоровна. О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3. Разве вы никогда не заступаетесь за людей, которых обвиняют понапрасну?

Наталья Федоровна. Напротив! вот я третьего дни целый час спорила с дядюшкой, который утверждал, что Арбенин не заслуживает названия дворянина, что у него злой язык и так далее... А я знаю, что Арбенин так понимает хорошо честь, как никто, и что у него доброе сердце... он это доказал многим!..

Гость 1 (*обращаясь к другому*). Посмотрите, как она прекрасна!

Гость 4. C'est une coquette![2]

Наталья Федоровна (*смотрит в дверь*). Кто это еще приехал? Ах, вообразите: я не узнала издали кузину!..

Княжна Софья входит. Кузины целуются.

---

[1] Дорогая! (*франц.*)
[2] Это кокетка! (*франц.*)

Княжна Софья (*тихо Наташе*). Я сию минуту, выходя из кареты, видела Арбенина; он ехал мимо вашего дома и так пристально глядел в окна, что если б сам император проехал мимо его с другой стороны, так он бы не обернулся. (*Улыбается.*) Будет он здесь?

Наталья Федоровна. Почему же мне знать? Я не спрашивала, а он сам никогда наперед не извещает о своем приезде.

Княжна Софья (*в сторону*). А я надеялась еще раз его увидать. (*Громко.*) У меня сегодня что-то голова болит!

Гость 2. Лишь бы не сердце!

Княжна Софья (*в сторону*). Как плоско! (*Ему.*) Вы вчера прекрасно играли у графа; особливо во второй пьесе; все были восхищены вами.

Он кланяется.

Только скажите, для чего вы так рано уехали, тотчас после ужина?

Гость 2. У меня заболела голова.

Княжна Софья (*с улыбкой*). Что за важность? это не сердце!

Анна Николавна (*подходит*). Барышни, господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку... столы готовы.

Многие. С большим удовольствием.

Все, кроме Наташи и Софьи, уходят.

Княжна. Кузина! мне кажется, ты совсем не радуешься своей победе? Ты как будто не догадываешься. Ну к чему хитрить? Всякий заметил, что Арбенин в тебя влюблен, и ты прежде всех это заметила. Зачем так мало доверенности ко мне? Ты знаешь, что я с тобой дружна и всегда все про себя сказываю. Или я еще не заслужила...

Наталья Федоровна. Душенька! к чему такие упреки? (*Целует ее.*) Впрочем, это неправда... (*Берет княжну за руку.*) Не сердитесь же, Софья Николавна! (*Смеется.*)

Княжна. О! я знаю, что он тебе нравится, но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не может... Ум язвительный и вместе глубокий, желания, не знающие никакой преграды, и переменчивость склонностей, вот что опасно в твоем любезном; он сам не знает, чего хочет, и по той же причине, полюбив, разлюбит тотчас, если представится ему новая цель!

Наталья Федоровна. С каким жаром вы говорите, кузина!

Княжна. Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Наталья Федоровна. Да почему тебе так знать его?

Княжна. О, я наслышалась довольно...

Наталья Федоровна. От кого?

Княжна. Да от самого Арбенина!

Наташа отворачивается и уходит.

Она ревнива! Она любит его! а он, он... как часто, когда я ему говорила что-нибудь, он без внимания сидел с неподвижными глазами, как будто бы однаединственная мысль владела его существованием; и когда Наташа подходила, я следовала за его взорами; внезапный блеск появлялся в них. О, я несчастная! Но как не любить? он так умен, так полон благородства. Он часто разговаривает со мною, но почти все о Наташе. Я знаю, что ему приятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мне неисчерпаемым источником блаженства, превращает одна мысль в жестокую муку.

Он не красавец, но так не похож на других людей, что самые недостатки его, как редкость, невольно нравятся; какая душа блещет в его темных глазах! какой голос!.. О! я безумная! ломаю себе голову над его характером и не могу растолковать собственную страсть. *(Молчание.)* Нет! они не будут счастливы... клянусь этим небом, клянусь душой моей, все, что имеет ядовитого женская хитрость, будет употреблено, чтоб разрушить их благополучие... Пусть тогда погибну, но в утешенье себе скажу: «Он не веселится, когда я

плачу! его жизнь не спокойнее моей!» Я решилась! как легко мне стало: я решилась!

В это время в глубине театра проходит несколько гостей, одни уезжают, другие приезжают; хозяйка провожает и встречает. В. Арбенин тихо выходит из гостиной.

Княжна (*увидав Арбенина*). Как смела я решиться!..

Владимир. Ах, княжна!.. как я рад, что вы здесь...

Княжна. Давно ли вы приехали?

Владимир. Сейчас. Вхожу в гостиную: там играют по пять копеек в мушку. Я посмотрел: почти ни слова не сказал. Мне стало душно. Не понимаю я этой глупой карточной работы: нет удовольствия ни для глаз, ни для ума, нет даже надежды, обольстительной для многих, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовыказывание завладело половиной русской молодежи; без цели таскаются всюду, наводят скуку себе и другим...

Княжна. Зачем же вы сюда приехали?

Владимир (*пожав плечами*). Зачем!

Княжна (*язвительно*). Я догадываюсь!

Владимир. Так! заблуждение! заблуждение!.. Но скажите, может ли быть тот счастлив, кто своим присутствием в тягость? Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я везде одинаков — и потому нигде не гожусь; не правда ли, вот очень ясное доказательство...

Княжна. Вы на себя нападаете.

Владимир. Да, я сам себе враг, потому что продаю свою душу за один ласковый взгляд, за одно не слишком холодное слово... Мое безумство доходит до крайней степени, и со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости...

Княжна. К чему эти притворные мрачные предчувствия. Я вас не понимаю. Все проходит, и ваши печали, и (я не знаю даже как назвать) ваши химеры

исчезнут. Пойдемте играть в мушку. Видели ли вы мою кузину, Наташу?

Владимир. Когда я взошел, какой-то адъютанчик, потряхивая эполетами, рассказывал ей, как прошлый раз в собрании один кавалер уронил замаскированную даму и как муж ее, вступившись за нее, сдуру обнаружил, кто она такова. Ваша кузина смеялась от души... это и меня порадовало. Посмотрите, как я буду весел сегодня. *(Уходит в гостиную.)*

Княжна *(глядит ему вслед)*. Желаю вам много успехов! Нынче же начну приводить в исполнение мой план. И скоро я увижу конец всему... Боже мой! боже мой! для чего я так слабодушна, так не тверда? *(Уходит в гостиную.)*

СЦЕНА III

15 сентября. Днем.

Комната в доме Марьи Дмитревны, матери Владимира; зеленые обои. Столик и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьет что-то. Слышен шум ветра и дождя.

Аннушка. Ветер и дождь стучат в наши окна, как запоздалые дорожные. Кто им скажет: ветер и дождь, подите прочь, мешайте спать и покоиться богатым, которых здесь так много, а мы и без вас едва знаем сон и спокойствие? Приехала моя барыня мириться с муженьком — о-ох! ох! ох! Не мирно что-то началось, да не так и кончится. Оставляет же он нас почти с голоду умирать: стало быть, не любит совсем и никогда не любил; а если так, то и от мировой толку не будет. Лучше без мужа, чем с дурным мужем. Ведь охота же Марье Дмитревне все любить такого антихриста. Вот уж охота пуще неволи!

Зато молодой барин вышел у нас хорош; такой ласковый; шесть лет, нет, больше, восемь лет я его не видала. Как вырос, похорошел с тех пор. Еще помню, как его на руках таскала. То-то был любопытный; что ни увидит, все зачем? да что? а уж вспыльчив-то был, словно порох. Раз вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на пол; ну так и рвется, плачет: брось на пол. Дала ему; бросил — и успокоился... А бывало, помню

(ему еще было три года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!..

Уж, верно, ему Павел Григорич много наговаривал против матери; да, видишь, впрок не пошло худое слово. Дай бог здоровья Владимиру Павловичу, дай бог! Он и меня на старости лет не позабывает. Хоть ласковой речью, да подарит.

Входит Марья Дмитревна, с книгой в руке.

Марья Дмитревна. Я хотела читать, но как читать одними глазами, не следуя мыслию за буквами? Тяжкое состояние! Непонятная воля судьбы! ужасное борение самолюбия женщины с необходимостью!..

К чему служили мои детские мечты? разве есть необходимость предчувствовать напрасно? будучи ребенком, я часто, под влиянием светлого неба, светлого солнца, веселой природы, создавала себе существа такие, каких требовало мое сердце; они следовали за мною всюду, я разговаривала с ними днем и ночью; они украшали для меня весь мир. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имели некоторое сходство с моими идеалами; в обхождении с ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они? — не знаю, но очень близки к ангелам. А теперь холодная существенность отняла у меня последнее утешение: способность воображать счастье!..

Не имея ни родных, ни собственного имения, я должна унижаться, чтобы получить прощение мужа. Прощения? мне просить прощения! Боже! ты знаешь дела человеческие, ты читал в моей и в его душе и ты видел, в которой хранился источник всего зла!.. *(Задумывается; потом подходит медленно к креслам и садится).* Аннушка! ходила ли ты в дом к Павлу Григоричу, чтоб разведывать, как я велела? Тебя там любят все старые слуги!.. Ну что ты узнала о моем муже, о моем сыне?

Аннушка. Ходила, матушка, и расспрашивала.

Марья Дмитревна. Что же? что говорил обо мне Павел Григорич? не слыхала ли ты?

А н н у ш к а. Ничего он, сударыня, об вас не говорил. Если б не было у вас сына, то никто не знал бы, что Павел Григорич был женат.

М а р ь я Д м и т р е в н а. Ни слова обо мне? Он стыдится произносить мое имя! он презирает меня! Презрение! как оно похоже на участие, как эти два чувства близки друг к другу! Как смерть и жизнь!

А н н у ш к а. Однако же говорят, что Владимир Павлович вас очень любит. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять вас!..

М а р ь я Д м и т р е в н а. Да! мой сын меня любит! я это видела вчера, я чувствовала жар его руки, я чувствовала, что он все еще мой! Так! душа не переменяется. Он все тот же, каков был сидящий на моих коленах, в те вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость не могла еще восстановить против меня небо и людей! *(Закрывает лицо руками.)*

А н н у ш к а. Эх, матушка! что плакать о прошедшем, когда о теперешнем не наплачешься. Говорят, Павел Григорич бранил, да как еще бранил молодого барина за то, что он с вами повидался. Да, кажется, и запретил ему к нам приезжать!..

М а р ь я Д м и т р е в н а. О! это невозможно! это слишком жестоко! сыну не видаться с матерью, когда она слабая, больная, бедная, живет в нескольких шагах от него! О нет! это против природы... Аннушка! в самом деле он это сказал?

А н н у ш к а. В самом деле-с!..

М а р ь я Д м и т р е в н а. И он запретил моему сыну видеть меня? точно?

А н н у ш к а. Запретил-с, точно!

М а р ь я Д м и т р е в н а *(помолчав)*. Послушай! Он думает, что Владимир не его сын, или сам никогда не знавал матери!

Ветер сильнее ударяет в окно. Обе содрогаются.

И я приехала искать примиренья? с таким человеком? Нет! союз с ним значит разрыв с небесами; хотя мой супруг и орудие небесного гнева, но, творец! взял ли бы ты добродетельное существо для орудия казни? Честные ли люди бывают на земле палачами?

Аннушка. Как вы бледны, сударыня! не угодно ли отдохнуть? *(Смотрит на стенные часы.)* Скоро приедет доктор: он обещался быть в двенадцать часов.

Марья Дмитревна. И приедет в последний раз! Как смешна я кажусь себе самой! Думать, что лекарь вылечит глубокую рану сердца! *(Молчание.)* О! для чего я не пользовалась тысячью случаями к примирению, когда еще было время. А теперь, когда прошел сон, я ищу сновидений! Поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно, вот что меня убивает. О, раскаяние! зачем за мгновенный проступок ты грызешь мою душу? Какое унижение! Я принуждена под *другим именем* приезжать в Москву, чтоб не заставить сына моего краснеть перед миром. Перед миром? Это правда, собрание глупцов и злодеев есть мир, нынешний мир. Ничего не прощают, как будто сами святые.

Аннушка *(посмотрев в окно)*. Доктор приехал.

Доктор входит.

Марья Дмитревна. Здравствуйте, Христофор Васильич. Милости просим!

Доктор *(подходит к руке)*. Что? как вы?

Марья Дмитревна. Благодаря вам мне гораздо лучше!

Доктор *(щупая пульс)*. Совсем напротив! совсем напротив! вы слабее! У вас желчь, действуя на кровь, производит волнение! У вас нервы ужасно расстроены. Вот я ведь говорил, вам надобно лечиться долго, постепенно, по методе, а вы все хотите вдруг!

Марья Дмитревна. Но если недостает способов?

Доктор. Эх, сударыня! здоровье дороже всего! *(Пишет рецепт.)*

Марья Дмитревна. Откуда вы теперь, Христофор Васильич?

Доктор. От господина Арбенина.

Марья Дмитревна, Аннушка *(вместе)*. От Арбенина! *(Обе в замешательстве.)*

Доктор. А разве вы его знаете?

Марья Дмитревна. Нет! а кто такое Арбенин?

Доктор. Этот господин Арбенин, коллежский

асессор, в разводе с своей женой—то есть не в разводе, а так: она покинула мужа, потому что была неверна.

Марья Дмитревна. Неверна! *Она* его покинула?

Доктор. Да, да, неверна! У нее, говорят, была интрига с каким-то французом! У этого же Арбенина есть сын, молодой человек лет девятнадцати или двадцати, шалун, повеса, заслуживший в свете очень дурную репутацию: говорят даже, что он пьет. Да, да! Что вы на меня так пристально глядите? Все, все жалеют, что у такого почтенного, известного в Москве человека, каков господин Арбенин, сын такой негодяй! Если его принимают в хорошие общества, то это только для отца! И еще, вообразите! он смеется все надо мной и над моей ученостью! он — над моей ученостью! смеется?!

Марья Дмитревна *(в сторону)*. Личность! Я отдыхаю!

Доктор. Ах! у вас лицо в красных пятнах! я говорил, что вы еще не совсем здоровы!

Марья Дмитревна. Это пройдет, господин доктор! Благодарю вас за новость — и позвольте мне с вами проститься! Вы почти знаете, в каком я положении! Я скоро еду из Москвы! Недостаток в деньгах заставляет меня возвратиться в деревню!

Доктор. Как! Не возвративши здоровья?

Марья Дмитревна. Доктора, я вижу, не могут мне его возвратить! Болезнь моя не по их части...

Доктор. Как? вы не верите благому влиянию медицины?

Марья Дмитревна. Извините! я очень верю... однако не могу ею пользоваться...

Доктор. Есть ли что-нибудь невозможное для человека с твердой волею...

Марья Дмитревна. Мне должно, моя воля — ехать в деревню. Там у меня тридцать семейств мужиков живут гораздо спокойнее, чем графы и князья. Там, в уединении, на свежем воздухе мое здоровье поправится — там хочу я умереть. Ваши посещения мне больше не нужны: благодарю за все... позвольте вручить вам последний знак моей признательности...

Доктор *(берет деньги)*. Однако вы еще очень нездоровы! вам бы надобно...

Марья Дмитревна *(значительно взглянув на него)*. Прощайте!

Доктор, раскланявшись, уходит с недовольною миной.

Этот человек в состоянии высосать последнюю копейку!

Аннушка. Вы совсем расстроены! ваше лицо переменилось! Ах! сударыня! присядьте, ваши руки дрожат!

Марья Дмитревна. Мой сын имеет одну участь со мной!

Аннушка *(поддерживая ее)*. Видно, вам, сударыня, так уж на роду написано — терпеть!

Марья Дмитревна. Я хочу умереть.

Аннушка. Смерть никого не обойдет... зачем же звать ее, сударыня! Она знает, кого в какой час захватить... а назовешь-то ее неравно в недобрый час... так хуже будет!.. молитесь богу, сударыня! да святым угодникам! Ведь они все страдали не меньше нас! а мученики-то, матушка!..

Марья Дмитревна. Я вижу, что близок мой конец... такие предчувствия меня никогда не обманывали. Боже! боже мой! Допусти только примириться с моим мужем прежде смерти; пускай ничей справедливый укор не следует за мной в могилу. Аннушка! доведи меня в мою комнату!

Уходят обе.

СЦЕНА IV

17 октября. Вечер.

Комната студента Рябинова. Бутылки шампанского на столе и довольно много беспорядка.

Снегин, Челяев, Рябинов, Заруцкой, Вышневской курят трубки.
Ни одному нет больше двадцати лет.

Снегин. Что с ним сделалось? отчего он вскочил и ушел, не говоря ни слова?

Челяев. Чем-нибудь обиделся!

Заруцкой. Не думаю. Ведь он всегда таков; то шутит и хохочет, то вдруг замолчит и сделается подобен истукану, и вдруг вскочит, убежит, как будто бы потолок проваливается над ним.

Снегин. За здоровье Арбенина; sacré-dieu! [1] он славный товарищ!

Рябинов. Тост!

Вышневской. Челяев! был ты вчера в театре?

Челяев. Да, был.

Вышневской. Что играли?

Челяев. Общипанных разбойников Шиллера. Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию.

Вышневской. И ты, верно, крепко боялся в театре...

Челяев. Боялся? чего?

Вышневской. Как же? — ты был один с разбойниками!

Все. Браво! браво! фора! тост!

Снегин *(берет в сторону Заруцкого)*. Правда ли, что Арбенин сочиняет?

Заруцкой. Да... и довольно хорошо.

Снегин. То-то! Не можешь ли ты мне достать что-нибудь?

Заруцкой. Изволь... да кстати... у меня есть в кармане несколько мелких пиес.

Снегин. Ради бога покажи... пускай они пьют и дурачатся... а мы сядем там... и ты мне прочтешь.

Заруцкой *(вынимает несколько листков из кармана, и они садятся в другой комнате у окна)*. Вот первая; это отрывок, фантазия... слушай хорошенько!.. Создатель! как они шумят! Между прочим, я должен тебе сказать, что он страстно влюблен в Загорскину... слушай:

---

[1] черт побери! *(франц.)*

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала; я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я мгновеньями лишь жил.
И те мгновенья были мук полны;
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями, но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен!

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века, и жизнию иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал. Но создания мои,
Предметы мнимой злобы иль любви
Не походили на существ земных;
О нет! все было ад иль небо в них!

3

Так! для прекрасного могилы нет!
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твое... На что им мертвых разлучать?

Снегин. Он это писал в гениальную минуту! Другую...

Заруцкой. Это послание к Загорскиной:

К чему волшебною улыбкой
Будить забвенные мечты?
Я буду весел, но — ошибкой:
Причину — слишком знаешь ты.
Мы не годимся друг для друга;

Ты любишь шумный, хладный свет,
Я сердцем сын пустынь и юга!
Ты счастлива, а я — я — нет!
Как небо утра молодое,
Прекрасен взор небесный твой;
В нем дышит чувство всем родное,
А я на свете всем чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ее надежды — бред больного.
Им верить — значит верить сну.
Мне одинокий путь назначен;
Он проклят строгою судьбой;
Как счастье без тебя — он мрачен.
Прости! прости же, ангел мой!..

Он чувствовал все, что здесь сказано. Я его люблю за это.

Сильный шум в другой комнате.

Многие голоса. Господа! мы (честь имеем объявить) пришли сюда и званы на похороны доброго смысла и стыда. За здравие дураков и б...й!

Рябинов. Тост! еще тост! господа! Коперник прав: земля вертится!

Шум утихает. Потом опять бьют в ладони.

Снегин. Оставь! не слушай их! читай далее...

Заруцкой. Погоди. *(Вынимает еще бумагу.)* Вот этот отрывок тем только замечателен, что он картина с природы; Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пиесы. Она, в некотором смысле, подражание «The Dream[1]» Байронову. Все это мне сказал сам Арбенин. *(Читает.)*

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц с облаками отражался

---

[1] «Сон» (*англ.*).

В волнах—и в них он был еще прекрасней!..
Но юный всадник не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то все
В туманном отдаленье. В беспорядке
Минувшее являлося ему —
Грозящий призрак, темным предсказаньем
Пугающий доверчивую душу;
Но верил *он* одной своей любви
И для любви своей не знал преграды!

Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер. Вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И удалился с видом удивленья.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу другом;
И, проскакав тенистую дубраву,
Он различил окно, окно и дом,
Он ищет мост... но сломан старый мост,
Река темна, и шумны, шумны воды.

Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, ударил
Коня — и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они.
Плывет могучий конь — и ближе, ближе...
И вот уж он на берегу противном
И на гору летит... И на крыльцо
Взбегает юноша и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... *ее сестра*
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он

Стоял. Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял...
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... он вышел, мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... и долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Вез всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал!
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна — так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, но очей не освежит.

К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу...

Мой сон переменился невзначай.
Я видел комнату: в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С глазами полными огнем и жизнью.
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем, что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,

Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось — без причины!
И юноша смотрел не на нее, —
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всех сладких и высоких дум его,
На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья!..

Все, что тут описано, было с Арбениным; для другого эти приключенья ничего бы не значили; но вещи делают впечатление на сердце, смотря по расположению сердца.

Снегин. *Странный человек* Арбенин!

Оба уходят в другую комнату.

Вышневской. Господа! когда-то русские будут русскими?

Челяев. Когда они на сто лет подвинутся назад и будут просвещаться и образовываться снова-здорова.

Вышневской. Прекрасное средство! Если б тебе твой доктор только такие рецепты предписывал, то я бьюсь об заклад, что ты теперь не сидел бы за столом, а лежал бы на столе!

Заруцкой. А разве мы не доказали в двенадцатом году, что мы русские? Такого примера не было от начала мира! Мы современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам! Ура! господа! здоровье пожара московского!

Звук стаканов.

СЦЕНА V

10 января. Утром.

В доме у Белинского; его кабинет, по моде отделанный. Окна замерзли; на столе табачный пепел и пустая чайная чашка.

Белинской *(один; прохаживается по комнате)*. Судьба хочет непременно, чтоб я женился! Что же? Женитьба — лекарство очень полезное от многих болезней, и от карманной чахотки особенно. Теперь я занял денег, чтоб купить деревню; но тысячи рублей недостает; а где их взять? Женись! женись! кричит рассудок. Так и быть! Но на ком? Вчера я познакомился с Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у ней коечто есть! но Владимир влюблен в нее. Что ж? чья взяла, тот и прав. Я нахожусь в таких опасных обстоятельствах, что он должен будет мне простить. Впрочем, я не верю, чтоб он уж так сильно ее любил! Он странный, непонятный человек: один день то, другой — другое! Сам себе противуречит, а все как заговорит и захочет тебя уверить в чем-нибудь — кончено! редкий устоит! Иногда, напротив, слова не добьешься; сидит и молчит, не слышит и не видит, глаза остановятся, как будто в этот миг все его существование остановилось на одной мысли. *(Молчание.)* Однако я ему ничего не скажу про свое намерение, прежде чем не кончу дело. Буду покамест ездить в дом, а там — увидим!..

Входит Арбенин скоро.

Владимир. Белинской! что так задумчив?

Белинской. А! здравствуй, Арбенин! Это планы... планы...

Владимир. И тебя судьба не отучила делать планы?

Белинской. Нет! Если я твердо намерен сделать что-нибудь, то редко мне не удается. Поверь: человек, который непременно хочет чего-нибудь, принуждает судьбу сдаться: судьба — женщина!

Владимир. А я так часто был обманут желаньями и столько раз раскаивался, достигнув цели, что теперь не желаю ничего; живу как живется; никого не

трогаю, и от этого все стараются чем-нибудь возбудить меня, как-нибудь вымучить из меня обидное себе слово. И знаешь ли: это иногда меня веселит. Я вижу людей, которые из жил тянутся, чтоб чем-нибудь сделать еще несноснее мое существование! Неужели я такое важное лицо в мире, или милость их простирается даже до самых ничтожных!

Белинской. Друг мой! ты строишь химеры в своем воображенье и даешь им черный цвет для большего романтизма.

Владимир. Нет! нет, говорю я тебе: я не создан для людей: я для них слишком горд, они для меня — слишком подлы.

Белинской. Как, ты не создан для людей? Напротив! ты любезен в обществе; дамы ищут твоего разговора, ты любим молодежью; и хотя иногда слишком резкие истины говоришь в глаза, тебе все-таки прощают, потому что ты их умно говоришь и это как-то к тебе идет!

Владимир *(с горькой улыбкой)*. Я вижу! ты хочешь меня утешить!

Белинской. Когда ты был у Загорскиных? Могут ли там тебя утешить?

Владимир. Вчера я их видел. Странно: она меня любит — и не любит! Она со мною иногда так добра, так мила, так много говорят глаза ее, так много этот румянец стыдливости выражает любви... а иногда, особливо на бале где-нибудь, она совсем другая, — и я больше не верю ни ее любви, ни своему счастью!

Белинской. Она кокетка!..

Владимир. Не верю: тут есть тайна...

Белинской. Поди ты к черту с тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа о тебе и не думает, а когда скучно, то она тобой забавляется. Вот и вся тайна.

Владимир. Ты это сказал таким нежным голосом, как будто этим сделал мне великое благодеяние!

Белинской *(покачав головой)*. Ты не в духе сегодня!

Владимир *(вынимает изорванное письмо)*. Видишь.

Белинской. Что такое?

Владимир. Это письмо я писал к ней... прочти его! Вчера я приезжаю к ее кузине, княжне Софье; улучив минуту, когда на нас не обращали внимания, я умолял ее передать письмо Загорскиной... она согласилась, но с тем, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдал. Она ушла в свою комнату. Я провел ужасный час. Вдруг княжна является, говоря, что мое письмо развеселит очень ее кузину и заставит ее смеяться! смеяться? друг мой! я разорвал письмо, схватил шляпу и уехал...

Белинской. Я подозреваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смеяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержание... зависть, может быть и более, или просто шутка...

Владимир. Хитрость! хитрость! я *ее* видел, провел с нею почти наедине целый вечер... я видел ее в театре: слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и Любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно стала бы слушать рассказ моих страданий? *(Схватывает за руку Белинского.)* Что, если б я мог прижать Наталью к этой груди и сказать ей: ты моя, моя навеки!.. Боже! боже! — я не переживу этого! *(Смотрит пристально в глаза Белинскому.)* Не говори ни слова, не разрушай моих детских надежд... только теперь не разрушай!.. а после...

Белинской. После! *(В сторону.)* Как? ужели он предугадывает судьбу свою?

Владимир. О, как сердце умеет обманывать! *(Беспокойно ходит взад и вперед.)*

Белинской *(в сторону)*. И я должен буду разрушить этот обман? Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему! Нет! это вздор! он не так сильно любит, как показывает: жизнь не роман!

Входит слуга Белинского.

Слуга. Дмитрий Василич! какой-то мужик просит позволения вас видеть. Он говорит, что слышал, будто вы покупаете их деревню, так он пришел...

Белинской. Вели ему взойти.

Слуга уходит.

Входит мужик седой и бросается в ноги Белинскому.

Встань! встань! что тебе надобно, друг мой?

Мужик *(на коленах)*. Мы слышали, что ты, кормилец, хочешь купить нас, так я пришел... *(кланяется)* мы слышали, что ты барин доброй...

Белинской. Да встань, братец, а потом говори!.. Встань прежде!

Мужик *(встав)*. Не прогневайся, отец родной, коли я...

Белинской. Да говори же...

Мужик *(кланяясь)*. Меня, старика, прислали к тебе от всего села, кормилец, кланяться тебе в ноги, чтобы ты стал нашим защитником... все бы мы стали богу молить о тебе! будь нашим спасителем!

Белинской. Что же? вам не хочется с госпожой своей расставаться, что ли?

Мужик *(кланяясь в ноги)*. Нет! купи, купи нас, родимой!

Белинской *(в сторону)*. Странное приключение! *(Мужику.)* А! так вы, верно, недовольны своей помещицей?

Мужик. Ох! тяжко! за грехи наши!..

Арбенин начинает вслушиваться.

Белинской. Ну! говори, брат, смелее! Жестоко, что ли, госпожа поступает с вами?

Мужик. Да так, барин... что ведь, ей-богу, терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!..

Владимир. Что же она делает? *(Лицо Владимира мрачно.)*

Мужик. Да что вздумается ее милости.

Белинской. Например... сечет часто?

Мужик. Сечет, батюшка, да как еще... за всякую малость, а чаще без вины. У нее управитель вишь в милости. Он и творит что ему любо. Не сними-ко перед ним шапки, так и нивесь что сделает. За версту увидишь, так тотчас шапку долой, да так и работай на жару, в полдень, пока не прикажет надеть, а коли сердит или позабудет, так иногда целый день промает.

Белинской. Какие злоупотребления!

Мужик. Раз как-то барыне донесли, что, дескать, «Федька дурно про тея говорит и хочет в городе жаловаться!» А Федька мужик был славной; вот она и приказала руки ему вывертывать на станке... а управитель был на него сердит. Как повели его на барский двор, дети кричали, жена плакала... вот стали руки вывертывать. «Господин управитель! — сказал Федька, — что я тебе сделал? Ведь ты меня губишь!» — «Вздор»! — сказал управитель. Да вывертывали, да ломали... Федька и стал безрукой. На печке так и лежит да клянет свое рожденье.

Белинской. Да что, в самом деле, кто-нибудь из соседей, или исправник, или городничий не подадут на нее просьбу? На это есть у нас суд. Вашей госпоже плохо может быть.

Мужик. Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком. Тяжко, барин! тяжко стало нам! Посмотришь в другое село... сердце кровью обливается! Живут покойно да весело. А у нас так и песен не слышно стало на посиделках. Рассказывают горнишные: раз барыня рассердилась, так вишь ножницами так и кольнула одну из девушек... ох! больно... а как бороду велит щипать волосок по волоску... батюшка!.. ну! так тут и святых забудешь... батюшка! *(Падает на колени перед Белинским.)* О! кабы ты нам помог!.. купи нас! купи, отец родной! *(Рыдает.)*

Владимир *(в бешенстве)*. Люди! люди! и до такой степени злодейства доходит женщина, творение иногда столь близкое к ангелу... О! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть, сечь, резать, выщипывать бороду волосок по волоску!.. О боже!.. при одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил ногами каждый сустав этого крокодила, этой женщины!.. Один рассказ меня приводит в бешенство!..

Белинской. В самом деле ужасно!

Мужик. Купи нас, родимой!

Владимир. Дмитрий! есть ли у тебя деньги? — вот все, что я имею... вексель на тысячу рублей... ты мне отдашь когда-нибудь. *(Кладет на стол бумажник.)*

Белинской *(сосчитав)*. Если так, то я постараюсь купить эту деревню... поди, добрый мужичок, и скажи своим, что они в безопасности. *(Владимиру.)* Какова госпожа?

Мужик. Дай боже вам счастья обоим, отцы мои, дай бог вам долгую жизнь, дай бог вам все, что душе не пожелается... Прощай, родимой! благослови тебя царь небесный! *(Уходит.)*

Владимир. О мое отечество! мое отечество! *(Ходит быстро взад и вперед по комнате.)*

Белинской. Ах, как я рад, что могу теперь купить эту деревню! как я рад! впервые мне удается облегчить страждущее человечество! Так: это доброе дело. Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту в опасности потерять все, что имею, и попасть в руки палачей!

Владимир. Есть люди, более достойные сожаленья, чем этот мужик. Несчастия внешние проходят, но тот, кто носит всю причину своих страданий глубоко в сердце, в ком живет червь, пожирающий малейшие искры удовольствия... тот, кто желает и не надеется... тот, кто в тягость всем, даже любящим его... тот! но для чего говорить об таких людях? им не могут сострадать: их никто, никто не понимает.

Белинской. Опять за свое! О эгоист! как можно сравнивать химеры с истинными несчастиями? Можно ли сравнить свободного с рабом?

Владимир. Один раб человека, другой раб судьбы. Первый может ожидать хорошего господина или имеет выбор — второй никогда. Им играет слепой случай, и страсти его и бесчувственность других — все соединено к его гибели.

Белинской. Разве ты не веришь в провидение? Разве отвергаешь существование бога, который все знает и всем управляет?

Владимир *(смотрит на небо)*. Верю ли я? верю ли я?

Белинской. Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владимир *(помолчав)*. Послушай! не правда ли, теперь прекрасная погода? пойдем на булевар?

Белинской. Чудак!

Входит слуга Марьи Дмитревны.

Что тебе надобно? кто ты?

Владимир. Слуга моей матери!

Слуга. Я прислан к вам, сударь, от Марьи Дмитревны. Искал я вас с полчаса в трех домах, где, как мне у вас сказали, вы часто бываете.

Владимир. Что случилось?

Слуга. Да барыня-с...

Владимир. Что?

Слуга. Сделалась очень нездорова и просит вас поскорее к себе.

Владимир. Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга. Очень нездорова-с.

Владимир *(задумчиво)*. Очень! да, я пойду! *(Подавая руку Белинскому.)* Не правда ли, я тверд в своих несчастиях? *(Уходит.)* *(В продолжение этой речи он менялся в лице, и голос его дрожал.)*

Белинской *(глядя вслед ему)*. Тебя погубит эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствия, но не способен им наслаждаться, и оно сделалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось в груди твоей.

Я веселого характера обыкновенно; однако примечаю, что печаль Арбенина прилипчива. После него часа два я не могу справиться. Ха! ха! ха! испытаю верность женщины! Посмотрим, устоит ли Загорскина против моих нападений. Если она изменит Арбенину, то это лучший способ излечить его от самой глупейшей болезни.

Слуга Белинского входит.

Чего тебе?

Слуга. Да я ходил в театр за билетом-с, как вы приказывали. Вот билет-с.

Белинской. Хорошо! В первом ряду? хорошо. *(Про себя.)* Скучно будет сегодня во французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! весь beau-monde! [1] *(Закуривает трубку и уходит.)*

СЦЕНА VI

10 января. День.

В доме у Загорскиных. Комната барышень.
Княжна Софья сидит на постели; Наташа поправляет волосы перед зеркалом.

Княжна Софья. Ma chère cousine! [2] я тебе советую остерегаться!

Наташа. Пожалуйста, без наставлений! Я сама знаю, как мне поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай он будет доволен малым.

Княжна Софья. Ведь ты его не заставишь на себе жениться... он вовсе не такой человек!..

Наташа. Разумеется, я сама за него свататься не стану; а если он меня любит, так женится.

Княжна Софья *(насмешливо)*. Не правда ли, как он интересен, как милы его глаза, полные слез!

Наташа. Да, для меня очень занимательны.

Княжна Софья. Поверь, он только дурачится и шалит; а именно потому, что уверен, что ты в него влюблена.

Наташа. Ему неотчего быть уверену.

Княжна Софья. А попробуй показать холодность... тотчас отстанет!

Наташа. Я пробовала, и он не отстал и только больше с тех пор меня любит...

Княжна Софья. Но ты не умеешь притворяться, ты...

Наташа. Поверь, не хуже тебя!

Княжна Софья. Арбенин точно так же куртизанил прошлого года Лидиной Полине; а тут и бросил

---

[1] светское общество! *(франц.)*
[2] Дорогая кузина! *(франц.)*

ее, и смеется сам над нею... Ты помнишь? то же будет и с тобой.

Наташа. Я не Полина.

Княжна Софья. Посмотрим.

Наташа. Да что ты так на одно наладила?

Княжна Софья. Уж что я знаю, то знаю... вчера...

Наташа. Что такое? впрочем, я и знать не желаю.

Княжна Софья. Вчера Арбенин был у нас.

Наташа. Ну что ж?

Княжна Софья. Любезничал с Лизой Шумовой, рассказывал ей бог знает что и между тем просил меня отдать тебе письмо: вот мужчины! в одну влюблены, а другой пишут письма! верь им после этого. Я его прочла и отдала назад, сказав, что ты будешь очень этому смеяться. Он разорвал и уехал. Какова комедия! *(Молчание.)* А еще, знаешь: мне сказывали, наверное, что он хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не верю!

Наташа *(в сторону)*. Он делает глупости! Я теперь на него так сердита, так сердита! Хвалится! кто б подумал! это слишком! *(Громко.)* Ты знаешь, кузина, у нас был вчера Белинской! un jeune homme charmant! [1] прелесть как хорош, умен и любезен! Вот уж не надует губы! Как воспитан, точно будто всю жизнь провел при дворе!

Княжна Софья. Поздравляю. И ты, я надеюсь, ему очень понравилась! *(В сторону.)* Я в восхищении: мои слова действуют! *(Громко.)* Вчерась же Арбенин чуть-чуть не поссорился у нас с Нелидовым. Последний, ты знаешь, такой тихий, степенный, осторожный; а Волдемар этого не слишком придерживается. Нелидов разговорился с ним про свет и общественное мнение и несколько раз повторял, что дорожит своею доброй славой, таким тоном, который давал чувствовать Арбенину, что он ее потерял; этот понял и побледнел; после и говорит мне: «Нелидов хотел кольнуть мое самолюбие, он достиг своей цели; это правда:

---

[1] очаровательный молодой человек! *(франц.)*

я потерян для света... но довольно горд, чтоб слушать равнодушно напоминания об этом!» Ха! ха! ха! не правда ли, Наташа, это показывает твердость характера!

Наташа. Конечно! Арбенин не совсем заслуживает дурное мнение света; но он об нем мало заботится; и этот Нелидов очень глупо сделал, если старался его обидеть! *(Наташа подходит к окну.)*

Княжна Софья. Поверь мне: Арбенина так же огорчает злословие, как и другого; он только не хочет этого показать.

Молчание.

Наташа *(с живостью)*. Ах! сейчас приехал Белинской!

СЦЕНА VII

3 февраля. Утро.

Кабинет Павла Григорича Арбенина. Он сидит в креслах, против него стоит человек средних лет в синем сюртуке, с седыми бакенбардами

Павел Григорич. Нет! братец, нет! скажи своему господину, что я не намерен ждать. Должен? — плати. Нечем? — на что задолжал. В России на это есть суд. Ну если б я был бедняк? разве два месяца пождать ничего не значит?

Поверенный. Хоть две недели, сударь. На днях мы денег ждем с завода. Неужели уж мы обманем вас?

Павел Григорич. Ни дня ждать не хочу.

Поверенный. Да где же денег взять прикажете? Ведь восемь тысяч на улице не найдешь.

Павел Григорич. Пускай твой господин продаст хоть тебя самого; а мне он заплотит в назначенное время. И с процентами — слышишь?

Поверенный. Да помилуйте-с!..

Павел Григорич. Ни слова больше. Ступай! *(Поверенный уходит.)* Вишь какой ловкий! Все бы ему ждали! Нет, брат! нынче деньги дороги, хлебы дешевы да еще плохо родятся! Пускай графские сынки да вельможи проматывают именье; мы, дворяне про-

стые, от этого выигрываем. Пускай они будут при дворе, пускай шаркают в гостиных с камергерскими ключами, а мы будем тише, да выше. И, наконец, они оглянутся и увидят, хоть поздно, что мы их обогнали. *(Встает с кресел.)* Ух! замотали меня эти дела. А все-таки как-то весело: видеть перед собою бумажку, которая содержит в себе цену многих людей, и думать: своими трудами ты достигнул способа менять людей на бумажки. Почему же нет? И человек тлеет, как бумажка, и человек, как бумажка, носит на себе условленные знаки, которые ставят его выше других и без которых он... *(Зевает.)* Уф! спать хочется! Где-то сын мой? Он, верно, опять задолжал, потому что третий день дома обедает. Вот! прошу покорно иметь детей!

Владимир, бледный, быстро входит.

Владимир *(громко и скоро)*. Батюшка!

Павел Григорич. Что тебе надобно?

Владимир. Я пришел, чтобы... у меня есть одна, единственная просьба до вас... не откажите мне... поедемте со мною! поедемте! заклинаю вас; одна минута замедленья, и вы сами будете раскаиваться.

Павел Григорич. Куда мне ехать с тобою? ты с ума сошел!..

Владимир. Немудрено. Если б даже вы увидали, что я видел, и остались при своем уме, то я бы удивился!

Павел Григорич. Это уж ни на что не похоже! ты, Владимир, выводишь меня из терпения.

Владимир. Так вы не хотите со мною ехать! так вы мне не верите! А я думал... но теперь вынужден все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочет вас видеть; эта женщина...

Павел Григорич. Что мне за дело до нее?

Владимир. Она ваша супруга!

Павел Григорич *(с досадой)*. Владимир!

Владимир. Вы, верно, думаете меня испугать этим строгим взглядом и удушить голос природы в груди моей? Но я не таков, как вы; этот самый голос, приказывающий мне повиноваться вам, заставляет... да! ненавидеть вас! да! если вы будете долее

противиться мольбам моей матери! О! нынешний день уничтожил во мне все опасенья: я говорю прямо! Я ваш сын и ее сын; вы счастливы, она страдает на постели смерти, кто прав, кто виноват, не мое дело. Я слышал, слышал ее мольбы и рыданья, и последний нищий назвал бы меня подлецом, если б я мог еще любить вас!..

Павел Григорич. Дерзкий! Я давно уж не жду от тебя любви; но где видано, чтобы сын упрекал отца такими словами? Прочь с глаз моих!

Владимир. Я уж просил вас не уничтожать во мне последнюю искру покорности сыновней, чтоб я не повторил эти обвиненья перед целым светом!

Павел Григорич. Боже мой! до чего я дожил? *(Ему.)* Знаешь ли...

Владимир. Я знаю: вы сами терзаемы совестью, вы сами не имеете спокойных минут — вы виновны во многом...

Павел Григорич. Замолчи!..

Владимир. Не замолчу! не просить пришел я, но требовать! требовать! Я имею на это право! Нет! эти слезы врезались у меня в память! батюшка *(бросается на колени)*, батюшка! пойдемте со мною!

Павел Григорич. Встань! *(Он встревожен.)*

Владимир. Вы пойдете?

Павел Григорич *(в сторону)*. Что, если в самом деле? Может быть...

Владимир. Так вы не хотите? *(Встает.)*

Павел Григорич *(в сторону)*. Она умирает, говорит Владимир! желает получить мое прощенье... правда! я бы... но ехать туда? Если узнают, что скажут?

Владимир. Вам нечего бояться: моя мать нынче же умрет. Она желает с вами примириться, не для того, чтобы жить вашим именем; она не хочет сойти в могилу, пока имеет врага на земле. Вот вся ее просьба, вся ее молитва к богу. Вы не хотели. Есть на небе судия. Ваш подвиг прекрасен; он показывает твердость характера; поверьте, люди будут вас за это хвалить; и что за важность, если посреди тысячи похвал раздастся один обвинительный голос. *(Горько улыбается.)*

Бивуак Лейб-гвардии гусарского полка
под Красным Селом

Акварель Лермонтова

Рисунки Лермонтова

Акварель

Павел Григорич (*принужденно*). Оставь меня!

Владимир. Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты. (*Горько.*) Она еще раз в жизни поверит надежде! (*Тихо идет к дверям.*) О, если б гром убил меня на этом пороге; как? я приду — один! я сделаюсь убийцею моей матери. (*Останавливается и смотрит на отца.*) Боже! вот человек!

Павел Григорич (*про себя*). Однако для чего мне не ехать? что за беда? Перед смертью помириться ничего; смеяться никто над этим не станет... а все бы лучше! Да, так и быть, отправлюсь. Она, верно, без памяти, и меня не узнает... скажу ей, что прощаю, и делу конец! (*Громко.*) Владимир! послушай... погоди!

Владимир недоверчиво приближается.

Я пойду с тобою... я решился! Нас никто не увидит? но я верю! пойдем... только смотри, в другой раз думай об том, что говоришь...

Владимир. Так вы точно хотите идти к моей матери? точно? Это невероятно! Нет, скажите: точно?

Павел Григорич. Точно!

Владимир (*кидается ему на шею*). У меня есть отец! У меня снова есть отец! (*Плачет.*) Боже! боже! я опять счастлив! Как легко стало сердцу! у меня есть отец! Вижу, вижу, что трудно бороться с природными чувствами... О! как я счастлив! Видите ли, батюшка! как приятно сделать, решиться сделать добро... ваши глаза прояснели, ваше лицо сделалось ангельским лицом! (*Обнимает его.*) О мой отец, вы будете вознаграждены богом! Пойдемте, пойдемте скорей — ее надобно застать при жизни!

Павел Григорич (*хочет идти; в сторону*). Итак, я должен увидеться... Хорошо! Да нет ли тут какой-нибудь сети? однако отчаяние Владимира!.. Но разве она не может притвориться и уверить его, что умирает? Разве женщине, а особливо моей жене, трудно обмануть... кого бы ни было? О, я предчувствовал, я проникнул этот замысел, и теперь все ясно. Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сын мой всему городу станет рассказывать

про такую жестокость! Она, пожалуй, его подобьет! Признаюсь! прехитрый план! прехитрейший!.. однако не на того напали! Хорошо, что я вовремя догадался! Не пойду же я! Пускай умрет одна, если могла жить без меня!

Владимир. Вы медлите!

Павел Григорич *(холодно)*. Да! Я медлю!

Владимир. Вы... эта перемена! вы...

Павел Григорич *(гордо)*. Я остаюсь! Скажи своей матери и бывшей моей жене, что я не попался вторично в расставленную сеть... скажи, что благодарю за приглашение и желаю ей веселой дороги!

Владимир вздрагивает и отступает назад.

Владимир. Как! *(С отчаяньем.)* Это превзошло мои ожиданья! И с такой открытой холодностью! с такой адской улыбкой? И я — ваш сын? Так, я ваш сын, и потому должен быть врагом всего священного, врагом вашим... из благодарности! О, если б я мог мои чувства, сердце, душу, мое дыхание превратить в одно слово, в один звук, то этот звук был бы проклятие первому мгновению моей жизни, громовой удар, который потряс бы твою внутренность, мой отец... и отучил бы тебя называть меня сыном!

Павел Григорич. Замолчи, сумасшедший! Страшись моего гнева... погоди: придут дни более спокойные, тогда ты узнаешь, как опасно оскорблять родителя... я тебя примерно накажу!..

Владимир *(закрыв лицо руками)*. А я мечтал найти жалость!..

Павел Григорич. Неблагодарный! неблагодарный! чудовище! мне ли ты не обязан?.. и с такими упреками...

Владимир. Неблагодарный? Вы мне дали жизнь: возьмите, возьмите ее назад, если можете... О! это горький дар!

Павел Григорич. Вон скорей из моего дома! и не смей воротиться, пока не умрет моя бедная супруга. *(Со смехом.)* Посмотрим, скоро ли ты придешь? Посмотрим, настоящая ли болезнь, ведущая к могиле, или неловкая хитрость наделала столько шуму и за-

ставила тебя забыть почтение и обязанность! Теперь ступай! Рассуди хорошенько о своем поступке, припомни, что ты говорил, — и тогда, тогда, если осмелишься, покажись опять мне на глаза! *(Злобно взглянув на сына, уходит и запирает двери за собою.)*

Владимир *(который стоял как вкопанный, смотрит вслед; после краткого молчанья)*. Все кончилось!..

Уходит в другую дверь. Решительная безнадежность приметна во всех его движениях. Он оставляет за собою дверь растворенную, и долго видно, как он то пойдет скорыми шагами, то остановится; наконец, махнув рукой, он удаляется.

СЦЕНА VIII

3 февраля. День.

Спальня Марьи Дмитревны. Стол с лекарствами. Она лежит на постели. Аннушка стоит возле нее.

Аннушка. У вас, сударыня, сильная лихорадка! Не угодно ли чаю горяченького или бузины? Тотчас будет готово. Ах ты моя родная, какие руки-то холодные, точно ледяные. Не прикажете ли, матушка, послать за лекарем!

Марья Дмитревна. Послушай! что давит мне грудь?

Аннушка. Ничего, сударыня: одеяло прелегкое! отчего бы, кажется, давить?

Марья Дмитревна. Аннушка! я сегодня умру!

Аннушка. И! Марья Дмитревна! выздоровеете! бог милостив — зачем умирать?

Марья Дмитревна. Зачем?

Аннушка. Не всё больные умирают, иногда и здоровые прежде больных попадают на тот свет. Не пора ли лекарство принять?

Марья Дмитревна. Я не хочу лекарства... где мой сын? Да, я и позабыла, что сама его послала!.. Посмотри в окно, нейдет ли он? Поди к окну... что? нейдет? Как долго!

Аннушка. На улице пусто!

Марья Дмитревна *(про себя)*. Он уговорит отца! Я уверена... О! как сладко примириться перед концом; теперь я не стыжусь встретить его взор. *(Погромче.)* Аннушка! что ты так смотришь в окно?

Аннушка. Я? нет... это так-с...

Марья Дмитревна. Нет, верно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. Похороны, сударыня... да какие препышные! сколько карет сзади: верно, богач! Какие лошади! покров так и горит! два архиерея!.. певчие! ну ж нечего сказать!

Марья Дмитревна. Аннушка! и мне пора... я чувствую близость последней минуты! О, поскорее! поскорее, царь небесный!

Аннушка. Полнытс, сударыня, что вам за охота? Как если, не дай бог, вы скончаетесь, что тогда со мною будет? кто позаботится обо мне? неужто Павел Григорич к себе возьмет? Не бывать этому. Да я лучше по миру пойду: добрые люди из окошек накормют!

Марья Дмитревна. Мой сын, Владимир, тебя не оставит!

Аннушка. Да еще перенесет ли он вашу смерть? Вы знаете, какой он горячий; из малости уж вне себя, а тогда... боже упаси!

Марья Дмитревна. Ты права... я должна тебя наградить: у меня в шкатулке есть восемьдесят рублей... дай несколько и старику, Павлу! Он всегда верно мне служил; и тобой я всегда, всегда была довольна...

Смутная радость изображается на лице Аннушки.

О, как сердце бьется! Что хуже: ожиданье или безнадежность?

Дверь отворяется. Тихо входит Владимир. Он мрачен. Молча подходит к постели и останавливается в ногах.

Аннушка. Владимир Павлович пришел!

Марья Дмитревна *(быстро)*. Пришел! *(Приподымается и опять опускает голову.)* Владимир... ты один! А я думала... ты один!

В л а д и м и р. Да.

М а р ь я Д м и т р е в н а. Друг мой! ты звал его сюда? сказал, что я умираю? он скоро придет?

В л а д и м и р *(мрачно)*. Как вы себя чувствуете? Довольно ли вы крепки, чтоб говорить и... слушать?

А н н у ш к а. Барыня без вас все плакала, Владимир Павлович!

В л а д и м и р. Боже! боже! ты всесилен! зачем непременно я должен убить мать мою?

М а р ь я Д м и т р е в н а. Говори скорее, не терзай меня понемногу: придет ли твой отец. *(Молчание.)* Где он!.. как предстать пред бога... Владимир! без него я не умру спокойно!

В л а д и м и р *(тихо)*. Нет.

М а р ь я Д м и т р е в н а *(не слыхав)*. Что сказал ты?.. Дай мне руку, Владимир!

В л а д и м и р *(слезы начинают падать из глаз его. Он бросается на колена возле постели и покрывает поцелуями ее руку)*. Я возле вас! зачем вам другого? разве вам не довольно меня? Кто-нибудь любит ли вас сильней, чем я?

М а р ь я Д м и т р е в н а. Встань... ты плачешь?..

В л а д и м и р *(встав, отходит в сторону)*. Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоит имени человека!.. Если я вынесу... то уверюсь, что сын всегда похож на отца, что его кровь течет в моих жилах и что я, как он, хотел ее погибели. Так! я должен был силою притащить его сюда, угрозами, страхом исторгнуть у него прощенье... *(С бешеной радостью.)* Послушайте, послушайте, что я вам скажу! Мой отец весел, здоров и не хотел вас видеть! *(Вдруг, как бы испугавшись, останавливается.)*

М а р ь я Д м и т р е в н а *(вздрагивает. После молчания)*. Молись... молись за нас... не хотел... о!

А н н у ш к а. Ей дурно, дурно!..

М а р ь я Д м и т р е в н а. Нет! нет! Я соберу последние силы... Владимир! ты должен узнать все и судить своих родителей! Подойди. Я умираю. Отдаю душу правосудному богу и хочу, чтоб ты, ты мой единственный друг, не обвинял меня по чужим словам...

Я сама произнесу свой приговор. *(Останавливается.)* Я виновна: молодость была моей виною. Я имела пылкую душу, твой отец холодно со мной обращался. Я прежде любила другого: если б мой муж хотел, я забыла бы прежнее. Несколько лет старалась я побеждать эту любовь, и одна минута решила мою участь... Не смотри на меня так. О! упрекай лучше самыми жестокими словами: я твоя злодейка! Мой поступок заставляет тебя презирать меня, и не одну меня... Долгим раскаяньем я загладила свой проступок. Слушай: он был тайною. Но я не хотела, не могла заглушить совесть — и сама открыла все твоему отцу. С горькими слезами, с унижением я упала к ногам его... я надеялась, что он великодушно простит мне... но он выгнал меня из дому; и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмешки света... Он жестоко со мною поступил!.. Я умираю... Если он мне не простил еще, то бог его накажет... Владимир? ты осуждаешь мать свою? Ты не смотришь на меня? *(Голос ее под конец становился все слабее и слабее.)*

Владимир *(в сильном движении. Про себя).* Вижу! Вижу! природа вооружается против меня; я ношу в себе семя зла; я создан, чтобы разрушать естественный порядок. Боже! боже! Здесь умирающая мать — и на языке моем нет ни одного утешительного слова, ни одного! Неужели мое сердце так сухо, что нет ни одной слезы? Горе, горе тому, кто иссушил это сердце. Он мне заплотит: я сделался через него преступником; с этой минуты прочь сожаленье! День и ночь буду я напевать отцу моему страшную песню, до тех пор, пока у него не встанут дыбом волосы и раскаяние начнет грызть его душу! *(Обращаясь к матери.)* Ангел! ангел! не умирай так скоро: еще несколько часов...

Аннушка *(с приметным беспокойством посматривает на госпожу).* Владимир Павлович!

Он услыхал и глядит на нее пристально. Она трогает за руку Марью Дмитревну и вдруг останавливается.

Прости господи ее душу! *(Крестится.)*

Владимир вздрагивает, шатается и едва не упадает. Удерживается рукой за спинку стула и так остается неподвижен несколько минут.

Как тихо скончалась-то родимая моя! Что буду я теперь? *(Плачет.)*

Владимир *(подходит к телу и, взглянув, быстро отворачивается)*. Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значат... у меня их нет! нет! Но я отомщу, жестоко, ужасно отомщу. Пойду принесу отцу моему весть о ее кончине и заставлю, принужу его плакать, и когда он будет плакать... буду смеяться! *(Убегает.)*

Долгое молчание.

Аннушка. И сын родной ее оставляет! Теперь все, что я могу захватить, мое! Что же? тут по мне нету греха; лучше чтобы мне досталось, чем кому другому, а Владимиру Павловичу не нужно! *(Подносит зеркало к губам усопшей.)* Зеркало гладко! последнее дыханье улетело! Как бледна! *(Уходит из комнаты и призывает остальных слуг для совершения обрядов.)*

Сцена IX

3 февраля. Пополудни.

Комната у Загорскиных. Наташа и княжна. Анна Николавна, входя, вводит двух старух.

Анна Николавна. А я вас сегодня совсем не ожидала! Милости просим! Прошу садиться! Как ваше здоровье, Марфа Ивановна? *(Садятся.)*

1 Старуха. Эх! мать моя! Что у меня за здоровье? все рифматизмы да флюс. Только нынче развязала щеку. *(К другой старухе.)* Как мы съехались, Катерина Дмитревна! Я только что на двор, и вы за мной, как будто сговорились навестить Анну Николавну.

2 Старуха *(к хозяйке)*. Я слышала, что вы были больны?

Анна Николавна. Да... благодарю, что навестили... теперь получше. А что, нового не слыхать ли чего-нибудь?

2 Старуха. У меня, вы знаете, Егорушка в Петербурге; так он пишет, что турок в пух разбили наши: взяли пашу!

1 Старуха. Дай-то бог! А я слышала, что Горинкин женился. Да на ком! Знавали вы Болотину? так на ее дочери. Славная партия... ведь сколько женихов за нею гонялось! так нет... кому счастье.

Анна Николавна. А я слышала: граф Свигской умер. Ведь жена, дети.

1 Старуха. Да? какая жалость... А что рассказывают! слышали вы?

Анна Николавна. Что такое?

2 Старуха. Что такое? странно! я не слыхала!

1 Старуха. Говорят, что покойник — прости его господи — почти все свое имение продал и побочным детям отдал деньги. Есть же люди! И говорят также, будто бы в духовной он написал, чтобы его похороны не стоили больше ста рублей.

2 Старуха. Нечего сказать, как в колыбельке, так и в могилку! Всегда был чудак покойник! царство ему небесное! Что ж? исполнили его завещание?

1 Старуха. Как можно? Пожалуй, он бы написал, чтоб его в овраг кинули! Нет, матушка, пять тысяч стоили похороны; в Донском монастыре, да два архиерся было.

Анна Николавна. Стало быть, очень пышно было!

Наташа. Будто не все равно.

1 Старуха. Как так? разве можно графа похоронить как нищего?

2 Старуха *(после общего молчания)*. Анна Николавна! вы меня извините! я ведь только на минуточку к вам заехала! спешу к золовке на крестины. *(Встает.)* Прощайте!

Анна Николавна. Если так, то не смею вас удерживать! Прощайте. *(Целуются.)* До свиданья, матушка. *(Провожает ее.)*

1 Старуха. Какова? Как разрядилась наша Мавра Петровна! пунцовые ленты на чепце! ну кстати ли? ведь сама насилу ноги таскает! А который ей год, Анна Николавна, как вы думаете?

Анна Николавна. Да лет пятьдесят есть! Она так говорит.

1 Старуха. Крадет с десяток! Я замуж выходила, а у нее уж дети бегали.

Наташа (*тихо Софье*). Я думаю: потому что она замуж вышла тридцати лет.

Княжна Софья. Охота тебе их слушать, Наташа?

Наташа. Помилуй! это очень весело!

Слуга входит.

Слуга. Дмитрий Василич Белинской приехал.

Анна Николавна. Что это значит? (*Слуге.*) Проси в гостиную.

Слуга уходит.

(*Тихо старухе.*) Пойдемте со мною, матушка; я угадываю, зачем он приехал! мне уж говорили. Он сам не так богат; но дядя при смерти, а у дяди тысяча пятьсот душ.

1 Старуха. Понимаю. (*В сторону.*) Посмотрим, что за Белинской! (*Наташе.*) О! плутовка.

Обе уходят.

Княжна Софья. Отчего ты так покраснела?

Наташа. Я?

Княжна Софья (*махнув рукой*). Ну ж! ничего не слышит и не видит! Наташа! твои щеки пылают, ты дрожишь, ты вне себя. Что такое значит?

Наташа (*схватив княжну за руку*). Так! это ничего! Кто сказал, что я дрожу? Ах, знаешь ли! Я отгадываю, зачем он приехал. Теперь все решится! не правда ли?

Княжна Софья. Что решится?

Наташа. Какие глупые вопросы, кузина! Вчера была у нас княгиня, и...

Княжна Софья. Я тебя понимаю! Ты влюблена в Белинского. Ну что ж.

Наташа отворачивается.

Это очень натурально.

Наташа *(с живостью)*. Послушай! Как он мил! Как он любезен!

Княжна Софья. Бедный Арбенин!

Наташа. Чем же бедный?

Княжна Софья. Он тебя так любит! Белинской свататься приехал: ты, наверное, ему не откажешь, так ли? А я знаю, что Арбенин тебя очень, очень любит. *(Насмешливо улыбается.)*

Наташа. Разлюбит поневоле. Впрочем, он очень умел притворяться с другими, почему же не притворялся он со мной? кто может поручиться? Правда, он мне сначала немного нравился. В нем что-то необыкновенное... а зато какой несносный характер, какой злой ум и какое печальное всегда воображенье! Боже мой! да такой человек в одну неделю тоску нагонит. Есть многие, которые не меньше его чувствуют, а веселы.

Княжна Софья. Ты хотела бы все смеяться! *(Смотрит на нее пристально.)* Однажды в сумерки приехал к нам Арбенин. Сел за фортепьяно и с полчаса фантазировал. Я заслушалась. Вдруг он вскочил и подошел ко мне. Слезы были у него на глазах. «Что с вами?» — спросила я. «Припадок! — отвечал он с горькой улыбкой, — музыка приводит мне на мысли Италию! Во всей ледяной России нет сердца, которое отвечало бы моему! Все, что я люблю, убегает меня. Прошу сожаленья? Нет! Я похож на чумного! Все, что меня любит, то заражается этой болезнью несчастия, которую я принужден называть жизнию!» Тут Арбенин посмотрел на меня пристально, как будто ожидая ответа... я догадалась... но ты не слышишь?

Наташа. Оставь меня. Какая мне нужда до твоего Арбенина; делай с ним что хочешь; клянусь тебе, не стану ревновать! Слышишь... вот кажется кто-то сюда идет... кажется, маменька!

Княжна Софья *(в сторону)*. Небо прекрасно исполняет мои желанья! Судьба мстит за меня. Хорошо! он почувствует всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я недаром старалась охладить к нему Наташу: это меня радует. Однако что мне пользы? я ото-

мстила. За что? Он не знает, что я его так люблю! но узнает! я ему докажу, что есть женщины...

Входит Анна Николавна.

Анна Николавна. Наташа! подойди ко мне! Я хочу говорить с тобой о важном деле, которое решит судьбу твоей жизни. Выйти замуж не порог перешагнуть. Все будущее твое зависит от одной минуты. Твое сердце должно бросить жребий, но рассудок также не должен молчать. Подумай: Белинской предлагает тебе свою руку. Согласна ты или нет? Нравится ли он тебе?

Наташа *(в смущении)*. Я... не знаю...

Анна Николавна. Как не знаю! помилуй! Он ждет в той комнате. Кому же знать? Решись поскорее: по крайней мере дать ли ему надежду. Что ты молчишь? Он молодой человек, превоспитанный, честный, состояние есть, а ты знаешь, как наше расстроено. Белинской ожидает богатое наследство. Подумай, тысяча пятьсот душ! рассуди! ты уж в летах, скоро стукнет девятнадцать. Теперь не пойдешь замуж, так, может быть, никогда не удастся. Сиди в девках! плохо теперь: женихов в Москве нет! Молодые, богатые не хотят жениться, мотают себе вволю, а старые? что в них? глупы или бедны! Решись, Наташа. Ведь он там ждет. Ну скажи по совести: ведь он тебе нравится?

Наташа. Нравится...

Анна Николавна. Так ты согласна... я пойду...

Наташа *(останавливает мать)*. Maman! подождите... так скоро!.. ей-богу! я все это вижу как во сне... как можно в одну минуту. *(Слезы показываются на глазах; она закрывает их руками.)* Я не могу! разве непременно сейчас?

Анна Николавна *(ласкает ее)*. Успокойся, друг мой. О чем ты плачешь? Разве не сама сказала, что он тебе нравится. Посмотри, как сердце бьется. Это нездорово! Ты слишком встревожилась; я опрометчиво поступила; однако сама посуди: ведь он ждет! не надо упускать жениха!.. Ведь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна? И я тотчас же ему скажу! Нет? так нет! беда не велика...

Наташа (*утирая слезы*). Он мне нравится! только... дайте ему надежду, пускай он ездит в дом, пускай будет как жених... только! я сама не знаю... вы так скоро мне сказали... я не знаю... мне стыдно плакать о глупостях. Maman! вы сами сумеете как ему сказать... я наперед на все согласна.

Анна Николавна. Ну, и давно бы так... об чем же плакать, мой ангел? (*Крестит ее.*) Христос с тобой! в добрый час! (*Уходит.*)

Наташа. Ах!

Княжна Софья. Ты побледнела, кузина! Поздравляю тебя! невеста!

Наташа. Как скоро все это сделалось! (*Уходит.*)

Княжна Софья. Правда. Когда мы чего-нибудь желаем и желание наше исполнится, то нам всегда кажется, что оно исполнилось слишком скоро. Мы лучше любим видеть радость в будущем, нежели в минувшем. Она счастлива... а я? Зачем раскаиваться? Люди невиновны, если судьба нечаянно исполняет их дурные желанья: стало быть, они справедливы; стало быть, мое сердце должно быть покойно, должно бы было быть покойно!

СЦЕНА X

Февраля 4. Вечер.

Зала в доме Павла Григорича; слуги зажигают лампы.

1-й. Он, чай, был не в своем уме: от вчерашнего еще не опомнился.

2-й. Как сказал ему барин?

3-й. Проклинаю тебя, сказал он ему.

2-й. Владимир Павлович не заслужил того.

1-й. А где старый барин?

3-й. Уехал в гости.

2-й. Был он встревожен, когда ты ему подавал одеваться?

3-й. Нимало. Ни разу меня не ударил. Проклясть сына, съехать в гости — эти две вещи для него так близ-

ки между собою, как выпить стакан вина и стакан воды.

1-й. А крепко поговорил молодой барин своему батюшке, тот сначала и не опомнился.

2-й. Оно все так; а только жалко, ей-богу жалко. Отцовское проклятие не шутка. Лучше жернов положить себе на сердце.

3-й. Ивану не велено от него отходить; вот отец! ведь проклял, а все боится, чтоб сын на себя рук не наложил.

2-й. Кровь говорит.

3-й. А по-моему, так лучше убить, чем проклясть.

СЦЕНА XI

Февраля 4. Вечер.

Комната Владимира. Луна светит в окно. Владимир возле стола, опершись на него рукою. Иван у двери.

Иван. Здоровы ли вы, сударь?

Владимир. На что тебе?

Иван. Вы бледны.

Владимир. Я бледен? когда-нибудь буду еще бледнее.

Иван. Ваш батюшка только погорячился: он скоро вас простит.

Владимир. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

Иван. Мне не велено от вас отходить.

Владимир. Ты лжешь! здесь нет никого, кто бы занимался мною. Оставь меня: я здоров.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня уверить в том. Ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное.

Владимир *(вынимает кошелек. Про себя)*. Я слышал, что деньги делают из людей всё! *(Громко.)* Возьми — и ступай отсюда: здесь тридцать червонцев.

Иван. За тридцать сребреников продал Иуда нашего спасителя, а это еще золото. Нет, барин, я не такой человек; хотя я раб, а не решусь от вас взять денег за такую услугу.

Владимир *(бросает кошелек в окно, которое разбивается. Стекла звенят, и кошелек упадает на улицу)*. Так пусть кто-нибудь подымет!

Иван. Что это, сударь, с вами делается! утешьтесь — не все горе...

Владимир. Однако ж...

Иван. Бог пошлет вам счастье, хотя б за то только, что меня облагодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слыхал.

Владимир. Точно?

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас богу молиться.

Владимир *(рассеянно)*. Так у тебя есть жена и дети?

Иван. Да еще какие. Будто с неба... добрая жена... а малютки! сердце радуется, глядя на них.

Владимир. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу.

Иван. И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Владимир *(берет его за руку)*. У тебя есть дети... не проклинай их никогда! *(Отходит в сторону к окну; Иван глядит на него с сожалением.)* А он, он, мой отец меня проклял, и в такой миг, когда я бы мог умереть от слов его! Но я сделал должное: *она* меня оправдает перед лицом всевышнего! Теперь испытаю последнее на земле: женскую любовь! Боже, как мало ты мне оставил! Последняя нить, привязывающая меня к жизни, оборвется, и я буду с тобой; ты сотворил мое сердце для себя, проклятие человека не имеет влияния на гнев твой. Ты милосерд — иначе я бы не мог родиться! *(Смотрит в окно.)* Как эта луна, эти звезды стараются меня уверить, что жизнь ничего не значит! Где мои исполинские замыслы? к чему служила эта жажда к великому? все прошло! я это вижу. Так точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимает вид небесного города, блестит золотыми краями и обещает чудеса воображению, но солнце закатилось, дунул ветер — и облако растянулось, померкло — и, наконец, упадает росою на землю!

СЦЕНА XII

Февраля ... Вечер.

Комната у Загорскиных. Дверь отворена в другую, где много гостей. Анна Николавна и княжна Софья входят.

Княжна Софья. Тетушка! мы с Наташей сейчас приехали из рядов и купили все, что надобно: не знаю, понравится ли вам; по мне хорошо! только блонды дорого.

Анна Николавна. Теперь некогда, Сонюшка: после посмотрю!

Входит гость.

Ах! здравствуйте, Сергей Сергеич! как ваше здоровье! я вас совсем не ожидала: вы такие стали спесивые, и знать нас не хотите...

Гость 1. Помилуйте! Я узнал, что Наталья Федоровна ваша помолвлена, и приехал поздравить и пожелать ей всякого счастья!

Анна Николавна. Покорно вас благодарю! дай-то бог! человек, кажется, хороший!

Гость 1. И, я слышал, с прекрасным состоянием.

Анна Николавна. Как же-с! Да вы, я думаю, знаете господина Белинского?

Гость 1. Видал-с. Прелестнейший молодой человек!

Анна Николавна. Милости просим в гостиную, Сергей Сергеич!

Уходят оба в гостиную.

Княжна Софья. Все идет по-моему. Отчего же я беспокоюсь? Разве у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радует и огорчает? Как согласить внутреннее самодовольствие с исполнением желаний? Нет главная моя цель еще далёко. Я желала бы знать, как все это подействует на Владимира. Боже! как мне душно в этой толпе людей, которые с таким жаром рассуждают о пустяках и не замечают, что каждая минута отнимает у меня по надежде и приносит мне какое-нибудь новое мученье! Где несчастливцы? на всех лицах я встречаю только улыбки! Одна я страдаю,

одна я плачу, одна утираю слезы... если б он их увидал, то стал бы меня любить. Он бы не устоял! невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну!..

Наташа *(вбегает; весело)*. Ха! ха! ха! ха! ха! ma cousine[1], послушай: если б ты была там, то насмеялась бы досыта. Ха! ха! ха! Боже мой! ах! я удерживалась до тех пор, что чуть-чуть не захохотала ему в глаза.

Княжна Софья. Кому?

Наташа. Насилу я вырвалась. Сергей Сергеич подошел меня поздравлять, смешался, заикнулся, забормотал... я ничего не поняла; он сам, я думаю, не знал, что говорил, умора! Так мы остались друг против друга... ха! ха! ха!

Княжна Софья. Как ты весела! Где Белинской?

Белинской *(входит)*. Слава богу! я опять с вами! Меня осадил весь очаковский век. Добрые люди, только нестерпимо скучны. Они все толкуют о прошедшем, а я в настоящем так счастлив!

Княжна Софья. Это видно по вашему лицу.

Наташа. Mon cher ami![2] оставим ее: она не в духе. Сядем, поговорим.

Садятся.

Белинской *(целует у нее руку)*. Теперь я имею право вызывать завистников.

Княжна Софья *(про себя)*. Этот человек думает, говорит о счастье, отняв последнее у своего друга... отчего же я, хотя менее виновна, должна чувствовать раскаянье? о, как бы я заменила Владимиру эту потерю, если б... если б только...

Гость, молодой человек, выходит из гостиной, кланяется Софье и приближается к ней.

Гость. Здорова ли княгиня, ваша матушка?

Княжна Софья. Нет. Она очень больна.

Гость. Вы, верно, знаете Владимира Арбенина.

Княжна Софья. Он к нам ездит.

---

[1] кузина *(франц.)*

[2] Дорогой друг! *(франц.)*

Гость. Вы не приметили: сумасшедший он?

Княжна Софья. Я всегда замечала, что он очень умен. Не могу догадаться, к чему такие вопросы?

Гость. Нет, я в самом деле не шучу. Несколько дней тому назад я был у его отца; вдруг дверь с шумом отворяется и вбегает Владимир. Я испугался. Лицо его было бледно, глаза мутны, волосы в беспорядке; я не знаю, на кого он был похож. Отец его остолбенел и ни слова не мог выговорить. «Убийца! — воскликнул Владимир, — ты мне не верил, поди же поцелуй ее мертвую руку!» — и с вынужденным хохотом упал без чувств на землю. Слуги вбежали, его подняли. Отец не говорил ни слова, но дрожал, хотя показывал или старался показывать, что не был встревожен... Я поскорее взял шляпу и ушел; потом я узнал, что Павел Григорич его ужасно бранил и даже проклял, говорят, но я не верю...

Княжна Софья *(в сильном волнении)*. Проклял, говорите вы... он упал... но ему ничего не сделалось? Вы не знаете, что значили слова его? Нет! это не сумасшествие... что-нибудь ужасное с ним случилось...

Гость *(с улыбкой)*. Я не ожидал, чтобы вы приняли такое большое участие...

Княжна Софья. В самом деле? *(С досадой в сторону.)* Боже! нельзя показать сожаленья!

Гость. Наконец, я узнал, что в этот самый день умерла у Владимира мать, которая с отцом была в разводе, но такое бешенство, такие угрозы показывают совершенное сумасшествие!.. Это в самом деле очень жалко: он имел способности, ум, познания...

Княжна Софья. По словам, которые вы мне повторили, отец его был виноват в чем-нибудь... он не заметил вас, и если только в этом состоит сумасшествие...

Гость. О нет, совсем нет! я не хотел этого сказать. Но вы сами судите... мне стало жалко его; вот для чего я спросил...

Княжна Софья. Вы видите, что я не могу вам дать положительного ответа.

Гость *(помолчав)*. Вы поедете завтра в концерт, княжна? Славная музыканьша будет на арфе играть...

вы не слыхали еще? Она из Парижа... это очень любопытно! Если угодно, я билет...

Княжна Софья. Я не любопытна, я не имею этого порока!

Гость. Извините. Я желал вам услужить...

Княжна Софья. Вы очень милостивы!

Гость *(раскланиваясь)*. Прошу вас поверить, что если я что-нибудь неприятное сказал вам, то мое намерение было совсем не таково... *(Уходит.)*

Княжна Софья *(одна)*. Чуть-чуть он не сказал, что хотел меня обрадовать этими новостями! Прийти нарочно, простоять четверть часа здесь для того только, чтобы сказать зло про одного человека и опечалить другого! *(Молчание.)* Что ждет меня? Ужасно темнеет предо мной будущность, как бездна, которая хочет поглотить все, что во мне радуется жизнию! Владимир потерял мать, любовь отца и должен лишиться Наташи... Но первые два несчастья помогут ему перенести последнее с твердостию; несколько печалей не так опасны, как одна глубокая, к которой прикованы все думы, которая отравляет все чувства одинаковым ядом. Да, он мужчина, он крепок духом! а там... там... я могу еще надеяться; я примечала несколько раз, что глаза его пылали, когда он со мной говорил: может быть...

Наташа. Что он тебе рассказывал?

Княжна Софья. Про Арбенина.

Белинской. Что такое про Арбенина?

Княжна Софья. Не бойтесь!

Белинской. Чего же мне бояться?

Княжна Софья. Вы лучше знать должны.

Наташа *(тихо)*. Разве он проведал, что я выхожу замуж?

Княжна Софья. За его друга? нет! Арбенин потерял мать, и от этого он в отчаянье; его приняли за сумасшедшего... не знаю, вынесет ли он второй удар...

Белинской. О, поверьте, что он кажется гораздо чувствительнее, чем в самом деле есть.

Княжна Софья. Разумеется: вы это должны знать лучше нас; вы были его другом.

Белинской. Я дружбу принес в жертву любви.

Княжна Софья. Это очень хорошо — для вас.

Белинской. Впрочем, не думайте, что я с Арбениным очень дружен был. Приятели в наш век — две струны, которые по воле музыканта издают согласные звуки, но содержат в себе столько же противных.

Княжна Софья *(Наташе)*. Прошу не прогневаться, кузина, а я скажу, что ты его любила; для жениха ты не должна иметь тайны; и, верно, господин Белинской со мной согласен!

Наташа при этих словах покраснела.

Наташа. Да, это правда: Арбенин мне сначала нравился и очень занимал воображение, но этот сон, как все печальные сны, прошел. Я теперь прошу, Софья, не напоминай мне более об нем.

Княжна Софья. Я не совсем что-то верю твоему пробуждению.

Наташа. Кузина, к чему это?

Белинской. Может быть, один сон сменился другим.

Княжна Софья. Однако послушайте, господин жених, не слишком ей верьте; она с давнишних пор носит на кресте стихи, которые дал ей Арбенин. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она их показала! А! а! попалась, душа моя?

Белинской. Я могу просить, и то, если она позволит. Впрочем, я в ней слишком уверен...

Княжна Софья. Излишества всегда опасны!

Наташа. Чтоб доказать моей кузине, что я нимало не дорожу этими глупостями... *(Снимает с шеи ожерелье, на котором крест, и отвязывает бумажку.)* Возьмите. Эта старинная бумажка была мною совсем позабыта. Прочти, мой друг... Эти стихи довольно порядочно написаны.

Белинской. Это его рука!

Княжна Софья *(в сторону)*. Бесстыдный! он так же спокоен, как будто читает театральную афишу! Ни одной искры раскаянья в ледяных глазах! Ужели искусство? Нет! я женщина, но никогда не могла бы

дойти до такой степени лицемерия..Ах! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа. Прочти, мой друг!

Белинской (*читает*).

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
Наместо славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой?

Он жил с людьми как бы с чужими,
И справедлива их вражда,
Но хоть виновен перед ними,
Тебе он верен был всегда;
Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смыть их приговор;
Верь! не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!

Прекрасно, очень мило! (*Отдает.*)

Наташа (*разрывает бумагу*). Теперь спокойны ли вы, кузина?

Княжна Софья. О, я на твой счет никогда не беспокоилась!

Белинской (*в сторону*). Эта княжна вовсе не по мне! К чему ее упреки? что ей за дело?

Дверь отворяется, входит Владимир; кланяется. Все смущены; он хочет подойти, но, взглянув на Белинского и Наташу, останавливается — и быстро входит в гостиную.

Наташа (*только что Владимир взошел*). Ах! Арбенин!

Белинской (*про себя*). Вот некстати! Черт его просил? Он взбесится; он, верно, еще не знает, что я женюсь, и на ком? Надо убраться, чтоб не сделаться жертвою первого пыла. (*Громко.*) Мне не хочется теперь встретиться с Арбениным. Вы его знаете...

Княжна Софья (*кинув на него косвенный взгляд*). Это правда!..

Белинской. Итак, прощайте! (*Уходит в кабинет.*)

Наташа. Невольный трепет пробегает по мне, сердце бьется... отчего? Отчего этот человек, которого я уже не люблю, все еще имеет на меня такое влияние?.. Но, может быть, любовь к нему не совсем погасла в моем сердце? может быть, одно воображение отвлекло меня от него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Белинскому слово, он будет моим мужем, и Арбенина должно удалить! это будет мне легко! (*Задумывается.*)

Княжна Софья. Слава богу! (*Про себя.*) Я думала, что этот Белинской не мучим совестью... теперь я вижу совсем противное. Он боялся встретить взор обманутого им человека! Так он виновнее меня!.. Я заметила смущение в его чертах! Пускай бежит... ему ли убежать от неизбежного наказания небес? (*Удаляется в глубину театра.*)

Владимир, бледный, выходит из гостиной, он и Наташа долго стоят неподвижно.

Наташа. Что скажете нового?

Владимир. Говорят: вы выходите замуж.

Наташа. Это для меня не ново.

Владимир. Я вам желаю счастья.

Наташа. Покорно вас благодарю.

Владимир. Так это точно, точно правда?

Наташа. Что ж удивительного?

Владимир (*помолчав*). Вы не будете счастливы.

Наташа. Почему же?

Владимир. Я слыхал, что свадьбы, которые бывают в один день с похоронами, несчастливы.

Наташа. Ваши пророчества очень печальны; впрочем, всякий день кто-нибудь да умирает в мире; итак...

Владимир. Послушайте; скажите мне по чести: это шутка или нет.

Наташа. Нет.

В л а д и м и р. Подумайте хорошенько. Клянусь богом, я теперь не в состоянии принимать такие шутки. В вас есть жалость! Послушайте: я потерял мать ангела, отвергнут отцом, я потерял все — кроме одной искры надежды! Одно слово, и она погаснет! вот какая у вас власть... Я пришел сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... Что пользы вам лишить меня из шутки такой минуты?

Н а т а ш а. Я не думала шутить. Я очень понимаю, как ваше несчастие велико; я бы достойна была презрения, если б могла с вами шутить теперь. Нет, вы имеете право на уважение и сострадание всякого!

В л а д и м и р *(смотрит на нее несколько времени)*. Помните ли, давно, давно тому назад, я привез вам стихи, в которых просил защитить против злословий света... и вы обещали мне! С тех пор я вам верю, как богу! С тех пор я вас люблю больше бога! О! каким голосом было сказано это: обещаю! и я тогда же в душе произнес клятву вечно любить вас... вечно! На языке другого это слово мало значит... но я *поклялся* любить вас вечно, поклялся самому себе; а клятва благородного человека неизменна, как воля творца. ...Отвечайте мне, скажите мне одно не слишком холодное слово, солгите... и я буду доволен. Что стоит одно слово?.. оно спасет человека от отчаяния.

Н а т а ш а *(в сторону)*. Что мне делать? Мысли мои рассеяны. О, зачем, зачем нельзя изгладить несколько дней из моей жизни, возвратиться к прежнему... Я могла бы отвечать ему!.. он так жалок!.. Я его не люблю, но мне как-то страшно его огорчить!..

В л а д и м и р. Женщина!.. ты колеблешься? Послушай: если б иссохшая от голода собака приползла к твоим ногам с жалобным визгом и движеньями, изъявляющими жестокие муки, и у тебя бы был хлеб, ужели ты не отдала бы ей, прочитав голодную смерть во впалом взоре, хотя бы этот кусок хлеба назначен был совсем для другого употребленья? Так я прошу у тебя одного слова любви!..

Н а т а ш а *(помолчав; значительно)*. Я выхожу замуж за Белинского!..

Софья, которая издали смотрела, уходит поспешно.

Владимир. Он? он? как? Стало быть, мои подозренья...

Наташа. Чего вы испугались?

Владимир. И я его называл другом? ад и проклятье! Он мне заплотит! За каждую слезу, которую пролил я на предательскую грудь... он мне заплотит своей кровью!.. *(Хочет идти.)*

Наташа. Остановитесь! остановитесь! *(Он неподвижен.)* Какое безумство! Так вот ваша привязанность ко мне? Я люблю Белинского, и вы хотите убить его? Опомнитесь! его смерть заставит меня ненавидеть вас!..

Владимир. Тебе его жаль? ты его любишь? не верю! нет, я не верю! Тот, кто обманул друга, недостоин уваженья!.. Презренье и любовь несовместимы! моя рука тебя избавит от этой эхидны...

Наташа. Владимир! останьтесь... я умоляю...

Владимир *(посмотрев на нее; со вздохом)*. Хорошо! Что еще я должен сделать?

Наташа. Нам не надобно больше видеться; я прошу: забудьте меня! это нас обоих избавит от многих неприятностей. Мало ли есть рассеяний для молодого человека!.. Вам понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будем друзьями, будем проводить вместе целые дни радости... до тех пор я прошу вас забыть девушку, которая не должна слушать ваших жалоб!..

Владимир. Прекрасные советы! *(Ходит взад и вперед. С сухим смехом.)* В каком романе... у какой героини вы переняли такие мудрые увещания... вы желали бы во мне найти Вертера!.. Прелестная мысль... кто б мог ожидать?..

Наташа. Рассудок ваш то же говорит, что я, только вы его не хотите слушать!

Владимир. Нет, я не стану мстить Белинскому! Я ошибался! Я помню: он мне часто говорил о рассудке: они годятся друг для друга... и что мне за дело? Пускай себе живут да детей наживают, пускай закладывают деревни и покупают другие... вот их занятия! — ах! а я за один ее веселый миг заплатил бы

годами блаженства... а на что ей? Какая детская глупость!..

Наташа. Мои слова неприятны вам; но правда, говорят, никому не нравится. Я сама вам теперь признаюсь, что вы, ваш характер, ваш ум сделали на меня сначала довольно сильное впечатление; но теперь обстоятельства переменились, и мы должны расстаться: я люблю другого!.. Так я подам вам пример: я вас забуду!..

Владимир. Ты меня забудешь? ты? О, не думай: совесть вернее памяти; не любовь, раскаяние будет тебе напоминать обо мне!.. Разве я поверю, чтобы ты могла забыть того, кто бросил бы вселенную к ногам твоим, если б должен был выбирать: вселенную или тебя!.. Белинской тебя не стоит, он не будет в состоянии ценить твою любовь, твой ум; он пожертвовал другом для... о! не для тебя!.. деньги, деньги — вот его божество!.. и тебя принесет он им в жертву! Тогда ты проклянешь свою легковерность... и тот час, тот час... в который подала мне пагубные надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтоб лишить меня небесного!..

Наташа. Еще раз говорю вам: перестаньте; вы слишком вольно говорите. *(Помолчав.)* Мы не должны больше видеться. Какая вам охота смущать семейственную тишину? Этот мгновенный пыл пройдет: а после, после мы будем друзьями!..

Владимир. Не слишком ли вы полагаетесь на свою добродетель! Нет! я не способен жить остатками сокровища, принадлежащего другому!.. Что осмелились вы предложить мне? Создатель! теперь я верю, что демоны были прежде ангелами!

Наташа. Господин Арбенин, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! вы несносны!

Владимир. Отчего вы прежде со мною так не говорили?

Наташа. Вы правы: я смешна, глупа... как хотеть, чтоб сумасшедший поступал как рассудительный человек!.. оставляю вас и, признаюсь, раскаиваюсь, в первый и последний раз, в том, что хотела когонибудь утешить! Вы пренебрегли все приличия, и я не

намерена терпеть долее! *(Уходит, но останавливается в глубине театра и смотрит на него.)*

Владимир. Бог! бог! во мне отныне к тебе нет ни любви, ни веры! Но не наказывай меня за мятежное роптанье... ты... ты сам нестерпимою пыткой вымучил эти хулы. Зачем ты дал мне огненное сердце, которое любит до крайности и не умеет так же ненавидеть! Ты виновен! Пускай твой гром упадет на мою непокорную голову; я не думаю, чтоб последний вопль погибающего червя мог тебя порадовать!

В это время взошел Белинской, Наташа говорит ему что-то на ухо, с видом просьбы, и уходит; он смотрит издали; Владимир ломает себе руки.

Эти нежные губы, этот очаровательный голос, улыбка, глаза — все, все это для меня стало яд!.. Как можно подавать надежды только для того, чтоб иметь удовольствие лишний раз обмануть их! *(Обтирает глаза и лоб.)* Женщина! стоишь ли ты этих кровавых слез?

Белинской подходит.

Белинской. Владимир! *(В сторону.)* Мне должно его умаслить, уговорить, а то он черт знает чего наделать рад! Наташа правду говорит: он только в первые минуты бешенства опасен! *(Громко.)* Владимир!

Владимир *(не оборачиваясь)*. Что?

Белинской. Ты на меня сердит?

Владимир. Нет.

Белинской. О! я вижу, что ты сердит; но разве не она сама выбирала?

Владимир *(все не оборачиваясь)*. Разумеется.

Белинской. Время тебя вылечит.

Владимир. Не знаю. *(Голос его дрожит.)*

Белинской. Арбенин! Я вижу по всему: ты ужасно на меня сердит. Поверь, я тебя знаю очень хорошо; я проник все движенья твоего сердца и даже иногда скорее объясняю твои поступки, чем свои собственные.

Владимир. Ты знаешь меня? ты говоришь это? *(Со смехом.)* Если так, то Дмитрий Василич Белинской первейший глупец или первейший злодей в свете!

Белинской. Скорей первое, чем последнее!

Владимир. Поздравляю.

Белинской. Ну посуди сам: разве я не имел одинакового права с тобой на ее руку? Ты, братец, эгоист! верь мне; твоя печаль одно оскорбленное самолюбие!..

Владимир. Мне, верить? тебе?

Белинской. Разве я употребил во зло твою доверенность? разве я открыл какую-нибудь из твоих тайн? Загорскина прежде любила тебя, — положим; а теперь моя очередь. Зачем ты тогда на ней не женился!..

Владимир. Я советую оставить меня: не надейся на мое хладнокровие!.. Я хотел, готов был тебе отомстить, упиться твоей кровью, кровью... слышишь ли? — и я тебе прощаю и ни в чем не виню, только оставь меня. Я не могу отвечать на твои искренние ласки!.. *(Смеется дико.)* Теперь я свободен!.. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожит мною на земле... Слышишь? это ты сделал! Не пугайся, не раскаивайся, что за важность? я лишний! Ты искусный, осторожный, умный человек! заметил, что дружба меня изнежила, что надежда избаловала — и одним ударом отнял все! Белинской! кажется, у меня теперь ничего уж нет завидного!

Белинской. Ты не прощаешь мне: эта холодность, эта язвительная улыбка...

Владимир. О! ты слишком хорошо обо мне думал: с некоторых пор я тебе ничем не обязан... мои долги тебе заплочены, денежные и другие...

Белинской. Итак, ты у меня совершенно отнял свое сердце? Ужели мы снова не можем сойтись, если я докажу...

Владимир. На что?

Белинской. Я заклинаю тебя.

Владимир *(в сторону)*. Какая низость! И она может, и я мог его любить!..

Белинской. Именем ее прошу тебя.

Владимир. Полно, полно! разве можно что-нибудь еще у меня отнять?

Белинской *(сквозь зубы)*. Непреклонный! *(Ему.)* Послушай: прости мне; теперь переменить нельзя... но вперед, даю тебе честное слово...

Владимир. Довольно и одного раза!

Белинской. Одумайся! Со временем...

Владимир *(в сторону)*. Со временем, со временем! Всемогущий! как ты позволил ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца!

Белинской. И ты даже не хочешь выслушать опытного друга, который тебе желает добра!

Владимир *(вне себя)*. Боже!

Белинской. Так! я не должен тебя оставлять; это моя обязанность, и ты сам будешь после благодарен... преступление было бы не удержать безумца на краю пропасти. *(Берет его за руку.)* Пойдем к ней! Наташа смягчит твою горесть; ты мне сказывал, что взор ее может усмирять твою душевную бурю... Пойдем к ней!

Хочет его увлечь; Владимир неподвижен с минуту, потом вырывает буйно руку и бежит вон.

Остановись, остановись!.. *(Молчание.)* Он ушел! Я исполнил желание моей невесты, а судьба исполнила мое! Но почему я не мог дышать свободно в его присутствии? Ведь я прав, и все в этом согласны. Арбенин — ребенок, который, испугавшись розги, бросается в реку? Что за глупая ревность! Он ненавидит меня — и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей ума подавлено бессмысленной страстью! И как не уметь себе приказать?

Княжна Софья входит.

Княжна Софья. Где Арбенин?

Белинской. Ушел... не слышит и не видит; как бешеный бросился в дверь...

Княжна Софья. И вы его не удержали? И он все любит Наташу?

Белинской. Больше, чем когда-нибудь.

Княжна Софья (*побледнев, упадает в кресла*). Итак, все напрасно!..

Белинской. Что с вами? Человек! эй, спирту, воды!

Княжна Софья. Оставьте меня!

СЦЕНА XIII

12 мая.

(ЭПИЛОГ)

В доме графа N. Много гостей; вечер; подают чай.

1 Гость. Слышали ли вы, граф, новость? Завтра свадьба в вашем приходе. Любопытны ли посмотреть?

Граф. Свадьба? А чья, например?

1 Гость. Загорскина выходит замуж за Белинского.

1 Дама. Вы знаете жениха?

2 Гость. Знаю-с.

1 Дама. Он богат?

2 Гость. Имеет состояние, следовательно и долги!

1 Дама. Хорош собой?

2 Гость. Молодец. Только слишком занимается своим лицом.

1 Дама. Стало быть, занимается хорошим.

2 Дама. А невеста?

2 Гость. Недурна. Une figure piquante![1]

1 Дама (*к другой*). Ma chère! я слышала, она кокетка до невозможности.

2 Гость. Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3 Гость. Да! Бедный Арбенин! вы знаете: он сошел с ума!

Многие. Как сошел с ума? Молодой Арбенин? мы не слыхали!

3 Гость. Как же, от любви к Загорскиной! Мне рассказывали про жалкое состояние Арбенина. Ему все

---

[1] Пикантное лицо! (*франц.*)

кажется, что его куда-то тащат. Он прицепляется ко всему, как будто противится неизвестной силе; плачет и смеется в одно время; зарыдает — и вдруг захохочет. Иногда он узнает окружающих, всех, кроме отца; и все его ищет; иногда начинает укорять его в каком-то убийстве.

2 Гость. Я б желал знать, откуда у помешанных берутся подобные мысли?

1 Гость. Я слыхал, что он был величайший негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имеют дурных сыновей.

4 Гость. Да, Павел Григорич человек почтенный во всех отношениях.

3 Гость (*полунасмешливо*). Он хотел сына своего отдать в сумасшедший дом; но ему отсоветовали; и в самом деле, пожалуй приписали бы это к скупости!

2 Дама. И Загорскину не мучит совесть?

3 Гость. Про то знает ее духовник.

1 Гость. Неужели нельзя вылечить Арбенина? Может быть, тут есть какие-нибудь физические причины. Странно! с ума сойти от любви?

3 Гость. Если это странно вам, то я желал бы, чтоб одна из этих дам взяла на себя труд доказать вам противное!

1 Гость. Но я говорю про Арбенина; он, который часто в обществе казался так весел, так беззаботен, как будто сердце его было — мыльный пузырь!..

3 Гость. Вы, конечно, не ученик Лафатера? Впрочем, если он и показывался иногда веселым, то это была только личина. Как видно из его бумаг и поступков, он имел характер пылкий, душу беспокойную, и какая-то глубокая печаль от самого детства его терзала. Бог знает, отчего она произошла! Его сердце созрело прежде ума; он узнал дурную сторону света, когда еще не мог остеречься от его нападений, ни равнодушно переносить их. Его насмешки не дышали веселостию; в них видна была горькая досада против всего человечества! Правда, были минуты, когда он предавался всей доброте своей. Обида, малейшая, приводила его в бешенство, особливо когда трогала самолюбие. У него нашли множество тетрадей, где отпеча-

талось все его сердце; там стихи и проза, есть глубокие мысли и огненные чувства! Я уверен, что если б страсти не разрушили его так скоро, то он мог бы сделаться одним из лучших наших писателей. В его опытах виден гений!

2 Дама. По мне, так сумасшедшие очень счастливы: ни об чем не заботятся, не думают, не грустят, ничего не желают, не боятся.

3 Гость. А почему вы это знаете? они только не могут помнить и пересказывать своих чувств: от этого их муки еще ужаснее. У них душа не лишается природных способностей, но органы, которые выражали ощущения души, ослабевают, приходят в расстройство от слишком сильного напряжения. В их голове всегдашний хаос; одна только полусветлая мысль неподвижна, вокруг нее вертятся все другие в совершенном беспорядке. Это происходит от мгновенного потрясения всех нерв, всего физического состава, которое, верно, нелегко для человека. Разве бледные щеки, впалые, мутные глаза — признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите, краски сольются перед глазами вашими: так точно люди, которые слишком близко взглянули на жизнь, ничего более не могут в ней разобрать, а если они еще сохраняют в себе что-нибудь от сей жизни, то это одна смутная память о прошедшем. Чувство настоящего и надежда для них не существуют. Такое состояние люди называют *сумасшествием* — и смеются над его жертвами!

Между тем многие разошлись.

2 Гость *(другому)*. А я зеваю!

4 Гость *(тихо)*. К чему это ораторство? Познания свои, что ли, он хочет показать?

5 Гость *(Он молодой человек лет 19. Подходит к 3-му гостю)*. Сделайте милость, нельзя ли вам достать мне что-нибудь из сочинений Арбенина?

3 Гость. С удовольствием, если можно будет.

Входит слуга и подает билет графу, который кончил играть.

Слуга. От Павла Григорича Арбенина! *(Уходит.)*

Все в изумлении.

Многие (*меж собой*). Что это значит?..

3 Гость. С черною каймой... приглашение на похороны.

Граф. А вот увидим! (*Надевает очки и читает вслух.*)

«Павел Григорьевич Арбенин с душевным прискорбием извещает о кончине сына своего Владимира Павловича Арбенина, последовавшей сего мая 11-го дня пополудни, покорнейше просит пожаловать на вынос тела в собственный дом, мая 13-го дня, пополуночи в 10 часу, отпевание в приходской церкви... etc.».

3 Гость (*про себя*). Каково! похороны в один день с свадьбой Загорскиной.

Некоторые. Боже мой! какая жалость!

2 Дама. Бедный отец!

5 Гость. Бедный молодой человек! он мог бы еще вылечиться!

3 Дама (*к 3-му гостю*). Не правда ли, какая жалость?

3 Гость (*в сторону*). Теперь жалеют! К погибшим люди справедливы! Но что в этом сожаленье? Одна слеза дружбы стоит всех восклицаний толпы! Но такая слеза едва ли упадет на могилу Арбенина; он оставил угрызения совести в сердцах, где поселить желал любовь!

Одна старуха. Вот, чай, пышные будут похороны: ведь единственный сын!

3 Гость (*одному из гостей*). Мне кажется, что старухи любят говорить о погребениях для того только, чтобы приучиться к мысли: «Скоро и нас потащут в тесную могилу!»

1 Гость. Забудем мертвых: бог с ними!

3 Гость. Если все так станут думать, то горе великим людям!

1 Гость. Я надеюсь, ваш Арбенин не великий человек... он был... *Странный человек*; вот и все!

3 Гость пожимает плечами и отходит прочь.

Конец.

ДВА БРАТА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дмитрий Петрович в креслах; Юрий возле него на стуле, Александр в стороне стоит у стола и перебирает бумаги.

Дмитрий Петрович. Я думал, Юрий, что тебя совсем ко мне не отпустят. Признаюсь, умереть, не видавши тебя, было бы грустно — я стар, слаб — много жил, иногда слишком весело, иногда слишком печально... и теперь чувствую, что скоро бог призовет меня к себе — даже нынче, когда мне объявили о твоем приезде, то старость напомнила о себе... Не знаю, как перенес я эту последнюю радость.

Юрий. Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не так слабы, как говорите.

Дмитрий Петрович. А что мудреного?.. Александр, скажи-ка, уж не в самом ли деле я помолодел с тех пор, как он приехал.

Александр. Точно — вы никогда со мною не были так веселы, как теперь с братом.

Дмитрий Петрович. Не пеняй, брат, не пеняй — ведь я с тобой всегда, а его сколько лет не видал. *(Целует его.)* Ты, Юрий, точно портрет твоей покойной матери.

Александр. Да вот уж четыре года как брат не был дома... И сам он много переменился, и здесь в Москве всё, кроме нас, переменилось... я думаю, он не узнает княгиню Веру.

Юрий. Какая княгиня?..

Дмитрий Петрович. Разве не знаешь!.. Веринька Загорскина вышла за князя Лиговского! Твоя прежняя московская страсть.

Юрий. А! так она вышла замуж, и за князя?

Дмитрий Петрович. Как же, три тысячи душ и человек пречестный, предобрый, они у нас нанимают бельэтаж, и сегодня я их звал обедать.

Юрий. Князь! и три тысячи душ! А есть ли у него своя в придачу?

Дмитрий Петрович. Он человек пречестный и жену обожает, старается ей угодить во всем, только пожелай она чего, на другой же день явится у ней на столе... Все ее родные говорят, что она счастлива как нельзя более.

Александр. Батюшка, что прикажете делать с этими бумагами?

Дмитрий Петрович. После — до бумаг ли мне теперь.

Юрий. Признаюсь... я думал прежде, что сердце ее не продажно... теперь вижу, что оно стоило несколько сот тысяч дохода.

Дмитрий Петрович. Ох, вы, молодые люди! а ведь сам чувствуешь, что она поступила бы безрассудно, если б надеялась на ребяческую твою склонность.

Юрий. А! она сделалась рассудительна.

Александр *(в некотором волнении)*. Батюшка! поверенный ждет... нужно.

Дмитрий Петрович. А теперь, когда она вышла замуж... твое самолюбие тронуто, тебе досадно, что она счастлива, — это дурно.

Юрий. Она не может быть счастлива.

Александр *(прерывая)*. Батюшка... позвольте... очень нужное дело; *(в сторону)* неужели этот разговор никогда не кончится!

Дмитрий Петрович. Я сказал тебе, что после... ты вечно с делами, ведь видишь, что я говорю сюрьезно. Нет, Юрий, это не хорошо... впрочем, ты сам увидишь, как она любит мужа.

Юрий. Не может быть.

Дмитрий Петрович. Все ее родные говорят, и она сама.

Юрий. А я говорю вам, батюшка, что я понаслышке уж имею понятие о том, что такое князь... Она любить его не может.

Александр. Она его любит — страстно.

Дмитрий Петрович. Ну, братец, ты об этом судить не можешь. *(Юрию.)* Он так холоден, так рассудителен, что, право, я часто желал бы лучше, чтоб он был вспыльчив и ветрен... Вот уж можно держать пари, что никогда не влюбится... и не наделает глупостей.

Александр. Я осторожен, батюшка, берегу других и себя.

Дмитрий Петрович. У него всегда готово оправдание — а тебе, Юрий, я должен дать совет и прошу тебя иметь на этот раз хоть ко мне полную доверенность. Я стар, опытен и понимаю молодость. Я с целию завел этот разговор, выслушай: она теперь счастлива, я в этом уверен, но она молода, она тебя любила прежде, и во всяком случае ваша встреча произведет в ней некоторое волнение; если ты не покажешь никакого желания возвратиться к прежнему, если ты будешь обращаться с нею, как с женщиной, которую бы ты встретил два раза на бале... то, поверь, в скором времени вы оба привыкнете к мысли, что между вами не должно уже быть ничего общего; но слушай, Юрий, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить их супружеское счастие: это удовольствие низкое, оно отзывается чем-то похожим на зависть... большая слава обольстить бедную слабую женщину. Обещай мне вести себя благоразумно.

Юрий. Я обещаю не делать первого шага.

Дмитрий Петрович. Юрий!

Юрий. Я не обещаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрий Петрович. Я прошу тебя!.. ты знаешь, как я дружен с ее семейством.

Слуга *(входит)*. Князь Лиговский с княгинею.

Александр *(в сторону)*. Решительная минута.

Юрий. Батюшка, вы будете мною довольны.

Входят княгиня и князь. Княгиня и Юрий медленно раскланялись, наблюдая друг друга.

Князь. Дмитрий Петрович! честь имею вас поздравить с приездом Юрия Дмитрича — я думаю, вы очень рады.

Дмитрий Петрович. Благодарю вас, князь, от всей души... когда вы будете отцом, тогда и сами вполне меня поймете.

Князь *(с улыбкою)*. Я надеюсь, что это будет скоро.

Вера отворачивается, потом

Вера. Monsieur Радин! рекомендую вам моего мужа — прошу его полюбить.

Юрий. Я буду стараться, княгиня.

Князь. А я надеюсь, что мы сойдемся; я, как говорят военные, в полном смысле добрый малый.

Юрий. Увидав вас, князь, я это тотчас угадал. *(В сторону.)* Ее хладнокровие меня бесит.

Дмитрий Петрович. Княгиня, милости просим, князь.

Садятся.

Вера. Как вы находите, monsieur Радин, я постарела?

Юрий. В счастии не стареются, княгиня, — вы не постарели нисколько, хотя переменились.

Дмитрий Петрович. Довольны ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь. Очень, прекрасные комнаты, только довольно странное расположение, столько дверей, закоулков и лестниц в задней половине, что я в первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переехал и теперь все занимаюсь уборкой комнат.

Вера. Ах, вообразите, как мой Пьер мил!.. Сегодня я просыпаюсь и вдруг вижу у себя на туалете целую модную лавку... что ж вышло: это все он мне подарил на новоселье.

Юрий. Княгиня! это показывает, как дорого князь ценит вашу любовь.

Князь. О, помилуйте! мне так приятно ее тешить... за каждую ее ласку я готов дать десять тысяч.

Александр *(в сторону)*. За такую ласку я уж отдал спокойствие — теперь отдам жизнь.

Князь. Что вы так задумчивы, Александр Дмитриевич, — вчера у нас вы были гораздо веселее.

Вера. Он всегда печален, когда другие веселы.

Александр. Если вам угодно, я буду весел...

Вера. Пожалуйста — это любопытно посмотреть.

Александр. Что ж, извольте: не рассказать ли, как толстая жена откупщика потеряла башмак в собрании, это очень смешно, но вы так добры, что вам будет жалко. Рассказать, как князь Иван битых три часа толковал мне об устройстве новой водяной мельницы и сам махал руками наподобие ветряной; вы сами видели эту картину и не смеялись; повторить, что рассказывает он про своего дядю, как тот на двадцатом году от роду получил пощечину, семьдесят два года все искал своего неприятеля, на девяносто втором нашел, замахнулся... и от натуги умер — это смешно, только когда он сам рассказывает; наконец, говорить мне свои глупости — вы к ним уж слишком привыкли, и они мне самому надоели больше, чем кому-нибудь.

Вера. Вы сегодня расположены к злости.

Александр. Право! Ну так оправдаю вашу догадку и расскажу, как наша соседка плакала, когда дочь отказала жениху с миллионом, потому что он только раз в неделю бреет бороду.

Юрий. Вот уж это было бы вовсе не смешно — и я бы на ее месте слег в постелю... миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени — господин миллион — тут все.

Дмитрий Петрович. Полно, Юрий, это слишком по-петербургски

Юрий. Батюшка! везде так думают — и в Петербурге так говорят, но поверьте мне, женщина, отказавшая миллиону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей в миллионе! наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извинение всех слабостей, недостатков, уважение, любовь, дружба... вы скажете: это будет все один обман; но и без того мы вечно обмануты, так лучше быть обмануту с миллионом.

Дмитрий Петрович. Я не полагаю, чтоб многие так думали.

Юрий. Я знаю людей, которые поступают по этим правилам.

Вера *(в сторону)*. Он меня мучит. *(Громко.)* Пьер, ты хотел показать Дмитрию Петровичу, как убраны наши комнаты, и об чем-то с ним переговорить.

Князь. Ах, точно — я имею до вас маленькую просьбу — насчет условия.

Дмитрий Петрович. К вашим услугам, князь.

Уходят. Александр приближается к Вере и Юрий, с минуту молчание.

Юрий *(насмешливо)*. Да, княгиня, миллион вещь ужасная.

Уходит. Она погружена в задумчивость.

Александр *(берет ее за руку)*. Вера — твой муж... все ушли, мы одни, вот уж сутки, как я жду этой минуты, я видел по твоему лицу, что ты хочешь мне что-то сказать — о, я читаю в глазах твоих, Вера, (*она отворачивается*) ты отворачиваешься; конечно, у тебя на душе какая-нибудь новая, мучительная тайна, — скорей, скорей, влей ее в мою душу... Там много ей подобных, и она с ними уживется. Какое-нибудь сомнение? что ж? ты знаешь, как искусно я умею разрешать все сомнения.

Вера. О! я помню.

Александр. Ты помнишь, сколько мне стоило

труда уничтожить твой единственный предрассудок, и как потом ты мне была благодарна — потому что я люблю тебя, Вера, люблю больше, <чем> ты можешь вообразить, люблю как человека, который в первый раз любим и счастлив.

Вера. Да, я слишком все это хорошо помню.

Александр. Что это? упрек! раскаянье?.. и отчего же именно теперь, после двух лет!.. о! я не хочу угадывать, нет, это минута неудовольствия, ты чем-нибудь огорчена... и зная, как я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... хорошо, Вера, хорошо, продолжай — это тебя успокоит — я с радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательством твоей любви.

Вера (*оборачивается*). Я имею до вас одну просьбу!..

Александр (*отступает шаг назад*). Просьбу! вы?.. а! это уж еще что-то новое... это холодное вы, после стольких клятв и уверений, после стольких доказательств искренней нежности... похоже на проклятие. Посмотрим, сударыня... прикажите... вы знаете, что моя жизнь принадлежит вам, зачем же тут слово: просьба? Нет жертвы, которой бы я не принес вашей минутной прихоти.

Вера. О, я не требую никакой жертвы!..

Александр. Тем хуже, Вера, — большою жертвой я бы мог доказать тебе свою любовь...

Вера (*в сторону*). Любовь — это несносно.

Александр. Вижу, я начинаю докучать тебе — не мудрено. Я глупец! зачем не употреблял я хитрости, чтоб удержать твое сердце, когда хитростью приобрел его!.. но что делать? я желал хоть один раз попробовать любви искренней, открытой...

Молчание.

Говорите, что вам угодно.

Вера. Я хотела вас просить, чтоб вы — сказали вашему брату!

Александр. Брату?

Вера (*скоро*). Да, скажите ему, что он меня чрезвычайно обидел, намекая на богатство мужа

моего, — вы сами знаете, оттого ли я за него вышла... это было безумие, ошибка... скажите ему, просите его, чтоб он, ради прежней нашей дружбы, не огорчал меня более... если это для вас не жертва, то прошу вас сказать ему...

Молчание.

Александр. Хорошо, Вера, я скажу... но это, вопреки тебе, будет служить доказательством моей нежности, более всего на свете.

Вера *(протягивая руку)*. О мой друг, как я тебе благодарна.

Александр. Нет, ради бога лучше не благодари. *(Уходит, в сторону.)* Конечно, я ничего ему не скажу!..

Вера *(одна)*. С нынешнего дня я чувствую, что я погибла!.. я не владею собою, какой-то злой дух располагает моими поступками, моими словами.

Князь *(высунувшись из двери)*. Веринька, Веринька! venez ici [1] — посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича — завтра же куплю тебе такой же точно.

Вера *(как бы проснувшись, встает)*. О боже! и всю жизнь слышать этот голос!..

Конец 1 акта

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В комнатах князя Лиговского. Князь и Вера.

Князь. Вера! посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар.

Вера. Очень мило — но тут есть новые камни.

Князь. Это любезность бриллиантщика.

Вера. А! понимаю... ты не хочешь моей благодарности... ты с каждым днем делаешься милее...

---

[1] иди сюда (*франц.*).

Князь. Я рад, что угодил тебе.

Вера *(в сторону)*. Угодил! — право, другой подумает, что он мой управитель.

Князь. Мне очень понравился второй сын Дмитрия Петровича, — не знаю, как тебе.

Вера. Я его давно знаю.

Князь. Он веселого нрава.

Вера. Слишком веселого.

Князь. Признаюсь, я сам таков и люблю посмеяться, и, право, ты, наконец, надоешь мне своей задумчивостью—ведь Юрий Дмитрич недурен. Мне выражение лица его очень нравится.

Вера. Какая-то насмешливая улыбка — я боюсь говорить с ним.

Князь. Какое предубеждение — напротив, у него в улыбке-то именно есть что-то доброе, простое... я его раз видел, а уж полюбил... а ты?

Слуга *(входит)*. Юрий Дмитрич Радин.

Юрий *(входит)*. Князь, я почел обязанностию засвидетельствовать вам мое почтение...

Князь. Мы с женой постараемся превратить эту обязанность в удовольствие! прошу садиться — а вы легки на помине — мы с женой сейчас лишь об вас говорили... и я ее выведу на свежую воду. Вообразите, она утверждает, что у вас в лице есть что-то ядовитое, злое...

Юрий. Может быть, княгиня права. Несчастие делает злым.

Князь. Ха! ха! ха! Каким у вас быть несчастиям— вы так молоды.

Юрий. Князь! вы удивляетесь, потому что слишком счастливы сами.

Князь. Слишком! о да, это в самом деле колкость — я начинаю верить жене.

Юрий. Верьте, прошу вас верьте — княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вера *(быстро прерывает его)*. Скажите — вы прямо к нам или были уж где-нибудь.

Юрий. Я сегодня сделал несколько визитов... и один очень интересный.. я был так взволнован, что сердце и теперь у меня еще бьется, как молоток.

В е р а. Взволнованы?..

Князь. Верно, встреча с персоной, которую в старину обожали, — это вечная история военной молодежи, приезжающей в отпуск.

Юрий. Вы правы — я видел девушку, в которую был прежде влюблен до безумия.

В е р а *(рассеянно)*. А теперь?

Юрий. Извините, это моя тайна, остальное, если угодно, расскажу...

Князь. Пожалуйста — писаных романов я не терплю, а до настоящих страстный охотник.

Юрий. Я очень рад. Мне хочется также при комнибудь облегчить душу. Вот видите, княгиня. Года три с половиною тому назад я был очень коротко знаком с одним семейством, жившим в Москве; лучше сказать, я был принят в нем как родной. Девушка, о которой хочу говорить, принадлежит к этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ее не описываю, потому что в этом случае описание сделалось бы портретом; имя же ее для меня трудно произнесть.

Князь. Верно, очень романтическое?

Юрий. Не знаю — но от нее осталось мне одно только имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву; оно моя собственность. Я его храню как образ благословения матери, как татарин хранит талисман с могилы пророка.

В е р а. Вы очень красноречивы.

Юрий. Тем лучше. Но слушайте: с самого начала нашего знакомства я не чувствовал к ней ничего особенного, кроме дружбы... говорить с ней, сделать ей удовольствие было мне приятно — и только. Ее характер мне нравился: в нем видел я какую-то пылкость, твердость и благородство, редко заметные в наших женщинах, одним словом, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее — частые встречи, частые прогулки, невольно яркий взгляд, случайное пожатие руки — много ли надо, чтоб разбудить таившуюся искру?.. Во мне она вспыхнула; я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею; вокруг нее был какой-то волшебный очерк; вступив за его границу,

я уже не принадлежал себе; она вырвала у меня признание, она разогрела во мне любовь, я предался ей как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв, когда я держал ее в своих объятиях и сыпал поцелуи на ее огненное плечо; но сама клялась любить меня вечно — мы расстались — она была без чувств, все приписывали то припадку болезни — я один знал причину — я уехал с твердым намерением возвратиться скоро. Она была моя — я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года, я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновенье. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убийственную для них — ни одна меня не привязала — и вот, наконец, я вернулся на родину.

Князь. Завязка романа очень обыкновенна.

Юрий. Для вас, князь, и развязка покажется обыкновенна... я ее нашел замужем, я проглотил свое бешенство из гордости... но один бог видел, что происходило здесь.

Князь. Что ж? Нельзя было ей ждать вас вечно.

Юрий. Я ничего не требовал — обещания ее были произвольны.

Князь. Ветреность, молодость, неопытность — ее надо простить.

Юрий. Князь, я не думал обвинять ее... но мне больно.

Княгиня *(дрожащим голосом)*. Извините — но, может быть, она нашла человека еще достойнее вас.

Юрий. Он стар и глуп.

Князь. Ну так очень богат и знатен.

Юрий. Да.

Князь. Помилуйте — да это нынче главное! ее поступок совершенно в духе века.

Юрий *(подумав)*. С этим не спорю.

Князь. На вашем месте я бы теперь за ней поволочился — если ее муж таков, как вы говорите, то, вероятно, она вас еще любит.

Вера *(быстро)*. Не может быть.

Юрий (*пристально взглянув на нее*). Извините, княгиня, теперь я уверен, что она меня еще любит. (*Хочет идти.*)

Князь. Куда вы?

Юрий. Куда-нибудь.

Князь. Поедемте вместе на Кузнецкий. (*Два слова на ухо.*)

Юрий. Извольте, куда хотите. (*Выходят.*)

Князь. Прощай, Веринька. (*Идет и в дверях встречает Александра.*) Извините, Александр Дмитрич, — а вот жена целое утро дома. (*Уходит.*)

Александр входит медленно, смотрит то на них, то на Веру. Вера, опрокинув голову на спинку стула, закрыла лицо руками.

Александр (*про себя*). Он был здесь, она в отчаянье — (*глухо*) я погиб.

Вера (*открыв глаза*). А! опять передо мною.

Александр. Опять и всегда, как жертва, на которую ты можешь излить свою досаду, как друг, которому ты можешь вверить печаль, как раб, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вера. О, поди, оставь меня.. ты живой упрек, живое раскаянье — я хотела молиться — теперь не могу молиться.

Александр. Если б я умел молиться, Вера, то призвал бы на твою голову благодать бога вечного — но ты знаешь! я умею только любить.

Вера. Я ничего не знаю... уйди, ради неба уйди.

Александр. Ты меня не любишь.

Вера. Я тебя ненавижу.

Александр. Хорошо! это немножко легче равнодушия — за что же меня ненавидеть.. за что?.. Говори, за что!..

Вера. О, ты нынче недогадлив... ты не понимаешь, что после проступка может оставаться в сердце женщины искра добродетели; ты не понимаешь, как ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не сметь об этом думать, не сметь дать себе этого имени...

Александр. Да, понимаю! Несносно для самолюбия.

Вера. Если б не ты, не твое адское искусство, если б не твои ядовитые речи... я бы могла еще требовать уважения мужа и по крайней мере смело смотреть ему в глаза...

Александр. И смело любить другого...

Вера *(испугавшись)*. Нет, неправда, неправда, такая мысль не приходила мне в голову.

Александр. К чему запираться? — я не муж твой, Вера, не имею никаких прав с тех пор, как потерял любовь твою... и что ж мне удивляться!.. я третий, которому ты изменяешь, — со временем будет и двадцатый! Если ты почитаешь себя преступной, то преступления твои не любовь ко мне — а замужество; союз неровный, противный законам природы и нравственности... Признайся же мне, Вера: ты снова любишь моего брата?..

Вера. Нет, нет.

Александр. Если хочешь, то я уступлю тебя брату, стану издали, украдкой смотреть на ваши свежие ласки... и стану думать про себя: так точно и я был счастлив... очень недавно...

Вера. Да ты мучитель... палач... и я должна терпеть!..

Александр. Я палач? — я, самый снисходительный из любовников?.. я, готовый быть твоим безмолвным поверенным — плати, только мне по одной ласковой улыбке в день?.. Многие плотят дороже, Вера!

Вера. О, лучше убей меня.

Александр. Дитя, разве я похож на убийцу!

Вера. Ты хуже!

Александр. Да!.. такова была моя участь со дня рождения... все читали на моем лице какие-то признаки дурных свойств, которых не было... но их предполагали — и они родились. Я был скромен, меня бранили за лукавство — я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло — никто меня не ласкал — все оскорбляли — я стал злопамятен. Я был угрюм — брат весел и открытен — я чувствовал себя выше его — меня ставили ниже — я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир — меня никто не лю-

бил — и я выучился ненавидеть... Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с судьбой и светом. Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубину сердца... они там и умерли; я стал честолюбив, служил долго... меня обходили; я пустился в большой свет, сделался искусен в науке жизни — а видел, как другие без искусства счастливы: в груди моей возникло отчаянье, — не то, которое лечат дулом пистолета, но то отчаянье, которому нет лекарства ни в здешней, ни в будущей жизни; наконец, я сделал последнее усилие, — я решился узнать хоть раз, что значит быть любимым... и для этого избрал тебя!..

Вера *(смотря на него пристально)*. О боже!.. И ты надо мной не сжалился.

Александр. Бог меня послал к тебе, как необходимое в жизни несчастие. Но для меня ты была ангелом-спасителем. Когда я увидал возможность обладать твоей любовью, то для меня не стало препятствий; всей силой неутомимой воли, всей силою отчаянья я уцепился за эту райскую мысль... Все средства были хороши, я, кажется, сделал бы самую неслыханную низость, чтоб достигнуть моей цели... но вспомни, вспомни, Вера, что я погибал... Нет, я не обманул, не обольстил тебя... нет, было написано в книге судьбы, что я не совсем еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вера! Никто на свете меня не разуверит — никто не вырвет у меня из души воспоминаний о моем единственном блаженстве! О, как оно было полно, восхитительно, необъятно... видишь, видишь слезы... не изобретено еще муки, которая бы вырвала такую каплю из глаз моих... а теперь плачу, как ребенок, плачу... когда вспомнил, что был один раз в жизни счастлив. *(Упадает на колени и хватает ее руки.)* О, позволь, позволь мне по крайней мере плакать.

Вера. Послушай, Александр, послушай... что же мне делать?.. мне жаль, но я не люблю тебя, не могу, не могу больше любить, — я всегда ошибалась — мы не созданы друг для друга... что же мне делать!..

Александр встает.

Послушай, забудь, оставь меня... или нет, я уеду, далеко, далеко... не обращай на меня внимания, — я не ангел, я слабая, безумная женщина... я тебя не понимаю... я тебя боюсь!.. презирай меня, если тебе от этого будет легче, но оставь, не мучь...

Александр. Хорошо, хорошо, Вера... я тебя оставлю — ты меня не увидишь... но я, моя мысль, мой взор, мой слух будут вечно с тобой, — когда ты будешь весела и довольна, то я об себе не напомню, но в минуты печали я буду тебе являться, и ты утешишься, видя, что есть на свете человек, который несчастнее тебя!..

Вера. Но зачем же, зачем... попробуй полюбить другую — я знаю много женщин, которым ты нравишься... а меня оставь жить как судьбе угодно!.. что может быть между нами общего — без любви... я тебя прощаю!.. прощаю от всего сердца.

Александр. Какое великодушие!..

Вера. Обещаюсь забыть все мучения, которым ты был причиной.

Александр. И ты думаешь обмануть меня! и ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю в глубине души твоей? меня обмануть? да знаешь ли, что это почти невозможно... ты выбрала минуту слабости — ты думала, что слезы помешают мне видеть всю тонкость твоего намерения! Я знаю, что ты хочешь избавиться от моего надзора, как от любви моей, чтоб на свободе отдать мое место другому — эта мысль еще не развилась в уме твоем, ты говоришь по какому-то невольному побуждению... но я вижу эту мысль во всей ее ужасной наготе... и этого не будет... нет, что хоть раз мне принадлежало, то не должно радовать другого... а этот другой — мой брат Юрий. Слышишь ли, я и это знаю.

Вера *(с гордостью)*. Такое подозрение слишком обидно... с сей минуты мы чужды друг другу. Прощайте, я вас не знаю — позволяю вам мстить всеми возможными, даже низкими средствами.

Александр. Как, неужели и ты, и ты не нашла в душе моей ничего благородного...

Вера. Не знаю.

Александр. О!..

Вера. Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру. *(Упадает на кресла.)*

Александр. Я иду... Только он никогда не будет твоим — никогда... *(Подойдя к двери, оборачивается.)* Слышишь ли, никогда.

Конец 2 акта

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дмитрий Петрович входит. Александр его ведет под руку и сажает.

Александр. Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмитрий Петрович. Старость, брат, старость — пора убираться... да ты что-то мне хотел сказать.

Александр. Да, точно... есть одно дело, об котором я непременно должен с вами поговорить.

Дмитрий Петрович. Это, верно, насчет процентов в Опекунский Совет... да не знаю, есть ли у меня деньги...

Александр. В этом случае деньги не помогут, батюшка.

Дмитрий Петрович. Что же такое...

Александр. Это касается брата...

Дмитрий Петрович. Что?.. что такое с Юринькой случилось?

Александр. Не пугайтесь, он здоров и весел.

Дмитрий Петрович. Не проигрался ли он?

Александр. О нет!

Дмитрий Петрович. Послушай... если ты мне скажешь про него что-нибудь дурное, так объявляю заране... я не поверю... я знаю, ты его не любишь!

Александр. Итак, я ничего не могу сказать... а вы одни могли бы удержать его.

Дмитрий Петрович. Ты во всех предполагаешь дурное.

Александр. Я молчу, батюшка.

Дмитрий Петрович. Видно, я правду говорю, коли ты не смеешь и защищаться!..

Александр. Я чувствую, что человеку не дано силы противиться судьбе своей!

Дмитрий Петрович. Ты меня выведешь из терпения... ну, скажи, что ли, скорее, что ты еще открыл, — в чем предостерегать!..

Александр. Юрий влюблен в княгиню Веру.

Дмитрий Петрович. Да, я сам подозреваю, что он не совсем ее забыл... а она?

Александр. Она — его любит страстно — о, я это знаю... я имею доказательства... я вам клянусь честью... спасите хоть ее. Еще два, три дни... и она не будет в силах ни в чем противиться... вы до этого не допустите брата.

Дмитрий Петрович. Да, да,— это нехорошо... но Юрий не захочет, не решится.

Александр. А минута страсти, самозабвения?.. одна минута?

Дмитрий Петрович. Это нехорошо... ты прав... благодарю, что сказал... да что же делать? поговорить разве Юрию...

Александр. О, это хуже всего... он уже слишком далеко зашел... надо, чтоб князь уехал... потом брату кончится отпуск... и они никогда, по крайней мере долго не увидятся...

Дмитрий Петрович. Бедная женщина!..

Александр. О, если б вы видели, как она страдает в борьбе с собою... но я ее знаю... еще несколько дней... и она погибнет!..

Дмитрий Петрович. Я хвалю тебя Александр!.. ты всегда был строгих правил, хотя не очень чувствителен... но как же быть?

Александр. Предупредить князя! — сказать ему просто!..

Дмитрий Петрович. Рассорить его с женой?..

Александр. Он благоразумный и добрый человек... скажите ему только, что Юрий влюблен в кня-

гиню... это ваш долг, долг отца и честного человека... объясните ему, что вы нимало не подозреваете его жены... но что, живя в одном доме, ее репютация может пострадать — брат может проболтаться, похвастаться двусмысленным образом — из самолюбия... мало ли!.. одним словом, князь должен уехать...

Слуга *(входит)*. Князь Лиговский.

Дмитрий Петрович. Надо подумать... как же так опрометчиво поступать — надо бы подумать.

Александр. Минуты дороги... Вы видите, сама судьба его вам посылает.

Входит князь.

Князь. А я сейчас с Кузнецкого моста, покупал всё жене наряды к празднику... столько хлопот, что ужасть... Вот эти молодые люди не знают, что такое жениться.

Дмитрий Петрович. Приятно со стороны смотреть, как вы любите вашу супругу, князь.

Князь. Я жену очень люблю — однако, видите, я со всем тем муж благоразумный, — хочу, чтоб меня слушались, и в случае нужды имею твердость — о, я очень тверд! Как вы нынче в своем здоровье?

Дмитрий Петрович. Благодарю... я нынче что-то слаб... и к тому же расстроен... ох, дети, дети!

Князь. Расстроены... помилуйте, вы, кажется, так счастливы детьми.

Дмитрий Петрович. Это правда... но иногда и самые лучшие дети делают глупости.

Князь. Да помилуйте!.. вы несправедливы. Какие же глупости... но извините, это слишком нескромно...

Дмитрий Петрович. Ничего, князь, напротив... это дело даже больше касается до вас, нежели до меня.

Александр делает знак отцу и уходит.

Князь. До меня?..

Дмитрий Петрович. Мой долг повелевает мне сказать... но я не знаю, как решиться.

Князь. Разве это что-нибудь...

Дмитрий Петрович. Вот видите, я не знаю, как вы примете.

Князь. Да разве?..

Дмитрий Петрович. Успокойтесь — это еще не опасно.

Князь. Слава богу... так еще не опасно — уф!..

Дмитрий Петрович. Мой сын Юрий...

Князь. Юрий Дмитрич? он со мной никаких не имел сношений!..

Дмитрий Петрович. Я не говорю, чтоб он имел сношение с вами — или с кем-нибудь из вашего дома — но ваша жена... еще до замужества... ее красота, любезность!..

Князь. Вот видите, Дмитрий Петрович... я этих достоинств еще сам в ней хорошенько не рассмотрел... не потому говорю так, что она моя жена, — но ведь я не поэт! о, вовсе не поэт!.. Я женился потому, что надо было жениться, — женился на ней потому, что она показалась мне доброго и тихого нрава, люблю ее потому, что надобно любить жену, чтоб быть счастливу!.. я вас прервал, пожалуйста, продолжайте!

Дмитрий Петрович. Это не так легко, князь.

Князь. Прошу вас, для меня себя не принуждайте.

Дмитрий Петрович. Одним словом, мой сын Юрий был влюблен в вашу супругу до ее замужества и, кажется, был несколько ей приятен.

Князь. О, я уверен, что теперь эта страсть прошла.

Дмитрий Петрович. К сожалению, не прошла! со стороны моего сына.

Князь. Тем хуже для него.

Дмитрий Петрович. Я боялся, чтоб это и вам было неприятно! — по долгу честного человека решился вас предупредить, на всякий случай...

Князь. Лишь бы жена была мне верна — больше я и знать не хочу!

Дмитрий Петрович. Я не сомневаюсь в добродетели княгини.

Князь. И я также.

Дмитрий Петрович *(со вздохом)*. Вы очень счастливы...

Князь. Не спорю-с. *(Вдруг, как бы вспомнив что-то, хватает себя за голову и вскакивает.)* О, я дурак, о, я пошлая дурачина... о, глупая ослиная голова!.. вы правы — а я дубина!.. теперь вспомнил... о, пошлая недогадливость!.. теперь понимаю.. понимаю... этот анекдот!.. все было на мой счет сказано... а я, сумасшедший, — ему же советую волочиться за моей женой — а ее смущение... ведь надо было мне жениться — в сорок два года!.. с моим добрым, простосердечным нравом — жениться!...

Дмитрий Петрович. Успокойтесь — прошу вас, все еще поправить можно.

Князь. Нет, никогда не успокоюсь. *(Садится.)*

Дмитрий Петрович. Я вам это сказал по долгу честного человека... и потому, что знаю сына: он легко может наделать глупостей — и невинным образом в свете компрометировать княгиню, — притом она молода — может завлечься невольно... скажут, что, живя в одном доме...

Князь. Вы правы — посудите теперь! ну не несчастнейший ли я человек в мире.

Дмитрий Петрович. Утешьтесь... я очень понимаю ваше положение — но что же делать.

Князь. Что делать? вот видите, я человек решительный — завтра же уеду из Москвы в деревню — нынче же велю все готовить.

Дмитрий Петрович. Это самое лучшее средство — самое верное — тихо, без шуму...

Князь. Да, тихо, без шуму!.. уехать из Москвы, зимой, накануне праздников — вот женщины! о женщины!.. Прощайте, Дмитрий Петрович, прощайте — о, вы увидите, что я человек решительный.

Дмитрий Петрович. Не взыщите, я говорил от сердца, князь, по-стариковски, — притом я всегда был строгих правил... *(Хочет встать.)*

Князь. Не беспокойтесь — вы истинный мой друг, прощайте... о, я человек решительный!.. *(Уходит.)*

Дмитрий Петрович. Ну слава богу, с плеч долой — все уладил — ох, дети, дети...

Юрий входит и хохочет во все горло.

Юрий. Вообразите, ха-ха-ха-ха... нет, я век этого не забуду... Князь, ха! ха! ха! я подаю ему руку и говорю здравствуйте, князь... что нового... а он — ха! ха! ха! — скорчил кошачью мину и руку положил в карман: ничего-с — к несчастию, все старое... потом шаг назад и стал в позицию... я скорей бежать, чтоб не фыркнуть ему в глаза... не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрий Петрович. А ты хочешь волочиться за женой и чтоб муж тебе в ноги кланялся! кабы в наше время, так ему бы надо тебя не так еще проучить.

Юрий *(серьезно)*. Я волочусь за его женой? Кто ему это сказал?

Дмитрий Петрович. Ну, ведь признайся: ты в нее влюблен?..

Юрий. Он о прежнем ничего не знает и слишком глуп, чтоб теперь догадаться.

Дмитрий Петрович. Долг всякого честного человека был ему сказать!

Юрий. А позвольте: кто ж этот чересчур честный человек?

Дмитрий Петрович. А если б даже я.

Юрий. Вы, батюшка?

Дмитрий Петрович. Да, я не терплю безнравственности, беспутства... в мои лета трудно смотреть на такие вещи и молчать... хороший отец должен удерживать сына от бесчестных поступков — а если сын его не слушает, то мешать ему всеми средствами...

Юрий. А, так вы ему сказали.

Дмитрий Петрович. Да, не прогневайся — и князь завтра же увозит жену в деревню.

Юрий. О! это нестерпимо!

Дмитрий Петрович. Вздор, вздор!.. что такое за упрямство, будто нет других женщин.

Юрий. Для меня нет других женщин... я хочу, хочу... да знаете ли, батюшка, что это ужасно... кто вам внушил эту адскую мысль!

Дмитрий Петрович. Кто внушил!.. и ты смеешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любит больше жизни, тобою только и дышит — вот благодарность! разве я так уж стар, так глуп, что не

вижу сам, что дурно, что хорошо!.. нет, никогда не допущу тебя сделать дурное дело, — опомнишься, сам будешь благодарен и попросишь прощения.

Юрий. Никогда!.. прощения!.. мне еще вас благодарить — за что? Вы мне дали жизнь — и теперь ее отняли — на что мне жизнь?.. я не могу жить без нее... Нет, я вам никогда не извиню этого поступка.

Дмитрий Петрович. Юрий, Юрий, подумай, что ты говоришь.

Юрий. Я не уступлю — борьба начинается — я рад, очень рад! посмотрим — все против меня — и я против всех!

Дмитрий Петрович. Сжалься, Юрий, над стариком — ты меня убиваешь.

Юрий. А вы надо мною сжалились — вы пошутили — милая шутка.

Дмитрий Петрович. О, ради бога перестань!

Юрий. Князь завтра едет, а нынче Вера моя. *(Идет к столу.)*

Дмитрий Петрович. Александр! Александр! он убил меня — мне дурно!

Александр вбегает, подымает и ведет его под руку.

Он злодей — он убил меня!..

Юрий *(один)*. Нынче она будет моя — нынче или никогда... они хотят у меня ее вырвать — разве я даром три года думал об ней день и ночь — три года сожалений, надежд, недоспанных ночей, три года мучительных часов тоски глубокой, неизлечимой — и после этого я ее отдам без спору, и в ту самую минуту, когда я на краю блаженства — да как же это возможно! *(Пишет записку и складывает.)* Кажется, так оно удастся. *(Отворяет дверь и кличет.)* Ванюшка!

Входит молодой лакей в военной ливрее.

Послушай! от твоего искусства теперь зависит жизнь моя...

Ванюшка. Вы знаете, сударь, что я вам всеми силами рад служить.

Юрий. Когда ты сделаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Если же нет — ты погиб!

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Видишь эту записку — через час, никак не позже она должна быть в руках у княгини Лиговской.

Александр показывается в другой двери.

Ванюшка. Помилуйте, сударь, да это самое пустое дело — я познакомился уж с ее горничною, а у нас в пустой половине такие закоулки, что можно везде пройти днем так же безопасно, как ночью...

Юрий. Я на тебя надеюсь — только смотри не позже как через час. *(Уходит.)*

Ванюшка. Через пять минут, сударь... *(Про себя.)* Мы с барином, видно, не промахи — четыре дни как здесь, а уж дела много сделали. *(Хочет идти.)*

Александр *(подкрался сзади и схватывает его за руку)*. Постой!

Ванюшка *(испуганный)*. Что это вы, барин!

Александр. У тебя вот в этой руке записка...

Ванюшка. Никак нет-с.

Александр *(хочет взять)*. А вот увидим.

Ванюшка. Я закричу-с, ваш братец услышит!

Александр *(в сторону)*. Попробую другой способ! *(Ему.)* Видишь вот этот кошелек, в нем двадцать червонцев — они твои, если ты дашь мне ее прочесть — так, из любопытства.

Ванюшка. Только никому сами не извольте сказывать.

Александр. Я буду молчалив, как могила. *(Высыпает деньги в руки.)*

Ванюшка. А если изорвете, сударь,— так я скажу своему барину.

Александр *(про себя)*. Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. *(Читает.)*

«Ваш муж все знает... я вас люблю больше всего на свете, вы меня любите, в этом я также уверен... сегодня вечером в 12 часов я должен с вами говорить, будьте в этот час в большой зале пустой части дома; вы спуститесь по круглой лестнице и пройдете через коридор, — если через 2 часа я не получу желаемого

ответа, то иду к вашему мужу, заставляю его драться и, надеюсь, убью. В этом клянусь вам честию... ничто его не спасет в случае вашего отказа. Выбирайте».

А! искусно написано!..

Ванюшка. Пожалуйте, сударь, записку, мне пора.

Александр. А если я ее изорву — говори, что ты хочешь за это — все, что попросишь... тысячу — две?..

Ванюшка. И миллиона не надобно-с.

Александр. Я тебя умоляю!..

Ванюшка. Вот видите, сударь, — мне велено ее отнести, и я отнесу; об том, чтоб ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вам показал.

Александр (*подумав*). Хорошо, отнеси ее.

Слуга уходит.

(*Про себя.*) Я все-таки найду средство им помешать.

Конец 3 акта

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Большая заброшенная комната. Развалившийся камин. С левой стороны виден коридор, освещенный в окна луной, в коридоре спускается лестница. Направо две ступени и дверь, а в середине стеклянная дверь на балкон — лунное освещение.

Александр (*входит с правой стороны из двери и запирает их ключом. Он в широком плаще*). Хоть стар замок — а не скоро его сломаешь... и покуда я здесь царь!.. жалкая власть! жалкое удовольствие, украденное из рук судьбы... и горькое, как хлеб нищего, — зато я по крайней мере, хотя против ее воли, но еще раз прижму ее к груди своей; мой огненный поцелуй, как печать, останется на устах ее — и она будет мучиться этой мыслию; оно так и следует: вместе были счастливы, вместе и страдать! В темноте под этим плащом она не скоро меня узнает! Может быть,

даже вероятно, что мне удастся под чужим именем выманить два-три ласковые слова... О! какой ангел внушил мне эту мысль — бог, видимо, хочет вознаградить меня за тридцатилетние муки, за тридцать лет жизни пустой и напрасной. *(Задумывается.)* Да, мне тридцать лет... а что я сделал? зачем жил?.. говорят, что я эгоист; итак, я жил для себя?.. Нет... я во всем себе отказывал, вечно был молчаливой жертвой чужих прихотей, вечно боролся с своими страстями, не искал никаких наслаждений, был сам себе в тягость — даже зла никому умышленно не сделал... итак, я жил для других? также нет... я никому не делал добра, боясь встретить неблагодарность, презирал глупцов, боялся умных, был далек от всех, не заботился ни о ком — один, всегда один, отверженный как Каин — бог знает за чье преступление — и потом один раз встретить что-то похожее на любовь — один только раз — и тут видеть, знать, что я обязан этим искусству, случаю, даже, может быть, лишней чашке шоколаду, — наконец, против воли предавшись чудному, сладкому чувству — потерять все — и остаться опять одному с ядовитым сомнением в груди, с сомнением вечным, которому нет границы. *(Ходит взад и вперед.)* Отчего я никогда не могу забыться? отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего самые обыкновенные чувства у меня так мертвы? Отчего теперь в самую решительную минуту моей жизни сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна... я, право, кажется, мог бы теперь с любым глупцом говорить битый час о погоде, — видно, я так создан, видно, недостает какой-нибудь звучной струны в моем сердце... О! лучше бы уж я родился слеп, глух и нем... обо мне бы по крайней мере сожалели.

Вера показывается на лестнице.

Это она.. так точно — теперь я должен призвать на помощь всю свою твердость.

Вера. Его еще нет... темно, страшно... Боже! как я могла решиться... но что ж делать, я его знаю — он сдержал бы свое обещание — у меня сердце бьется, как молоток. Шорох, о кто это... Юрий!..

Александр *(берет ее за руку)*. Это я!..

Вера. Довольны ли вы... что может сделать женщина больше... но это дурно, дурно принудить меня таким средством.

Александр. Я также выбрал между жизнью и смертию.

Вера. Решившись вам повиноваться, я решилась также вас забыть...

Александр *(хочет ее обнять)*. О, это женская хитрость.

Вера. Нет... нет — я вам скажу также, что я люблю вас.

Александр. Меня одного?

Вера. Одного, клянусь небом! Я могла заблуждаться, но теперь чувствую; что сердце мое никогда не изменялось.

Александр вздыхает.

Однако, несмотря на это, мы должны расстаться навсегда... мне трудно так же, как и вам, об этом думать — но теперь мы будем благоразумнее, чем в минуту первой разлуки нашей — я уж не могу быть счастлива, но спокойствие для меня еще возможно — оставьте мне хоть это!..

Александр. У меня и этого не останется.

Вера. Верьте мне, женщина благородная может на минуту забыть свой долг, но всегда приходит время, когда она чувствует, что должна возвратиться к нему,— время это для меня настало — никакое искусство, никакие угрозы не поколеблют моей твердости. Юрий! дайте мне руку, обещайте как другу, как женщине, которой постоянной мыслью были вы; обещайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину от ее обязанностей — это ужасно, Юрий! это иногда хуже убийства.

Александр. О, молю, один прощальный поцелуй.

Вера. Нет, расстанемся друзьями — зачем такое испытание!

Александр. Я буду покорен во всем — только один поцелуй — ты непременно должна — непременно — один — только один — и потом пусть между нами обрушится вечность. *(Увлекает и целует ее — луч*

месячный упадет на его лицо, и она узнает... вскрикивает громко.)

Вера. О! опять он, опять!

Александр. Я уже сказал тебе, опять и всегда — никто не займет моего места.

Вера. Это обман неслыханный... пусти, пусти мне руку... я к тебе чувствую отвращение!..

Александр. Знаю, знаю все — но ты не уйдешь отсюда — и ты подумала, что я не останусь верен своей клятве... Да, я здесь, а твой страстный любовник теперь сидит крепко за двумя замками... видишь эту дверь, за нею еще дверь... они обе заперты... он должен сломать замки... может быть, это ему и удастся... но тогда он увидит тебя в моих объятиях...

Вера. Боже мой! боже мой! я должна была знать, что он на все способен!

Александр. Ха! ха! ха! — разве ты этого прежде не знала! разве год тому назад, когда ты в упоении страсти лежала в моих объятиях, когда твои поцелуи горели на губах моих, разве тогда еще я не предварял тебя? Разве я не говорил: Вера, ты любишь человека ужасного, который не имеет ничего святого, кроме тебя, и то пока он любим, человека с душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничем не дорожит, — разве я не говорил: берегись, ты будешь раскаиваться... Но ты не верила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу, — мне шутить в такие минуты! — ты думала, что я все это говорил, чтоб показаться интересным, удивить тебя, что я, следуя моде, фанфарон порока и эгоизма, ты даже хотела меня уверить, что я почти ангел доброты... потому что тогда кровь волновалась в твоих жилах, тебе нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нежность, покуда, на время, до появления другого, достойнейшего... Не дрожи, не поднимай глаз к небу... наказание упало тебе оттуда... ты не мученица добродетели, не жертва страсти и обмана... ты просто слабая, ветреная, непостоянная женщина... ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трех человек, одному назначила покорность, другому вздохи и признания, третьему, самому послушному, ты назначила мучения ревности,

пытки презрения, муки любви отверженной, обманутой — и этот последний теперь мстит за себя...

Вера *(упадая на колени)*. Не подходи, не подходи...

Александр *(подымая ее за руку)*. Встаньте, не унижайтесь, княгиня, до такой степени... после вашей надменности, это уж слишком смешно... На коленах, и перед кем? Одумайтесь — что это! страх! чего же вы боитесь? времена кинжалов прошли — разве я вам угрожаю?

Вера *(почти без чувств)*. Я не переживу этого.

Александр. Через два года, Вера, назначаю тебе свидание где-нибудь на бале, на лице твоем будет играть улыбка, в волосах будут блистать жемчуг и бриллианты, а в сердце твоем будет пусто и светло...

Слышен стук отломанного замка.

Вера. Это Юрий — он идет сюда.

Александр. Наконец!

Вера хочет убежать.

Постой!.. мне пришла мысль, — зачем оставлять дело незаконченным — я хочу, чтоб он нашел тебя в моих объятиях, чтоб он насладился приятной картиной — это было бы божественно, как ты думаешь!.. *(Обнимает ее.)*

Вера. Мне все равно — делай что хочешь — у меня нет сил противиться.

Александр. Слышишь — вот его шаги... последний замок сейчас разлетится... Бешенство удвоивает его силы.

Молчание.

Нет, я вижу — это уж слишком много для тебя — обморок? — пустое. Я хочу, чтоб ты с ним говорила, — останься здесь, скажи ему, что ты его не любишь, — не любишь нисколько... я отойду в сторону... слышишь ли, отвергни его ласки так же холодно, как мои — иначе я стану между вами, и тогда горе вам обоим.

Отходит и прячется — дверь с треском отворилась, и входит Юрий.

Юрий. А! меня заперли — это недаром, это с умыслом сделано. Но кто же? брат? — зачем ему... О, если я опоздал... Вера!.. ничего не слышно... Чу! шорох платья... она здесь — здесь, Вера! *(Подходит и видит.)* О, как я счастлив! *(Берет ее за руку.)* Вера, княгиня — простите меня.

Вера *(слабо)*. Вас... я прощаю...

Юрий. Это был миг сумасшествия... но я хотел вас видеть перед тем, чтоб расстаться снова — и может быть навсегда... я хотел... о, я сам не знаю чего... да, только вас видеть, только... я надеялся, я полагал — что вы не можете любить вашего мужа, потому что он не стоит вас... я хотел найти вам в уме своем извинение... я даже... мечтал, что вы меня еще любите.

Вера. Вы совершенно ошиблись.

Юрий. Однако вы здесь, — вы не хотели огорчить меня — вы здесь — ваша рука горит в руке моей — женщина не любя не сделает этой жертвы...

Вера. Вы правы, я пожертвовала собой из любви, но не к вам.

Юрий. Вы хотели спасти мужа.

Вера. Да...

Юрий *(обидясь)*. Если так, то прошу от меня его поздравить.

Вера *(после молчания)*. Забудьте меня.

Юрий. Я не ожидал такого приветствия.

Вера. Чего же вы ожидали?

Юрий. В вас нет и тени той женщины, которая некогда любила меня так нежно, которой обязан я лучшими минутами в жизни... отчего ж бы, кажется, им не воскреснуть — зачем дарить сокровище тому, кто ему не знает цены, — а я, я, так долго живший одной надеждой обладать им, я брошен в сторону, со мной поступают как с игрушкой, то кидают огненный взор, то ледяное слово...

Вера. Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Юрий. Боже! как вы переменились — бывало, вам стоило подумать, и я уж знал эту мысль, пожелать, и я невольно желал того же; бывало, нам почти не

нужно было слов для разговора.. Теперь, признаюсь, теперь я вас не понимаю.

В е р а. О! слава богу.

Ю р и й. Слава богу... Ужель вы хитростью хотели избавиться от моей любви, обманом испугать меня — этому не бывать.. вы теперь в моей власти... я не упущу этого случая... теперь или никогда — вы моя, вы будете моею... Судьба этого хочет...

В е р а. Юрий, Юрий! — одна минута восторга и веки раскаяния.

Ю р и й. Я не буду раскаиваться.

В е р а. А я?

Ю р и й. Вы меня любите.

В е р а. Я слабая женщина... я имею обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

Ю р и й. Ты об этом забудешь в моих объятиях.

В е р а. Пощадите...

Ю р и й. Не доводи меня до крайности... я за себя не ручаюсь.

В е р а. Шорох... нас подслушивают... здесь кто-то есть...

Ю р и й. Шорох... кто же смеет... *(Осматривается.)*

В е р а *(убегает)*. Прощай, Юрий... прощай.

Ю р и й *(бежит за нею)*. Нет, я вас не пущу... невозможно... я не хочу так расстаться.

В двери хватает ее за руку и упадает на колени;
А л е к с а н д р является.

В е р а *(указывая пальцем на Александра)*. Уйдите, уйдите! это он... опять он!.. *(Убегает.)*

Ю р и й *(оборачивается)*. А! — что такое!..

А л е к с а н д р. Свидетель твоих глупостей!..

Ю р и й. Этого свидетеля можно достойно наградить за труды.

А л е к с а н д р. Его награждение... здесь. *(Указывает на сердце.)*

Ю р и й. Брат... с этой минуты — я разрываю узы родства и дружбы — ты мне сделал зло — невозвратимое зло — и я отомщу!..

А л е к с а н д р *(холодно)*. Каким образом?

Ю р и й. Ты мне заплотишь.

Александр (*улыбаясь*). С удовольствием — только чем!

Юрий (*в бешенстве*). Ценою крови...

Александр. В наших жилах течет одна кровь.

Юрий. Подслушивать — так коварно отравлять чужое счастие... знаешь ли, что это дело подлецов...

Александр. А обольщать жену другого...

Юрий. Она меня любит.

Александр. Неправда... разве это видно из ее поступков...

Юрий. Я знаю, что она меня любит... любила меня одного.

Александр. А я знаю кое-что другое.

Юрий. Что ты знаешь? Говори, сейчас говори!..

Александр. Я знаю, что в твоем отсутствии она имела любовника.

Юрий. Клевета, низкая клевета!

Александр. Я тебе покажу письма...

Юрий. Кто же он?.. назови его мне...

Александр (*подумав*). Изволь, я тебе его назову.

Юрий. Сейчас — сию минуту.

Александр. Завтра... когда она уедет. (*Уходит.*)

Юрий (*задумчиво*). Что, если он говорит правду!..

Конец 4 акта

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната князя. Он сидит. Перед ним управитель с бумагами.

Управитель. Ваше сиятельство, честь имею рабски донести, что все в подмосковной готово для принятия вашего сиятельства — и дом отоплен — и обоз должен сегодня туда приехать.

Князь. Хорошо... ты останешься здесь и сдашь квартиру... нынче, часа через два мы едем — вели укладывать карету...

Управитель. Слушаю-с — да что ваше сиятельство изволили так на Москву прогневаться...

Князь. Не твое дело рассуждать — дурачина.

Управитель. Слушаю-с, ваше сиятельство.

Вера входит.

Княгиня изволила пожаловать.

Князь. Пошел вон.

Управитель уходит. Жене.

Я очень рад, сударыня, что вы пришли — сделали мне эту честь, очень рад, в восторге... я должен с вами поговорить — сделайте милость, садитесь.

Вера. Что вам угодно?

Князь. Если б вы всегда мне делали этот вопрос, то было б лучше.

Вера. Вы этого не требовали...

Князь. Тогда было другое, тогда я был ваш покорный слуга, ваш прислужник, ваша постельная собачка, — только вы не умели ценить этого, сударыня... чего я не делал?.. надобны бриллианты — и бриллианты являются; бал? — и бал готов; коляски, кареты, шали, шляпы — я для вас разорялся, сударыня.

Вера. Я всегда была благодарна.

Князь. И из благодарности сами хотели мне подарить головной убор, в новом вкусе.

Вера хочет встать.

Сидите — останьтесь... я ваш муж и теперь попробую приказать — одним словом, мы нынче едем в подмосковную — а как только будет можно, то оттуда в симбирскую деревню...

Вера. Я пришла вас просить не откладывать отъезда.

Князь. Сами просите!.. вот новость!.. знаете ли, что это очень хитро — тут что-нибудь кроется... и я, право, из любопытства в состоянии остаться.

Вера. Нет, вы этого не сделаете — это невозможно... Мы должны ехать — сегодня же, сейчас... я вас умоляю.

Князь *(про себя)*. Хоть убей — не понимаю! *(Ей.)* я хочу знать, сударыня, отчего вы желаете ехать так скоро...

Вера. Я не могу вам этого объяснить...

Князь. Не можете — и не надо, я сам догадываюсь... вы желаете доказать мне, что вы добродетельная супруга, которая избегает своего любовника, а мне, сударыня, известно, что вы любите сами Юрия Дмитрича — мне известно...

Вера. Нет, нет, я его не люблю... но боюсь...

Князь. Полюбить его?

Вера. Женское сердце так слабо...

Князь. И так обманчиво. Вы моя женя, сударыня, и не должны любить никого, кроме меня...

Вера. Я всегда старалась не подать вам повода думать...

Князь. Теперь я буду стараться... запру вас в степной деревне, и там извольте себе вздыхать, глядя на пруд, сад, поле и прочие сельские красоты, а подобных франтиков за версту от дому буду встречать плетьми и собаками... ваша любовь мне не нужна, сударыня, я, слава богу, не так глуп, но ваша честь — моя честь! О, я отныне буду ее стеречь неусыпно.

Вера. Я решилась искупить вину свою — беспредельной покорностью.

Князь. Образумиться надо было немного раньше.

Вера. Конечно, это было не в моей власти.

Князь. Что же! — судьба, во всем виновата судьба! Вот модные романы — вот свободные женщины — философия — черт ее возьми, сударыня. Вы слишком учены для меня, от этого все зло!.. Отныне не дам вам ни одной книги в руки — извольте заниматься хозяйством.

Вера. Я сказала, что буду покорна во всем, только прошу одного ради бога — никогда не напоминайте мне о прошедшем.. я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будет принадлежать вам... только не упрекайте меня...

Князь. Вот мило, вот хорошо!.. нет, сударыня, отныне делаю все вам напротив, вы хотите обедать — я велю подавать завтрак, хотите ехать — я сижу дома,

хотите сидеть дома — везу вас на бал... я вам отплачу, вы узнаете, что значит кокетничать, может быть, верно больше... с петербургскими франтиками, имея такого мужа, как я! *(Уходит.)*

Вера. И вот мне раскрылась целая жизнь страданий — но я решилась терпеть и буду терпеть до конца!

Входит слуга.

Слуга. Князь приказал вам доложить, ваше сиятельство, что извольте, дескать, одеваться — возок закладывают.

Вера. Скажи, что я иду. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комнаты у Дмитрия Петровича, Дмитрия Петровича несут на креслах. Александр входит.

Дмитрий Петрович. Так, так, — остановитесь здесь — я хочу, чтоб светлый луч солнца озарил мои последние минуты — в той комнате темно, страшно, как во гробе, — здесь тепло — здесь, может быть, снова жизнь проснется во мне... Дети... Юрий — где вы.. ушли — никого.

Александр. Я возле вас, батюшка!

Дмитрий Петрович. Друг мой, я умираю — я заметил, как доктор нынче покачал головой и уехал, не сказав ни слова. Ты говорил с доктором?

Александр. Нет, батюшка.

Дмитрий Петрович. Ты боялся спросить... ты был всегда добрый сын — не правда ли, ты любил меня... Где Юрий!..

Александр. Его здесь нет. *(Уходят за Юрием по знаку Александра.)*

Дмитрий Петрович. Ради неба — позовите его — моего милого Юрия... я умираю... хочу его благословить... он, верно, не знает, что я так дурен, верно, ты не сказал ему.

Александр. Я боялся его огорчить.

Дмитрий Петрович. Так, стало быть, я в самом деле так близок к смерти.

Александр (*отвернясь*). Не знаю, батюшка...

Дмитрий Петрович. О! ты камень— когда ты будешь умирать, то узнаешь, как тяжело не встречать утешения.

Александр. О, конечно, я тогда это узнаю!

Дмитрий Петрович. Тебе не жаль меня — ты даже не просишь моего благословения.

Александр (*Юрий входит в волнении*). Батюшка — вот пришел брат...

Юрий (*подходит. Про себя*). Боже мой! как он переменился со вчерашнего дня...

Александр (*Юрию*). Он умирает... и ты убил его...

Юрий (*закрыв лицо*). О! говорить это... и в такую минуту!..

Дмитрий Петрович. Юрий!

Юрий. Я у ваших ног. (*Стоя на коленях подле него.*)

Дмитрий Петрович. Я тебе прощаю — и благословляю отцовским благословением.

Александр (*отходя к окну*). А мне простить нечего, надо мной нельзя показать великодушия... и потому нет благословения! (*Стоит у окна.*)

Юрий (*встает*). Батюшка, я перед вами злодей — я недостоин.

Дмитрий Петрович. Полно, полно — пылкость, ребячество — я это понимаю, но мне было больно...

Федосей (*за столом — Юрию*). Уговорите его, барин, лечь в постель, ему так сидеть трудно — посмотрите, лишается чувств, ослабевает.

Юрий. Погоди — надо дать успокоиться.

Дмитрий Петрович (*слабо*). Я ничего не вижу — здесь ли ты, Юрий, — свет бежит от глаз моих... пошлите за священником.

Юрий. Он без чувств, руки холодны.

Федосей (*Юрию*). Вот уж дней с пять, сударь, как с ними это часто бывает.

Юрий. Боже, сколько мучений!.. здесь умирающий отец... там...

Александр (*хватает брата за руку и тащит к окошку*). Посмотри... посмотри — вот она выходит на крыльцо. Даже сюда не смотрит — бледна!.. но что за диво, — ночь, проведенная без сна! — садится — улыбается мужу, а тот и не замечает... посмотри... еще раз выглянула в окно и опустилась в карету!.. Вера! Вера! — чего ищут глаза твои.

Слышен стук кареты.

Юрий. Все кончено.

Александр. Вздыхай — терзайся — воображай ее слезы и мысли, что вы никогда не увидитесь, воображай, какая ужасная борьба происходила в душе ее, когда она решилась противиться твоей страсти!.. О великий, святой пример добродетели... чистая душа... Ха! ха! ха!.. это был страх, страх—она знала, что я тут за дверью.

Юрий. Замолчи, замолчи — видишь здесь умирающий отец.

Александр. Что мне теперь отец, целый мир — я потерял все, последнее средство погибло, последнее чувство умерло — на что мне жизнь... хочешь взять ее? Возьми и хорошо сделаешь — вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебе наскажу таких вещей, от которых и у тебя засохнет сердце и у тебя в душе родится сомнение и ненависть... Глупец, глупец! ты думал, что когда раз понравился семнадцатилетней девушке, то она твоя навеки, что она не может любить другого, видевши раз такое совершенство, как ты... а я тебе скажу теперь, подтвержу клятвою, что знаю человека, для которого она забыла мужа, долг, закон, честь, даже самолюбие, человека, для которого она была готова отдать жизнь, служить ему рабой, человека, который тысячу раз должен бы был задушить ее в своих объятиях — если б отгадал будущее...

Юрий. Наконец, ты должен мне сказать, кто он? Я вырву у тебя из горла это проклятое имя.

Дмитрий Петрович (*слабо*). Федосей — что они делают — позови их, я хочу проститься.

Федосей. Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрий. А, ты молчишь! — так я тебя принужу! *(Хватает на столе саблю.)*

Дмитрий Петрович. Дети, дети... убийство — остановите их — брат на брата! Господи, возьми меня скорей... *(Упадает.)*

Федосей. Помогите — холоден... *(Упадает на колена и целует руку старика.)*

Александр *(вырывает саблю и бросает на пол)*. Дитя, и ты думаешь, что силой, страхом из меня можно что-нибудь выпытать, ты грозишь смертью, кому? брату... что, если б я позволил тебе убить себя... но я не так жесток — я сам скажу все... твой соперник, счастливый соперник — я!..

Юрий. Ты?

Александр. Теперь продолжай верить женщинам, верь любви, верь добродетели — твой ангел лежал здесь на этой груди, следы твоих поцелуев выжжены моими, я выжал из сердца Веры все, что в нем было похожего на добродетель, и на твою долю не осталось ничего.

Юрий, закрыв лицо руками.

Дмитрий Петрович *(умирая)*. Дети... Юрий... Юрий.

Юрий. Мое имя... отец... он умирает. *(Бросается к нему.)*

Федосей. Скончался!..

Юрий. Не может быть... *(Хватает руку.)* О!

Юрий упадает без чувств на пол. Александр стоит над ним и качает головою.

Александр. Слабая душа... и этого не мог перенести...

Конец.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЦЫГАНЫ

(Опера)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет приятное местоположение, цыгане сидят в шатрах, иные ходят и, собравшись в группы, поют.

Цыганская песня

Цыган *(поет)*

Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Мы счастливее царей
И вельмож могучих...

Гей, цыгане! гей, цыган<ки>!
(и проч.).

Цыганка

(Из «московского вестника» песнь)

Пляшут и поют.

Все умолкает.

Старый цыган *(пред очагом)*

Что за жизнь... одному да одному — Земфира ушла гулять в пустынном поле, она привыкла бродить по дальним лесам и таборам. Но вот уж и ночь — а все ее нет... вот и луна спускается к небосклону. Как прекрасно... (*Смотрит на месяц, и подходя к очагу.*) Мой ужин скоро простынет — а дочь не приходила — видно, придется одному провесть ночь...

Но вот она!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Земфира и за нею юноша.

Старик

Где ты была так долго, дочь моя, я думал, что и ты меня покинешь, как сделала коварная мать твоя?..

Земфира

Прости, отец мой, но видишь ты,
Веду я гостя: за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала,
Он хочет быть, как мы, цыганом,
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду,
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду.

Старик

Я рад, останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь...

АРБЕНИН

ДРАМА В 5-ТИ ДЕЙСТВИЯХ, В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Евгений Александрович Арбенин.
Нина, жена его.
Оленька, компаньонка.
Афанасий Павлович Казарин.
Князь Звездич.
Адам Петрович Шприх.
Игроки.
Гости.
Служанки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх.
За столом мечут банк и понтируют... кругом стоят.

1 Понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

1 Понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2 Понтер

Ну, добрый путь.

3 Понтер

Вам надо счастие поправить...
И не мешало бы загнуть.

2 Понтер

На всё?.. Нет, жжется!

4 Понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3 Понтер *(тихо первому)*

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2 Понтер

Эй, князь.
Гнев только портит кровь, — играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить...

2 Понтер *(насмешливо)*

Я вижу, вы в пылу, готовы все спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал, — и вам их не купить.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Те же и Арбенин.

Арбенин входит, кланяется, подходит к столу, потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, — женат, богат, — стал барин.
И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.

Казарин

Делами занят все?

Арбенин

Любовью... не делами.

Казарин

С женой, по балам.

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

Нет... Утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

Казарин

Шприх!
Адам Петрович!.. я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и кланяется.

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх

По рассказам,
И столько я о вас слыхал того, сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего,
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно;
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек — а с чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой,— что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит, —
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Все помнит, знает все, в заботе целый век.
Был бит не раз — с безбожником безбожник,
С святошей — иезуит, меж нами — злой картежник,

А с честными людьми — пречестный человек,
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот, высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях,
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.

Арбенин

А этот маленький каков?
С крестом, растрепанный...

Казарин

Трущов?
О, малый необыкновенный!
Не знаю, в штатской иль военной,
Но в Грузии когда-то он служил
Иль послан был туда с каким-то генералом,
Кого-то там из-за угла хватил;
Пять лет за то был под началом
И крест на шею получил.

Игроки *(кричат Казарину)*

Пожалуйте сюда.

Казарин

Иду.

1 Понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокоиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Арбенин

Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

Князь *(недовольно)*

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь!

Князь *(с чувством берет его за руку)*

Я проигрался.

Арбенин

Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаянье.

Арбенин

Два средства только есть,
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтоб у них выигрывать решиться,
Вам надо кинуть все: родных, друзей и честь,

Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Все презирать: закон людей, закон природы,
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
Подлец!

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие...

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин *(вдруг берет его за руку)*

Погодите,
Я сяду вместо вас. Вы молоды, — я был
Неопытен когда-то и моложе,

Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б... *(останавливается)* кто-нибудь меня
остановил,
То... *(Смотрит на него пристально.)*
(Переменив тон.) Дайте мне на счастье руку
смело,
...А остальное уж не ваше дело!

(Подходит к столу, ему дают место.)

Не откажите инвалиду,
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба.

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.
(Тихо.) Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки

Извольте, вам и книги в руки, — вы хозяин,
Мы гости.

1 Понтер *(на ухо второму)*

Берегись, имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька Каин,
И притузит он моего туза.

Игра начинается, все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола.

Шприх отводит на авансцену Казарина.

Шприх *(лукаво)*

Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,
Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был, а теперь?..

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком, — а, право, тот же зверь.
Мне скажут, можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то все в душе сидит.
И ты, мой друг, *(ударив по плечу)* хоть перед
ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

Подходят игроки.

Что, господа, иль не под силу? а?..

1 Игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3 Понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4 Понтер *(в сторону)*

Обрежется.

5 Понтер

Посмотрим.

Арбенин *(встает)*

Баста!

Берет золото и отходит, другие остаются у стола. Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руки князя и отдает ему деньги. Арбенин бледен.

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже. *(Горько.)*
А, право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. те дни блаженные прошли —
Я вижу все насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То все не потому, что был к нему привязан,
А просто видел пользу в том.

Арбенин уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Те же, кроме Арбенина.

Князь

Мне кажется, он говорил с презреньем.
Досадно! — деньги я не должен был принять.

Казарин

Задумались — об чем, нельзя ль узнать?

Князь

Смущен я странным приключеньем.
Великодушием...

Казарин

Арбенин не таков —
Он никого без видов не обяжет!
Зато вы можете сегодня ж без чинов
В пух обыграть его — он ничего не скажет.

Князь

Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться неприятно
Тому, кто по сердцу для нас совсем чужой.

Казарин

Особенно когда он знатный
И требует покорности немой!
Или когда хотим мы волочиться
За дочерью его иль за его женой.
Все это может же случиться?
Жена Арбенина собою недурна
И, кажется, в него не очень влюблена,
И я заметил вот недавно,
Как у Печориных движеньем томных глаз
Она кругом искала вас... да, вас,
Э! — князь! да вы себя ведете славно.
По нашим вы ступаете следам!
Мое благословенье вам!
Что нынче молодежь! Трудятся, изнуряют
Себя для службы и наград,
О добродетели кричат

И возле женщины порядочной зевают!
Жить не умеют, мой отец,
Стыдятся неудач, боятся приключений;
И чем кончают, наконец...
Лет в двадцать пять все женятся — от лени!

Князь

Да кто же вам сказал? Как догадаться вам?

Казарин

Когда Арбенин был в деревне,
Вы ездили к Настасье Алексевне
По вечерам и по утрам.

Князь

Вот мило! — что же тут дурного?

Казарин

Напротив...

Князь

Я боюсь молвы.
И потому надеюся, что вы
Об этом никому ни слова...

Казарин

Мне изменить вам! Вас предать?

Князь

Но вы Арбенину приятель.

Казарин

Ха! ха! ха! ха! о мой создатель!
Да, он мой друг — вам не угодно ль знать
Начало дружбы нашей, — я был молод,
Двенадцать лет тому назад,
Неопытен и пылок и богат,
Но он — в его груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым он гордится всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам — я разбирать не буду.

Раз он меня завел под вечерок
К себе — я верил счастью! кошелек
Мой полон был... я сел играть (признаться,
Страстишка эта уж владела мной)
И проиграл. Отец мой был скупой
И строгий человек: я вздумал отыграться!
Но он меня в когтях своих держал.
И я все снова проиграл.
Я предался отчаянью· тут были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... они в нем возбудили
Один холодный смех — о! лучше бы пронзить
Меня кинжалом!
И с того мгновенья
Покинул я забавы юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет.
Мир безобразных, странных ощущений,
Мир обществом отвергнутых людей,
Самолюбивых дум и ледяных страстей
И увлекательных мучений!
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им — года прошли,
Все снова унеслось — богатство и здоровье;
Навек передо мной закрылась счастья дверь,
Я заключил с судьбой последнее условье
И вот стал тем, что я теперь,
Умеренный игрок и наблюдатель строгий,
Не действую нигде, зато уж вижу много.

Князь

Послушать вас: Арбенин ваш злодей.

Казарин

Однако ж явно мы поныне
Не ссорились, хотя в душе, ей-ей,
Я не терплю его.

Князь *(про себя)*

Поеду завтра к Нине!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Бал у Арбенина. Музыка в другой комнате.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

1-й гость

Угодно ли?

Нина

Я эту не танцую,
А вас сейчас рекомендую
Премилой даме.

1-й гость

Жертвую собой
Для вашей прихоти.

Нина

Вы истинный герой!

Князь

Охота вам так много суетиться!

Нина

Всем надо угодить.

Князь

Нельзя ли, хоть на смех,
Меня в число поставить всех?..

Нина

Неблагодарный! есть за что сердиться.
Подумайте, мы не одне...

Князь

Для света всё — а мне
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нежного промолвить...

Нина

Погодите.

Уходят.

Арбенин *(Оленьке)*

Где Нина? — отчего ты не танцуешь?

Оленька

С кем?..

Арбенин

А! не охотница до пляски!..
Послушай, Оленька, когда приедут маски,
Вели отказывать не всем.

Оленька уходит.

(Гостю.)

Вот истинная компаньонка!..
Как не скучает с ней жена!
Всегда молчит: бледна, грустна,
Зато послушнее ребенка!

Гость

Давно ль у вас она живет?

Арбенин

Уж скоро третий год:
Я взял ее, когда женился.
У матери жены моей
Она росла, сироткой, с ранних дней.

Гость

Да, если так, а то, я б подивился.

Арбенин, пожав плечами, уходит.

Гость выходит из залы к даме.

Дама

Вы с некоторых пор на мир как на Содом
Глядите, строгим мудрецом!..

2-й гость

Премудрость нынешнего света
Не смотрит за предел балета!
Балет на сцене — в обществе балет;
Страдают ноги и паркет,
Куда как весело, ей-богу.
Захочется ль у нас кому
В beau monde[1] открыть себе дорогу,
Работы нет его уму,
Умей он поднимать лишь ногу
И все, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду там... есть из чего стараться.
Тоска!

Дама

Зачем же вы сюда
Приехали?

2-й гость

Куда же мне деваться?

Дама

Вам не понравится, боюся, мой совет.

2-й гость

Здесь от передней до гостиной
Все так высоко, холодно и чинно,
Так приторно и так невинно,
Что мочи нет!

Дама

Тем лучше.

3-й гость

Об заклад побиться не хотите ль,
Что он московский житель?
Но, впрочем, не дивлюсь, что здесь скучает он;
Блестящий бал, да что за тон,

---

[1] большой свет *(франц.)*.

La société est si mêlée
De ces figures qu'on voit passer
Au boulevard, à l'assemblée.

Музыка.

Madame, voudrez vous bien valser? [1]

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Оленька *(одна)*

Им весело, для них судьбою
Жизнь так роскошно убрана,
А я одна, всегда одна...
Всем быть обязанной, всем жертвовать собою
И никого не сметь любить, —
О! разве это значит жить?..
Счастливые царицы моды!
Им не изменит свет, их не изменят годы...
За что же? красота моя
Их красоте поддельной не уступит,
Жемчуг, алмазы, кисея
Морщин и глупости собою не искупит!
Но счастье их! восторга своего
Несут им дань мужчины ежечасно;
Я лучше, я умней — напрасно!
Никто не видит ничего.

Сзади проходит несколько гостей и между ними маска.

И он, он так же, как другие,
Бежит за ветреной толпой
И мимоходом лишь порой
Мне кинет взгляд — мечты пустые...
И как его винить? — и как ему узнать,
Что грудь моя полна желанья неземного,
Что я ему готова жизнь отдать
За миг один, за слово?..
Все ждать да ждать, о боже!.. это он,
Расстроен кажется, смущен...

[1] Общество столь смешанное, состоящее из лиц, которых видишь на бульваре, на сборищах. *После ремарки:* Мадам, не хотели бы вы повальсировать? *(франц.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Князь *(быстро подходя)*

Ах! извините! я вас принял за другую.

Оленька

И потому лишь подошли...

Князь

Вы размышляли, — от земли
Мечты вас, верно, унесли
В мир лучший, жизнь другую?
Я не прощу себе! так дерзко помешать.

Оленька

Чему?

Князь

Мечтам.

Оленька

Дай бог вам не мечтать,
Вдаваться вредно в заблужденье.

Князь

Вы правы, чувства, страсти, всё обман...

Оленька

О! для чего ж от них такое нам мученье!

Князь

Вас взволновал какой-нибудь роман!

Оленька *(в сторону)*

Нет! истинное приключенье!

Князь

Не верьте сердцу, ни уму,
Когда они бывают в споре.

Оленька

Чему же верить?

Князь

Ничему.

(Отходя в сторону.)

Не в духе я болтать о вздоре,
А компаньонка мне нужна.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Нина *(входит)*

Измучилась...

Князь

Но к вам идет усталость.

Нина

Я думала найти в вас жалость...

Князь

Где есть любовь — там жалость уж смешна!

Нина

О! вы не знаете, как тягостно, как скучно
Жить для толпы, всегда в ее глазах,
Не сметь ни перед кем открыться простодушно,
Везде с улыбкою являться на губах,
Для выгод мужа быть с одним любезной,
Холодностию мстить другому за него
И слышать: «Нина, это мне полезно,
Благодарю тебя!» — и больше ничего.

Князь

Восторг толпы и света удивленье
Заменят счастие легко!

Нина

К толпе я чувствую презренье.

Князь

Чего ж вам надобно?

Нина

Любви — хоть на мгновенье!

Князь

О, вам искать недалеко!..
Любви вы ищете глубокой, сильной, страстной.
Она пред вами здесь в груди моей,
Вы это знаете, — и сколько, сколько дней
Я мучился и думал: все напрасно!..
Но я любим, я был любим всегда,
О, я молю: скажите да!..
Когда, вы помните, на бале
Мы увидались в первый раз,
Лежало облако печали
На светлом небе ваших глаз.
Они усталые, без цели
Бродили медленно вокруг,
И не искал их встречи ваш супруг,
И на него поднять вы их не смели,
И он стоял близ вас, бесчувственный как сталь,
С лицом, исполненным бесстрастья,
Как неизбежная печаль
Близ неожиданного счастья.
Тогда во мне проснулся чудный звук,
Я поклялся любить и клятву не нарушу.
Я чувствовал: вам нужен друг,
И в жертву я принес вам душу.

Нина

Нас могут слышать, умоляю вас,
Уйдите.

Князь

Нет, скажите мне хоть раз,
Что я любим, скажите, обещайте!

Нина

Да... я люблю вас! боже мой! ступайте.

Князь *(хватает ее руку)*

Один лишь поцелуй на счастие, в залог,
Один, не больше, видит бог.

Нина *(не вырывая руки)*

Неблагодарный, вот мужчины:
Похожи все на одного!
Теперь вам мало сердца Нины,
Теперь вам хочется всего!
Вам надо честь мою на поруганье!
Чтоб, встретившись на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Промолвить: вот она — и пальцем указать.

Маска в дверях.

Князь

Обидно ваше подозренье,
И я вас должен наказать, *(срывая браслет)*
Вот мне залог любви, доволен я, прощайте.

Нина *(в испуге)*

Ах! что вы сделали, отдайте мне, отдайте,
Мой муж заметит, он меня убьет!
Да нет, вы шутите, о, это злая шутка,
Отдайте, я лишусь рассудка...
Вы так-то любите? — все обещанья вот?
Вот на доверенность как нынче отвечают!..

Оленька *(становится между ими)*

Скорей, скорей, за вами примечают!

Нина *(убегая)*

Хоть пощадите честь мою.

Князь *(задумываясь)*

Мне кажется... что я ее люблю...

Оленька *(в сторону)*

Хотя б сказал — благодарю!
Ни взгляда, ни привета,
Он, верно, думает, что плотят мне за это!
Нет, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки жертвовать собой. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Князь

Что делаешь ты здесь, таинственная маска?

Маска *(в полукитайском костюме)*

Смотрю на ваш роман,
Завязка дельная, да будет ли развязка?

Князь

Узнать нельзя ль, кто вы?

Маска

Из дальних стран
Приезжий — вам знакома Уналаска?

Князь

Пусть так, на этот раз,
Там, верно, принято у вас
Подсматривать, подслушивать стараться
И не в свои дела мешаться!
Но это здесь, мой милый друг,
Не так свободно сходит с рук.

Маска

Угрозы?.. и еще какие?
Гостеприимства нет в России!

Князь *(увидав Арбенина)*

Теперь не время... но...

(Уходит скоро.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Арбенин подходит.

Казарин снимает маску и хохочет.

Арбенин

Что Звездич так взбешен?..
Уж, верно, зацепил его ты эпиграммой.

Казарин

Нет, сердится за то, что видел я, как он
Любезничал с одною дамой!

Арбенин

С кем, с Оленькой?

Казарин

Быть может... не совсем.

Арбенин

Ты для друзей и слеп и нем,
А помнится, глаза-то были зорки...
Бывало, тотчас различат
Хоть за версту пятерку от шестерки,
Подобный глаз для мужа клад!
Вот я так ничего не вижу и не знаю,
Жене свободу полную даю,
Мечтаю, что любим, о верности мечтаю
Лишь потому, что верен и люблю.

Казарин

Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна,
Беспечность редкая в таких, как ты, мужьях.

Арбенин

Ты прав, я не молод.

Казарин

И опытен; обидно
С таким умом...

Арбенин

Ну что же?

Казарин

Ах!

Не спрашивай.

Арбенин

Уж, верно, подозренье...

Казарин

Нет, я тебя оставлю в заблужденье,
Тебя, мой старый, первый друг,
Вступил ты в новый, лучший круг.
И знанье сердца, знанье света
Ты презрел для любви — законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрета!
Я не дивлюся, бог с тобой,
Ведь это иногда бывает,
Кто в детстве рассуждал, тот в старости мечтает,
Но я все тот, каков и был...

Арбенин

Чужого счастия отчаянный зоил!
Ну! что же, продолжай! ведь целый час хлопочешь,
Обманут я женой моей,
Прищурься, ха! ха! ха, поохай, пожалей.

Казарин

Так... если сам ты этого уж хочешь.

Арбенин

Уж эти мне разносчики вестей!

Казарин

Я рад, что ты, как прежде, хладнокровен,
И стану говорить смелей.
Союз ваш несколько неровен,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе без расчета.
Пожалуй, есть мужья!

Им подражать кому охота;
Ревнуют, бесятся, шумят.
Провел меня ты славно, брат.
И надо б отомстить, да штука мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!
Великодушием прямым
Князька ты одурачил славно,
Началом пользуясь таким,
Ты оберешь его исправно.
Пускай жене в отсутствии твоем
Он плотит нежные визиты,
Тебе же плотится за карточным столом,
И дело слажено, вы квиты!

Арбенин *(в негодованье)*

Казарин!

Казарин

Видел я сейчас,
Как нежничал, шептался здесь он с нею;
Я издали смотрел и, утверждать не смею
(Трельяж их закрывал от любопытных глаз),
Два вздоха слышал я да звуки поцелуя,
И больше ничего, поклясться в том могу я.

Арбенин

Ты видел, слышал? помни, что сказал.
Я доберусь до истины, — терпенья
Достанет у меня, но если ты солгал,
Казарин. О! тогда не жди спасенья,
Ты в десять лет успел меня узнать;
Я в жизни раз лишь был обманут, раз — не боле,
И отомстил — и отомщу опять,
И страшно отомстить — в моей, ты знаешь, воле.

Казарин

Мой бедный друг, все тот же он,
Все тот же черт, когда взбешен;
Дни, об которых я тоскую,

Невольно мне напомнил ты теперь,
Жизнь беспокойную, кипучую, лихую.
Тогда ты был не человек, а зверь...

(Смеясь, уходит.)

Арбенин *(один)*

О, кто мне возвратит вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но сладостные дни.
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль! который испытал
Все ужасы и сладости злодейства
И с ним лицо к лицу ни разу не дрожал?..

(Погружается в задумчивость, музыка играет в другой комнате, и он садится.)

В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил,
Любим был часто, нежно, страстно,
И ни одной из них я не любил;
Романа не начав, я знал уже развязку
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И скучно стало мне, и тяжко жить,
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить.
И я нашел жену — покорное созданье;
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена.
И вдруг во мне забытый звук проснулся,
Я в душу мертвую свою
Взглянул — и увидал, что я ее люблю,
И стыдно молвить... ужаснулся...
И снова ревность, бешенство, любовь
В пустой груди бушуют на просторе,
Изломленный челнок, я снова брошен в море,
Вернусь ли к пристани я вновь?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет Арбенина.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Арбенин *(один)*

Ночь, проведенная без сна,
Страх видеть истину — и миллион сомнений!.
С утра по улицам бродил, подобно тени,
И не устал — и в сердце мысль одна...
Один лишь злой намек, обманчивый, быть может,
Разбил в куски спокойствие мое!
И все воскресло вновь... и все меня тревожит,
Былое, будущность, обман и правда... все! .
Но я решился, буду тверд... узнаю прежде,
Уверюсь... доказательства... да! да...
Мне доказательств надо... и тогда...
Тогда... конец любви, конец надежде!..

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Входит Нина.

Арбенин *(холодно)*

А! здравствуй, Нина... наконец...

Нина

Недавно я проснулась...

Арбенин

Поздно,
Я жду тебя уж целый час...

Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!

Арбенин

А думаешь, глупец...

Нина

Вот ты опять не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь...

Арбенин

Скучаю я с тобою розно.

Нина

А встретимся, ворчишь.
(Ласкаясь.) Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова.
Скажи мне это, я готова,
В деревне молодость свою я схороню;
Но что, меня умчало
Воображенье... и к чему?..
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому.

Арбенин

Как быть, я жить привык беспечно,
А ревновать смешно.

Нина

Конечно.
Ты столько видел, испытал,
И ревность и любовь тебе не новы...
Ты отдыхаешь...

Арбенин *(В продолжение этого монолога он по временам останавливается и наблюдает Нину.)*

(В сторону.) О! не долго отдыхал!

(Ей.)

Послушай, нас одной судьбы оковы

Связали навсегда, ошибкой может быть, —
Не мне и не тебе судить!
Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой:
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь — верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе, я все видел,
Все перечувствовал, все понял, все узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала все хотел, потом все презирал я;
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли;
Так годы многие прошли!
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный,
Но ныне черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает в памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный;
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,

Ни звук, исторгнутый мученьем,
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.

Нина

Тебя понять, ей-богу, трудно,
Чего ты требуешь, могу ль я отгадать?

Арбенин

Да, требовать любви, конечно, безрассудно,
Я и не требую — мне поздно покупать
Лукавый поцелуй признаньями и лестью.
Моя душа с твоей душой
Не встретились... что делать — бог с тобой...
Позволь мне дорожить по крайней мере честью!..
Честь, имя — вот чего я требую от вас.
Вы их толпе на поруганье дали,
Я внятно говорю... вы всё не понимали.
Поймите же меня, хотя на этот раз.

Нина

Мне отвечать вам было б стыдно.

Арбенин

Стыд? так — пора — его давно не видно...
Зачем явился он теперь!
Гоните прочь его скорей, в окно иль в дверь,
Откуда входит к вам любезный,
Чувствительный, услужливый князек.

Нина

Так вот что? это мне урок...

Арбенин

И, верно, бесполезный.

Нина

Не знаю, кто оклеветал меня,
Я это заслужила,
Смеялась, резвилась, шутила,

Нет, с нынешнего дня
Не будет сметь ко мне приблизиться мужчина
На расстоянье в три аршина!

(С иронией.)

Решусь не говорить, решуся не смотреть,
Не танцевать, за картами сидеть,
Как кукла, как статуя,
Тогда на вас, конечно, угожу я!
Тогда вы скажете — вот верная жена!
Как зло на всех глядит она.

(Смеясь.)

Смешно, смешно, ей-богу,
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех.

Нина

О! если ваши продолжатся бредни,
То это, верно, не последний.

Арбенин

Увидим.

Нина

Я тебя люблю,
Мне жаль тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю,
Я оправдаюсь.

Арбенин

Нет.

Нина

Чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь!

Нина

Не мне ль?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

О, это нестерпимо!.. что ж он сам
Не явится сюда, мой тайный обвинитель,
Пусть повторит при мне — пускай покажет вам
Все доказательства... вы этого хотите.
А если он не явится? Какой
Найдете вы предлог, чтоб оправдаться?

(*Плача.*)

Но, право, вы слезы не стоите одной.
И мне приличнее смеяться!

Арбенин

Так суждено мне, может быть,
Весельем оскорблять, страданием смешить!
И что за диво? у других на свете

Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен;
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь.
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился;
Постиг друзей, коварную любовь;
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Все, что осталось мне от жизни, — это ты,
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье,
Я человек — пока они мои;
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета, — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно?
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава;
Покуда не растопится, тверда
Она как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья, —
Закона я на месть свою не призову!
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!

Хочет взять ее за руку, она отскакивает в сторону.

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!

Арбенин

Неужели!
Я страшен! Нет! — ты шутишь, я смешон...
Да, ты своей достигла цели;

Зачем же не пришел полюбоваться он
Моим отчаяньем!.. Теперь бы очень кстати
Вчерашний разговор вам повторить живой;
  Чай, в промежутках ласк, объятий
Смеялись вы жестоко надо мной.

Нина

Вчера?..

Арбенин

Вчера, на бале.

Нина (*в сторону*)

Он все знает.
(*Ему*.) Так вот причина! А ты видел сам?..
  Ты видел?.. нет! кто ж обвиняет
Меня? Никто... ты следуешь мечтам,
Тебе спокойствие и счастье надоело,
  Прекрасно! Продолжай же смело!..
Ты хочешь правды? Верь или не верь,
  Тебе я все скажу теперь.
Князь любит Оленьку... давно ли, я не знаю.
И без тебя он для нее одной
Езжал сюда... он не бывал со мной,
Он избегал меня... вчера, я понимаю!..
Вчера он с ней, от бала удалясь,
Был здесь... и на меня подумать?.. Этот князь!..
Хвастун, мальчишка... да я их застала...
Вчера вдруг Оленька, краснея, убежала...
  И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки подозренья.

Арбенин

Я верю... и сейчас за Оленькой пошлю.

Нина

Избавьте хоть ее от пыток и мученья,
Чего еще вам надо?

Арбенин

Убежденья!

Нина

Но не теперь!.. в другой хоть раз.

Арбенин (*звонит — лакей входит*)

Поди и позови мне Оленьку — сейчас...

Нина

Евгений — я прошу: не говори с ней строго,
Она так молода... вина ее скорей
Простая ветреность.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Те же и Оленька.

Нина (*подбегая к Оленьке, тихо ей говорит*)

Не бойся — будь смелей!

Оленька

Что вам угодно?

Арбенин

Много! Очень много!..

Оленька

Что сделалось?

Нина (*ей тихо*)

Не погуби меня,

(*упадая в кресла*)

Молчи, молчи!

Оленька

Готова слушать я...

Арбенин

Скажи мне, Оленька... на сердце руку смело,
Всю правду, как пред богом — все скажи.

Оленька

Я не охотница, вы знаете, до лжи.

Арбенин

О! да, я знаю, ты всегда умела
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить,
Ты чувствовать умела одолженья,
Не замечать, не помнить зла.
Как ангел-примиритель ты жила
В семействе нашем... Но!.. ужасные мученья
Столпились к сердцу моему.
И я теперь не верю ничему.
Клянись... но, может быть, моленье
Отвергнешь ты мое,
И что мудреного! Кому моей судьбою
Заняться!.. я суров! я холоден душою...
Один лишь раз, один пожертвуй ты собою
Не для меня — нет — для нее...

Оленька

О, мне, конечно, ничего не стоит
Собой пожертвовать для вас.
Вы точно знаете: вас это успокоит?
Извольте... где? когда? сейчас?..

Арбенин

Вот видишь, это дело важно: в свете
Смеюсь над этим сам...
А в сердце целый ад... так знай: в твоем ответе
Жизнь или смерть обоим нам.
Я был в отлучке долго... слух промчался,
Что Звездич в Нину был влюблен.
Он каждый день сюда являлся,
Но для кого, свет часто ошибался.
Его сужденья не закон;
Вчера здесь слышали признанья, объясненья,
Вы обе были тут; с которой же из вас!
Я должен знать сейчас,
О, если не с тобой — то нет ему спасенья!..

Оленька (*в сторону*)

Теперь я понимаю... он убьет,
Убьет его.

Арбенин

Ты видишь, речь идет
О жизни, счастии и чести.
Я истину хочу: она сказала мне,
Что с князем здесь вы оставались вместе.

Оленька

Она сказала? с ним? наедине?

Арбенин

Она! а ты молчишь?

Оленька

Что делать, боже!

Арбенин

Я вашу связь не осуждаю... что же,
Но если это так, то дом оставить мой
Должна ты завтра же, не ссорюсь я с тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку света я пред светом обнаружу!..

Оленька

А я? куда я денусь?.. ни родных,
Ни друга на земле; чем жить... в презренье,
У всех... в мои лета... за что? — о! в этот миг

(*Нине*)

От вас я требую, да, требую спасенья!
Защиты — вы должны, вы можете одне...

Арбенин (*на ухо Нине*)

Она не признается. Для терпенья
Граница есть...

Нина

Но что же делать мне?..

Арбенин

Подумай, Оленька: одно лишь средство
Окончить все: скажи мне *да* иль *нет*;
Скорей, скорей, какой-нибудь ответ.
Но также вспомни время детства.
Заботы, ласки матери ее
Тебя не покидали ни мгновенья,
Чужая ей, ты с ней делила все.
Есть сердце у тебя? смущенье,
Страх, обморок!.. Ну, право, я не зверь,
Прошу лишь слово правды... не хотите!..
Ошибся я — не надобно — идите.

Оленька (*чрез силу*)

Минуту — погодите.
Да, я всему виной — довольны ль вы теперь?..

Арбенин

О! наконец!

(*После молчания.*) (*Жене.*)

Здесь на колена
Я упадаю пред тобой,
Прости, прости меня... глупец я злой
И недостойный! может ли измена
Такую душу омрачить?
Я чувствую: я не достоин жить.
Здесь, здесь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветник,
Как я перед тобой теперь, у ног моих
Не будет умолять о жизни и прощенье,
На божий суд пойду я с ним...
Скажи мне: я прощен? я вновь тобой любим?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Казарина.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Казарин

Я утверждал всегда:
Чего судьба упрямая захочет,
Пусть целый мир хлопочет,
А сбудется наверно, — да!
Князь Звездич, например, была ему острастка —
А нынче сам ко мне на вечер назвался.
Играть не станет он, посмотрит только... сказка!
Уж быть тому, за что я раз взялся!
Вот, кажется, он сам, какое нетерпенье!
Явился прежде всех.

(*Отворяет двери.*)

А, князь! мое почтенье!

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Казарин и Арбенин.

Казарин (*оправившись*)

Ну, брат, не ждал я, виноват.
Я, впрочем, очень рад.

Арбенин

Не торопись заране веселиться!

Казарин

Мой бедный друг! Как приуныл,
Да что ж могло с тобой случиться?
Ах, помню! видишь ли, я правду говорил!
Из благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умерь себя, ко мне сегодня будет князь,
Хоть нонче помолчи, его я обыграю,
А завтра делай с ним, чего душа
Попросит...

Арбенин

Мысль отменно хороша,
Я князю не скажу ни слова.

Казарин

Вот сердце доброе, — да в свете нет такого!

Арбенин

Тебе же я скажу всю правду, как привык,
Ты, милый мой, презренный клеветник.
Клеймом стыда я вас, сударь, отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

Казарин

Ах боже мой!.. меня?.. за что ж меня?
Вот хлопочи, советуй другу!
Зло за добро — брань за услугу!..
Что? этак делают друзья...

Арбенин

Да, да, я помню, время было,
Когда с тобой одним путем
Стремление страстей нас уносило;
Я нужен был тебе, искусством и умом
Я защищал тебя в опасные мгновенья,
С тобой добычу я делил,
И только — вот твое о дружбе мненье!
Иначе в жизни ты ни разу не любил.
Когда всю ночь я в шумном круге
Сидел и хохотал с истерзанной душой,
Искал ли я в тебе, как в друге,
Надежды, жалости?.. бывал ли я с тобой
Таков, как иногда бываю
Один с моим творцом, когда под гнетом бед
За преступленья юных лет
Я, горько плача, умоляю?
Нет, нет!
Ты мне завидуешь, тебя ж я презираю!

Казарин

Пусть так! — возьми назад, возьми
Ты дружбу глупую — все кончено меж нами,
Я никогда не дорожил людьми,
Тем боле гордецами!
А чем же лучше ты меня?
Тем, что беснуешься, кричишь ты без разбору.
А я, рассудок свой храня,
Немного говорю, да в пору!..
Чем виноват я, что жена
Тебе немного неверна...
С такою совестью измученной и грозной
Тебе бы в монастырь, — а уж влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощение грехов,
Молчи, терпи...

Арбенин

О нет! Я не таков!..
Я не стерплю стыда и оскорбленья
При первом подозренье.
Тебе я это уж сказал —
И все ж ты на нее бесстыдно клеветал!
Но я открыл глаза... и будешь ты наказан,
Да, — совестью моей не так еще я связан,
Как ты, быть может, полагал.

Казарин

Твоих угроз я не пугаюсь, право!

Арбенин

Посмотрим! помнишь ли, советник мой лукавый,
Второе сентября семь лет тому назад...

Казарин (*смущаясь*)

Что ж, помню.

Арбенин

Очень рад.
Я стану говорить короче.
Дольчини, ты и Штраль, товарищ твой,

Играли вы до поздней ночи,
Я рано убрался домой,
Когда я уходил, во взорах итальянца
Блистала радость; на его щеках
Безжизненных играл огонь румянца...
Колода карт тряслась в его руках,
И золото пред ним катилось — вы же оба
Казались тенями, восставшими из гроба.
Ты это помнишь ли?..

Казарин

Ну что ж.

Арбенин

Сейчас
Я кончу мой рассказ.
Пред вашим домом утром рано
Дольчини был найден на мостовой
В крови, с разбитой головой;
Вы всех уверили, что пьяный
Он выскочил в окно, —
Так это и осталось! но
Волшебной сказкою меня не обморочишь,
И кем он был убит, скажу я, если хочешь!

Казарин

Ты доказать не можешь ничего.

Арбенин

Конечно! вот письмо. Кто написал его?

Казарин (*упадая на стул*)

Злодей, ведь я погиб...

Арбенин

Твой друг мне проигрался
И отдал свой бумажник — в нем
Нашел я этот клад... Кто в дураках остался?
Ты мне хотел вредить... за зло плачу я злом.

Казарин

Помилуй, сжалься, я твой раб отныне,
Конечно, что уж делать, согрешил,
Но я клянусь...

Арбенин

Какой святыней?

Казарин (*плача*)

Я уж раскаялся.

Арбенин

А! Плачешь, крокодил!

Казарин (*вскакивая*)

(В сторону.) Одно осталось средство для спасенья.
(Громко.) Постой, смотри... вот шкаф и от него ключи,
Там тысяч пятьдесят — с условием, молчи!
Тебе все, все мое именье!

Арбенин

Ха-ха-ха-ха, смешное предложенье!..

Казарин

Не хочешь?

Арбенин

Я богат.

Казарин (*в отчаянье*)

Он прав, но если так,
Я остаюсь при первом мненье.

Арбенин

Что? Что?

Казарин

Я просто был дурак,
Что испугался. Докажи сначала,
Что я солгал... да, — докажи сперва,

Что мне вредить имеешь ты права
И что жена тебе не изменяла,
Ты муж, каких на свете мало,
Всем верил! прежде мне,
Потом проказнице жене;
С тобой, я вижу, надо осторожно...

Арбенин

Изволь, тебя утешить можно.
Ты знаешь Оленьку — она,
Бедняжка, в князя влюблена.
Он для нее езжал ко мне, меж ними
Что было, я не знаю, только все
Упало на жену, намеками своими
Ты очернил ее!
Но я хотел знать правду... и немного
Трудился — Оленька призналась: строго
Я поступил, — но требует нужда,
Она мой дом оставит навсегда.

Казарин

Сама призналась?

Арбенин

Да!

Казарин

Заставили признаться!

Арбенин

Сама!..

Казарин

Не может быть! уговорить легко!

Арбенин

Мне любопытно знать, как может далеко
Такая дерзость простираться.

Казарин

Я милости прошу — минут чрез пять
Князь будет здесь — дай слово не мешать.

Арбенин

В чем?

Казарин

Ради бога!

Арбенин

Про жену ни слова.

Казарин

Пусть ни гугу!

Арбенин

Посмотрим, это ново,
Последнее то будет шельмовство.
Песнь лебедя... а там к расчету.

Казарин *(в сторону)*

Заплатишь, милый, за охоту
Знать верх искусства моего.

(Ходит по комнате.)

Он скоро будет... кажется, идет,
Нет — если он не будет — право,
Злой дух меня толкнет
С ним заключить расчет кровавый.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Те же и князь.

Казарин *(тихо)*

Насилу! кажется, еще на этот раз
Судьба меня спасти взялась.

(Князю.)

Князь, поздно, поздно что? Откуда?

Князь

Я был в театре.

Казарин

Что дают?

Князь

Балет.

Казарин

А я про вас здесь слышал чудо
И верить не хотел.

Князь

Конечно, не секрет?

Казарин

Сказать бы рад — да мудрено решиться,
Не вздумали бы рассердиться.

Князь

За правду не сержусь — а если ложь,
На вас сердиться мне за что ж?

Казарин

Люблю за это нашу молодежь,
Рассудит прежде, после скажет;
Бывало, нам ничто язык не свяжет.
Врут, хоть сердись, хоть не сердись,
Зато и доврались!

Князь

Да что ж вы про меня узнали?

Казарин

Да! вот что! бедная, ее вы наказали
За жертвы, за любовь... люби вас, шалунов,
Потом терпи, кто ж виноват, она ли?
Ан нет! Чай, сколько просьб и слов,
Угроз и ласк, и слез, и обещаний

Вы расточили перед ней,
И все зачем? из сущей дряни
Повеселиться пять, шесть дней.
Прекрасно, князь, прекрасно.
Скажите-ка: она вас любит страстно?
Вы долго волочились!.. о, злодей!..

Князь

Позвольте хоть узнать, о ком вы говорите?

Казарин

Не знает! О, невинность! Посмотрите,
Какой серьезный вид и недовольный взор.
Да я не знал, что вы такой актер;
А для кого, скажите-ка по чести,
Езжали вы к нему так часто в дом,
А кто с утра ждал под окном,
Как вы проедете... уж я на вашем месте
Теперь, когда открылося, когда
Она без крова, жертвою стыда,
Осуждена искать дневного пропитанья,
Уж я женился бы... хотя б из состраданья.

Князь

Да ради бога, кто ж она? И в чем
Я виноват?

Казарин

Нашли же вы на ком,
На компаньонке пробовать искусство,
И трудно ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя,
За это я возьмусь шутя!

Князь

Послушайте, зашли вы дальше шутки.

Казарин

Да я и не шучу... я правду вам сказал —
Арбенин Оленьку прогнал...
Что ж делать, у него свои есть предрассудки.

Князь

Помилуйте, да вы сошли с ума.
Кто так наклеветал безбожно?

Казарин

Она сама призналась.

Князь

Как?

Казарин

Она сама.

Князь

Не может быть.

Казарин

Случилось — так возможно.

Князь

Не может быть. Ее признанье ложно.
Я не хочу, чтоб за меня она
Страдала; я помочь не в силах, право...
Я не люблю ее... жениться мысль смешна.

Арбенин

И то зачем, уж вы покрылись славой.

Князь

С чего вы вздумали, что я женюсь на ней?

Арбенин

Ну, князь, я думал, вы честней...

Князь

Вы это думали?.. А, это оскорбленье.
Останьтесь же при первом мненье.
И прежде чем решит свинец,
Я докажу, что я не трус и не подлец.
Хотите ль правду знать?

Арбенин

Посмотрим — что же?

Князь

Вы не раскаетесь?

Арбенин

У вас спрошу я то же.

Князь

Хотите?

Арбенин

Да!

Князь

Скажите лучше: нет.

Арбенин

Хочу.

Князь (*подавая браслет*)

Смотрите, чей браслет!
Узнали ль?

Арбенин

Да — узнал!

Князь

Я думаю, узнали.
Теперь раскаялись.

Арбенин (*помолчав, с бешенством*)

Нет! вы его украли!
А! вы подумали, что можете со мной
Шутить, как с мальчиком... глупцы, вы оба дети...
Вы видите, как ваши сети
Я разорвал одной рукой...
А! князь, — вы сами захотели
Себя достойно наказать,

Как вы решились, как вы смели
В глаза все это мне сказать;
Скорее на колени, на колени,
Нет! очень рад! Тем меньше затруднений!
Вам жизнь наскучила — не странно! жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь, вы будете убиты;
Умрете с именем и смертью подлеца.

Князь

Скорее час и место!

Казарин (*в сторону*)

Ну, насилу
Избавлюсь от него, не в крепость — так в могилу.

Арбенин

Я жду вас завтра к девяти часам
И у себя.

(*Подходит к Казарину.*)

Казарин (*смеясь*)

Не спорь со мною.

Арбенин

Не веселись по пустякам.
Твои дела сегодня ж я устрою.

(*Уходит быстро.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Казарин (*несколько времени поражен, потом вскакивает*)

Князь — я ваш секундант... угодно?

Князь

Очень рад.

(*В сторону.*)

Я глупо поступил — да уж нельзя назад.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната Арбенина. Нина спит на канапе.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Арбенин (*входя, оборачивается к двери*)

Князь Звездич скоро должен быть. Ко мне
Его проси, — ступай; как ты сюда попала?

Служанка

Тихонько-с! барыня сейчас започивала.
Ждала вас целу ночь и бредила во сне...
Потом чем свет оделась, встала,
Изволила прийти к вам в кабинет,
Да и уснула здесь на креслах.

Арбенин

Я исправить
Хочу вину свою... ты можешь нас оставить.

Уход служанки.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Арбенин, Нина.

Арбенин (*подходя к Нине*)

Спит — точно спит, сомненья нет,
Улыбка по лицу струится,
И грудь колышется, и смутные слова
Меж губ скользят едва-едва...
Понять не трудно, кто ей снится.
О! эта мысль запала в грудь мою,
Бежит за мной и шепчет: мщенье! мщенье!
А я, безумный, все еще ловлю
Надежду сладкую и сладкое сомненье!
И кто подумал бы, кто смел бы ожидать?
Меня, — меня, — меня продать
За поцелуй глупца, — меня, который
Готов был жизнь за ласку ей отдать,
Мне изменить! мне — и так скоро.

(*Задумывается.*)

Да. Да — я этого хочу;
Я вырву у нее признанье
Угрозой, страхом, я ей отомщу.
Как прежде мстил — без состраданья.

Молчание.

Бывало, я искал могучею душой
Забот, трудов, глубоких ощущений,
В страданиях мой пробуждался гений,
И весело боролся я с судьбой;
И был я горд, и силен, и свободен,
На жизнь глядел как на игрушку я,
И в злобе был я благороден,
И жалость не смешна казалася моя,
Но час пришел — и я упал, — ничтожный,
Безумец, безоружен против мук и зла;
Добро, как счастие, мне стало невозможно.
И месть, как жизнь, мне тяжела...

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Арбенин, Нина, Оленька.

Оленька (*входя, увидав*)

Ах, боже мой!.. он здесь...

Арбенин

Не разбуди...

(*Увидав узел.*)

Что это значит?

Оленька

Я пришла проститься...

Арбенин

К кому же ты пойдешь?

Оленька

К кому случится.

Прощайте!

Арбенин

Погоди!
Мне жаль тебя... бедняжка, ни родного,
Ни друга на земле.

Оленька

Что ж? я на все готова.

Арбенин

Легко сказать... Презренье, нищета...
Ужасно.

Оленька

Да, ужасно!..

Арбенин

Тебе упреком будет красота.
Пройдут и скажут: да, она прекрасна;
С подобным личиком невинность сохранить
Задача трудная — к тому ж ведь надо жить!..

Оленька

О, я умру.

Арбенин

Кто виноват? не ты ли?..
Подумай!..

Оленька

Я одна.

Арбенин

Признайся мне, вы в заговоре были.
Тебя солгать заставила она...
Ты гибнешь — если нет — признайся — спасена.
Есть время...

Оленька

О, не искушайте!

Арбенин

Я жду последний твой ответ.

О л е н ь к а (*уходя*)

Прощайте!

А р б е н и н

Постой... войди сюда... и через час
Я кликну... может быть, и прежде.

О л е н ь к а

Для чего же?

А р б е н и н

Узнаешь.

Она уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

А р б е н и н, Н и н а.

А р б е н и н

Боже! боже!
Дай твердость мне в последний раз.

Арбенин подходит к Нине.

Проснись... пора...

Н и н а

Ах, это ты, Евгений!
Какой тяжелый сон... толпа видений
В уме моем еще теснится. Снилось мне,
Что ты ласкал меня так страстно!
А говорят, что все во сне
Наоборот... и верить им опасно...
Боюсь, что ждет меня беда!

А р б е н и н

Предчувствиям я верю иногда.

Н и н а

Тебя я жду всю ночь — была готова
Послать искать.

Арбенин

О, редкая жена...

Нина

Послушай, милый друг, я что-то нездорова.

Арбенин (*в сторону*)

Судьба мне помогает снова.

Нина

Я очень, кажется, больна.

Арбенин

Мне жаль.

Нина

Послушай, я сказать тебе должна:
Со мною ты ужасно изменился.
Стал холоден и принужден.
И отчего?

Арбенин

Как быть, мне также снился
Зловещий сон!..

Нина

Все грустен, все ворчишь — мне в тягость жизнь такая.

Арбенин

Ты пра̀ва, что такое жизнь? — жизнь вещь пустая, —
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада;
Пройдут года желаний и страстей,
И все вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей,
Где первое — рожденье, где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть последнее... а целое обман.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбенин

Пустое!

Нина

И умереть боюсь.

Арбенин

Жизнь — вечность, смерть — лишь миг.

Нина

Нельзя ль от шуток мне твоих
Избавиться, я слушать все готова,
Но не теперь... Евгений, я молю,
Пошли за доктором... я очень нездорова,
И голова кружится!

Арбенин

Не пошлю.

Нина

О, ты меня не любишь...

Арбенин

А за что же
Тебя любить... за то ль, скажи,
Что был обманут я, ты требуешь любви,
Насмешка горькая...

Нина

О боже!..

Арбенин

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата,
Раз в ночь одну я все до капли проиграл.
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал.

Я был в отчаянье. Ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь,
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик,
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик,
Но счастье вынесло, и в час я отыгрался!
Заветный порошок я долго сберегал
Среди волнений жизни шумной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и этот день настал.

Нина

Что хочешь ты сказать, не мучь меня, Евгений.
Но ты дрожишь, ты стал бледнее тени?

Арбенин

Тут был стакан — он пуст — кто выпил лимонад?

Нина

Я выпила — смеешься?

Арбенин

Да — я рад.

Нина

Что ж было в нем?

Арбенин

Что? Яд!

Нина (*вскочив*)

Не верю! Невозможно! и с такою
Холодностью смеяться надо мною.
И в чем виновна я — ни в чем;
Что балы я люблю, вот вся беда в одном.
Яд — это было бы ужасно.
Нет, поскорей рассей мой страх,
Зачем терзать меня напрасно?
Взгляни сюда, о, смерть в твоих глазах.

Арбенин (*бросая браслет на стол*)

Ты изменила мне — вот обвиненье.

Нина

Не верь — не верь... из сожаленья!

Арбенин

Признайся!

Нина

Не могу!..

Арбенин

Пожалуй, ты умрешь.

Нина

Но я невинна.

Арбенин

Ложь!

Нина

Так нет спасенья!..

Арбенин

Нет спасенья!..

Нина плачет.

Да, горько я ошибся — возмечтал
О счастье — думал снова
Любить и веровать, — но час судьбы настал
И все прошло, как бред больного.
Я мог бы воскресить погибшие мечты.
Я мог бы, веруя надежде,
Быть снова тем, чем был я прежде.
Ты не хотела, ты!
Плачь, плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал! я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда.
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина плачет!

В тот миг к нему не подходи,
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Нина (*упадая на колени*)

О, ты ужасен! о, помилуй! пощади.
Я все исполню, я признаюсь, — поскорее,
Еще есть время, говори, чего
Ты хочешь... смерть всего страшнее,
Смерть, смерть — да, я люблю его,
Нет, нет, — то было заблужденье,
Ребячество, обман, воображенье,
Я не любила никого...
Позволь обнять твои колени...
Ты видишь, я у ног твоих, Евгений.
Скажи, скажи, какой ценой
Купить мне жизнь... ценой мучений?
Чем хочешь буду я — твоей рабой...
Я молода — жизнь так прекрасна;
О, ты меня спасешь — ты не злодей.
Я знаю, жалость есть в душе твоей.
Помучишь и простишь; напрасно, все напрасно,
Мне кажется, я чувствую в груди
Огонь, — огонь — о, сжалься, пощади!

(*Бросается к дверям.*)

Сюда, сюда... на помощь — умираю.
Яд, яд, не слышат, понимаю,
Ты осторожен... никого, нейдут,
Но помни, я тебя, жестокий, проклинаю,
И ты придешь на божий суд!

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Арбенин, Нина, Оленька.

Оленька

Я здесь! что с вами?

Нина

Ах, скорее, ради бога,
Покуда время есть! я жить хочу, жить, жить,
Ужели и тебя мне надо так молить?

(*Становится пред нею на колени.*)

Оленька

О, что вы сделали...

Арбенин (*помолчав*)

Перепугал немного!
Хотел знать правду и узнал...
Опомнитесь и встаньте, я солгал,
Я не ношу с собою яда...
В вас сердце низкого разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыд.
Что вы дрожите? будьте вновь спокойны,
Вам долго жить на свете суждено,
И счастье вам еще возможно. Но
Ничьей любви, ничьей вы мести недостойны.
Да, ныне чувствую, я стар,
Измучен долгою борьбою,
Последний на меня упал судьбы удар,
И я поник покорной головою.
Желаний нет, надежды нет,
Я выброшен из круга жизни шумной
С несносной памятью невозвратимых лет,
Страдалец мрачный и безумный.

Садится. Нина почти без чувств на креслах; входит князь с пистолетами.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Арбенин, Нина, Оленька, князь и Казарин.

Князь

Что это значит, смею вас спросить,
Дуэль в кругу семейства — очень ново.
Тем лучше, случая такого
Мне, верно, больше не нажить.

Казарин

По чести, странный выбор секундантов.
Где о дуэли речь, там я в числе педантов.

Князь

Мне все равно, без дальних слов.
Вот пистолеты, я готов...

Арбенин (*встает и подходит к нему*)

День, час тому назад, хотел я крови, мести;
Защитник прав своих и чести,
С надеждой трепетной в груди
Я думал отразить позор и обвиненье,
И я ошибся; с глаз слетело заблужденье —
Вы правы, торжествуйте — впереди
Вас ждут победы славные, как эта,
Отчаянье мужей, рукоплесканье света,
И мало ль женщин есть, во всем подобных ей?
Они того, кто посмелей!!!
Смотрите, как бледна, почти без чувства,
А отчего, не отгадаешь вдруг;
Что это — стыд, раскаянье, искусство?
Ничуть! Испуг — один испуг!
Ни вы, ни я, мы не имели власти
В ней поселить хоть искру страсти.
Ее душа бессильна и черства.
Мольбой не тронется — боится лишь угрозы
Взамен любви у ней слова,
Взамен печали слезы,
За что ж мы будем драться — пусть убьет
Один из нас другого — так. Что ж дале?
Мы ж в дураках: на первом бале
Она любовника иль мужа вновь найдет.
Теперь стреляться вы хотите,
Вот грудь моя обнажена.
Возьмите жизнь мою, возьмите,
Она ни мне, ни миру не нужна!..

Казарин (*тихо князю*)

Стреляйте же скорей — скорей.

Арбенин

Молчите?
Задумались — итак, оставьте нас!
Мы квиты.

Князь уходит.

Казарин

Обманул, еще раз увернулся,
Скорей и мне убраться с глаз,
Покуда не очнулся.

(*Хочет уйти.*)

Арбенин (*останавливая*)

Куда спешишь?.. Постой:
Расчет у нас не кончился с тобой.
Недаром моего позора
Ты был свидетелем!.. (*Насмешливо.*)
Так вежливость храня,
Прошу я, поклонись Камчатке от меня...

Казарин (*в испуге*)

Как?.. Что?.. Когда?..

Арбенин (*выталкивает его*)

Утешься! — очень скоро!

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Арбенин, Оленька, Нина.

Арбенин

Я еду, Оленька, прощай!
Будь счастлива, прекрасное созданье,
Душе твоей удел — небесный рай,
Душ благородных воздаянье;
Как утешенье образ твой
Я унесу в изгнание с собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущает.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бедность вновь тебе не угрожает...

Оленька

Вы возвратитесь?..

Арбенин (*помолчав*)

Никогда!..

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

В настоящем томе печатаются драматические произведения Лермонтова.

Драмы Лермонтова — одно из наиболее замечательных явлений русской романтической драматургии. Как и великие представители свободолюбивой романтической драмы на Западе — Байрон, Гюго, молодой Гейне, — Лермонтов-драматург сосредоточивает внимание на самых глубоких противоречиях своего времени. В его драматургии отразились русская общественная жизнь в первый период после 1825 года, думы лучших людей из дворян, которые, после разгрома декабризма, в обстановке победившей реакции мучительно искали новые пути и средства борьбы. Пьеса Лермонтова насыщена пафосом свободолюбивых мечтаний, пытливой, ищущей мысли, непреклонного и страстного протеста, и вместе с тем трагическим ощущением разлада между передовой личностью и обществом, неясности путей, ведущих из мира беззакония и произвола к свободе и счастью.

Лермонтов рано начал интересоваться театром; из письма к тетке М. А. Шан-Гирей из Москвы от осени 1827 года (когда поэту было тринадцать лет) известно, что в эти годы он увлекался театром марионеток, для которого сам изготовлял восковые фигурки. Из того же письма видно, что еще в ранние детские годы в Москве Лермонтов бывал в опере и надолго сохра-

---

[1] Преамбула, примечания к драмам «Испанцы», «Маскарад» и «Арбенин» и подготовка их текста — *Г М. Фридлендера.*

Примечания к наброскам либретто «Цыган» и драмам «Menschen und Leidenschaften», «Странный человек» и «Два брата» — *Н. А. Любович.*

нил воспоминание об этих первых посещениях театра. В другом письме к М. А. Шан-Гирей, написанном весной 1829 года, Лермонтов доказывает превосходство московских актеров над петербургскими и восхищается игрой Мочалова в роли Карла Моора в «Разбойниках» Шиллера. О популярности Мочалова среди студенчества в годы учения Лермонтова в Москве свидетельствует сцена IV драмы Лермонтова «Странный человек» (см. стр. 319). Письмо к М. А. Шан-Гирей от февраля 1831 года (или 1832) с анализом шекспировского «Гамлета» говорит о том, что Лермонтов читал Шекспира в оригинале, и свидетельствует о глубоком понимании молодым поэтом этой трагедии великого английского драматурга.

К 1829 году относятся первые драматические опыты Лермонтова — начало либретто оперы «Цыганы» (на сюжет одноименной поэмы Пушкина) и перевод отрывка «Три ведьмы» из «Макбета» Шекспира в переделке Шиллера (см. т. 1 наст. издания). В следующие два года создаются. трагедия «Испанцы» (1830), автобиографические драмы «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»; 1830) и «Странный человек» (1831). 1830 годом датируется и ряд записей драматических сюжетов, которые не получили дальнейшего развития. Таковы сюжеты трагедии о разбойниках, об угнетении индейцев испанцами в Америке, о продаже родителями на ярмарках дочерей казакам и о молодом разночинце, кончающем самоубийством в результате столкновения с окружающей русской крепостнической действительностью. Все эти сюжеты, как и юношеские драмы Лермонтова, свидетельствуют об остро-критическом отношении молодого поэта к современному общественному строю и жгучем интересе к социальным вопросам. В 1831 году Лермонтов размышляет над созданием трагедий на материале древнеримской истории — о Марии и Нероне. Тогда же он подробно разрабатывает план историко-патриотической драмы о Мстиславе Черном — на сюжет, заимствованный из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Ряд записей сюжетов и отдельных мотивов, предназначенных, по-видимому, для драматической обработки, мы находим и в тетрадях Лермонтова 1832 и следующих годов (см. «Приложения» в т. 4 наст. издания).

Действие первой трагедии Лермонтова «Испанцы» развертывается в средневековой Испании. Герои пьесы — кастильские дворяне, иезуиты, служители инквизиции. Но все содержание

этой романтической трагедии неразрывно связано с русской общественной жизнью лермонтовской поры. Поэт выступает в «Испанцах» как продолжатель декабристских традиций в новых, трудных исторических условиях, сложившихся после разгрома декабризма. В «Испанцах» обрисована трагическая судьба пылкого и свободолюбивого молодого человека, ставшего жертвой социальной несправедливости и страстно восстающего против нее. Герои «Испанцев», Фернандо и Эмилия, погибают, так как борьба, которую они ведут, слишком неравна. Но самая смерть их призывает к протесту против окружающего несправедливого мира

Лермонтов в «Испанцах» выступает как страстный критик и обличитель русского общества своей эпохи. Молодой поэт горячо защищает идеалы свободы и равенства людей — независимо от сословного и национального происхождения, проповедует сочувствие угнетенным, с негодованием изображает религиозное ханжество и власть денег, семейный деспотизм и произвол. Все эти мотивы, получившие яркое отражение уже в первой трагедии Лермонтова, лежат и в основе двух последующих его драм.

Трагедия «Menschen und Leidenschaften» — значительный шаг вперед в развитии Лермонтова-драматурга по сравнению с «Испанцами». Здесь Лермонтов сделал попытку нарисовать картину современной ему русской жизни.

Мир, окружающий героя драмы, изображен в этом произведении — в отличие от «Испанцев» — в традициях бытовой, нравоописательной драматургии. Лермонтов опирается на опыт Фонвизина, Плавильщикова, Крылова и других представителей русской бытовой комедии и драмы XVIII века, а также на нравоописательный роман и повесть 20-х годов. Сцены между бабушкой Юрия — злобной и лицемерной старухой, помещицей Громовой — и ее горничной Дарьей, реплики дяди Юрия, Василия Михайловича Волина, Заруцкого, Элизы насыщены яркими деталями помещичьего быта. Молодой Лермонтов щедро воспользовался своими наблюдениями над жизнью и нравами дворянского общества.

Смелостью мысли проникнута сцена, в которой Дарья читает своей хозяйке евангелие. Лермонтов показывает, как в сознании Громовой религиозные заповеди мирно уживаются с крепостническими привычками, ханжество с самодурством. Самая любовь Громовой к внуку глубоко эгоистична, что не может скрыть ее слезливое умиление своими показными чувствами.

Одна из примечательных особенностей драмы «Menschen und Leidenschaften» заключается в том, что здесь — хотя и романтически-абстрактно — намечается тема духовного превосходства крепостного раба над своим помещиком (тема, предвосхищающая Тургенева и Толстого). Не старуха Громова, а ее горничная Дарья в сущности является действительной хозяйкой в доме Громовой. Но зависимость помещиков от их «крещеной собственности» проявляется не только в этой власти Дарьи над своей госпожой: в наиболее трудную минуту жизни, проклятый отцом, Юрий черпает утешение и поддержку в разговоре со слугой Иваном, который изображен Лермонтовым как человек неподкупно честный, превосходящий по нравственной силе и стойкости всех обитателей дома Громовой и своего молодого барина.

В основу «Menschen und Leidenschaften», как и в основу двух других, позднейших драм Лермонтова — «Странный человек» и «Два брата», — легли сюжеты и темы автобиографического порядка. Но было бы неправильным сводить все содержание этих драм к тем автобиографическим мотивам, которые без труда угадывает в них читатель, знакомый с биографией поэта.

Подобно другим поэтам-романтикам, Лермонтов пользуется материалом своей биографии для того, чтобы создать на ее основе произведения, в сложном сплаве сочетающие «поэзию» и «правду», пережитое и вымысел. Собственным, личным переживаниям он придает обобщающий смысл, стремясь через них передать читателю жизненную драму своего поколения.

Юрий Волин — герой «Menschen und Leidenschaften» — юноша, горячо преданный идее «свободы человечества»; его с ранних лет жизни «занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства». Ни родные Юрия, ни даже Заруцкой не разделяют его духовных стремлений и интересов: искренне и глубоко чувствующему Юрию в драме противопоставлен пошловатый Заруцкой. Чувствуя себя чужим в родном доме, потеряв веру в свою возлюбленную, Юрий кончает с собой со словами, что оба они «не были созданы для людей».

Конфликт между свободолюбивым, чистым душой молодым человеком и дворянским обществом, который по-разному изображен в «Испанцах» и «Menschen und Leidenschaften», стоит в центре и третьей, наиболее зрелой из юношеских драм

Лермонтова — «Странный человек». Драма эта во многих отношениях является итоговой для раннего творчества Лермонтова в целом: она вобрала в себя основные темы и предшествующих драм и поэзии 1830—1831 годов. Не случайно Лермонтов широко воспользовался в ней своей юношеской лирикой (приписав ряд своих стихотворений герою — Владимиру Арбенину).

Основное достоинство «Menschen und Leidenschaften» заключалось в изображении среды, окружающей героя. Внутренний же мир Юрия Волина воспроизведен еще с помощью отвлеченных романтических приемов. Его возвышенные монологи полны условной патетики («адский дух», «душа... черна, как сажа», «огненное сердце» и т. д.), образ его несколько расплывчат и слабо индивидуализирован. В «Странном человеке» Лермонтов во многом преодолевает ту романтическую абстрактность, которая была присуща центральным образам двух его первых юношеских трагедий, он пытается здесь обрисовать общественную среду, сформировавшую характер Владимира Арбенина. Благодаря сцене, изображающей студенческую вечеринку, в которой участвуют товарищи Арбенина по университету — Снегин, Челяев, Рябинов, Заруцкой, Вышневской (часть из них, вероятно, разночинцы), — образ Владимира Арбенина приобретает значительно бо́льшую социальную и психологическую конкретность, чем образы Фернандо и Юрия Волина. Владимир Арбенин — носитель чувств и идей передового московского студенчества 30-х годов. Герои прежних драм Лермонтова были одиночками, в «Странном человеке» светскому обществу противопоставлен не один Владимир Арбенин, но и его товарищи, которые разделяют заветные думы и чувства Арбенина, считают его своим.

Лермонтов показывает, что трагедия Арбенина в конечном счете порождена тем же несправедливым социальным строем, что и страдания многих десятков и сотен тысяч крепостных крестьян. Едва ли не самая сильная сцена «Странного человека» — сцена, в которой Арбенин и его друг Белинской слушают рассказ мужика о мучениях и истязаниях, которым подвергает его и его односельчан помещица. Лермонтов указывает здесь на то, что — при всем различии между ними — объединяет Владимира Арбенина и крепостного мужика: по-разному, но оба они страдают от несправедливости и гнета одних и тех же враждебных им, деспотических общественных сил. И при этом,

если рядовой крестьянин той эпохи, эпохи, когда крепостная Россия была еще забита и неподвижна, подчас, — как замечает герой, выслушав рассказ мужика, — «мог успокоиться, найдя хорошего господина», то сам Владимир Арбенин чувствует себя призванным думать не только о себе, но и о крестьянине и вообще о всех жертвах несправедливого общественного устройства; поэтому он не может «успокоиться»: благодаря присущему ему более сознательному отношению к жизни, в нем живет «червь, пожирающий малейшие искры удовольствия», мысль не об одном личном, но и о всеобщем счастье.

В позднейшие годы Лермонтов не возвращался к своим юношеским драмам и, очевидно, не предназначал их для постановки на сцене. Иначе он относился к «Маскараду», созданному после окончания юнкерского училища в 1835 году. Это было первое произведение, которое молодой, еще не выступавший в печати поэт предназначал для публики, выносил на суд общества

Занимая центральное место в творчестве Лермонтова-драматурга, «Маскарад» является вместе с тем существенным этапом в развитии поэтического мастерства Лермонтова, в его работе над стихом. Свои юношеские драмы (кроме ранних «Испанцев») Лермонтов писал в прозе, сознавая, по-видимому, непригодность традиционных стихотворных размеров (и классического александрийского стиха и белого пятистопного ямба, получившего начиная с 20-х годов XIX века широкое распространение в русской исторической драме) для передачи интонации живой разговорной речи. Опыт «Горя от ума» открыл перед Лермонтовым новые пути в области разработки драматического стиха. Подобно Грибоедову, он написал стихотворную драму о современном обществе, воссоздающую не одни нравы и характеры, но и склад речи, разговорный язык той эпохи. Однако в том вольном чередовании ямбических стихов, которое Грибоедов применил в комедии, Лермонтов открыл новые возможности: драматическим стихом, разработанным Грибоедовым, он воспользовался для изображения «истории души человеческой» — для глубокого раскрытия на сцене сложной, морально-психологической драмы лучших людей своей эпохи.

Как и герои более ранних лермонтовских драм и поэм, Арбенин — жертва несправедливости окружающего общества и вместе с тем мститель за пережитые обиды и страдания. Но конфликт между Арбениным и окружающей средой изображен

в «Маскараде» принципиально иначе, чем в ранних драмах. В «Испанцах» и «Странном человеке» конфликт между молодыми героями и обществом осмыслялся Лермонтовым как проявление извечной борьбы между «добром» и «злом». В «Маскараде» он уже обусловлен также социальными и моральными законами современного поэту общества.

Следуя традиции Грибоедова, Лермонтов в «Маскараде» создает широкую картину светского Петербурга 30-х годов. К традиции «Горе от ума» восходят блестящие эпиграмматические характеристики посетителей аристократических гостиных. Тема светского общества перерастает в драме в символическую тему «маскарад»; весь дворянско-аристократический мир с его балами и увеселениями — это, как сознает Арбенин, лишь пышный маскарад, где под нарядными костюмами и роскошью скрыты разврат, пошлость и мелочная зависть.

Тема игрока занимала большое место в драме, романе и повести 20—40-х годов. Лермонтова так же, как и Пушкина (который за год до «Маскарада» создал «Пиковую даму»), тема эта привлекала не столько в бытовом и нравоописательном плане, сколько в морально-философском. Игрок для Лермонтова — человек, отвергнутый обществом и сам порвавший с привычными нормами жизни и морали дворянской среды. Таков Арбенин. Это — человек сильный и властный, свободный от предрассудков светского общества и вместе с тем человек, живущий в мире «самолюбивых дум и ледяных страстей» (выражение Неизвестного), эгоистический, недоверчивый и мстительный, познавший «цену злата». Арбенин для Лермонтова — фигура одновременно величественная и трагическая. Человек, одаренный умом, душой и сердцем, он обречен на одиночество и сам, подобно Демону, является носителем начала зла и разрушения. Тоскуя о любви и счастье, Арбенин, окруженный враждой и злобой «света», в свою очередь становится для самого себя и для Нины источником страданий и зла.

Лермонтов вплотную подходит в «Маскараде» к той теме суда над человеком своего «времени», которую он впоследствии раскрыл в «Думе» и в образе Печорина. Арбенин поражен болезнью «века», здоровые задатки его натуры извращены обществом, поэтому клевета «света» находит опору в нем самом, в той гордости, эгоистической замкнутости, недоверчивости и подозрительности к людям, которую породила в Арбенине его жизнь отверженного и игрока. Отсюда характеризующее Арбе-

нина противоречие между «глубокостью натуры» и «жалкостью действий» — противоречие, отмеченное Белинским при анализе Печорина. Высокий романтический пафос изображения сильной, гордой и одинокой личности слит в «Маскараде» воедино с беспощадной сатирой на светско-аристократическое общество и с философскими раздумьями поэта над трудной судьбой и противоречиями характера «современного человека» — представителя той переходной эпохи, когда в общественной жизни господствовала реакция, а новые пути борьбы были неясны еще даже самым передовым людям.

В течение 1835—1836 годов Лермонтов трижды переделывал «Маскарад», настойчиво добиваясь постановки драмы на сцене. После того как две первые редакции «Маскарада» в 1835 году были запрещены цензурой (см. об этом ниже, в примечаниях к «Маскараду»), поэт написал третью, последнюю по времени, редакцию — драму «Арбенин» (1836), в которой главное место заняла личная трагедия Арбенина. Но и эта редакция была запрещена драматической цензурой: Лермонтову так и не удалось увидеть «Маскарад» на сцене или в печати. После первой ссылки на Кавказ, в 1837—1841 годах Лермонтов уже не возобновлял хлопот о постановке «Маскарада». Не делал он и попыток опубликовать драму, считая это, по-видимому, безнадежным.

Эпиграмма Лермонтова на Н. В. Кукольника, осмеивающая творчество этого представителя «ложновеличавой школы» — казенной псевдопатриотической драматургии 30-х годов, — свидетельствует, что в годы работы над «Маскарадом» Лермонтов испытывал глубокое недовольство репертуаром тогдашнего русского театра так же, как Гоголь и Белинский. Попытки поставить на сцене «Маскарад» были продиктованы и заботой Лермонтова о судьбе этой драмы и желанием противопоставить свое искусство низкопробной и официозной драматургии. Тем более болезненно должен был переживать Лермонтов троекратное запрещение «Маскарада».

Написанная так же, как «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек», в прозе, последняя драма Лермонтова «Два брата» (1835—1836) не достигает художественной силы «Маскарада». Возможно, объяснение этому надо искать в том, что после тех разочарований, которые принесли поэту хлопоты о постановке «Маскарада», он вполне сознательно стремился ограничить свою новую драму нравственно-психологической

проблематикой, избегая затрагивать в ней открыто большие социальные проблемы.

В центре пьесы «Два брата» — не раз разрабатывавшаяся в драматургии тема любовного соперничества двух братьев — Юрия и Александра Радиных. Однако для Лермонтова важна не проблема взаимоотношений братьев, а прежде всего углубленная разработка двух противоположных характеров. Юрий Радин сродни героям юношеских драм Лермонтова — Юрию Волину и Владимиру Арбенину; это пылкий, доверчивый и великодушный молодой человек, находящийся в разладе с окружающей его дворянско-помещичьей средой. Александр же, его старший брат, ближе к Евгению Арбенину и Печорину. Человек богато одаренный, с сильным умом и твердой волей, Александр лишен иллюзий, эгоистичен, холоден и безжалостен. Он борется с обществом тем же оружием коварства и злобы, к которому прибегают его враги. Его эгоистические и мстительные поступки рождены сомнениями в себе и внутренним страданием.

Монолог Александра Радина («Да!.. такова была моя участь со дня рождения...» — д. II, сц. I) Лермонтов впоследствии перенес в «Героя нашего времени», где он стал одним из моментов автохарактеристики Печорина.

В последние годы своей жизни Лермонтов, как видно из его писем (см. письма к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 года и к А. А. Лопухину от 17 июня 1840 года в т. 4 наст. издания), продолжал горячо интересоваться театром. Но новых попыток писать в драматической форме он уже не предпринимал.

В истории творческого развития поэта драмы Лермонтова явились звеном на пути от юношеских поэм и стихотворений к позднейшей зрелой лирике и повествовательной прозе (см. об этом в работе Б. М. Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова», «Литературное наследство», т. 43—44, М. 1941). Уже в юношеских драмах сказались широкий интерес Лермонтова к социальной тематике и искания в области психологического анализа, которые получили свое полное развитие в «Герое нашего времени». «Маскарад» — вершина лермонтовского драматургического творчества — является вместе с тем одним из классических шедевров всей русской классической драматургии. Выросший на основе во многом новых для литературы 30—40-х годов XIX века идейных и художественных

принципов, объединивший в себе элементы социально-психологической драмы, романтической философской трагедии и сатиры, «Маскарад» — вместе с «Горем от ума», «Борисом Годуновым» и «Ревизором» — стоит у истоков русского национального театра.

Маскарад (стр. 7)

Впервые напечатано (с купюрами) в книге «Стихотворения М. Лермонтова», Спб. 1842, ч. III.

Печатается по писарской копии с поправками С. А. Раевского (ИРЛИ); стихи 64—72 (по цензурным соображениям исключенные Лермонтовым и отсутствующие в этой копии) — по «Библиографическим запискам», 1859, № 12.

Лермонтов начал работу над «Маскарадом» в самом конце 1834 или в начале 1835 г. До нас дошла неполная рукопись первой редакции «Маскарада» (копия с поправками Лермонтова; хранится в Центральном государственном историческом архиве в Москве). Рукопись эта начинается серединой первой сцены второго акта (диалог между Арбениным и Ниной после возвращения ее с маскарада). После этой сцены в первоначальной редакции следует сцена у баронессы Штраль (она называется здесь Траль), где наряду с Ниной, князем и Шприхом присутствует лицо, позднее исключенное Лермонтовым, — пехотный полковник (он играет в пьесе ту же вспомогательную роль, что и чиновник в позднейшей редакции). Дальнейшие сцены идут в той же последовательности, что и в позднейшей редакции, но с некоторыми существенными отличиями. Так, в этой редакции не было сцены, в которой Арбенин оскорбляет Звездича, бросая ему карты в лицо и публично называя его шулером. Арбенин здесь вступает в общество игроков, группирующихся вокруг Казарина, которые по его требованию обыгрывают князя. Сцена бала открывается подробным описанием отъезда в деревню баронессы, сделанным одним из гостей. Образа Неизвестного в первой редакции не было; князь здесь уезжает на Кавказ; Арбенин, отравивший Нину, не узнает о ее невиновности (хотя ее поведение перед смертью внушает ему некоторые сомнения в справедливости его подозрений). Заканчивается драма приездом доктора, констатирующего смерть Нины, и монологом Арбенина после отъезда доктора; в этом монологе Арбенин жалуется на свое одиночество и упрекает себя и князя.

В дошедшей до нас рукописи «Маскарад» подразделяется на четыре акта. В процессе дальнейшей работы Лермонтова вместо четырех актов в драме стало три акта. В таком виде в октябре 1835 г. поэт представил ее в театральную цензуру, желая получить разрешение на постановку «Маскарада» на сцене императорских театров. Эта рукопись до нас не дошла, но сохранившийся рапорт цензора Е. Ольдекопа знакомит нас с ее содержанием. Пьеса не была разрешена к постановке и 8 ноября 1835 г. была возвращена Лермонтову «для нужных перемен». Цензора испугал в пьесе прежде всего ее обличительный дух, критика нравов светского, аристократического общества. В трехактной редакции «Маскарада» так же, как и в более ранней рукописи, еще не было фигуры Неизвестного, и драма заканчивалась отравлением Нины. В своем рапорте цензор настаивал на том, что «сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена», и высказывал опасение, что пьеса основана на действительном событии, случившемся в Петербурге. Возражения цензора вызвал «резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов» (Соч., изд. АН, 1956, т. V, стр. 738).

Как видно из другого, позднейшего рапорта Е. Ольдекопа (о второй редакции «Маскарада»), при возвращении Лермонтову рукописи драмы из театральной цензуры ему было передано пожелание шефа жандармов Бенкендорфа (театральная цензура находилась в ведении III отделения), чтобы поэт изъял из драмы сцену отравления Нины и закончил ее «примирением между г-ном и г-жой Арбениными». Кроме того, ему было указано на недопустимые «дерзости против дам высшей знати», содержащиеся в «Маскараде» (там же, стр. 743).

Получив драму обратно из театральной цензуры, Лермонтов в конце 1835 г. коренным образом ее переработал.

К трем актам прежней редакции Лермонтов присоединил четвертый акт с новой развязкой. Но это была не та пошлая развязка с благополучным примирением Нины и Арбенина, которую советовал написать Бенкендорф. Лермонтов ввел новую фигуру — Неизвестного. Последний появляется замаскированным уже в первом акте, предсказывает Арбенину его будущую трагедию и с этого момента незримо следит за действиями героя, чтобы в конце пьесы выступить на авансцену и нанести ему последний удар. В соответствии с этим в новой редакции в развязке драмы решающая роль перешла от Арбенина к Неизвест-

ному, который является к Арбенину вместе с князем, чтобы открыть его вину и невиновность Нины.

В результате осуществленной Лермонтовым переработки драма приобрела бо́льшую философскую и моральную глубину: психологическая трагедия Арбенина получила здесь развернутую философскую и социальную мотивировку, его образ стал более сложным. Из судьи Арбенин превратился одновременно в судью и подсудимого. Как позднее Печорин (в «Герое нашего времени»), он в силу своего превосходства имеет право суда над окружающим обществом и в то же время сам осмысляется автором как член этого общества, как человек, зараженный «болезнью» века. Трагический характер конфликта между Арбениным и Ниной во второй редакции усилился.

Не согласился Лермонтов и с другими требованиями цензуры. Он сохранил социально-обличительный смысл драмы и, в частности, резкие выпады против петербургского аристократического общества. Так возникла драма «Маскарад», которая является классическим произведением русской литературы.

После осуществленной Лермонтовым переработки «Маскарад» в новой четырехактной редакции во второй половине декабря 1835 г. был, по поручению поэта, снова представлен С. А. Раевским в театральную цензуру и снова подвергся запрещению. В рапорте (упоминавшемся выше) Е. Ольдекоп отметил, что созданная Лермонтовым новая развязка драмы не соответствует переданным ему пожеланиям Бенкендорфа, из которых автор «не счел необходимым сделать надлежащие выводы». По-прежнему цензор упрекал Лермонтова за «недостойные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардта» и «дерзости против дам высшей знати», сохраненные в новом варианте. Главным же недостатком драмы Ольдекоп считал ее трагическую развязку, которая свидетельствовала о глубоком неблагополучии в общественной жизни. Трагическую развязку лермонтовской драмы цензор лицемерно охарактеризовал как подражание «драматическим ужасам» французской литературы, неуместным в России. Характерно, что это замечание цензора почти буквально совпадает с теми возражениями, которые высказывались представителями реакционной критики через несколько лет по адресу «Героя нашего времени».

Сам Лермонтов в феврале 1837 г. в «объяснении» по делу о «непозволительных стихах на смерть Пушкина» так объяснял,

почему был запрещен «Маскарад»: «Драма «Маскарад» в стихах, отданная мною в театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена» («Вестник Европы», 1887, т. 1).

После вторичного запрещения «Маскарада» Лермонтов в марте—октябре 1836 г. переделал пьесу в третий раз, в результате чего возникла пятиактная драма «Арбенин».

«Маскарад» является вершиной драматургии Лермонтова. В то же время эта драма занимает очень важное место в общей творческой эволюции поэта. Образ Арбенина впитал в себя многие черты героев ранних лермонтовских драм и поэм. Но эти черты приобрели в «Маскараде» новое качество. Здесь уже намечен тот комплекс идей и проблем, которые стоят в центре других, позднейших, итоговых произведений Лермонтова — таких, как «Дума» и «Герой нашего времени». Психологический анализ «современного человека» оказался в «Маскараде» органически слитым с анализом состояния общества, с той общественно-политической проблематикой, которая была характерна для реалистического романа и повести XIX в.

Фамилии Звездич и Штраль, возможно, взяты Лермонтовым из повести А. А. Бестужева (Марлинского) «Испытание» («Сын отечества», 1830, т. 13), а Шприх — из повести О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса) «Предубеждение» («Библиотека для чтения», 1834, т. 7). Здесь под именем Шприх был выведен третьесортный литератор А. Д. Элькан, агент III отделения. Высказывалось предположение, что лермонтовский Шприх также имел своим прототипом Элькана (см. М. А. Яковлев, Лермонтов как драматург, Л. 1924. З. С. Ефимова, Из истории русской романтической драмы, сб. «Русский романтизм», Л. 1927).

Фамилия героя — Арбенин — уже встречалась у Лермонтова в драме «Странный человек» (1831). Лермонтов назвал этим именем также героя неоконченной повести «Я хочу рассказать вам» (см. т. 4 наст. издания).

Напечатанный в 1842 г. «Маскарад» был различным образом оценен консервативной и передовой критикой. Сенковский в «Библиотеке для чтения» признал эту драму «самослабейшим опытом Лермонтова» («Библиотека для чтения», 1843, № 2). Реакционной критике дал на страницах «Отечественных записок» отповедь Белинский, который писал, что «Маскарад» и другие посмертно опубликованные произведения поэта

«драгоценны для почитателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта; так везде видны следы льва, где бы ни прошел он» (Белинский, т. VI, стр. 548).

В 1843 г. П. С. Мочалов пытался добиться разрешения на постановку «Маскарада» в свой бенефис, но цензура по-прежнему не разрешила драму к постановке. Неудачей закончились также хлопоты о постановке «Маскарада» в 1846 г. для бенефиса артистки М. И. Валберховой, а также вторичное обращение Мочалова в цензуру в 1848 г. Лишь в 1852 г. Валберховой удалось добиться разрешения на постановку отдельных «Сцен, заимствованных из комедии Лермонтова «Маскарад», которые 27 октября 1852 г. были поставлены в Петербурге, а 21 января 1853 г. — в Москве.

В более полном виде (лишь с небольшими цензурными купюрами) «Маскарад» был поставлен Московским Малым театром 24 сентября 1862 г.

В рукописи драма озаглавлена «Маскерад». Однако уже в 1842 г. она была напечатана под названием «Маскарад». Это название сохранено в настоящем издании. В тексте самой драмы употреблявшаяся Лермонтовым, ныне устаревшая форма «маскерад» оставлена без изменений.

Стр. 7. *Банк* — название азартной карточной игры.

Понтировать — играть в банк, в штосс и другие азартные игры.

Понтер — игрок, ставящий куш на карту (выдернутую им из колоды наудачу) против банкомета, мечущего банк, то есть раскладывающего карты из другой колоды в две кучки; при этом если карта, равная выдернутой, попадет в одну определенную кучку — выиграл банкомет, в другую — понтер.

Стр. 8. *...А семпелями плохо.* — Семпель (семпль) — простая ставка, без увеличения назначенной прежде суммы куша.

Гнуть (или гнуть пароли) — увеличивать ставку вдвое.

Ва-банк — согласие поставить сумму, равную поставленной банкометом.

Стр. 15. *Ванька-Каин* — в нарицательном смысле — вор, мошенник (от имени героя авантюрно-приключенческого романа М. Комарова «Описание добрых и злых дел Ваньки-Каина» (Спб. 1779). Прототипом главного героя этого романа было реальное

лицо — московский вор и сыщик Иван Осипов, по прозванию Каин.

Притузит — убьет другой картой.

Стр. 16. *Обрежется* — то есть поставит по ошибке не на ту карту, на которую задумал сделать ставку.

Стр. 17. *Энгельгардт* Василий Васильевич (1785—1837) — внук одной из сестер Потемкина, полковник в отставке, выстроил в конце 20-х годов в Петербурге, на Невском проспекте, дом (ныне № 30), специально предназначавшийся для публичных концертов, балов, маскарадов и т. д. В 1835 г., когда Лермонтов писал свою драму, балы-маскарады в доме Энгельгардта устраивались часто и пользовались большим успехом. Их посещали нередко представители высшего общества, особы царской фамилии и сам Николай I.

Стр. 43. *Жорж Занд почти что прав!* — Во время работы Лермонтова над «Маскарадом» романы Жорж Занд с их идеями борьбы за свободу женщины широко обсуждались на страницах русских журналов. В том номере «Библиотеки для чтения» (1834, т. 7), в котором помещена повесть Сенковского «Предубеждение» (где выведен Шпирх — прототип лермонтовского Шприха), помещена обширная переводная статья (из французского журнала «Revue de Paris») «Школы нынешней французской словесности», автор которой, разбирая роман Ж. Занд «Жак», полемизирует с идеями Ж. Занд и Фурье с реакционных позиций. Весьма вероятно, что в данном монологе баронессы Штраль Лермонтов в иронической форме откликается на выступление журнала Сенковского против французской писательницы.

Стр. 77. *Транспорт* — ставка, увеличенная втрое.

Испанцы (стр. 119)

Впервые опубликовано в отрывках С. П. Шестаковым в журнале «Русский вестник» (1857, кн. 2); полностью — П. А. Ефремовым — в «Юношеских драмах М. Ю. Лермонтова», Спб. 1880.

Печатается по рукописи — писарской копии, правленной Лермонтовым (тетрадь XVII — ИРЛИ), с исправлением описок переписчика по отрывкам чернового автографа (тетрадь I — ИРЛИ). Последний лист рукописи утрачен, и заключительные слова до нас не дошли.

Сохранился ряд планов и отрывочных записей к «Испанцам» (ИРЛИ), дающих представление о развитии замысла трагедии (см. т. 4 наст. издания, «Приложения»). В первой из записей, относящихся к трагедии, действующие лица еще не имеют имен; у героини здесь есть мать и сестра, но нет отца; похититель ее — не иезуит, а «служащий при инквизиции». Но уже здесь намечена основная фабула трагедии: похищение героини, убийство ее возлюбленным, у которого нет другого средства спасти ее из рук «злодея» (прежде ему было отказано в ее руке из-за отсутствия у него «благородных предков»); среди действующих лиц назван «жид», который, однако, не мыслился еще в это время как отец героя. В следующих по времени набросках определяются число действующих лиц, их взаимоотношения и разрабатываются отдельные эпизоды трагедии.

Время создания трагедии устанавливается на основании пометы на обложке авторизованной копии — «1830 года».

Обращение Лермонтова к теме средневековой Испании времен инквизиции было связано с тем, что эта тема давала широкую возможность для обличения социального гнета в различных его формах. Лермонтов следовал в этом отношении примеру Шиллера («Дон-Карлос»), Байрона («Лара»), Гюго («Эрнани») и других романтиков, которые также пользовались историей Испании для критики современного им общества.

В трагедии упоминаются лица и события XV, XVI и даже XVII вв. Лермонтов стремился в трагедии дать обобщенную романтическую картину Испании времен инквизиции, но не ставил своей задачей воссоздать исторически точно черты той или иной определенной конкретной эпохи.

«Испанцы» — самое раннее из законченных драматических произведений Лермонтова. Оно написано поэтом в шестнадцать лет. Позднее Лермонтов не возвращался к «Испанцам».

В работе над трагедией сказалась юношеская неопытность поэта.

Ощущается в трагедии и зависимость юного поэта от многих классических литературных образов. Сцена ночной беседы Ноэми и Сары (д. II, сц. 2) подсказана разговором Татьяны с няней в «Евгении Онегине». Интрига, затеянная Соррини с целью похитить Эмилию, близка к аналогичной интриге Маринелли в «Эмилии Галотти» Лессинга (откуда, возможно, заимствовано Лермонтовым и самое имя его героини). Образы Моисея, Сары и Ноэми в какой-то мере подсказаны «Айвенго» Вальтера Скотта,

«Натаном Мудрым» Лессинга, «Венецианским купцом» Шекспира (ср. восклицание Моисея: «Сын! дочь! имение! червонцы!» — д. V, сц. 1). Об увлечении Лермонтова трагедиями Шекспира свидетельствуют и некоторые другие эпизоды (например, слова Фернандо, обращенные к Эмилии: «Ступай ты лучше в монастырь, //Ступай в обитель, скрой себя от света...» — д. I, сц. 2), напоминающие обращение Гамлета к Офелии. В одном из своих обличительных монологов Фернандо, сравнивая людей с демонами, говорит, что люди превосходят последних «коварством и любовью к злу» (д. II, сц. 2). Поэт вполне сознательно пользуется здесь названием трагедии Шиллера «Коварство и любовь», обличительный, гневный пафос которой (как и «Разбойников») был ему близок. В частности, близка к драмам Шиллера психологическая обрисовка Соррини, которого Лермонтов делает проповедником цинической философии наслаждения. «Еврейская мелодия» (д. III, сц. 2) близка по образам и стилю к аналогичному циклу стихотворений Байрона.

Отмеченная близость к классическим образам и ситуациям мировой литературы свидетельствует, однако, не о творческом ученичестве, но о гениальности юного Лермонтова. В области создания романтической трагедии Лермонтов не имел в России сколько-нибудь значительных предшественников. Пушкинский «Борис Годунов», законченный на пять лет ранее, был напечатан лишь в 1831 г., когда работа Лермонтова над «Испанцами» была уже завершена. Идя вполне самостоятельным путем, Лермонтов сумел оценить поэтическое величие образов и тем Шекспира, Лессинга, Шиллера и сделал попытку освоить их опыт для создания русской трагедии, поднимающей большие социальные и философские вопросы.

Общественные и этические идеалы Лермонтова, выраженные в «Испанцах», поражают своей широтой и смелостью.

Основная идея, которую Лермонтов защищает в «Испанцах», — это идея естественного равенства людей. Дону Алварецу, который ревниво оберегает свое дворянское достоинство и с возмущением отвергает мысль о браке дочери с «бродягой» Фернандо, человеком «низкого состояния», Лермонтов устами Фернандо страстно противопоставляет идею равенства людей, вне зависимости от сословия и состояния. Но и сам Фернандо, восстающий против сословных идеалов Алвареца, не чужд в начале трагедии традиционных социальных предрассудков. Намек Алвареца на то, что он, может быть, сын не христианина, а еврея,

оскорбляет его. Лишь в конце трагедии, когда это предположение сбывается, Фернандо освобождается от глубоко укоренившихся даже в нем церковно-кастовых представлений о неравенстве людей — неравенстве, опирающемся на сословные различия, на национальные и религиозные предрассудки.

Восставая против сословного неравенства и феодального гнета во всех его формах, Лермонтов резко-отрицательно изображает в трагедии религию и католическую церковь. Не только главный их представитель в трагедии — иезуит патер Соррини — лицемер и развратник; таков же и его ближайший друг — доминиканец. В уста певца во втором действии Лермонтов вкладывает народную балладу, повествующую о былых злодеяниях церкви, память о которых сохранил народ. Таким образом, вся история средневековой церкви осмысляется Лермонтовым как цепь насилий и злодеяний.

Но протест Лермонтова направлен против лицемерия церковников, их тайного разврата и религиозной нетерпимости, но также и против религиозной морали, утверждающей греховность человеческих страстей. Законы природы, утверждает Соррини, сильнее законов, записанных в церковных книгах; стремясь удержать «движение природы человека», церковь лишь извращает человеческие страсти, но не может их искоренить. Пострижение в монахи извратило человеческую природу Соррини, сделало из него, как сознает он сам, тайного развратника и лицемера (д. IV, сц. 1). Таким образом, зло таится не в самой человеческой природе, не в страстях, а в их насильственном извращении ложными законами церкви и государства. Мысль молодого Лермонтова близка к идеям утопического социализма начала 30-х годов.

Стр. 124. *Бургос* — главный город провинции того же названия в Кастилии; до XVI в. резиденция кастильских королей.

Стр. 125. *Карл I* (1500—1558) — испанский король с 1516 г.; под именем Карла V — император священной Римской империи с 1519 г.

Стр. 138. *Доминик* (Доминго) де Гусман (1170—1221) — католический святой, основатель монашеского ордена доминиканцев, яростный гонитель еретиков.

Стр. 140. *Армида, рыцари-вожди* — персонажи поэмы Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим».

Настоящий монолог Фернандо, как и некоторые другие, подсказан юношескими настроениями автора (см. автобиографическую заметку 1830 г.: «Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну...» — в т. 4 наст. издания).

Стр. 159. *Авраам* (миф.) — библейский патриарх, которому бог, желая испытать его, велел принести в жертву сына Исаака; в момент жертвоприношения ангел, явившийся Аврааму, остановил его руку.

Стр. 178. *Солим* — Иерусалим.

Menschen und Leidenschaften (стр. 236)

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в книге «Юношеские драмы Лермонтова» (Спб. 1880). В Сочинениях под ред. С. С. Дудышкина (Спб. 1860, т. II) было напечатано посвящение и изложение содержания драмы.

Печатается по автографу (ГПБ).

В «Описи перенумерованным бумагам корнета М. Ю. Лермонтова», сделанной 20 февраля 1837 г. во время обыска у поэта, под № 3 назван «План, составленный Лермонтовым для драмы, заимствованной из семейного быта сельских дворян». План не сохранился. Относился ли он к «Menschen und Leidenschaften» — не установлено; но другая драма «из семейного быта сельских дворян» нам неизвестна.

Датируется 1830 г. на основании пометы, проставленной Лермонтовым на листе 1 автографа. Судя по тому, что в тексте драмы (д. V, явл. 9) использована черновая заметка: «Природа подобна печи, откуда вылетают искры...» — из тетради VI, содержащей произведения, созданные весною и летом 1830 г., в том числе и наброски к «Испанцам» (ИРЛИ), Лермонтов, по-видимому, работал над драмой во второй половине года, после окончания трагедии «Испанцы».

Имя лица, которому посвящена драма, тщательно зачеркнуто. На листе с посвящением — рисунок Лермонтова: портрет девушки, и рядом обнаженное деревцо. Высказывалось предположение, что это родственница Лермонтова, Анна Григорьевна Столыпина, и что именно ей посвящена драма. Существует и другое предположение, что посвящение адресовано Е. А. Сушковой.

В «Menschen und Leidenschaften» своеобразно сочетаются черты обличительной реалистической комедии XVIII в. с тради-

циями романтической драматургии; так же, как «Испанцы», драма «Menschen und Leidenschaften» созвучна немецким драмам периода «Бури и натиска» — ранним драматургическим произведениям Шиллера с их бурным протестом против социального зла и интересом к философским вопросам. Речи Юрия Волина с их страстной приподнятостью напоминают монологи шиллеровских мятежных героев. Это идейное и стилевое созвучие подчеркнуто заглавием драмы (ср. «Sturm und Drang» Клингера и «Kabale und Liebe» Шиллера). По своему идейному содержанию и некоторым художественным особенностям драма Лермонтова близка также юношеской драме В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин» (1830—1831).

События личной жизни поэта обусловили в известной мере содержание его произведения. В духовных исканиях Юрия Волина, в его переживаниях, вызванных семейным разладом, отразился душевный опыт самого автора. В то же время Юрий Волин остротой и напряженностью своих философских размышлений, своим духовным миром близок герою драмы Белинского «Дмитрий Калинин». В содержании монологов обоих героев отразились настроения и споры, типичные для современной Лермонтову студенческой молодежи.

Богоборческие настроения Юрия Волина неразрывно связаны с его протестом против социальной несправедливости. Мечта поэта о том, чтобы не было «ни злата, ни честей», ни войн («Отрывок» — «На жизнь надеяться страшась...»), родственна «мечте земного общего братства», которую разделял Юрий. Существует предположение, что в речах Юрия отразилось учение о «всеобщем братстве», изложенное в книге «Новое христианство» Сен-Симона, с которой жадно знакомилась передовая русская молодежь в начале 30-х годов (см. Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов, М. 1945).

Конфликт героя с окружающей средой отражал реальные конфликты эпохи. Юноша, в котором «бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам», неизбежно вступал в противоречие с нормами «законной» нравственности, основанной на смирении «страстей».

Образы ближайших родных Юрия в значительной степени созданы на автобиографическом материале. Так, например, духовное завещание бабушки поэта, составленное в 1817 г., в заключительной части совпадает с тем, о котором идет речь в драме (см. «Литературное наследство», т. 45—46, М. 1948, стр. 635). В заве-

щании Ю. П. Лермонтова (1831), обращенном к сыну, сказано: «Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшею для себя потерею» (П. Е. Щеголев, Книга о Лермонтове, «Прибой», Л. 1929, вып. 1). Но полностью отождествлять Громову с Е. А. Арсеньевой, а отца Юрия с Ю. П. Лермонтовым нельзя.

Высказывалось мнение, что, создавая образ Заруцкого, Лермонтов имел в виду своего родственника и друга А. А. Столыпина («Монго»), с которым у него была дуэль из-за двоюродной сестры. Это предположение основывается на записи В. Х. Хохрякова (ИРЛИ), в которой указаны прототипы персонажей драмы.

Образы дворовых людей — Дарьи и Ивана, имели своих реальных прототипов — ключницу в Тарханах, Дарью Григорьевну Соколову (в девичестве Куртина), и «дядьку» Лермонтова — Андрея Ивановича Соколова.

Стр. 240. *Если жизнь тебя обманет...* — Стихотворение Пушкина, впервые напечатанное в 1825 г. («Московский телеграф», № 17). Многими русскими композиторами, в том числе современником Лермонтова А. А. Алябьевым, оно было положено на музыку.

Стр. 241. *Смертный, мне ты подражай!* — Измененные строки заключительной части стихотворения Пушкина «Гроб Анакреона» (1815).

Стр. 244. *Поверь мне, той страны нет краше и милее...* — Измененные заключительные строки басни И. А. Крылова «Два голубя».

Стр. 245. *«Вудсток, или Всадник», Вальтера Скотта... я остановилась на том месте, когда Алина удерживает короля и полковника...* — Роман английского писателя Вальтера Скотта «Вудсток, или Всадник. История кромвелевых времен» (1826) в русском переводе впервые был напечатан в 1829 г. Речь идет о главе I (ч. IV), в которой героиня удерживает от дуэли с королем влюбленного в нее двоюродного брата — полковника.

Стр. 254. *Неужто Кант был дурак?.. Философия не есть наука безбожия...* — Отец Юрия, знакомый с новейшей философской мыслью, знает, что выдающийся немецкий философ-идеалист

Кант ставил перед собой задачу борьбы с «безбожием» французских материалистов.

Философ истинный... знает, что он ничего не знает. — Перефразировка слов, приписываемых древнегреческому мудрецу Сократу (469—399 гг. до н. э.).

Стр. 255. *Не хотел заплатить три тысячи за бумагу крепостную.* — Речь идет о крепостном акте — юридическом свидетельстве, по которому отец Юрия стал бы хозяином обещанного ему имения. При составлении такого документа уплачивалась пошлина.

Стр. 273. *...рыбки попляшут на сковроде.* — Это выражение, видимо, связано с басней И. А. Крылова «Рыбьи пляски» (1824).

Стр. 280. *...недвижна, как жена Лотова.* — Сравнение основано на библейской легенде о каре, постигшей город Содом за развращенность его жителей; жена Лота, нарушившая запрет и обернувшаяся во время бегства из города, была превращена в соляной столб.

Странный человек (стр. 299)

Впервые опубликовано в Сочинениях под ред. С. С. Дудышкина (Спб. 1860, т. II) по черновому автографу тетради X с дополнением сцен из тетради XI. При этом были исключены некоторые наиболее острые в социально-политическом отношении места и вся богоборческая речь Арбенина (аналогичная монологу Юрия Волина из «Menschen und Leidenschaften» — д. V, явл. 9). Беловой текст был впервые напечатан П. А. Ефремовым в «Юношеских драмах М. Ю. Лермонтова», Спб. 1880.

Печатается по беловому автографу (тетрадь XVIII—ИРЛИ). Датируется 1831 г. на основании помет в черновом и беловом автографах.

Судя по записи в тетради XI, предшествующей новым сценам, у Лермонтова было также оставшееся неосуществленным намерение добавить еще одну сцену, в которой читают историю детства Владимира, нечаянно попавшую в руки Белинскому.

В процессе работы Лермонтов отказался от деления на действия и явления (как в тетради X)и заменил их сценами, что более соответствовало принципам «романтической драмы». В начале каждой сцены, за исключением XII, поставлено число и месяц. Возможно, что это даты каких-то памятных для Лермонтова

событий и переживаний (см. Ираклий Андроников, Лермонтов, «Советский писатель», М. 1951, стр. 38—39).

Введение сцены IV имело принципиальное значение; она воспроизводила ту среду московского студенчества, которая идейно близка Владимиру и с которой он связан дружескими отношениями. Тем самым столкновение Владимира с окружающей средой приобрело явно выраженный характер конфликта передовых представителей молодого поколения с дворянско-крепостническим обществом. Этому способствовало и то, что—в отличие от предыдущей драмы — в «Странном человеке» характеризуется отношение героя к современной России в целом («Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны...», «О мое отечество! Мое отечество!»).

В еще большей степени, чем «Menschen und Leidenschaften», драма «Странный человек» близка «Дмитрию Калинину» Белинского. Несомненна близость «Странного человека» и к комедии Грибоедова «Горе от ума», на которую в тексте драмы имеются и прямые указания.

Владимир Арбенин, как и Юрий Волин, — типичный представитель современной Лермонтову молодежи, стремившейся осмыслить жизнь и при этом глубоко страдавшей от своей «тяжелой ноши самопознания». Именно в этом смысле следует и воспринимать эпиграф к драме, в котором говорится о «безумии мудрецов». Эпиграф подчеркивает близость драмы с содержанием поэмы Байрона. Вот почему Лермонтов перенес в эту драму богоборческие высказывания Юрия Волина («Menschen und Leidenschaften», д. 4, явл. 5), приписав их Владимиру (сц. XII), который высказывает свое неверие в «провидение» (сц. V).

Автобиографический элемент в драме «Странный человек» еще сильнее, чем в «Menschen und Leidenschaften». Однако предисловие Лермонтова к драме, в котором говорится, что изображенные им лица «все взяты с природы» (в черновом тексте сказано: «почти все действующие лица», а в зачеркнутом варианте: «половина действующих лиц»), должно быть расценено как утверждение типичности изображенных «списанных с натуры» лиц и событий, несмотря даже на желание автора, чтобы они «были узнаны».

Автобиографичны в пьесе мысли и переживания Владимира. Лермонтов сделал своего героя поэтом, автором своих стихов, которые были им написаны вне связи с драмой. Мысли

Арбенина о жизни, смерти и бессмертии, его отрицательное отношение к окружающей действительности во многом отражают духовные искания самого Лермонтова.

Любовная драма Владимира в какой-то мере отразила отношения Лермонтова с Натальей Федоровной Ивановой, которой посвящен цикл его стихотворений 1831 г.: «Романс к И...», «Видение», «К. Н. И......» и др. (см. Ираклий Андроников, Лермонтов, «Советский писатель», М. 1951). Прототип княжны Софьи, по-видимому, двоюродная сестра Н. Ф. Ивановой — княжна Е П. Горчакова. В качестве прототипа Белинского был назван студент Московского университета Дмитрий Павлович Тиличеев, но это предположение недостаточно убедительно. Какова бы ни была автобиографическая основа драмы, Лермонтов создал типическую ситуацию, показав торжество материальных расчетов над сердечными привязанностями, победу циничного отношения к жизни карьериста-стяжателя над отвергаемым дворянским обществом «странным человеком».

В драме есть и некоторые отголоски семейной трагедии, мучившей Лермонтова: намек на печальную судьбу матери поэта, рано умершей от тяжелой болезни и несчастливой в браке. Среди материалов к биографии Лермонтова, собранных В. Х. Хохряковым (ИРЛИ), имеется запись, сделанная, возможно, со слов П. П. Шан-Гирея: «Замужняя жизнь Марьи Мих[айловны] Лермонтовой была несчастлива, потому на памятнике переломленный якорь». Рассказ о музыке, которую слышал ребенком Владимир (стр. 313—314), близок к автобиографической записи Лермонтова: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать» (см. т. 4 наст. издания, «Приложения»).

В образах студентов, товарищей Владимира, по-видимому, отражены некоторые реальные черты университетских друзей Лермонтова — А. Д. Закревского, Н. И. Поливанова, А. А. Лопухина, Н. С. и В. А. Шеншиных (об этом кружке см. в книге: Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов, Гослитиздат, М. 1945, стр. 278—296). Вопросы, которые дебатируются в сцене студенческого собрания — об исторических судьбах России, о ее национальной самобытности, о всенародном подъеме 1812 г., — характерны для студенческих споров того времени. В частности, взгляды Заруцкого близки к тем, которые были высказаны А. Д. Закревским в его статье «Взгляд на русскую историю» («Телескоп», 1833, ч. XVII, № 19, стр. 489—504, за подписью А. З.).

Материал для эпизода с крепостным крестьянином (сц. V) Лермонтов мог почерпнуть из жизни и быта пензенского помещичьего общества; для него не могли остаться тайной зверства окрестных помещиков, проявлявших исключительную жестокость по отношению к своим крепостным. Видимо, те же впечатления юности послужили фактической основой для «Дмитрия Калинина» Белинского — земляка Лермонтова по Чембарскому уезду (об этом см. в книгах: В. С. Н е ч а е в а, В. Г. Белинский, АН СССР, М. 1949, стр. 307—326; «Литературное наследство», т. 57, М. 1951, стр. 243—247).

Стр. 300. *The Lady of his love was wed with one... (The Dream Lord Byron).* — В лермонтовской тетради XI имеется запись, предшествующая заметке и сценам, относящимся к «Странному человеку»: Memor: перевесть в прозе: The Dream of Lord Byron pour miss Alexandrine[1] (см. т. 4 наст. издания, «Приложения»). Перевод, предназначавшийся для Александры Михайловны Верещагиной, близкого друга поэта, до нас не дошел, но о знакомстве Лермонтова с этим произведением Байрона можно судить не только по эпиграфу к «Странному человеку», но и по стихотворению Лермонтова «Видение», включенному в эту драму. Заруцкой, ссылаясь на слова Арбенина, говорит, что оно «в некотором смысле подражание The Dream Байронову». В этом произведении Байрона повествуется о трагической любви юноши к девушке, которая стала женою другого и затем сошла с ума.

Стр. 308. *Там, говорят, был благородный театр.* — «Благородным театром» назывались любительские спектакли с участием лиц, принадлежавших к дворянскому обществу.

Стр. 312. *...со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!..* — Намек на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума», широко распространенную в списках.

Полностью, но в искаженной цензурой редакции комедия была впервые представлена в Петербург 26 января, а в Москве 27 ноября 1831 г. Театральные постановки комедии вызвали печатные отклики, в том числе резко полемические. В 1831 г. в Москве появилась реакционная брошюра: «Горе от ума, производящего всеобщий революционный дух. Философически-умозрительное рассуждение. Сочинение S».

---

[1] Сон лорда Байрона для мисс Александрины *(англ.* и *франц.).*

Стр. 319. *Общипанных разбойников Шиллера.* — «Разбойники», драма Ф. Шиллера (1759—1805), проникнутая духом борьбы против деспотизма и феодального строя, была поставлена тогда в России в сокращенном переводе, сделанном в 1793 г. Н. Н. Сандуновым. В Москве постановка пьесы впервые была осуществлена 31 января 1829 г. с участием Мочалова.

Мочалов ленился ужасно. — П. С. Мочалов (1800—1848) — великий трагический актер, с именем которого было связано утверждение демократического направления в русском театре. Его игра, по свидетельству современников, была очень неровной.

О впечатлении, произведенном Мочаловым на Лермонтова, см. письмо 3, т. 4 наст издания.

Мнение о превосходстве игры московских артистов по сравнению с петербургскими разделяли многие передовые представители русского общества, в том числе Белинский.

Фора! (с итальянского fora! fuora!) — выражение, употреблявшееся по отношению к артистам и означавшее: еще раз, снова, выйдите, покажитесь!

..несколько мелких пиес. — Пиесами назывались небольшие литературные и музыкальные произведения.

Стр. 320. *Моя душа, я помню, с детских лет...* — Несколько измененные строки стихотворения Лермонтова «1831-го июня 11 дня», написанного независимо от драмы (см. т. 1 наст. издания, стр. 173)

Стр. 321. *Я видел юношу: он был верхом...* — Несколько измененное стихотворение Лермонтова «Видение» (см. т. 1 наст. издания, стр. 191). Здесь отсутствуют 5 строк, заканчивающих «Видение» и говорящих об измене любимой девушки. Первоначально Лермонтов намеревался дать только вторую часть этого стихотворения, со слов «Я видел комнату...», и закончить его восьмистишием, которое заключает первую часть. «К чему мне приписать виденье это?..» В окончательной редакции стихотворение ближе к байроновскому «Сну», представляющему ряд сменяющих друг друга видений, скрепленных единой сюжетной нитью.

Стр. 335. *...пускай шаркают в гостиных с камергерскими ключами.* — Придворные, имевшие звание камергеров, носили знак отличия — золотой ключ.

Стр. 344. *Турок в пух разбили наши...* — 30 мая 1829 г., при Кулевче, русские войска разбили турецкую армию.

Стр. 352. *Меня осадил весь очаковский век...* — Ср. в «Горе от ума»:

Сужденья черпают из забытых газет
Времен очаковских и покоренья Крыма.

(д. II, явл. 5)

Стр. 353—354. *Славная музыканьша будет на арфе играть...— Она из Парижа.* — В черновом варианте этого текста названо имя французской артистки Бертран. Первый ее концерт состоялся 24 января 1831 г. в зале Большого театра, а гастроли продолжались до конца марта (см. «Московские ведомости», 1831, № 7, 21, 22, 23).

Стр. 356. *Когда одни воспоминанья...* — Первоначально вместо этого стихотворения Лермонтов поместил «Романс к И...» (см. т. 1 наст. издания, стр. 182).

Стр. 365. *Вы, конечно, не ученик Лафатера?* — Швейцарский писатель И. К. Лафатер (1741—1801), автор «Физиономики», в которой устанавливал связь между характером и способностями человека и его строением лица. На русский язык книга была переведена в 1817 г. и пользовалась большой популярностью.

Два брата (стр. 368)

Впервые полностью опубликовано П. А. Ефремовым в книге «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (Спб. 1880).

Печатается по авторизованной писарской копии (тетрадь XIX, ИРЛИ). Заглавный лист, на котором были название драмы и список действующих лиц, не сохранился. Название драмы дается по статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова», в которой впервые был напечатан небольшой отрывок из нее с подробным пересказом всего содержания («Русский вестник», 1857, т. 9, кн. 1). По-видимому, тогда еще существовал заглавный лист рукописи.

В материалах В. Х. Хохрякова (ИРЛИ) есть список действующих лиц, несколько не соответствующий известному нам тексту драмы: лакей Юрия Радина назван в нем Петрушкой.

Датируется 1835—1836 гг. на основании письма Лермонтова к С. А. Раевскому от 16 января 1836 г. из Тархан, куда поэт приехал в отпуск в конце декабря 1835 г. Лермонтов сообщал: «Пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве. — О Москва... преподло со мною поступила!» Сопоставление текста драмы и некоторых подробностей биографии Лермонтова дало основание исследователям пред-

положить, что упомянутое в письме «происшествие» связано с замужеством жившей в Москве любимой им В. А. Лопухиной. Весной 1835 г. она вышла замуж за Н. Ф. Бахметева, который был старше ее почти на двадцать лет.

Кроме того, имеется помета В. Х. Хохрякова со слов С. А. Раевского, сопровождающая список действующих лиц драмы: «Написана около 1834—36».

Автобиографические моменты, как и в предыдущих драмах, подчинены в драме «Два брата» проблеме разлада передового молодого человека, с дворянским обществом. Драма проникнута протестом против брака как купли-продажи, как «союза, противного законам природы и нравственности»; эта тема переносится Лермонтовым и в роман «Княгиня Лиговская» (1836).

В драме «Два брата» намечена и другая тема, также продолженная в названном романе и затем в «Герое нашего времени», — тема Печорина. В монологе Александра — «Да!.. такова была моя участь со дня рождения...» (стр. 380) — уже звучат некоторые из тех самообличений, которые затем развиваются в дневнике Печорина: «Что я сделал? Зачем я жил?.. я никому не делал добра...» и т. д. (ср. запись Печорина от 16 июня).

Постановка драмы впервые была осуществлена в Петрограде 10 января 1915 г. в связи со столетием со дня рождения Лермонтова (Лермонтовский спектакль Литфонда в Мариинском театре). Драма шла с участием Ю. М. Юрьева (Юрий), в декорациях и костюмах по эскизам А. Я. Головина, в постановке Вс. Мейерхольда (см. «Петроградские ведомости», 1915, № 7 от 10 января; «Вестник Европы», 1915, № 2).

Стр. 392. *Всегда один, отверженный как Каин...* — По библейскому преданию, Каин был проклят богом за убийство своего брата Авеля. В одноименной драме Байрона образ Каина трактовался как воплощение духа отрицания и богоборчества.

Цыганы (стр. 407)

Впервые опубликовано в статье С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова» («Отечественные записки», 1859, т. CXXV, отд. 1).

Печатается по автографу, в тетради III (ИРЛИ). На этом основании датируется 1829 г.

Настоящий отрывок представляет собою начало оперного либретто по одноименной поэме А. С. Пушкина, вышедшей отдельным изданием в 1827 г. Монолог старого цыгана в основном является пересказом пушкинского текста. Диалог Земфиры и отца в стихотворной части полностью соответствует тексту Пушкина.

Замысел либретто связан с театральными впечатлениями Лермонтова, посещавшего оперные спектакли Большого театра в Москве. Судя по всему, Лермонтов знал «волшебную оперу» А. Н. Верстовского по либретто М. Н. Загоскина «Пан Твардовский», откуда заимствовал цыганскую песню «Мы живем среди полей...». Эта опера была впервые поставлена 24 мая 1828 г. и оставалась в репертуаре театра в 1829 г. (см. «Московские ведомости», 1828, № 41). Цыганская песня, напечатанная в «Драматическом альманахе для любителей и любительниц русского театра» (Спб. 1828, стр. 133—134), пользовалась большим успехом. Приводим эту песню по тексту «Драматического альманаха», существенно отличающемуся от текста позднейших публикаций в альманахе «Весенние цветы» на 1835 г. и в «Сочинениях» Загоскина (Спб. 1889, т. VII):

Мы живем среди полей
  И лесов дремучих;
Но счастливей — веселей
  Всех вельмож могучих.
Наши деды и отцы
  Нам примером служат,
И цыгане молодцы
  Ни о чем не тужат.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
  Живо — веселее!
Мы на горе не глядим,
  Всё с весельем сносим;
Хоть по суткам не едим,
  Но не жнем, не косим.
Вместе с солнцем не встаем
  Для чужой работы;
Лишь проснулись — и поем!
  Нет у нас заботы!

(Припев.)

У цыганей круглый год
  Праздник новоселью!
Им покров — небесный свод,
  А земля — постелью!

Есть вино — мы дружно пьем,
Нет вина — пьем воду;
Но богатства не возьмем
За свою свободу!

(Припев.)

Второе стихотворение (из «Московского вестника», песнь) — очевидно, «Цыганская песня» С. П. Шевырева. Песня была напечатана в 1828 г. в «Московском вестнике», № 15, стр. 320. Вот ее текст:

Добры люди, вам спою я,
Как цыганы жизнь ведут,
Всем чужие, век кочуя,
Бедно бедные живут.

Но мы песнями богаты,
Песня — друг и счастье нам;
С нею радости, утраты
Дружно делим пополам.

Песня все нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной песенкой она.

Арбенин (стр. 409)

Впервые опубликовано в «Русской старине» (1875, № 9).

Печатается по писарской копии с поправками рукою Лермонтова и С. А. Раевского в тетради автографов бывшей Чертковской библиотеки. Заглавие (отсутствующее в этой копии) и ряд ремарок дополнены по другой, позднейшей, но менее исправной копии — в бумагах Д. Н. Блудова (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде).

Пятиактная драма «Арбенин» является последней по времени переработкой «Маскарада», осуществленной Лермонтовым в марте — октябре 1836 г. Драма создавалась после того, как четырехактная редакция «Маскарада» была запрещена цензурой (см. об этом в примечаниях к «Маскараду»). В новой редакции Лермонтов, страстно желавший увидеть «Маскарад» на сцене, поста-

рался сделать драму приемлемой для цензуры. Удовлетворив часть ее требований, приглушив социальную тему драмы, Лермонтов превратил «Маскарад» в семейно-психологическую пьесу. Место маскарада в доме Энгельгардта занял бал в доме самого Арбенина. Баронесса Штраль заменена новым лицом — Оленькой, воспитанницей Арбениных, безнадежно и искренне любящей князя и готовой пожертвовать собой для его спасения. Нина в новой редакции виновна, — она тяготится жизнью с мужем, которого не понимает, и, уступая мольбе князя, признается в любви к нему (князь же сам срывает браслет с ее руки). Арбенин не отравляет жену, а лишь разыгрывает сцену мнимого отравления, желая испытать Нину. Убедившись в виновности жены, он в конце драмы покидает ее. Неизвестный и Казарин в «Арбенине» слиты в одно лицо, — интрига князя с Ниной здесь вдохновлена и инспирована Казариным, мстящим Арбенину. При этом лицо Казарина снижено: он — человек с темным прошлым, который уже один раз побывал в Сибири и которому снова предстоит туда попасть.

Несмотря на ослабление социально-психологических и обличительных мотивов «Маскарада» (что привело к снижению художественных достоинств новой редакции по сравнению с прежней, которой она уступает по силе внутренней логики и трагического напряжения), Лермонтов постарался сохранить в «Арбенине» все же в неприкосновенности образ ее одинокого и страдающего героя-мстителя и протестанта. Лермонтов не согласился с требованием Бенкендорфа закончить драму примирением между Арбениным и Ниной, — Арбенин в конце драмы (подобно Чацкому) отправляется странствовать и уже никогда не возвратится домой.

Интерес Лермонтова к социальным проблемам, которые были поставлены эпохой 30—40-х годов, проявился и в углубленной психологической трактовке образа Оленьки — скромной «воспитанницы», тяжело переживающей свое унизительное положение компаньонки и в то же время превосходящей Нину и других светских дам сокровищами ума и сердца.

В двадцатых числах октября 1836 г. «Арбенин» был представлен в цензуру. На этот раз драма удостоилась положительного отзыва цензора Е. Ольдекопа, писавшего в своем рапорте, что пьеса «совершенно переделана» и все «гнусности» из ее текста «удалены». Несмотря на это, пьеса 28 октября 1836 г. снова подверглась запрещению.

Стр. 430. *Уналаска* — название одного из Алеутских островов. С Алеутскими островами в то время связывалось имя графа Ф. И. Толстого («американца»), который в 1803—1806 гг. участвовал в кругосветном путешествии И. Ф. Крузенштерна и за нарушение дисциплины на корабле был высажен на одном из Алеутских островов (ср. в «Горе от ума»: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом... (д. IV, явл. 4). Ф. И. Толстой пользовался репутацией дуэлянта и нечистого игрока. Возможно, что образ Казарина в какой-то мере ассоциировался у Лермонтова с Ф. И. Толстым.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

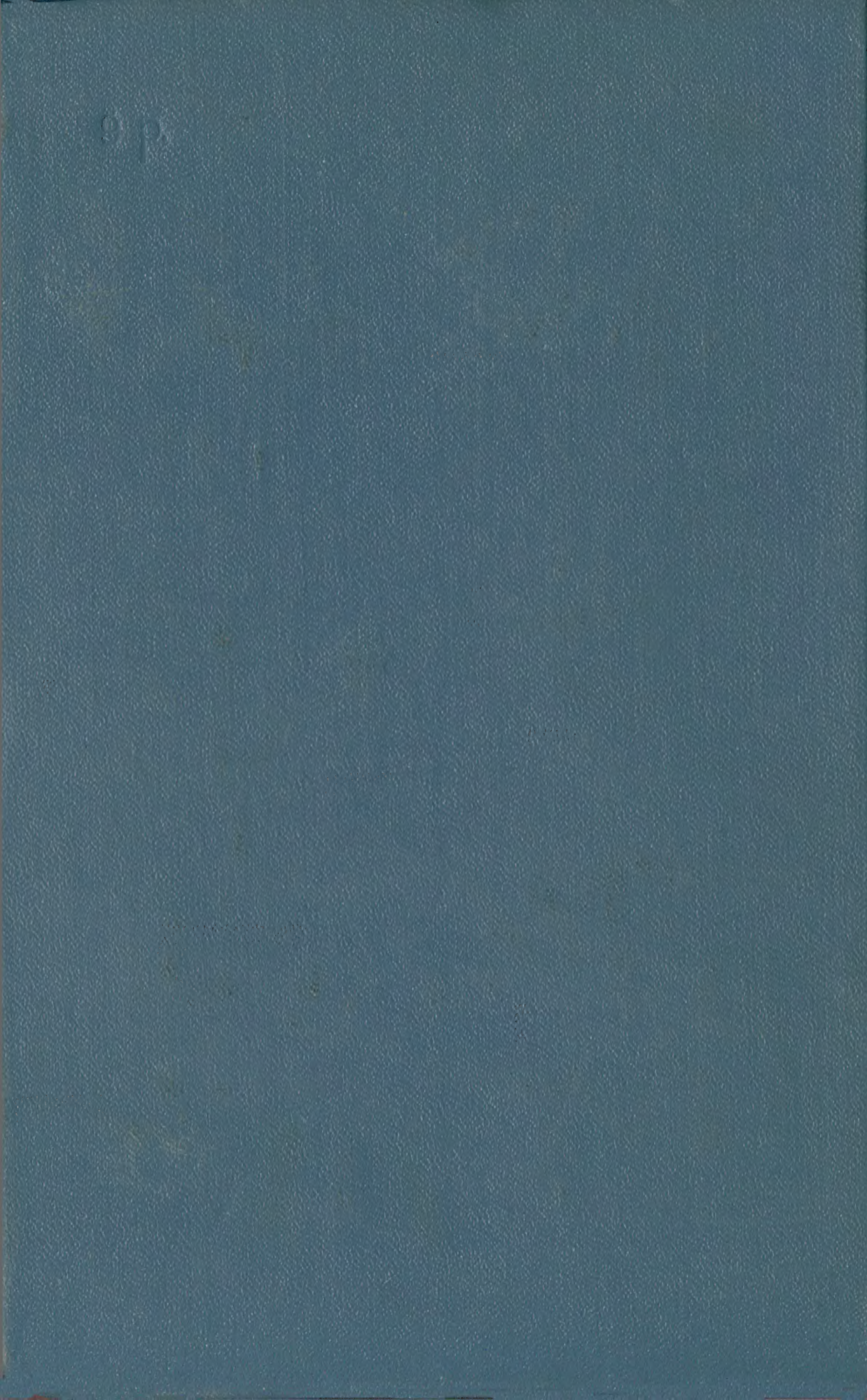
Михаил Юрьевич Лермонтов
Собр. соч., т. 3

Редактор *С. Розанова*
Художественный редактор *И. Жихарев*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректор *Е. Козлова*

Сдано в набор 20/VIII 1957 г. Подписано к печати 23/XII 1957 г. Бумага $84\times108^{1}/_{32}$ — 15,75 печ. л. = 25,83 усл. л. 21,56 уч.-изд. л. + 4 вклейки 21,96 л. Тираж 430 000. Заказ № 2406. Цена 9 р.

Гослитиздат. Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.

9 р.